

КУНОИЧИ

Виктория Лавгуд

Annotation

(Тен-Тен попадает в мир Чудесных Историй Ледибаг и Кота Нуара, в Хлою Буржуа)

Она не понимала, куда она попала, и что ей нужно делать с этим новым телом, новой одеждой, другим центром тяжести, мягкими руками и врагами вокруг.

Инстинкты внутри требовали выживать в любом состоянии, выпутываться из любого дерьма и тянуть своё существование до последнего.

До того, как всё это произошло, у неё была хорошая жизнь.

Правда, хорошая, Такахаша Тен-Тен было не на что жаловаться. Дети, нелюбимый, но уважаемый муж, достаток, семейный бизнес и обожаемое оружие. Коноха развивалась, из военного поселения превратившись в крупный город, и Тен-Тен любила даже такое лицо собственной деревни. Технологии скакнули вперёд, но кунаи всё равно были при Такахаша — и всё ещё оставались чертовски острыми.

Потом произошло это.

Тен-Тен умерла.

Что же, печальный, но вполне ожидаемый исход. Она была достаточно стара, так что не удивилась, когда её грудь просто не смогла наполниться воздухом. Мозг, с рождения приученный думать быстрее движения противника и стремительнее ветра, спокойно констатировал: всё.

Ей было девяносто семь лет. Удивительный срок жизни для шиноби, так и не научившейся лечебным техникам.

Хотя мозг констатировал собственную неизбежную кончину, более древняя его часть, — инстинкты, — пытались вытянуть тело до последнего. Тен-Тен опёрлась рукой о стену, глаза у женщины сощурились, брови сошлись к переносице. В свои почтенные годы Такахаша совсем не походила на старуху, хотя косу до кончика посеребрила седина.

Инстинкт, этот древний зверь внутри, рвал грудь в попытках вдохнуть. Тен-Тен осела на пол, чувствуя, как горят внутри органы — словно её снова отравили чёртовы песчаники, с которыми в её сороковые развернулась нешуточная заварушка. Но нет, виной была всего лишь нехватка кислорода.

Какая жалость.

Чакра вспенилась внутри. Встала на дыбы, как норовистый жеребец, и Тен-Тен никак не могла утихомирить собственную силу; у неё всегда были с этим проблемы, не зря же она больше доверяла металлу, чем волшебным техникам и ручным печатям. Энергия не поддавалась, руша тело хозяйки изнутри.

Тен-Тен чувствовала, как чакра начинает пожирать её тело. Первыми лопнули каналы, затем болью взорвались кейракуррей. Последними вспыхнули энергетические центры, которые Рок Ли называл Вратами.

После этого — непродолжительная тьма, всесилие, невесомость и ватная тишина; яркий свет, звуки, слабость и отвратительно сладкий запах духов.

— Хлоя? Хлоя, ты в порядке?

Тен-Тен отмахнулась от голоса рядом, — женщина, как автоматически подметило подсознание; скорее даже девушка, до пятнадцати, немного полноватая и мягкая, совсем не боец, опасна только при наличии яда и оружия, — и помотала головой. По ушам хлестнули волосы. Её волосы?

У Тен-Тен волосы всегда были убраны в пучки. Удобно и функционально: сколько в этих гульках пронести можно — не счесть. Хвоста, как Ино, она в жизни не носила.

— Хлоя!

Голову стрельнуло, в затылке глухо застонала боль. Тен-Тен поморщилась и посмотрела на источник голоса.

Девушка до пятнадцати. Рыжая, немного полноватая, в мягкой не боевой одежде, с косметикой на лице. Гражданская.

— Хлоя, ты в порядке?

И голос у неё... ну, как у подростка, который никогда не кричал. Высокий, звонкий, он крошечным сверлом ввинчивался Тен-Тен прямо в мозг.

— Хлоя!

— Да замолчи ты!

Рыжая влажно заблестела глазами, но послушно заткнулась. Тен-Тен коснулась кончиками пальцев виска, прижимая пульсирующую венку, и сосредоточилась.

Не её тело. Другой центр тяжести. Другие руки: мягкие и белые, без шрамов, без мозолей, зато с длинными яркими ногтями. Волосы тоже не её, светлые и прямые, с чёлкой. Чёлка? Тен-Тен ещё до своих двадцати признала этот отросток моды неудобным придатком к жизни шиноби.

Она сидела за партой, как в далёкой юности. Одежда была странной, очень тугой и тесной. Облипка? Кто носит?..

Где Тен-Тен вообще носит и почему она не в своём теле?

От её мрачного взгляда женщина, стоящая напротив, — тоже рыжая, у них тут что, собрание? — передёрнулась и продолжила что-то говорить. Тен-Тен прислушалась. Ямбы и строчки, символика цвета, рифма и её красота. Это урок изящной словесности?

Тен-Тен встала. Женщина напротив замолчала. За спиной Такахаша услышала шуршание одежды, вдохи, перешёптывания — голов десять точно. Класс, точно класс. Урок. А женщина, значит, сенсей.

— Хлоя, что-то не так? — спросила сенсей.

Тен-Тен медленно опустила ресницы. Хлоя. Это к ней обращаются. Рыжая женщина и рыжая девочка так обращаются. К ней.

Ладно. Стоит только представить, что это миссия по проникновению. И выдать себя подобно смерти.

«Хлоя», судя по всему, обладала сложным характером. Взрослая женщина от её взгляда ёжится, девочка рядом молчит по приказу, смешки и шепотки сзади затыкаются, стоит только немного повернуть голову. В ответ на недовольно поджатые губы рыжая сенсей принялась выводить на диалог: что не так, что не понравилось, может быть, «Хлоя» думает как-то по-другому? Только скажи, «Хлоя», это же урок ли-те-ра-ту-ры, мы тут разговариваем...

Друзей рядом нет, обстановка условно-враждебная. «Хлоя» принадлежит или к типуажу ледяной принцессы, или ко взрывной стерве с влиятельными родителями. Но у ледяной химе обычно есть поклонники, тогда как стерж никто не любит. И что-то Такахаша не видит обожающих взглядов.

Тен-Тен поджала губы и, вспоминая движения Ино, закинула хвост за спину. Идиотская причёска, не длинная и не короткая, а ками пойми какая.

— Всё это бред, — сказала Тен-Тен максимально противным голосом. — И оставаться здесь я не намерена. Пока-пока, неудачники.

«Неудачники», как она заметила, синхронно скривились. Выделилось только три человека: рыжая «собачка» рядом, девчушка с двумя тёмными хвостами и симпатичный мальчик, чем-то похожий по внешности на прилизанную версию Четвёртого Хокаге. Рыжая восторженно, — и наиграно, опасно, опасно, опасно, не смотри на её одежду и мягкое тело,

не смотри на аккуратные ногти, слушай себя и свои инстинкты, — вздохнула; мальчишка грустно покачал головой, но без огонька; девчушка закатила глаза и так скривила губы, будто словила приступ тошноты.

Плюнув на раскиданные вещи на парте, Тен-Тен от бедра прошла к выходу из класса. Уже на пороге она обернулась, осмотрела оставшихся внутри и неожиданно для самой себя подмигнула грустному блондинчику. Тот устало потёр глаза рукой и снова покачал головой. Такахаши показательно-беззаботно пожала плечами.

Заметив, что рыжая подалась вперёд, чтобы встать, Тен-Тен прищурилась.

— Сидеть, — приказала она, ткнув пальцем с ярким ногтем в сторону «собачки». — Ни с места, насекомое, пока урок не закончится.

Рыжая опустила и спрятала взгляд за очками. Гнилое дело: сколько очкариков Тен-Тен повидала на своём пути, не счесть. Один Шино чего стоил.

— Потом отнесёшь мои вещи домой. Ясно тебе?

Взгляд опасной сучки был далеко не восхищённым.

Тен-Тен было плевать.

Она не понимала, куда она попала, и что ей нужно делать с этим новым телом, новой одеждой, другим центром тяжести, мягкими руками и врагами вокруг. Инстинкты внутри требовали выживать в любом состоянии, выпутываться из любого дерьма и тянуть своё существование до последнего.

Выйдя из класса, Тен-Тен направилась вперёд, автоматически запоминая дорогу. Ноги, закованные в туфли на высоких каблуках, двигались легко и уверенно, хотя Такахаши за свои девяносто семь ходила разве что в гэта.

Вдалеке слышалось гудение моторов, клаксоны, пицание и ругань. Внутри учебного заведения царил тишина и едва заметное бормотание узников-учеников за тяжёлыми дверьми.

Убедившись, что она одна, Тен-Тен привалилась к подоконнику и уставилась в окно. Стекло отражало бледную по-королевски красивую блондинку, чем-то напоминающую Ино. Вздёрнутый нос, влажные губы, голубые глаза. Вот только взгляд совсем не молодой, и такому лицу не подходит.

Вытерев липкий блеск с губ рукавом, Тен-Тен нервно рассмеялась.

Чакры в её теле не было ни капли.

Глава 1. Кошки-птички

Первое, чему обучают любого шиноби или куноичи — это сохранение собственной идентичности.

Страшное название, особенно для первого класса школы шиноби. Сколько там было Тен-Тен, когда она впервые пересекла порог училища для малолетних убийц? Кажется, пять или шесть. К тому же, она ещё и не была потомственным бойцом — так, дочка торговцев оружием, выгодное приобретение для семьи и будущие налоговые льготы для лавки.

«Сохранение собственной идентичности» для маленькой, ничего не понимающей в искусстве ниндзя Тен-Тен звучало как строчка из энциклопедии или вырезка из больничной истории. Что-то неясное, но очень страшное, непонятное, неприятное. Она не понимала даже самого слова идентичность, так как она должна была её сохранить?

На деле всё оказалось довольно просто: на этом странном уроке тебя учили сохранить себя. Бледная, лишённая всяких эмоций сенсей рассказывала нудно и долго, но отвлекаться от её равнодушия было страшно. В самом начале сенсей, так и не назвавшая своего имени, просто сказала: смотрите на меня. Запоминайте. Наблюдайте.

— Это ждёт вас, если вы не сумеете сохранить собственную идентичность.

Голос у сенсея был тихим, но сильным. Тен-Тен, хотя и сидела на задних партах, слышала каждое её слово.

Сенсей научила её быть собой. Помогла понять, кто же такая эта маленькая Такахаша Тен-Тен, что решила стать шиноби из-за романтических сказок отца, которому была нужна налоговая льгота от военной деревни. Безымянная женщина стала первым человеком, заинтересованным в том, чтобы Тен-Тен стала уникальной и не забыла этого.

— Голос. Интонации. Движения. Привычки. Одежда. Мечта.

Тен-Тен, напуганная безэмоциональностью женщины практически до обморока, записывала эти слова неровными детскими иероглифами. Линии дрожали, накладывались одна на другую, и конспект потом пришлось переписывать, потому что «голос» превратился в «черешню».

У Такахаша Тен-Тен был сильный низкий голос. На миссиях её хорошо слышали: хотя девушка так и не стала джонином, чуунином она отходила сполна. Всё это была простая политика. Джонин — признание силы, чуунин — признание твоих способностей и возможности управлять другими людьми на опасных миссиях.

Интонация не играла роли. Тен-Тен могла говорить быстро или медленно, громко или тихо, делая акценты на словах или же выводя их в одну невразумительную линию.

Движения — плавные, точные, стремительные. Бросок змеи, охотящейся на мышь. Удар богомола. Вспышка молнии.

Привычки делали её крепче. Чай по вечерам, чтобы дать организму знать: всё, день кончился, скоро спать. Бег по утрам, потому что без встряски ты не просыпаешься толком, если не на задании. Чистка и уход за оружием, разнообразным, прекрасным.

Раз в неделю — посещение кладбища с чаркой сакэ и поминальными венками. Там были похоронены не только её друзья, но и первая, самая светлая и сильная любовь. Там была похоронена молодая наивная девочка Тен-Тен, из которой пришлось вырасти сильной и озлобленной до врагов шиноби.

Её называли Стальным Ветром. Мелочь, а приятно.

Одежда — свободная, чтобы не стеснять движения и хранить в ней оружие. Светлая, в память о погибшем товарище. Прочная и износостойкая, потому что Тен-Тен не любила покупать новую. Плотная, чтобы дать хоть какую-то защиту от метательного оружия. И прошитая железными нитями, чтобы амортизировать удары в ближнем бою.

Мечта... была похоронена на том же кладбище, что и Неджи, и молодая Тен-Тен, и их сотоварищи.

Такахаша мечтала о любви.

Глупое стремление для шиноби. Она — оружие деревни, заточенное в битвах, с зазубринами и шрамами. У неё был Долг перед нелюбимой семьёй, — был ли он выплачен, когда отец-таки получил свои льготы, а Тен-Тен пыталась смыть с рук иллюзорную кровь? — перед деревней, семьёй, мужем и детьми, перед шиноби, перед новым поколением. Много перед кем.

Но имели ли её долги смысл в этом новом мире?

Тен-Тен отошла от школы, в которой она очнулась, совсем не на много. Просто перешла дорогу и села на скамейке в парке, совсем не по-девичьи вытянув ноги. Чужие глаза были зоркими, почти как у самой Такахаша, но вот новое тело не радовало. Оно оказалось слабым, негибким, каким-то задеревеневшим и очень уставшим. Последнее, возможно, было из-за отсутствия чакры.

Губы скривились в недоброй усмешке.

Чакра. Энергия тела и энергия духа, что, смешиваясь, даровала небывалую силу и могущество шиноби. Плод проклятого дерева, съеденный родоначальницей ниндзя, которых знала Тен-Тен. В этом мире, очевидно, не было никакого древа, не было родоначальницы, не было чакры и творимой ей магией. Здесь правили технологии: Тен-Тен наблюдала за машинами, за светофором, фонарями, мигающей рекламой и вездесущими видеозэкранами. Наверху разрезали небо белыми полосами самолёты, про которые Тен-Тен только слышала краем уха.

Никто не удивлялся обилию различной техники вокруг. Люди говорили по мобильникам, играли, тыкали пальцами в крошечные экранчики, не поднимали головы от чёрного зеркала. Тен-Тен наблюдала, закинув ногу на ногу и дёргая лодыжкой. Тяжёлая обувь на каблуке ощущалась как кандалы.

После звонка со стороны школы узники-ученики стали расходиться. Тен-Тен следила за этим издали, запоминая чужую идентичность, выискивая общие черты. Ей надо вливаться. Ей в любом случае нужно узнать, что происходит, как она оказалась на месте светловолосой стержневой пигалицы и чем ей придётся платить за такой вот побег от смерти.

Как и любой шиноби, Тен-Тен точно знала, что с Шинигами шутки всегда скверно кончаются.

Здесьние подростки были такими же, как в мире Тен-Тен, однако разница тоже бросалась в глаза. Они не убивали. Их не учили убивать — это было видно в движениях, во взглядах, в шутках и улыбках. Мирная школа, мирный мир. Никакой войны?

Неужели здесь это получилось?

Тен-Тен наблюдала за движениями расходящихся детей и кивала собственным мыслям. Действительно, из всей толпы выделялась разве что пара человек. Вполне ожидаемо, что ими оказались те, кто привлёк внимание Тен-Тен изначально. Девочка с хвостиками и закатывающий глаза блондин.

Но даже в них не было того стержня, что воспитывался в шиноби с первых уроков по

сохранению идентичности. В этих двух была сила и, возможно, готовность драться — но не убивать. Тен-Тен скорее поставила бы на то, что блондинчик подкармливал бы щенков, а хвостатая с умилением наблюдала бы за этим.

Безразлично наблюдая любовную драму между этими двумя, Тен-Тен продолжала думать. Её больше волновала собственная судьба, чем то, что хвостатая явно испытывает к блондинчику что-то посильнее обычной привязанности. Чувственные драмы были одинаковы что в этом мире, что в её, что на чёртовой луне. Одна и та же история повторялась, повторялась и повторялась без конца.

Тен-Тен прикрыла глаза и глубоко вздохнула. Хотела бы она тоже стать участником этой драмы. Со счастливым концом, конечно.

Она провела руками по одежде, выискивая карманы. Нашла всего два: в одном оказалась банковская карта, в другом — аккуратно сложенный носовой платок с вензелями АА. Что бы это ещё значило?.. но для блондинки, чьё место заняла Такахаши, этот платок был важен — ни одного лишнего излома на ткани, признак явной аккуратности по отношению к вещи. Поэтому платок Тен-Тен убрала обратно.

Карточка была обычной, совсем как в прошлом мире. Цифры, срок годности, код на обратной стороне — ничего интересного. Пин-кода Тен-Тен не знала, как и остатка на счету, так что находка была условно-бесполезной и тоже отправилась в карман.

И всё. Ни фантиков, ни скомканных салфеток, ни записок. Никаких мелочей, что могли бы ещё немного рассказать о блондинке. Тен-Тен даже не знала своего нового полного имени.

К школе подъехала машина. Тен-Тен обратила на это внимание, потому что остановился транспорт прямо около рыжей девочки-собачки, ожидавшей у порога заведения. Короткий разговор — и рыжая садится внутрь, а Тен-Тен встаёт со своего места. Взгляд шиноби цепляет выступы, фонари и крыши, примериваясь, куда прыгнуть.

Когда машина отъезжает, Тен-Тен напрягает ноги и подпрыгивает. Но вместо того чтобы привычно взлететь на высоту трёх этажей, она едва не упала: слишком неудобный каблук. Естественно, что к тому моменту, как она восстановила равновесие, нужная машина уже уехала.

Блеск.

Тен-Тен раздражённо фыркнула и склонила голову, думая. Волосы скользнули по шее, вызывая ещё больший дискомфорт. Быстро перевязав хвост в элементарный пучок, Тен-Тен ощутила настоящее освобождение.

Вот она, идентичность. Простая смена причёски снимает знатную часть нервного напряжения. Ещё бы с одеждой разобраться...

Итак, она не знает, куда идти и что делать. Очевидно, что девочку-стерву какое-то время искать не будут: мало ли что могло влезть в голову малолетней пигалице. Судя по психотипу, Хлоя вполне была способна уйти куда-нибудь «гулять» на пару часов, устроив перед этим феерический скандал.

Значит, у Тен-Тен есть эти пара часов. А адрес, по которому жила Хлоя, можно узнать и в школе. В академии шиноби у каждого ученика было личное дело, вряд ли в этом мире по-другому.

Тен-Тен прикрыла глаза и глубоко вздохнула. В воздухе пахло железом, водой и выхлопными газами — такая себе смесь. А ещё птицами. Почему пахло птицами?

Отпрыгнуть у Тен-Тен получилось чисто на инстинктах. Каблуки-предатели в этот раз

даже не пошатнулись, спокойно принимая её вес и манёвр, и вот девушка уже за скамейкой, на которой сидела за пару мгновений до.

В месте, где Тен-Тен стояла, был воткнут... голубь.

— Мать честная...

Тен-Тен осторожно выглянула из-за защиты скамейки, круглыми глазами рассматривая прилетевший снаряд. Голубь был твёрдым, вытянутым в атаке, с прижатыми к сизому телу крыльями. Клювом птица сделала нехилую вмятину на брусчатке; попади этот голубь в тело Тен-Тен, мягкие ткани бы разошлись как масло от раскалённого ножа.

Девушка посмотрела вверх. Мир уже не казался ей таким уж мягким. Кто вообще использует голубей как снаряды, скажите на милость?! Тен-Тен могла назвать более двухсот видов метательного оружия (некоторое оружием даже не являлось), но голуби?!

Птиц в небе было до смешного много. Нельзя сказать, что они закрывали своими телами солнце или типа того, но на высоте их стаи казались огромными скопищами насекомых. Они стремились к чему-то одному, но рассмотреть это «что-то» было сложно, опять же из-за обилия птичьих тел.

Но у них точно была точка притяжения.

Тен-Тен вскочила на ноги и перебежала под защиту древесной кроны. Людей на улице почему-то не было, хотя всего пять минут назад город жил обычной жизнью. Теперь же — тишина: ни гудков, ни переговоров, ни души. Словно начавшиеся боевые действия заставили всех-всех раствориться в воздухе...

А может, так оно и было? Если этот мир отличался своей спецификой сражений, то гражданские, привыкшие к происходящему, наверняка знали, как действовать. И при появлении опасности прятались кто куда.

Тен-Тен опустилась на корточки, чувствуя, как трещат от неосторожного обращения тугие джинсы. Ладно, плевать, лишь бы шов не лопнул.

Голуби наверху танцевали. В одно из мгновений Тен-Тен даже удалось рассмотреть человеческую фигуру, около которой они кружили, как спутники вокруг планеты. Это было интересно, на своей памяти Тен-Тен с таким не встречалась.

Значит, в этом мире были свои шиноби со странными техниками. Отлично, хоть что-то знакомое. Ещё бы тело Тен-Тен было подготовлено ко встрече с такими фриками... но это можно будет исправить.

Вдалеке на одной из крыш Тен-Тен заметила движение. Ярко-красная точка перемещалась прыжками, цепляясь за выступы зданий чем-то вроде лески, и направлялась точно к скоплению голубей. Тен-Тен нахмурилась: если это и были шиноби нового мира, то какие-то... странные. Почему фигурка в красном? Её же видно за километры, никакой маскировки.

Судя по манере движений, в красном была женщина; Тен-Тен поставила бы на возраст до пятнадцати, учитывая, что тела людей в этом мире не были тренированы с детства. Для Такахаша движения девчушки казались зажатými, скованными, но по сравнению с основной массой подростков, что она уже видела... девушка была воплощением грации и гибкости.

Как Тен-Тен в свои семь. Или в шесть. Да, пожалуй, в свои шесть.

Девушка в красном добежала до места назначения — другой крыши, располагающейся практически под фигурой с голубями. Там её уже ждал парень, которого Тен-Тен сначала даже не заметила. Чёрный костюм, светлые волосы — с расстояния было трудно рассмотреть что-то ещё. По крайней мере, его одежда выглядела хоть немного похожей на

доспех, что уже подарило ему несколько очков уважения от Такахаша.

Переговорив, фигурки бросились в разные стороны. Тен-Тен следила взглядом за девушкой, — она была ярче и не пропадала из поля зрения из-за своего костюма, — и совершенно проморгала момент, когда голуби пошли в наступление.

В своё оправдание Тен-Тен могла бы сказать, что она знатно так охренела от происходящего.

Снаряды-голуби, такие же, как и первый, стали падать вниз со скоростью хорошо разогнанного куная. Клювы оказались достаточно острыми, чтобы ломать ветки дерева, под которым сидела Тен-Тен. Девушка отползла к стволу и прижалась к нему спиной, по мере возможностей следя за голубиным царьком.

Тот что-то вещал наверху, но Тен-Тен его не слышала. Если бы голуби не сыпались смертельным градом, она бы попыталась перебраться в более укромное убежище, но чёртовы птицы не давали возможности, продолжая падать нескончаемым дождём.

Страшно не было, не после реального боевого опыта. Только вот Тен-Тен понимала, что, прилети ей клювом по макушке — и придётся искать уже третье тело.

Появление рядом блондина в чёрном костюме было сродни подарку богов.

— Ты чего тут делаешь?! — возмутился парень, что вблизи оказался похож на кота. — Все уже спрятались!

Тен-Тен на такой наезд скривила губы. При этом она с интересом рассматривая парня перед собой.

Ну да, кот, настоящий чёрный котяра. Звериные глаза, кошачьи уши на светлой макушке, немного выступающие клыки — точно у звероподбных Инудзука. Чёрный доспех, на вид довольно прочный, и очень удобные сапоги с железными носками. Ох, сколько бы Тен-Тен сейчас бы отдала за такую обувь!

— Я не все, котик.

Зелёные звериные глаза прищурились, совсем не от удовольствия. Тен-Тен вдруг стало интересно: а если погладить этого парнишку по шее, будет ли он мурлыкать?

Он прыгнул к Тен-Тен, ухватил её за талию и прижал к себе. Затем кот выхватил из-за спины шест и одной рукой раскрутил его над ними, создавая своеобразный заслон. Вовремя: прорезая листву и ветви, на них обрушился дождь из пернатых.

Тен-Тен здраво оценивала ситуацию. Снаряды условно бесконечны, а вот с шестом парень обращается намного хуже, чем она к своему десятилетию. Поэтому девушка выпуталась из объятий кота и по-обезьяньи проворно залезла на его спину. Каблуки она до этого скинула с большим удовольствием.

Кот от такой наглости едва не прекратил крутить шест, что стало бы фатальной ошибкой.

— Т-т-ты чего, Хло?!

«Хло». Интересно. Судя по сокращению чужого имени, котик и прошлая хозяйка тела были знакомы.

Она подумает об этом позже.

Тен-Тен лягнула парня в бок пяткой и, обхватив ладонями голову, мягко повернула в сторону безопасных крыш.

— У тебя на спине гражданская, котик, будь добр, доставь её в безопасное место.

— Руки заня...

— Сейчас.

Тен-Тен сильнее обхватила талию котомальчика ногами и вытянула руки, примериваясь, когда перехватывать шест. Уловив ритм и темп, она соединила свои предплечья с предплечьями парня, чтобы окончательно синхронизироваться.

Славься, пучок, потому что хвост давно бы намотало на такой своеобразный пропеллер.

— Я сейчас перехвачу оружие, — сказала она, следя за шестом, — а ты беги. Ясно?

— Ты не удержишь...

— Другого выхода всё равно нет. Давай!

Она просунула руки вперёд, мягким, отработанным движением перехватывая шест. Тот оказался по-волшебному лёгким и приятным; Тен-Тен в прошлой жизни продала бы души своих врагов за него. Котомальчик, спасибо ему за доверие, сразу же припал на четвереньки и бросился в сторону; Тен-Тен ощутила, как его хвост обернулся вокруг её талии, не давая девушке свалиться со своего «скакуна». Приятная забота.

Шест продолжал крутиться. Тен-Тен ощущала инерцию от падающих на оружие голубиных тел, руки у неё уже просто отваливались. Наверняка потом она пожалеет о собственном героизме, но, в самом деле, какой у неё был выбор?!

Когда Кот выпрыгнул из-под дерева и по-животному понёсся в сторону домов, Тен-Тен пригнулась к его спине и вцепилась в плечо одной рукой. Вторую, в которой был зажат шест, она привычно завела за спину.

Когда-то почти так же она уже «ездила» на одном шиноби. Тот был из клана Инудзука, что подражали собакам, так что Тен-Тен сейчас видела некоторую иронию в происходящем. В любом случае, в поездках верхом на людях, — насколько бы они ни были похожи на животных, — были свои правила. Максимально прижаться, не высовывать конечности в сторону, ноги прижимать параллельно телу и ни в коем случае не перекрещивать лодыжки на животе, если твой «скакун» мчится на всех четырёх.

Спасибо, Инудзука, за науку.

Кот доставил её под защиту крыш, по-варварски выломав окно. В квартире пахло чужим домом, но задуматься об этом у Тен-Тен не вышло: мальчишка скинул её на диван, отобрал свой шест и выпрыгнул на улицу, чтобы помочь своей девушке в красном. Мужчина, управляющий голубями, смеялся в высоте и говорил так много, что прежняя Тен-Тен убила бы его хотя бы за это.

Нынешняя Тен-Тен, поправив пучок, идёт на чужую кухню, чтобы выпить воды и умыться лицо.

Боги, что за день.

Глава 2. Морской мальчик

Квартирка, в которую Тен-Тен забросил котомальчик, оказалась очень даже ничего: небольшая, уютная и приятная. В ней пахло хвойным деревом, — вероятно из-за музыкальных инструментов, влажно блестящих лаком со стен, — и шоколадом. Отличные запахи. Одни из самых приятных из тех, с которыми сталкивалась девушка за свою жизнь.

Обставлена квартира была минимально: никаких ковров, никаких растений, ничего лишнего. Единственным украшением с натяжкой могли считаться гитары и скрипки, развешенные по стенам; Тен-Тен предположила, что они там всё-таки сохнут от лака, а не украшают комнату.

Кухня была маленькой. Два шага вперёд, два шага в сторону — и она кончалась, ты натыкался или на подоконник, или на холодильник. Тен-Тен набрала воды из-под крана в смешную кружку с котятками и выпила, не чувствуя вкуса воды. Вторая кружка, правда, не пошла: на языке остался дрянной железистый привкус, и Тен-Тен решила, что от обезвоживания она в любом случае не умрёт. Но вот лицо умыла, с удовольствием стирая с себя пыль и пот.

Руки начинали болеть. Не мудрено: вряд ли Хлоя когда-либо держала в них что-то тяжелее палочек для суши. Даже для школьного рюкзака у неё была неверная рыжая собачка, увёзшая вещи блондинки в её дом. Который располагался неизвестно где, чёрт.

Тен-Тен тоже теперь была неизвестно где. Вид из окна показывал незнакомые закоулки и перекрёстки, никакого намёка на школу или знакомый парк. Видимо, котомальчик закинул девушку чуть дальше первых безопасных крыш, к сожалению для Такахаша.

Тен-Тен нахмурилась. К сожалению для Хлои. Нужно вливаться, если уж она решила проводить «операцию по проникновению» в чужую жизнь. И постепенно менять характер под себя, выводя собственную идентичность впереди посторонней.

Но это будет потом. Сначала надо разобраться, где находится дом Хлои и как в него попасть. Был бы у блондинки в кармане хотя бы мобильник — Тен-Тен обязательно попробовала бы быстрый набор или же позвонила по самому часто набираемому номеру. Но телефон, видимо, остался в классе или у рыжей, так что приходилось искать другие выходы.

Девушка вытерла руки о кухонное полотенце с кошачьей лапкой. В квартире, очевидно, жил всего один человек, видимо большой любитель или котомальчика, или всего котовьего поголовья в целом. Это было... хорошо. На памяти Тен-Тен, она ещё ни разу не встречалась с плохим человеком, что любил бы кошек. Один Учиха Итачи чего стоил.

Живот подвело, и Тен-Тен растерянно потёрла висок. Не удивительно: она была практически уверена, что Хлоя сидела на какой-нибудь идиотской диете вроде «кусочек шоколада в день», чтобы поддерживать тело в пред-анорексичном состоянии. А тут ещё и нервное потрясение, и физические нагрузки, и не собирающаяся голодать Тен-Тен.

Решив, что она и так уже злоупотребила гостеприимством, и хуже не будет, Такахаша залезла в холодильник. Ну, как она и думала, стандартный холостяцкий набор: сосиски, фасоль, яйца, немного овощей, шоколад и пара бутылок безалкогольного пива. У самой Тен-Тен холодильник долгое время имел очень похожие внутренности. Пожалуй, пока она не вышла замуж, и каноны хорошей жены не потребовали от неё чего-то более существенного.

Ну там рис хотя бы отварить, что ли. Тен-Тен никогда не была особо сильна в готовке.

Она вытащила сосиски с каким-то белым соусом и притаившийся в отсеке для овощей

хлеб. И здоровенный огурец, что по размеру больше напоминал кабачок-недоросток.

За едой её и застал хозяин квартиры.

Он вошёл так тихо, что Тен-Тен практически не услышала этого. Парень, живший в квартире, напротив, сразу понял, что у него гости: девушка ела под вялое бормотание телевизора, вещавшего про очередную победу Чудесных над акумой. Мэр города соловьём разливался про благодарность горожан и его лично, говорил про улучшающуюся экономическую обстановку и новые постройки в честь героев. Тен-Тен впитывала эту информацию словно Шикамару, запоминая названия, аббревиатуры, характеристики и восторженные интонации.

Итак, в новом мире есть свой злодей — Бражник. Ему нужны какие-то «талисманы» Кота Нуара, — котомальчика, видимо, — и Ледибаг, — это девица в красном. Бражник призывает, — выпускает? Создает? — акум, странных существ, обладающих криповатыми силами. Котомальчик и девочка в красном сражаются, очищают тёмную бабочку и роем божьих коровок восстанавливают все повреждения, включая умерших людей.

Волшебство. Вот воскрешения в мире Тен-Тен практически не было. Или же оно требовало равноценного обмена. Здесь же всё делалось исключительно на силе девочки в красном.

После восторженной речи мэра и телеведущей программа запустила топ-10 самых ужасных акум, которые были побеждены Чудесным дуэтом. Тен-Тен мрачно жевала чужую снедь и понимала одно: ей срочно нужно восстанавливать свои навыки, если она планирует задержаться в этом мире. Хотя бы потому, что около четырёх акум мелькала прошлая хозяйка тела — кричащая, плачущая, напуганная блондинка. Настоящая Хлоя.

— Эм... привет?

Тен-Тен оторвалась от телевизора и посмотрела на парня, замершего в дверном проёме. Симпатичный. Высокий, в меру загорелый, с интересной пигментацией волос: чёрные у корней, лазурные на кончиках. Глаза у парня от этого казались нереально-яркими, морскими. Красивыми.

Одежда обычная, гражданская, но движения были странно-плавными, так что Тен-Тен немного напряглась. Внешне она продолжила жевать сосиску, закусывая её хлебом.

Она сглотнула и засунула в рот огурец. Чисто по-хулигански обхватила зелёный толстый овощ губами, не отрывая взгляда от пришедшего парня и слегка протолкнула огурец внутрь. Пришелец гулко сглотнул, и Тен-Тен наконец откусила.

— Что-что ты тут... делаешь?

Парень поправил воротник рубашки и потёр шею. Тен-Тен медленно пережёвывала свой обед, думая о вечном. И что ей сказать этому красавчику?

Ладно, правило Наруто: не знаешь что говорить — говоришь очевидное.

— Ем.

Красавчик закатил глаза и внезапно ухмыльнулся. Это выражение настолько ему шло, что Тен-Тен едва не влюбилась.

Он прошёл к столу и, перевернув стул задом-наперёд, сел напротив девушки. В задумчивости подперев голову рукой, парень стал наблюдать за тем, как Тен-Тен ела. Может быть, будь она гражданской, она бы смутилась. Но Такахаши ела и в более странных и смущающих ситуациях, так что на столь явную провокацию она только подняла бровь.

Парень протянул руку через стол.

— Лука, — представился он, — владелец квартиры.

Тен-Тен ответила на рукопожатие, оказавшееся очень мягким и приятным. В руках Луки чувствовалась неожиданная сила, а запястья оказались обняты множеством мягких цветных фенечек. Железный цельный браслет выделялся среди них примерно как кукушонок в чужом гнезде.

— Хлоя. Меня сюда закинул котомальчик.

— Котомальчик?..

— Кот Нуар, — исправилась Хлоя. — Чем он тебе не котомальчик?

— Ну, как-то... его на моей памяти все называют именно Котом Нуаром.

Пришёл черёд Тен-Тен закатывать глаза.

— Знаешь, сказала ему, скажу и тебе: я не «все». И называть его так буду, пока этот... котёнок... не вырастет. Серьёзно, раз уж они с Ледибаг победили акуму, то почему он не вернулся за мной, чтобы отнести домой или хотя бы вынуть из чужой квартиры? Это ты милый парень, а если бы владелец поднял панику и вызвал отряд спецреагирования?

Она чуть было не сказала АНБУ, но вовремя спохватилась. Лука её заминки не заметил и рассмеялся, запрокинув голову. Во время смеха его кадык дёргался, вызывая у Тен-Тен желание то ли укусить, то ли ударить по нему.

Вот они, древние силы. Инстинкт убийцы против инстинкта размножения. Выигрывал, кстати, последний: парень уж больно был хорош собой. Тёмные колкие ресницы, прямой нос, в меру пухлые губы, наверняка потрясающе-твёрдые. Тен-Тен, слушая зов собственного организма, внутренне хмуро усмехалась.

Приехали. Пубертат. Она что, реально должна переживать свои гормоны ещё раз? В теле, которое не привыкло к контролю и самоограничениям?

— Ну, на отряд спецреагирования ты явно не тянешь, — покачал головой Лука. — И вообще-то все знают, что герои не могут долго поддерживать трансформацию, потому что их Талисманы...

— Не интересуется, — отмахнулась Тен-Тен, тем не менее запоминая эту полезную информацию. — Перезарядил свою игрушку — и вперёд, за дамой в беде. А то я же даже не вышла бы отсюда.

Лука хмыкнул.

— Не могу сказать, что я против этого.

Тен-Тен подмигнула ему, намазывая странный белый соус на хлеб. Вкусно было до ужаса. Или она просто очень голодная?

Руки болели. Такахаши чувствовала, как на предплечьях наливались синяки из-за лопнувших капилляров — перенапрягла, чёрт возьми. Но, судя по ощущениям, повреждения мелкие, не стоящие внимания. Сухожилия и кости целы, что ещё нужно для хорошего настроения?

Она выжила и не стала жертвой голубей. Ещё бы знать, где она сегодня будет ночевать. Не садиться же на хвосты к Луке? Конечно, Тен-Тен вполне могла бы соблазнить молодого парня, — уж больно заинтересованно он на неё смотрел, — но хотелось бы всё-таки узнать, где жила бывшая хозяйка тела. Оценить, так сказать, экстерьер её бытия.

Лука встал, направился к холодильнику и вынул из него ванночку с мороженым. Заварил себе кофе благодаря крошечной машинке — запах пошёл просто волшебный, но от предложенного напитка Тен-Тен отказалась. Она хорошо помнила, что кофе сильно возбуждал нервную систему и негативно действовал на чакроканалы. И, хотя сейчас Такахаши не чувствовала в себе ни чакры, ни кейракукей, ей всё равно казалось, что не стоит

рисковать и пить потенциально опасный напиток.

Её отказ почему-то удивил Луку, но парень промолчал. Молчал он и тогда, когда Тен-Тен без капли раскаяния залезла ложкой в ванночку с мороженым. Фисташковое.

— Терпеть не могу фисташковое, — пожаловалась она Луке, отправляя в рот зелёное лакомство.

— А какое любишь?

— Шоколадное. И карамельное.

— Я запомню.

Ванночка опустела на удивление быстро. Тен-Тен едва почувствовала насыщение — так её тело налегло на предоставленные калории. Поначалу ей даже казалось, что еда испаряется, даже не долетая до желудка.

Такахаши откинулась на спинку стула и задумчиво посмотрела на парня напротив. Хорошенький, чёрт. Не такой слащавый, как Учихи, но что-то похожее мелькало. Удачно на Луку сошлись гены, сказать нечего.

— Спасибо за угощение.

Лука отсалютовал ей полупустой чашкой кофе. Свою гадость он пил просто крошечными глоточками.

— Тебя довести до дома? — предложил он, допив оставшуюся жижу в один присест.

— А что, ты знаешь, куда?

К её удивлению, Лука улыбнулся.

— По-моему, в Париже каждый знает, где живёт дочка мэра.

Тен-Тен кивнула, принимая новую порцию информации. Дочка мэра. Она — дочка мэра, отлично. В новостях упоминали о мэре Парижа, Андре Буржуа. И, если она вернётся, понимает постановку фамилии и имени в этом мире, то её теперь зовут Хлоя Буржуа.

Неплохо. По крайней мере, достаточно мелодично. Ей понравилось.

А ещё в Париже «каждый знает». Неужели Хлоя Буржуа была скандальной до такой степени? Да это же практически нереально.

Тен-Тен собрала посуду со стола и сгрузила её в раковину, чем в очередной раз удивила Луку до круглых глаз. Это было странно. Непонятная реакция для того, с кем «Хлоя» только что познакомилась. Да он вообще вёл себя так, словно знал бывшую владелицу тела давным-давно, хоть и заочно.

Или Хлоя Буржуа была публичным деятелем? Это было бы крайне неудобно.

Одни тайны, мать их.

Она прошла в коридор, ориентируясь на уличную одежду и обувь. Лука, ошеломлённый, продолжал сидеть на кухне, так что Тен-Тен пришлось проявить немного несвойственной ей капризности и окликнуть его:

— Ты что, передумал меня подвозить? Если собираешься вздремнуть на кухне, то, будь добр, после того, как доставишь меня до дома. И дай мне какую-нибудь обувь, мою котомальчик захватить не додумался.

Говоря откровенно, последнему она была даже рада. Нервировали её высокие каблуки, и ничего с этим не поделать.

Лука очнулся от своей растерянности и со смешком вышел из кухни. Морские глаза мазнули взглядом по босым девичьим ногам, и парень кивнул.

— У меня есть обувь сестры. Не побрезгуешь?

— А у меня есть выбор? Нет, конечно, ты можешь понести меня на руках прямо до

дома, но вряд ли у тебя хватит на это...

Она задохнулась, так и не договорив: проказливо ухмыляясь, Лука подхватил девушку на руки, прижав к себе на манер принцессы. Против воли Тен-Тен покраснела.

Слишком давно она не чувствовала себя женщиной.

Её вообще никогда не носили на руках. В детстве она лишилась подобного аттракциона из-за больной спины отца и старости деда. В юности её на руки поднимал разве что Гайсенсей, когда Тен-Тен умирала от усталости после тренировок; учитель носил её, запрокинув безвольное тело себе на мощное плечо. Так же он таскал и её сокомандников, довольно крупных парней.

Муж у Тен-Тен был исключительно прагматичен и на романтику никогда не разменивался.

Можно сказать, Тен-Тен впервые ощутила, каково это, когда тебя носят подобным образом. Когда смотрят в глаза, чуть склонив к тебе голову. Какое это странное и незащитное чувство, если не знаешь, куда деть руки и как сгруппироваться, чтобы обрести хоть подобие контроля.

— Желание принцессы закон, — тихо сказал Лука, смотря Тен-Тен прямо в глаза.

Щёки у неё наверняка были пунцовыми. Оно и хорошо: нормальная реакция молодой девушки на близость симпатичного молодого парня. Очень вовремя романтическая натура Тен-Тен проявила себя, ничего не скажешь.

С Тен-Тен на руках Лука вышел из квартиры, кое-как закрыл дверь, спустился в лифте и выбрался на улицу из мрачного подъезда. Такахаши нашла-таки место для рук и обняла парня за шею. Предплечьями она чувствовала, что Лука не пренебрегает физическими упражнениями, близкими к боевой нагрузке: слишком хорошо была проработана его трапецевидная мышца. Да и руки оказались на удивление накачанными, чего из-за рубашки Тен-Тен поначалу не заметила.

Удивительный парень.

Лука опустил её на мотоцикл, припаркованный недалеко от подъезда, и сел впереди сам. Тен-Тен перекинула ногу через сиденье и обняла парня за живот.

— Шлемов у меня нет, — предупредил Лука, — не успел купить.

Тен-Тен кивнула. Ну да, шлем. Она же теперь гражданская, и её голове нужна защита.

— Водишь-то ты хорошо? Не хотелось бы обрывать мою молодую жизнь только из-за того, что руки у тебя...

— То, что я только купил мотоцикл, не значит, что я не умею водить. У меня стаж больше, чем... ладно, не важно. Держись.

Тен-Тен пожала плечами, но странную оговорку занесла в дневник памяти. Интересно, но не так важно, как попасть домой к Хлое Буржуа.

— Под твою ответственность, морской мальчик.

— Предпочитаю, чтобы меня называли по имени. И почему «морской»?

— Волосы цветом напоминают. Классные. И глаза.

— Тоже классные?

Вместо ответа Тен-Тен ущипнула Луку за бок. Парень рассмеялся, и его смеху вторило рычание мотора.

Глава 3. Отель Буржуа

Отель Буржуа, — так Лука назвал место прибытия, — был огромен, сверкал на солнце стеклом и вызывал отнюдь не радужные ассоциации. Тен-Тен за свою жизнь больше привыкла к не таким высоким и помпезным зданиям, а к чему-то менее привлекающему. Коноха, даже разросшаяся к старости Такахаши, всё равно не стремилась ввысь, растекаясь по земле Огня, как кусочек масла по раскалённой сковороде. Отчасти это было связано с тем, что шиноби, хотя и могли забираться на большую высоту, всё-таки предпочитали не карабкаться выше пяти этажей.

Город, в котором очутилась Тен-Тен, напротив, стремился к небу. Это было странно и немного пугало: не привыкла Такахаши к тому, что со всех сторон её обнимают высоты. Слишком много углов и мест, потенциально подходящих для нападений из засады. Серьёзно, да она может с одной из крыш убить практически любого, кто окажется внизу!

Отель! Хлоя Буржуа жила в отеле! Кто вообще живёт в отеле?! Она не слышала про безопасность?! К тому же, Тен-Тен нервировало скопище людей у входа в отель.

Впрочем, во всём этом был и хороший момент. Лука проявил себя истинно по-самурайски: не только доставил Тен-Тен до предполагаемого дома Хлои Буржуа, но и не дал девушке слезть с мотоцикла.

— Ноги запачкаешь, — сказал парень, останавливая Такахаши. — Погоди.

Он установил мотоцикл на подножку, зафиксировал своего железного коня и заблокировал колёса. Затем слез и легко подхватил Тен-Тен на руки. Запросто обойдя толпу, он остановился около входа — путь ему преграждал охранник, не сдвинувшийся в сторону ни на сантиметр.

Тен-Тен немного поднялась и выглянула из-за плеча Луки. Толпа сзади вспыхивала фотоаппаратами. Судя по разочарованным лицам, охотились папарацци не на Хлою Буржуа, но и её появлению они были рады. Тен-Тен нахмурилась и выставила вперёд руку, сложив пальцы во вполне опознаваемый посылающий знак. Универсальная мудра, понимается в любом мире; к тому же, Хлоя на видео в Топ-10 акум частенько им пользовалась, особенно в сторону журналистов.

Лука прочистил горло.

— Надеюсь, меня пустят в вашу обитель роскоши? — спросил он у охранника. — У меня ценный груз, знаете ли.

Тен-Тен обратила внимание на скалоподобного мужчину. Интеллекта в его лице было не больше, чем калорий в прошлом рационе Хлои. Сзади щёлкали фотоаппараты, рука девушки всё ещё была сложена в мудру, а настроение падало со стремительностью охотящейся птицы.

— В сторону, насекомое, — сказала Тен-Тен, закидывая руку на шею Луке. — Иначе позавидуешь мёртвым.

Охранник кашлянул и отошёл. Ещё и дверь открыл, вот спасибо.

Хотя с угрозой Тен-Тен, похоже, переборщила: верзила смотрел на неё с удивлением. Видимо, Хлоя говорила что-то другое, но что именно — Такахаши не знала. Может, она прикрывалась авторитетом отца или деньгами?

Лука зашёл в здание, и Тен-Тен тотчас скривилась от окружающей её помпезности. Господи, снаружи отель смотрелся привлекательнее, чем был внутри. Слишком много

деталей, слишком много роскоши и попыток показать её. Барельефы, золотые шторы, колонны, вазы с цветами и дорожки даже на вид ковры. Тут нереально было расслабиться, и Тен-Тен предпочла бы спать на улице, а не в подобном окружении. Оставалось только надеяться, что номер Хлои, — у неё же здесь номер, не так ли? — будет обставлен по-другому.

Вежливо улыбающаяся девушка с рецепшен подошла к Луке и принялась активно строить парню глазки. Девушка была чудо как хороша, — для гражданской, конечно, — но со внутренним удовольствием Тен-Тен отметила, что особого интереса у Луки она не вызвала.

Переговорив с красоткой, Лука обратил внимание на девушку у себя на руках.

— Ну что, дальше сама?

Тен-Тен скривила максимально возмущённое выражение лица и с детской обидой посмотрела на своего носильщика.

— И запачкать ноги? Нет уж, неси меня дальше!

К тому же, она понятия не имела, куда ей нужно идти. У Луки было намного больше шансов найти комнату Хлои, чем у самой «Хлои».

На ребячество Лука не обиделся. Напротив, поведение Тен-Тен вызвало у него очередную ухмылку и мягкий прищур морских глаз. В который раз Такахаши задумалась о том, что парень просто выиграл в генетическую лотерею. Однако красота его была не только в удачных чертах лица или выражении, но и во взгляде: похожий был у Неджи. У почти-взрослого Неджи. Во время войны.

Это было странно.

Желая проверить свою догадку, Тен-Тен поплотнее прижалась к парню, делая их положение практически интимным. Приподнявшись, она приблизилась к уху Луки. Мягко отведя от ушной раковины прядки окрашенных волос, Тен-Тен тихонько спросила:

— Мой герой, и почему ты не бегаешь в ярком трико вместе с котомальчиком и девочкой в красном?

Лука не сбился с шага, руки его не закаменели, а дыхание осталось ровным. Не было никакого признака того, что анализ Тен-Тен был верным. И это подтверждало её вывод намного больше, чем что-либо ещё.

— Мне не идёт облипка.

Тен-Тен откинулась на его руки, скрестив свои на груди. Лука продолжал нести её по длинным коридорам, совершенно не показывая никаких признаков усталости. Ну да-ну да, в шестнадцать парень так легко таскает пятьдесят, — Тен-Тен надеялась, что хотя бы пятьдесят, а не меньше, — килограмм столько времени, и у него даже мышцы пресса не дрожат.

Снимите рамен с её ушей.

Интересно было, что Лука знал, куда идти. Он спокойно поднялся по лестнице, преодолел несколько коридоров и вышел к лифту. Лишь один раз у него возникла небольшая заминка: включался лифт при помощи карточки, которой у Тен-Тен, естественно, не было. Впрочем, немного визгливой скандальности по видеосвязи решили эту проблему. Хлою Буржуа побаивалась даже охрана.

Тен-Тен, правда, скорее сказала бы, что с девушкой просто стараются лишний раз не связываться. А это немного не то что страх. Больше подошёл бы термин «брезгливость».

Это было полезно.

Хлое Буржуа в отеле её отца принадлежал целый этаж. Приятные новости, потому что

это давало хотя бы иллюзию уединения. Можно было представить, что Тен-Тен просто находится в многоквартирном доме. Это было ненамного, но всё же лучше отеля.

Лука спустил её с рук, едва выйдя из лифта. Ступни Тен-Тен утонули в ворсе светло-бежевого ковра, жёсткого, но очень приятного. Интерьер был такой же помпезный, как и внизу, и от этого Такахаша было не по себе.

Она пошла вперёд, по пути распахивая дверь за дверью. Луку это в очередной раз удивило. Не выдержав любопытства Тен-Тен, он окликнул её, когда девушка заглянула за очередную дверь.

— Что ты делаешь?

— Ищу рыжую.

— Сабрину?..

Тен-Тен ничего не ответила. Скорее всего Сабрину, она понятия не имела, как ту опасно-неопасную девицу зовут. Вот только откуда её имя знал Лука?

Она повернулась к парню, что всё ещё стоял около лифта, и упёрла руки в бока.

— Давай, морской мальчик, признавайся: ты сталкер, да?

— Не называй меня так.

— А вопрос ты, значит, проигнорируешь.

Лука потёр переносицу и слабо улыбнулся.

— Я не сталкер. Просто...

Он замялся, отведя взгляд. Тен-Тен склонила голову к плечу, рассматривая парня. Она прислушалась к своим инстинктам — опасен ли Лука, опасны ли его секреты?

Не опасны. Не для неё, по крайней мере.

Ну, что же. У всех свои секреты. И конкретно в этом случае она согласна мириться с небольшими тайнами, хм. Хотя она бы сама себе не призналась, что её расположение к Луке родилось скорее из-за его красоты, нежели из-за помощи и доброты.

Вот же... никогда не была падка на внешность, а тут словно закоротило. Иллюзию кто-то наложил, что ли?

— Буду считать, что это всё из-за моей неотразимости, — сказала она, внимательно следя за реакцией Луки. — Ты так и будешь стоять около лифта, или всё-таки решишься сделать пару шагов?

Её слова вызвали радость. Не сильную, но вполне различимую: Лука перестал хмурить брови, улыбнулся уголками губ и прямо посмотрел на Тен-Тен. Такахаша кивнула своим мыслям, встретив этот взгляд.

Не шестнадцать. Ему определённно не шестнадцать. Даже в её мире, где убивать учат с пелёнок, подобный взгляд встречался разве что у шиноби хорошо за тридцать. Если они доживали до такого возраста, конечно.

Но это не давало ему никакого права идти по светлому ковру в уличной обуви!

Её возмущённый вопль заставил Луку отскочить обратно к лифтам.

— А ну снимай свою обувь, живо! Ты убьёшь мой ковёр!

Лука принялся поспешно стягивать кеды, ошарашенно смотря на Тен-Тен. Но Такахаша было плевать. С чем она не могла мириться — так это с полным наплевательством на гигиену.

— Никакой уличной обуви в жилой части дома! Никогда!

— Р-раньше тебя это...

— Раньше было раньше! И раньше мы с тобой не были знакомы, морской мальчик!

Лука кивнул и осторожно отставил кеды в сторону. Держал он свою обувь пальцами, будто несчастные ботинки были ядовитыми змеями.

— Да. Не знакомы. Точно. Прости?

Тен-Тен шумно выдохнула и покачала головой. Обувь в доме — большая тема. Такахаши была воспитана в традициях страны Огня, и снятие обуви дома было одним из основополагающих принципов гигиены. Её дети, — и особенно внуки, — получившие менее традиционное воспитание, всё время пытались принести свои правила в её дом; итогом были постоянные скандалы и полнейшее непонимание. Так что Тен-Тен закричала просто по привычке, когда Лука пошёл к ней в кедах.

Она скривилась.

— Ладно. Прости. Зря сорвалась.

Лука осторожно кивнул и сделал пару пробных шагов к девушке. Не встретив никакой реакции кроме поднятой брови, он пошёл смелее.

Тен-Тен продолжила осматривать доступные помещения.

Итак, Хлоя жила, если можно так сказать, на широкую ногу. За открытыми дверьми были: забитый разными тренажёрами спортзал, которым явно не пользовались; пародия на кабинет, совсем не уютный; нечто вроде гостиной с несколькими диванами; комната неясного назначения, абсолютно пустая, но зато с зеркалами, покрывающими две стены; гардеробная, заставленная разнообразной одеждой; специальная комната для обуви; кухня, которой, опять же, судя по всему совершенно не пользовались; и, наконец, спальня. Неплохо для малолетней пигалицы. У Тен-Тен дом был меньше.

Такахаши вошла в спальню и поморщилась. Ещё один признак чужой идентичности: все стены были просто увешаны портретами, фотографиями и постерами с блондинчиком-одноклассником Хлои. Видимо, девочка была в него до беспамятства влюблена, и проявлялось это в огромном фанатизме, вплоть до обожествления. Что-то такое было с Учихой Саске, насколько Тен-Тен помнила: за бедным парнем гонялась добрая половина девичьего населения деревни в возрасте от четырёх до сорока. Кто-то по любви, другие из материальных соображений. Интересно, блондинчику достаётся так же? Тен-Тен бы посмотрела, как он улепётывает от фанатов со скоростью шиноби.

Вообще-то, Тен-Тен не понимала, почему блондинчик популярен. Во время поездки на мотоцикле Такахаши видела несколько билбордов со знакомой зеленоглазой мордашкой. Мальчишка что-то рекламировал, пытаясь выглядеть счастливым и воодушевлённым; по микровыражению его лица было предельно ясно, что парню жмут или штаны, или такая жизнь.

Ничего хорошего, короче говоря.

Учиха Саске, со всеми его детскими психологическими травмами, так и не смог принять собственной популярности и научиться жить под жаркими взглядами. Интересно, как с ними справляется мальчик с сахарной улыбкой и показанным на камеру счастьем.

Тен-Тен, — Хлоя. Привыкай, Хлоя! — покачала головой, смотря на это безобразие.

— Надо это всё вынести, — сказала она, рассматривая обилие светловолосых портретов.

— Что, смена приоритетов?

Девушка вздохнула. Лука знал Хлою, это уже ясно, как день, и Тен-Тен не хотелось давать парню ещё больше поводов для размышлений, чем есть сейчас. Поэтому она задумалась, что могло бы стать достаточной причиной, чтобы вот так переиграть привязанность к блондину.

Предательство? Ну, в каком-то смысле, но для девушки типа Хлои это должно быть что-то из ряда вон. Подобному психотипу была свойственна очень сильная привязанность, практически болезненная — не отодрать. И надо на самом деле постараться, чтобы эту связь разрушить. Очень. Постараться.

Хлоя, как казалось Тен-Тен, могла бы спускать предательство за предательством, лишь бы около неё был кто-то, к кому девушка может хорошо относиться. Блондинчик был рядом, как и рыжая «собачка». Наверняка был кто-то ещё, скорее всего из взрослых. И вряд ли это родители, потому что Тен-Тен ни в одной из комнат не увидела хотя бы одну совместную фотографию.

Наводит на печальные мысли, однако для Тен-Тен, занявшей чужое тело и чужую жизнь, это было на руку.

И всё-таки, что могло бы стать причиной, чтобы Хлоя решила убрать портреты блондинчика из комнаты, тем более так радикально?

— Он на меня фыркнул сегодня.

Лука закашлялся.

— ...ты серьёзно?

Тен-Тен сама фыркнула, закатывая глаза. Конечно, нет, но причина была ничем не хуже, чем любая другая, потому что что-то по-настоящему серьёзное она придумать не смогла. Да и вообще, разум — место тёмное и сложное, и в чужих мыслях может разобраться разве что потомственный менталист вроде Яманака.

— Так ты мне поможешь или как?

— Вынести портреты Агреста?

Агреста. Отлично, только непонятно, имя это или фамилия. Тен-Тен прищёлкнула пальцами.

— Да или нет, Лука.

— Помогу, конечно. Такое раз в жизни случается, — он понизил голос, — а иногда и не случается...

Такахаша подошла к одной из стен и задрала голову. На неё смотрел улыбающийся Агреста, — интересно, правильно ли она произносит это имя-фамилию, — сверкая зелёными глазами. Тен-Тен подняла руку и кончиками пальцев коснулась контуров его улыбки.

Ей стало жаль мальчишку, чью боль так профессионально гримировали. С глянцевой фотографии на неё смотрел несчастливый ребёнок. Его грусть была в чуть опущенных плечах, изгибе бровей, сведённых в улыбке губах, бледной коже и слишком ровных уголках глаз — ни единого следа радостных «гусиных лапок». Этого ребёнка хотелось пожалеть.

Даже если бы она любила его до беспамятства, она бы ни за что не оставила всю эту запечатлённую боль в своём новом доме.

Глава 4. Мистер Мишка

К счастью для Тен-Тен, в комнатах Хлои Сабрины не было. Вещи Буржуа, правда, оказались на месте: аккуратно сложенные, они лежали на небольшом жёлтом диванчике в спальне. Тен-Тен быстро просмотрела, что рыжая принесла, но, кроме мобильного, ничего интересующего так и не нашла. Не было даже документов, что очень удивило Такахаши. Как так-то?

Лука от предложения остаться после опустошения комнаты отказался, хотя сам при этом спросил, не хочет ли Тен-Тен, — Хлоя, — обменяться номерами. Она может и хотела бы, вот только телефона Буржуа она не знала.

— Можешь свой продиктовать, — предложила Тен-Тен, снимая последний портрет Агреста со стены. — Я запомню.

— Восемь цифр?

— Да хоть сто.

Как шпиоби, Тен-Тен умела запоминать по-настоящему колоссальные объёмы информации. Конечно, команда девушки была больше нападающе-пробивной, и их не готовили как шпионов, но базу давали всем, даже последним пустоголовым болванам. Запомнить какие-то восемь цифр было легко. Даже несерьёзно: экзамен по запоминанию, который сдавала Тен-Тен, включал в себя пересказ двухсотстраничного документа, на изучение которого давалось всего пять минут.

— А свой номерок не дашь?

— Я ещё не уверена, что буду тебе звонить.

Лука закатил глаза, но сохранил доброжелательную улыбку. Коротко распрощавшись, он вышел из спальни. Тен-Тен услышала шелест дверей лифта.

Она, наконец, осталась одна.

Или ей так казалось.

В последние годы её службы Конохе шпионаж стал не столько обыденно-физическим, сколько электронным и информационным. Помимо разнообразных техник на подслушивание и подсматривание появилось невообразимое количество всяких «жучков» и камер, которые можно было найти буквально где угодно. Комнаты Хлои Буржуа наверняка были усеяны этими «жучками», хотя бы из соображений безопасности.

Не важно, была ли девушка видным деятелем или нет, она оставалась дочерью мэра. Одного этого было достаточно, чтобы назначить ей охрану из ста человек и усеять её комнаты мириадами камер. По крайней мере, Тен-Тен бы так и сделала.

Она села на диван рядом с вещами и откинулась на спинку. Рассматривая свои-чужие пальчики на ногах, — у Хлои оказались умиительно кривые мизинцы и потрясающий педикюр, — Тен-Тен думала.

Не было никакого смысла осматривать все комнаты. Так или иначе она в любом случае пропустит несколько камер или микрофон. А для падения в чужих глазах достаточно и меньшего.

С другой стороны, было целых четыре комнаты с потенциально низким уровнем прослушки. Зеркальная пустая комната, тренажёрный зал, гардеробная и та, где хранились туфли. Немного подумав, Тен-Тен решила назначить своей тайной штаб-квартирой именно последнее помещение. Вряд ли здешние охранники достаточно параноидальны, чтобы

ставить прослушку для балеток и кроссовок.

Они же не Тен-Тен, в конце концов.

Такахаша откинула голову на спинку дивана и утомлённо прикрыла глаза.

Что у неё есть? Ничего. Чужое тело, чужое лицо, чужой мир, чужое окружение. Иные привычки, другой язык и письменность, — если Тен-Тен не задумывалась, то всё понимала; если начинала размышлять о лингвистике, то терялась из-за незнакомых букв и слов, — иное мировоззрение и менталитет. Даже репутация и история, с которой Тен-Тен придётся работать, были чужими. Но всё же было кое-что...

Она открыла глаза. Взгляд сразу зацепился за чёрный кружочек на барельефе на потолке. Вот она, камера — одна из тех, что охрана решила оставить на виду.

Было кое-что намного ценнее техник, оружия и даже чакры. У Тен-Тен были её воспоминания и опыт. А это уже очень и очень много.

Она встала с дивана и потянулась, разминая спину. Сделала несколько наклонов в сторону, с неудовольствием ощущая жёсткость позвонков и каменность мышц. Ничего, это поправимо, прежде всего диетой и убивающими веру в лучшее тренировками. Опять гонять себя до седьмого пота...

Тен-Тен огляделась по сторонам. Заметив зеркало, она поджала губы и подошла к нему.

Опять гонять себя? А стоит ли?

Отражение показывало красивую девушку, молодую, с мягким телом и милыми пухлыми щеками. Может быть, именно из-за них Хлоя морила себя голодом, если она это делала. Может, нет. Не важно.

Ухоженные руки без единой мозоли или шрама. Нежная кожа. Влажные губы, чувственные, но не розовые, а скорее розово-бежевые. Наверняка Хлоя использовала косметику, чтобы исправить этот крошечный недостаток в своей внешности. Тен-Тен вроде стирала с губ что-то липкое. Помада или блеск?

Хлоя Буржуа была очень красивой девушкой, совершенно не созданной для кровавых тренировок, опасностей и встречи со смертью. Тен-Тен скорее сказала бы, что блондинке стоит жить во дворце даймё, поглощая виноград и моти, примеряя красивые кимоно и учась играть на сямисэне. В её руках не должно быть ничего опаснее веера.

Попади Хлоя Буржуа в мир Тен-Тен, она никогда бы не стала шиноби. Просто не смогла бы из-за своих сахарных косточек и нежных ладоней.

Тен-Тен прикусила губу. Хлоя из зазеркалья отразила этот жест. Вышло мило и чувственно, так, как у самой Такахаша никогда не получалось — не тот типаж внешности.

В голову Тен-Тен пришла мысль, что и веер может быть грозным оружием в умелых руках. Так почему бы Хлоя Буржуа не стать куноичи, раз уж дорога шиноби ей заказана?

Для непосвящённых что шиноби, что куноичи были одним и тем же. Различия крылись только в гендерной принадлежности: если шиноби мог назвать себя кто угодно, то статус куноичи получали только девушки, чаще всего очень красивые. В глазах обывателей женщины-воины все, как одна, были медовыми. То есть, чаще действовали через соблазнение и постель.

Это было неверно в корне. Шиноби отличались от куноичи примерно так же, как кот от собаки — практически во всём, за исключением опасности. Пожалуй, Тен-Тен бы сказала, что куноичи были даже опаснее, ведь от них не ждёшь нападения. Даже в имени их крылась насмешка.

«Куноичи» значит «ядовитый цветок».

Если шиноби достигали всего потом, тренировками, тактикой и разнообразными техниками, то куноичи действовали тоньше. Незаметнее. Изящнее. Отравленная игла, ядовитая улыбка, сладкий порошок в чай — и никто даже не подумает на девушку в красивом кимоно, что безутешно рыдает у остывающего тела своего покровителя. Бедняжку скорее хочется приласкать и утешить, чем вести на допрос.

Какой вообще допрос для женщины?

Куноичи условно делились на две ветви: боевую и медовую. Медовые девушки практически не тренировали тело, больше действительно походя на нежные, хрупкие цветы. Они достигали своего улыбками и мягкой речью, лукавым взглядом и психологией. Не обязательно медовая куноичи делила постель с заказчиком или целью, но это было не исключено.

Тен-Тен в прошлой жизни больше была боевой куноичи, хотя и называла себя обобщённым термином «ниндзя». От обычного шиноби её отличал способ ведения боя: Такахаша была лёгкой и быстрой, не могла полагаться на блоки и парирования, а также избегала близкого контакта в сражениях. Она уворачивалась, убегала, утекала от противника, чтобы потом обрушить на него дождь из игл-сюрикенов-кунаев, подстрелить из лука, заманить в устроенную заранее ловушку. Она вела нечестный бой, но, в конце концов, всегда выходила из него победителем.

Стальной Ветер Тен-Тен. Не поймаешь — уйдёт из пальцев воздухом, чтобы уничтожить тебя мгновением позже. Её учитель гордился тем, какой она стала.

Теперь же, видимо, ей придётся вспоминать старые уроки и переучиваться думать почти как медовая. У Хлои не будет сильных рук и ног, способных бежать многие километры. Но уже сейчас у неё есть потрясающе-голубые глаза и по-змеиному тонкие губы. Самое то, чтобы копить под ласковой усмешкой яд.

Но об этом нужно будет ещё подумать. Мир диктовал свои условия и, возможно, Тен-Тен просто не всё знает, чтобы строить планы. Главное правило любой успешной операции: запланируй минимум, чтобы у тебя был манёвр, и не бойся свои планы перекраивать.

Но растяжку надо будет делать в любом случае. И пальцы разминать. И по утрам бегать, потому что Тен-Тен к этому привыкла. И...

Стоп.

Тен-Тен встряхнула головой и отошла от зеркала. Под ногами был холодный пол, — и почему у Хлои ковёр лежал только в коридоре? — и пальцы быстро заледенели. Неприятные новости. Тен-Тен раньше была теплокровной, и с такими проблемами не сталкивалась.

Ладно, переживёт. Как и многое другое. Не зря же она была одной из первых на уроках небоевой адаптации?

Она вышла из спальни и направилась в гардеробную. Нужно было осмотреть будущую штаб-квартиру хотя бы поверхностно, чтобы знать, что там есть. К тому же, Тен-Тен было интересно, есть ли у Хлои какая-нибудь одежда посвободнее той, что была на девушке сейчас. Такахаша терпеть не могла облипку. Смешно, но Тен-Тен казалось, что слишком тесная одежда будто пожирала её, сжимая где можно и где нельзя.

Гардеробная, что логично, была напротив спальни. Г-образное помещение оказалось полностью заставлено вешалками с разнообразной одеждой, преимущественно тугой и жёлто-белой. У Хлои, видимо, был пунктик на сочетание этих цветов. Интересно, стояла ли за этим какая-то история, или же девочке оно нравилось чисто визуально.

Вдоль стен примостились шкафы, подпирающие потолок. Прозрачные стеклянные

двери давали хороший обзор на внутренности этих монстров, но при этом создавали впечатление полнейшего бардака. У Хлои оказалось слишком много однообразной одежды; некоторые вещи, судя по оставшимся ярлыкам, она даже не носила.

Тен-Тен потёрла руки и шагнула к первой из стоячих вешалок. Что же, она всегда тяготела к минимализму. Почему бы не провести ревизию её нового гардероба? Только не очень сильно, чтобы не выбиваться из образа.

И вообще. На неё сегодня фыркнул Агреста. Имеет право Хлоя на небольшую истерику после такого со стороны своего кумира? Так что эту кофточку вон. И эти штаны. И этот пиджак, он слишком напоминает Агреста. И вот этот топик, он тоже похож на блондинчика цветовой палитрой. И это, и это, и это...

В итоге на вешалке осталось всего два наряда: вполне симпатичное тёмно-зелёное платье, которое Хлое, вероятно, купил кто-то со стороны, и обычный плюшево-розовый спортивный костюм. Выброшенные вещи грустной бело-жёлтой кучкой валялись около двери. Прямо около ног мужчины, что уже с десятков минут терпеливо дожидался, пока Хлоя обратит на него внимание.

Тен-Тен ощутила его присутствие сразу же, как он приблизился, но не подавала виду. Его фигуру она смогла как следует рассмотреть, пока разбирала вещи, благодаря зеркалу, удачно стоящему напротив входа.

Мужчина был высоким, почти на две головы выше Хлои, но каким-то сухим и слишком худым. Одет он был в чёрно-белые штаны и пиджак по моде, которую Тен-Тен в своём мире едва застала. Рубашка на шее была подвязана лентой... как её... это был галстук или бабочка? Тен-Тен постоянно путала эти две удавки, потому что её муж носил традиционные одежды страны Огня. Это дети и внуки были новаторами...

Тен-Тен вообще не понимала ни галстуков, ни бабочек, ни женских ожерелий. За них ведь было так удобно дёрнуть и схватиться! А уж как хорошо было душить шиномалолеток, предпочитавших не практичность, а эффектность, словами не передать. Никакого оружия не надо, когда человек сам себе враг.

У мужчины была поразительно-круглая маленькая голова, большие глаза навывкате, выдающийся нос и две тонких полосочки усов. Черты его лица были настолько яркими, что запоминались с первого взгляда. Выгодная внешность для человека, на которого никто никогда не подумает. Интересно, что ты скорее будешь запоминать каких-нибудь невыразительных типов, чем по-настоящему интересных по внешности людей. По крайней мере, ты ни за что не подумаешь на этого усатенького, что он, к примеру, подорвал детский сад. Ведь террористы должны прятать свою внешность и маскироваться в серую невыразительность, разве не так?

— Юная мадмуазель убирается?

Голос был под стать внешности: высокий, немного шипящий, к тому же мужчина говорил в нос. Из-за этого его тон казался вальяжно-распущенным, хотя в вопросе Тен-Тен не увидела ничего предосудительного.

Она скрестила руки на груди и выпятила губы.

— Ненавижу Агреста, — сказала она, добавляя плаксивости.

— И что же юный Адриан сделал?

Тон у мужчины был добродушным, располагающим, но из-за манеры говорить Тен-Тен слышала насмешку. Или, может быть, не из-за манеры; может, эта насмешка и так была в его голосе, в вопросе, настроении? Кругом одни потенциальные враги, упаси духи Огня Тен-Тен

от их хорошего настроения.

— Он на меня фыркнул. На меня! Фыркнул!

— Не в его духе, — миролюбиво согласился мужчина, — возможно, это был не юный мистер Агрест, а его кузен?

Тен-Тен закатила глаза и скривила губы. Боже, у блондинчика ещё и кузен есть. Причём, что очевидно, похожий на него, как две капли воды. Отлично, просто отлично!

Но теперь она знала, что Агреста звали Адриан. Адриан Агреста.

— Не-ет, это точно был Адриан.

— Как скажете. Может быть, мистер Мишка и чашка горячего шоколада смогут поднять вам настроение?

Тен-Тен понятия не имела, о каком мистере мужчина говорит, но горячий шоколад был одним и тем же в любом мире, она была уверена. Так что она потёрла глаза, — совсем забыла про макияж, чёрт! — и сразу попыталась сделать вид, что так она стирала слёзы.

— Ресница в глаза попала, — сказала она мужчине.

— Конечно.

Он вручил ей довольно стрёмного на вид плюшевого медведя, и Тен-Тен вышла из гардеробной. По пути она пнула одежду, сваленную на полу, чтобы хоть немного сбросить пар. Больше всего Такахаша хотела остаться одной и, желательно, в родном мире.

Приходилось работать с тем, что есть.

Поскольку за окном уже было достаточно темно, Тен-Тен направилась в спальню. В комодке она нашла довольно симпатичную пижаму и, прихватив её, направилась в ванную комнату. Слава всем богам, что сантехника её мира один-в-один повторяла нынешнюю.

Она не представляла, как бы она объясняла резко пропавшее умение ходить в туалет и принимать душ.

Быстро ополоснувшись и не решившись мыться с гелями и шампунями, — она помнила про опасно-ядовитую рыжую, кто знает, что она могла намешать в средства? Пожалуйста, пусть это будет всего лишь паранойя Тен-Тен, — Такахаша натянула пижаму и вернулась в спальню. С дивана она забрала мобильный телефон и улеглась в чужую постель.

Бельё пахло иначе, чужим запахом. Слишком сладко. Тен-Тен неуютно поёжилась, вцепившись наманикюренными пальцами в корпус мобильника, и глубоко вздохнула. Ладно, ничего. Ей просто нужно время, чтобы привыкнуть.

Ну или чтобы не привыкнуть, а изменить всё вокруг под себя.

Мужчине, что принёс ей шоколад, она заказала ещё и чашку зелёного чая. Мрачно цедя приторно-сладкий десерт, Тен-Тен гипнотизировала экран телефона. Ожидаемо, тот оказался запаролен — но другого она, признаться, и не ждала. И что ей теперь делать?

Зелёный чай оказался гадким. На вкус он больше напоминал заваренные тряпки, да и пах похоже. Тен-Тен отставила чашку, едва пригубив, и недовольно посмотрела на няньку Хлои. Этот мужчина и был её «взрослым», правильно?

Её взгляд он расценил абсолютно верно:

— Другого чая нет. Я уже заказал элитные сорта, они придут к завтрашнему вечеру.

Тен-Тен кивнула. Хорошо быть богатой.

— Что-то ещё?

Мужчина помялся, что привлекло её внимание. Тен-Тен прямо посмотрела на своего нового няня, и с удивлением заметила, как у того дёрнулась верхняя губа. Усишки при этом сделали «волну».

— Вы, конечно, говорили раньше... но, может быть, мне разбудить вас завтра? На завтрак к отцу?

Тен-Тен смотрела на него, не отрывая взгляда, примерно минуту. Усатый нервничал, но это была милая, хорошая нервозность: отчего-то он переживал за Хлою и её завтраки с отцом. В семействе Буржуа явно что-то сдохло, раз прислуга позволяет себе такие ремарки.

Или нянь был больше как член семьи?

Не важно. Тен-Тен залезла под одеяло, положила мобильник на прикроватную тумбочку и прикрыла глаза. Под подушкой оказалась шикарная повязка для сна, которую Такахаши вряд ли использует когда-либо — слишком была в девушке воспитана привычка всегда быть настороже.

— Буди, — сказала она, зевая. — Только не удивляйся, если я тебя утром пошлю к чёрту.

Она очень устала.

Глава 5. Список дел

Кто бы знал, насколько пробуждение без чакры отличается от обычного!

Тен-Тен привыкла, едва заслышав звон будильника, тотчас прогнать застоявшуюся за время сна энергию по телу. Это бодрило, глаза моментально разлипались, и тебе больше не хотелось лежать. Тело переполняла сила, которая агрессивно требовала выхода. Оставалось только пробудить сознание пробежкой и начать новый день.

Без чакры Тен-Тен едва разлепила глаза. Сухие зрачки не хотели концентрироваться на чём-либо, картинка размывалась. Голова была тупой и тяжёлой, и единственное, о чём Тен-Тен мечтала — это чтобы её оставили в покое.

Во рту ощущался знакомый железный привкус, и только это заставило Такахашу всё-таки проснуться. Мозг заработал, воспоминания вчерашнего дня пронеслись перед песочными глазами, кровь на языке была отмечена как что-то неестественное. Её не били, не ранили, так какого Шинджу?!

Ах, да. Тен-Тен же считала, что рыжая Хлою травила. Почему же только она так считала?..

Значит, не в чакре дело, и её тяжёлое пробуждение связано с чем-то другим.

Выбраться из постели оказалось настоящим подвигом. Тен-Тен перевернулась на бок, потом ещё и ещё, до тех пор, пока кулем не свалилась на пол. Там, прижавшись лбом к холодному дереву, она дождалась, пока глаза заслезятся. И только после этого подняла голову.

В дверях стоял усатый мужчина — вчерашний нянь. Выглядел он шокированным; на шее у него билась крупная вена, зрачки были расширены до предела, лоб покрыт испариной. Тен-Тен подтянула руки к лицу и коснулась губ, слишком мокрых наощупь.

На кончиках пальцев осталась кровь.

Это вызвало хмурую улыбку. Что же, даже в этом мире есть нечто знакомое для Тен-Тен.

Она встала на карачки. Подбежавший мужчина подхватил её под руки, помогая подняться. Он причитал на каком-то птичьем языке и, прислушавшись, Тен-Тен кое-как узнала наречие, на котором она общалась вчера. Мозг, словно уловив триггер, щёлкнул и переключился, и Тен-Тен начала понимать паническую речь няня:

— Ну что же вы так, мадмуазель, ни в коем случае, как же так, Боже мой, я вызову врача. Да, врач — это отлично, я прямо сейчас...

— Прямо сейчас ты принесёшь мне два литра воды и какой-нибудь абсорбент.

Он довёл Тен-Тен до дивана и, усадив, практически выбежал из комнаты. Такахаша мрачно смотрела на кровать, думая, из-за чего произошло... такое.

Она спала. Перед этим пила чай и шоколад, но, судя по реакции няня, он её не травил. Однако при этом вчера рыже-опасная Сабрина была в комнате Хлои, совсем без надзора. И видели её только камеры, обмануть которые не так сложно.

Тен-Тен слотнула кровь и вытерла губы тыльной стороной ладони. Ладно, не страшно. Любое повреждение может быть вылечено, даже без чакры. Главное чтобы у тела Хлои внезапно не отказали почки или печень — они всегда отказывают первыми. Вот это уже будет проблемой.

Поднявшись, Тен-Тен кое-как дошла до кровати. Нагнувшись над ней, она втянула

носом воздух, и тотчас закашлялась: в ноздри ударил тот самый приторный запах, который она приняла за чужой.

Она была плоха в ядах, на самом деле. Знала несколько универсальных составов, но до той же Сакуры или Темари ей было очень далеко. Тен-Тен предпочитала четыре простейших смеси: для паралича конечностей, для паралича органов, для затруднения мышления и для развязывания языка. Рецепты у них были простыми, ингредиенты росли повсеместно, да и противоядие можно было сварить буквально на коленке. Ей хватало.

Как правило, у её врагов не было возможности принять это противоядие.

Однако кое-что Тен-Тен за своё бытие шиноби выучила: большинство ядов были на вкус как конфеты, да и пахли соответствующе. Приторно до дрожи. Наверное, поэтому среди шиноби было мало сладкоежек.

Отстранившись от кровати, Тен-Тен нахмурилась. Это было уже прямое покушение, только вот мотива Такахаша до сих пор не понимала. У любого человека, идущего на преступление, в корне его поступков было всего три причины: деньги, власть и любовь. И вряд ли Сабрина была влюблена в Агреста настолько, чтобы решиться отравить блондинку.

Деньги или власть. Или, может, совмещение нескольких причин. Ками разберёт.

Вернулся нянь с водой и странными чёрными таблетками. Тен-Тен, не глядя, съела около двадцати и сразу же выпила почти всё, что принёс мужчина. Легче не стало; напротив, живот натянулся, и Тен-Тен начало нещадно тошнить.

— Пожалуй, завтрак стоит отменить, — пробормотал нянь.

Тен-Тен мотнула головой.

— Я выйду. Ты уже сообщил отцу?

— Я вызвал медиков, ваш лечащий врач будет с минуты на минуту.

Тен-Тен подняла брови и с удивлением посмотрела на усача. Медики это, конечно, хорошо. Но что насчёт полиции или типа того?

Нянь отводил взгляд и выглядел расстроенным и пристыженным. Тен-Тен нахмурилась, но почти сразу расслабила лицевые мышцы. Она здесь богатенькая дурочка, и не надо тут. То, что по каким-то причинам отцу Хлои Буржуа было всё равно, — если не сказать иначе, — на состояние дочери, вызывало недоумение и кучу вопросов.

Ну не могло быть в семье гражданской настолько больших проблем, чтобы родитель пытался отравить собственного ребёнка. Это же не дворец даймё, в конце концов.

Значит, дело в другом. Но в чём?

Чёрные таблетки делали своё чёрное дело: тошнота немного уменьшилась, голова прояснилась. При этом во рту было так сухо, что Тен-Тен едва могла разлепить губы.

Затребовав ещё графин воды, она села на диван и раздражённо поправила пижамные штаны.

С места в карьер, называется. Не успела она как следует обжиться в новом теле, как её попытались отправить на следующее перерождение. Да и сама Тен-Тен хороша: не поменяла постельное бельё, взяла чужую одежду, не послушала вопль интуиции об опасности рыжей Сабрины. А ведь девка была в её-не её спальне в одиночестве! Да тут сами боги велели сделать какую-то дрянь. Тен-Тен бы, к примеру, ситуацией воспользовалась; так чем рыжая хуже? Может быть, в этом мире у неё у единственной проснулся инстинкт убийцы, что так бережно возвращается у шиноби.

Она прошла в ванную и уставилась в зеркало над раковиной. Все признаки отравления: синяки под глазами, пожелтевшая кожа лица, распухшее горло. Ещё и кровь на губах, словно

размазанная помада гейши. Красивый цвет.

Алый делал Хлою старше лет на десять.

Она умылась, старательно оттирая начавшую подсыхать кровь с лица. Заляпала пижаму светло-красными разводами, но не слишком из-за этого переживала: как и любой шиноби, Тен-Тен знала добрую сотню способов выведения крови из любой ткани. Иначе ниндзя работали бы чисто на портных.

Когда отражение в зеркале хоть немного перестало напоминать свежескопавшегося покойника, Тен-Тен вышла из ванной. Во рту было сухо, а живот раздувался из-за выпитой воды. Скоро она будет в туалет бегать, как Наруто за плечом.

На диване уже была подготовлена одежда. Обеспокоенный нянь стоял рядом, вертя в руках какую-то папку. Тен-Тен вопросительно взглянула на неё, но ничего не спросила — мужчина, как она и думала, догадался о её любопытстве сам.

Он тактично отвернулся, когда Тен-Тен стала переодеваться. На мгновение Такахаша замерла, кляня свою дурную голову на чём свет стоит. Вряд ли Хлоя переодевалась при ком-либо, кроме рыжей — они же подружки. Но не при взрослом мужчине, в каких бы отношениях они ни состояли. Хлоя же была гражданской, у них пиетет к подобным вещам.

Чтобы не терять лицо, она просто продолжила переодеваться.

— Ваше расписание на ближайшую неделю готово, — сказал усач. — Как вы и просили, я освободил четверг для празднования дня рождения месье Агреста. Или теперь это излишне?

Тен-Тен с отвращением посмотрела на футболку, облепившую её тело. Опять узкая одежда, мрак.

— Нет, нормально, — сказала она. — То, что он на меня фыркнул, не значит, что я буду такой же плохой подругой. Он ещё пожалеет о своём поведении.

— Вы решили... что?

— Покажу ему, что такое настоящая дружба. Ему станет так стыдно, что он на коленях ко мне приползёт, вымаливая прощение! Увидит, какая я потрясающая, и обязательно влюбится. Мы ещё посмотрим, кто кого!

Усач покачал головой, пока Тен-Тен сражалась с максимально узкими джинсами. Ткань едва тянулась, и Такахаша хотелось взять ближайший нож, чтобы распороть штанины по бокам.

Ну вот за что ей это? И ведь ещё нужен минимум месяц... ну или побольше, чтобы переделать гардероб под себя. Это нельзя было сделать с ходу: во-первых, Тен-Тен слабо разбиралась в моде нового мира, а во-вторых ей было не с руки ещё больше привлекать к себе внимание. Слишком много вокруг Хлои было тайн и недоброжелателей.

— В остальном, — продолжал усач, — у вас запланировано несколько благотворительных встреч, одна фотосессия, обед с месье Буржуа и его инвесторами, к тому же...

— Просто отдай мне папку.

Усач осторожно повернулся, и Тен-Тен скрестила руки на груди — вполне неплохой, кстати, несмотря на очевидно юный возраст. Мужчина отдал Такахаша папку, и девушка кинула её на кофейный столик.

Это усача удивило.

— Вы не будете просматривать?

— После завтрака с отцом. Он уже наверняка меня ждёт.

— Но врач ещё не...

— Тебе что-то не ясно? Завтрак. С. Отцом.

— Конечно.

Он вышел из комнаты, и Тен-Тен направилась следом. Ей было немного неловко так помыкать взрослым мужчиной, но того требовала роль... Дабы успокоить не вовремя очнувшуюся совесть, она просто представила, что усач — её генин, что они на миссии, и что миссия эта включает подобное поведение.

Завтрак должен был состояться на два этажа ниже, в комнатах, принадлежащих Андрэ Буржуа. Тен-Тен обулась перед самым лифтом, — вполне приличные балетки она захватила из обувной, — и только тогда заметила, что усач и не думал снимать ботинки.

— Больше в мои комнаты обутым не входить, — сказала она, повелительно растягивая слова.

— Это правило распространяется только на меня?

— На всех.

— Я передам.

Что же, были в подобном повиновении и вполне ощутимые плюсы. К примеру, ей не требовалось объясняться за свои приказы и хотелки. Сказала — сделали. До неловкого приятно.

Из лифта они вышли в такой же бело-бежевый коридор, какой был в комнатах Хлои. Тен-Тен осматривалась по сторонам уголками глаз, ничем больше своей заинтересованности не проявляя. Было бы странно, если бы Хлоя начала вертеть головой в знакомой обстановке.

На стенах висели обезличенные пейзажи, цветы в вазонах стояли свежие, но абсолютно без запаха. На потолке не было люстр: лампы оказались изящно встроены в бетон или как там это делали. Всё вместе выглядело восхитительно, этого не отнять. Вот только жить в таком окружении было наверняка очень сложно.

Из безликого коридора они вышли в помещение, которое Тен-Тен в равной степени могла бы назвать и переговорной, и столовой. Стены были выкрашены в тёмно-бордовый цвет, примерно метр от пола их закрывали деревянные панели. Пол также оказался очень тёмным, но не из дерева. Больше было похоже на пластик. Посреди комнаты — длинный стол, примерно на двадцать персон. Орды стульев, зажимающие его с двух сторон, возглавлялись королями, стоящими в оглавлении. На столе не было скатерти, однако два места, — те самые, максимально удалённые друг от друга, — были накрыты тёмно-красными салфетками.

Одно место уже было занято. Тен-Тен прищурилась, разглядывая отца Хлои.

Что же, выглядел человек, предположительно травящий собственную дочь, соответствующе коридору: не высокий и не низкий, не полный и не худой, не старый и не молодой. Весь какой-то усреднённый, он не производил абсолютно никакого впечатления. Мысленно Такахаша отметила, что на экране телевизора он казался значительнее.

Ощущение безликости не изменилось, даже когда мужчина посмотрел на Тен-Тен. На его лице аккуратно располагалось среднее количество морщин, черты лица тоже были средними. Немного из этой серости выделялся подбородок, слегка вытянутый... и всё. Седые волосы, седые глаза, тонкие губы и нос, который за всю жизнь ни разу не ломали. Взгляд у мужчины был спокойно-мрачным. Он словно ожидал что-то...

И что же Тен-Тен должна ему сделать?

Какие могли быть отношения у Хлои и её отца? Тен-Тен была в растерянности. С одной

стороны, стервочка типа Буржуа пользовалась авторитетом, властью и деньгами своих родителей. С другой, Тен-Тен не видела ни одной совместной фотографии у Хлои в комнатах.

Как ей себя вести? Перевесит ли власть денег нелюбовь от родителей? Ей стоит быть позитивной? Громкой? Недовольной?

Наверное, всё-таки недовольной. Судя по реакции усача, — тот с опаской посматривал то на Хлою, то на её отца, — и по прошлым его словам, имел место некий конфликт. Достаточно сильный и значимый, если Хлоя отказывалась завтракать с родителем, от которого она не видела внимания. А ведь девушкам типа Буржуа это самое внимание что воздух... чуть недодашь, и девица начнёт задыхаться, как рыба на суше.

В сухом остатке было: предположительная любовь и зависимость, конфликт и хмурый взгляд отца Хлои. Так что Тен-Тен ограничилась поджатием губ и игнорированием мужчины.

Она прошла за свободное место и, показательно не смотря на отца Хлои, уселась. Спину Тен-Тен держала прямо; не по-королевски прямо, а так, словно проглотила шест Котёнка. Этаким символом её неудобства, смущения, конфликта.

Отец Хлои наживку заглотил, как миленький. Да уж, это не мир шиноби, где нельзя верить даже микромимике. Люди здесь были менее избалованы шпионскими играми, так что мужчина, завидев «неудобство» собственной дочери, слегка ухмыльнулся. Было абсолютно ясно, что он считает, будто это он ведёт игру, а Хлоя ей всего лишь подчиняется.

Скорее всего, с прошлой Хлоей так и было. Вот только теперь вместо неё была Тен-Тен. Шиноби, — уже куноичи, — которую пытаются отравить. А она всегда нервно реагировала на угрозы собственному здоровью.

— Хлоечка, ну что ты! Долго ещё будешь дуться?

Различие тона и сухих серых глаз было таким большим, что возмущение Тен-Тен даже не пришлось изображать. Этот мужик напротив смотрел на собственную дочь расчётливыми зрачками; возможно, он был как-то связан с отравлением Хлои. И теперь он спрашивает, долго ли она будет дуться?

— Я вышла на завтрак, — отрывисто бросила Тен-Тен. — Недостаточно?

— Ну, Хлоечка... ты расстраиваешь папочку.

Внутренне Тен-Тен передёрнулась. Слишком слащаво, наиграно, да кто вообще поверит такому тону?

Судя по взгляду мужчины, Хлоя. Хлоя должна была поверить этому сахару в словах и растаять как мороженое летом.

Опять же, пошёл к биджуу. Вместо Хлои теперь была Тен-Тен, которая на патоку чужой речи нахмурилась. Откинувшись на спинку стула, девушка скрестила руки на груди, всей позой выражая недовольство. В чём бы ни состоял конфликт, Тен-Тен точно знала, что Хлоя не отступилась бы от своего мнения... если бы ей не предложили более заманчивую альтернативу.

Мужик напротив, видимо, тоже об этом подумал. В его глазах появилось что-то нехорошее, тёмное, и Тен-Тен сразу же поверила, что этот серый человечек может травить собственную дочь. Она за свою жизнь уже встречалась с такими: вместо сердца у них было чужое мнение, вместо жизни — политика и власть. Если Хлоя как-то мешала ему, то папочка вполне мог бы распланировать её смерть по нотам... чтобы ещё больше увеличить свою популярность, конечно же.

Как бы отреагировали обыватели, если бы у мэра города внезапно скончалась дочка? Юный нежный цветочек, которому расти и расти... Ах, как внезапно оборвалась её жизнь, какая утрата... мы сделаем всё, чтобы такого не было — голосуйте за меня, за неутешного отца, который будет работать не покладая рук, ног и других чресел ради вашей безопасности, комфорта и стабильности!

Шикарный рекламный слоган, нечего сказать. Вот только Тен-Тен не собиралась становиться разменной монетой во всех этих богопротивных игрищах.

Мужчина расправил плечи, сел прямо, — по-королевски прямо, а не как сидела Тен-Тен, — и уставился на девушку серостью глаз.

— Мы с тобой всё-таки взрослые люди, Хлоя. Правда? Так давай поговорим, как взрослые.

Тен-Тен скривилась. Отцом Хлои это было расценено как побуждение к дальнейшему монологу.

Итак, что Тен-Тен узнала из его сладких речей, если опускать всю словесную мишуру. Хлоя была его дорогим активом — достаточным ценным, чтобы попытаться устроить ей политический брак. К сожалению, при воспитании Хлои была допущена некая ошибка, — тут мужчина закатывал глаза и бормотал «одри», что бы это ни было, — и Хлоя вышла не слишком послушной. Идея брака по расчёту была преподнесена неправильно, и девушка встала на дыбы.

К тому же, Хлоя была без ума от Агреста. Кто может быть лучше Агреста? Ни один из отцовских знакомых.

Усиление давления провоцировало злобу от Хлои, — её папаша называл это «недальновидностью», — а последующие попытки задобрить девушку подарками воспринимались, естественно, в штыки. Апогеем всей этой канители стал феерический скандал с битъём ваз, обоюдными криками и упрёками и, конечно же, показательным молчанием каждой из сторон в течение недели минимум.

Посыльным мира между двумя враждующими сторонами стал усатый нянь. Звали его или Жан-Жак, или Жан-Поль, или Жан-Клод — отец Хлои каждый раз при упоминании усача называл его по-разному, и поначалу Тен-Тен думала, что он говорит о разных людях.

— Я не буду ни с кем никак сочетаться, — подвела итог Тен-Тен, всё ещё держа скрещенные руки на груди. — Ни. За. Что.

— Ты не понимаешь...

— Мне всё равно.

Завтрака как такового и не было: еда что перед ней, что перед Андрэ стояла стылая и нетронутая. Тен-Тен даже чай не пила, потому что её всё ещё подташнивало из-за утреннего инцидента. С которым, кстати, надо будет потом разобраться. Если это на самом деле рыжая, а не папаша, то её стоит по-быстрому и по-тихому придушить. Если всё-таки Андрэ... ну, тут нужно узнать особенности здешнего законодательства, прежде чем что-то предпринимать.

И, конечно, не стоило забывать про странных мужиков, швыряющихся голубями, и про мальчика-кота с напарницей. И про папку в комнате. И про здешнюю академию шиноби. И про...

Про много-много разных вещей, короче.

Тен-Тен встала из-за стола и посмотрела на отца Хлои. На Андрэ Буржуа. Серый человек смотрел в ответ, так что Такахаша пришлось добавлять в глаза обиду и заставлять их

слезиться. Может, это его проймёт?

Нет, глухо. Андрэ оказался на удивление невосприимчив к настроениям собственной дочери. Интересно, почему.

— Сейчас я иду учиться, — она не была уверена, как называется место, где она впервые очнулась; а вдруг не академия? — И я надеюсь, что ты, папочка, к моему возвращению одумаешься. И что таких глупых мыслей у тебя больше не будет. Я люблю Агреста... хотя он меня обидел, конечно. Но любовь бывает сильнее обиды, чтобы ты знал.

С удовольствием она увидела, как Андрэ едва удержался от того, чтобы закатить глаза. Так тебе. Ешь ту приторность, мэр Буржуа, которой ты кормишь всех вокруг.

Из столовой она вышла без каких-либо приключений. Почти у лифта её нагнал усач.

— Вы пойдёте учиться... в таком виде?

Они зашли в лифт, и Тен-Тен нажала кнопку этажа Хлои.

— Конечно же нет, Жан-Поль. Я ни за что не выйду из дома ненакрашенной.

— Ваш врач...

— Я помню.

Тен-Тен прикрыла глаза, мысленно расставляя задачи по приоритету. Интеграция, информация, инвентаризация и много других страшных слов. Надо разобраться с Сабриной, с котомальчиком, с учёбой, с одеждой, с Андрэ. В комнате лежала папка с её расписанием, с которым всё-таки было бы неплохо ознакомиться.

А ещё обязательно стоит позвонить Луке. Если уж прожитые годы чему-то научили Тен-Тен, так это тому, что нельзя терять контакта с парнем, который согласен носить тебя на руках.

Глава 6. Телефон

Здесь детки учились в учреждении, которое называлось «коллеж». Не «колледж» и ни в коем случае не «академия», и даже не «школа». Располагалось светлое пятиэтажное здание в отдалении от отеля Буржуа, и Хлое полагалось ехать на учёбу в шикарном лимузине — слишком, на её взгляд, длинном автомобиле.

Поначалу Тен-Тен даже не поняла, что вытянутая машина-сосиска перед входом в отель ждёт именно её. Но затем из черноты техники выскочила знакомая рыжая собачка, — Тен-Тен вместо приветствия скривилась, — и всё стало ясно.

Сабрина светилась нездоровым энтузиазмом, будто приняла что-то увеселительное. При этом её глаза блестели совсем недобро. Удивительный бирюзовый цвет девичьих радужек из-за внутренней злобы выглядел не изумительной морской пучиной, а обманным отражением стекла.

Рыжая была в той же одежде, что и вчера. На это Тен-Тен подняла брови и снова скривилась — в этот раз пренебрежительно.

— Что, у тебя дома не осталось вещей? — протянула она. — Могла бы надеть что-нибудь поинтереснее.

Нет, девушка выглядела неплохо, этого не отнять. Но вот та же шерстяная жилетка у Тен-Тен ассоциировалась с запахом мокрой псины. И вытравить эти сравнения не смогли даже отвратительно-сладкие духи рыжей.

— Но, Хлоя...

— Никаких «но», — фыркнула Тен-Тен. — Видеть больше не хочу эту жилетку. Это отстой, отвратительно нелепая вещь!

На «нелепую» Сабрина поджала губы. Это, естественно, не осталось незамеченным, хотя выражение недовольства на лице рыжей было всего лишь пару микросекунд.

Тен-Тен наклонилась ближе к Сабрине и ковырнула ногтем жилетку, специально растягивая шерсть.

— Абсолютно нелепая, — протянула она, внимательно смотря в глаза рыжей. — Ты меня поняла?

— Да, Хлоя. Никакой больше жилетки. Я поняла, Хлоя.

— Вот и отличненько.

Она обошла рыжую и легко нырнула в лимузин. Живот у Тен-Тен побаливал, но в туалет ещё не тянуло — и слава богам, если кто спросит. Стоило бы побыстрее доехать до коллежа, потому что Такахаша не знала, когда лекарство от отравления подействует или же выпитая вода попросится наружу. Только конфузов ей не хватало.

Сабрина залезла следом, но диалог завязывать не спешила. Закрыв дверцу, она достала из кармана телефон и уткнулась в него. Лишь бы не поднимать на Хлою глаз; Тен-Тен отлично видела, какое выражение застыло в лазурных радужках.

Это точно была не любовь.

Тен-Тен вытащила из кармана белых джинсов телефон и кинула его на сидение рядом с рыжей. Сабрина вопросительно посмотрела на девушку, но Такахаша даже бровью не повела.

— Смени мне пароль, — приказала она.

— А ты...

— Я занята, не видишь?!

По потёртостям салона Тен-Тен нашла мини-бар, — она была уверена, что в такой шикарной тачке он есть, и оказалась права, — и теперь мелкими глоточками пила воду из крошечной запотевшей бутылочки. С тяжёлым вздохом Сабрина взяла телефон и застучала пальчиками по экрану. Стёкла её очков отражали мобильник, но Тен-Тен не приглядывалась, а потому не увидела, каким был прошлый пароль.

— Какой установить новый?..

— «агреста дурак!» С восклицательным знаком и без других знаков препинания. «агреста» с маленькой буквы. Представляешь, Адриан посмел на меня фыркнуть! На меня! Фыркнуть!

Сабрина пожала плечами и принялась набирать новый пароль. Тен-Тен продолжала извергать из себя целый гейзер красноречия, благо, говорить ни о чём она умела, как и любой другой шиноби. Ниндзя любили использовать яды для развязывания языка, — и Тен-Тен не была в этом исключением, — так что всех специально тренировали болтать попусту.

Рыжая выглядела несчастной от этого умения своей «подружки». В какой-то момент Тен-Тен решила, что с девчонки достаточно, и замолкла. Взяв мобильник обратно, она в последний раз назвала несчастного Агреста придурком, и переключилась на технику у себя в руках.

Сабрина с облегчением выдохнула и осторожно, лишь бы не потревожить Хлою, взяла свой телефон. О, да, болтовня ни о чём выматывает окружающих, Тен-Тен это отлично знала.

Первым делом она открыла камеру и сфотографировала все материалы из папки, что принёс усач. Тен-Тен многое бы отдала, чтобы Жан-Жан был рядом с ней, но учиться Хлоя ездила без своего вечного сопровождающего. Увы. Вместо него была бесполезная озлобленная рыжая.

Хотя здесь Тен-Тен кривила душой: польза была и от Сабрины. Телефон, к примеру, разблокировала... ну и ещё что-нибудь сегодня сделает. По крайней мере, Тен-Тен на это надеялась. Она собиралась гонять рыжую по-чёрному не только из-за покушения на свою жизнь, но и за любовь к шерстяным вещам. Разве нужна ещё причина?

После фотографирования Тен-Тен открыла сообщения и стала листать вереницу переписок. Мысленно Такахаши благодарила всех богов за то, что внуки научили её пользоваться такой тонкой техникой: как оказалось, в двух мирах мобильники были не то чтобы идентичными, но интуитивно похожими.

Мысленно тяжело вздохнув, Тен-Тен погрузилась в тонкости чужой жизни.

Хлоя не была большим любителем поговорить. Большая часть её переписок — рекламные предложения из ювелирных, ресторанов, кинотеатров, просто театров и других увеселительных заведений. С живыми людьми Хлоя практически не общалась; исключения — мать, отец, Сабрина и некая Дуринетт. Последняя была старостой в коллеже, как догадалась Тен-Тен, и присылала исключительно рабочую информацию.

Переписка с Сабриной — сплошные «иди-сделай-скажи». Ни слов благодарности, ни обычного трёпа. Аналогично с отцом: «пришли денег-дай-давай» и прочее. А вот к матери, — она была записана у Хлои как «Мамулечка <3», — оказалось совершенно другое отношение. Теперь уже Хлоя была в роли девочки для битья и приказов.

Читая сплошные упрёки от матери Хлои, Тен-Тен невольно начинала хмуриться. Это кем надо быть, чтобы забывать имя собственной дочери? У этой женщины что, не все дома?

Какое-то расстройство? Девочке было не больше пятнадцати, для гражданской это очень нежный возраст. И тут такое...

Ну, по крайней мере Тен-Тен поняла, у кого Хлоя училась приказывать. И кто показал ей пример социальной стервы. Одри Буржуа, — вот что значило бурчание «одри» от Андрэ, — оказалась той ещё сукой, и наслаждалась этим. Несколько раз она путала смс от дочери с рекламными предложениями, и Хлоя была вынуждена читать не самые приятные отказы. Но даже эти сообщения девочка не удаляла.

По переписке оказалось до обидного легко разложить Хлою Буржуа по полочкам. Девочка была одинока и озлоблена из-за того, что её никто не любит. Привязанности Жан-Жана она не видела из-за детскости сознания, от родителей любви не дождалась до самой смерти, единственная подруга-рабыня пытается травануть почём зря, и на этом окружение заканчивается.

Был ещё Агреста. Светловолосый ангел, который своей улыбкой освещал путь Хлои во мраке человеческой ненависти и который отказался от подруги детства из-за испортившегося характера. Переписка с ним оказалась сохранена даже не среди остальных смс, а среди фотографий и скриншотов. Поздравления с праздниками, трогательные вопросы о самочувствии, когда Хлоя болела, — Тен-Тен была уверена, что иногда блондинка свои болячки симулировала, — и не менее милые подбадривания по поводу и без. Вот только, судя по датам на скриншотах, общение двух несчастных детей становилось всё реже, пока не угасло совсем. Последняя картинка датировалась двумя месяцами ранее, и это был вопрос про домашнее задания для коллежа.

Эх, Адриан, проворонил девицу. Тен-Тен не знала, что произошло у этого мальчика, почему он улыбается с такой болью, но была уверена: он мог бы зацепиться за Хлою, и они бы выбрались из того болота, в которое попали. Покалеченные, зато вдвоём. Но, судя по тому, что Тен-Тен видела и читала, он этого не сделал.

Так что имели что имели.

Хлоя хотела дружить, любить и чтобы любили её. Хлоя ничего из этого не умела. В итоге Хлоя пропала, и теперь её тело занимала женщина, которая так же мечтала о взаимной привязанности. Возможно, подмена произошла из-за этого нереализованного желания: шиноби, несмотря ни на что, преступно мало знали о чакре и её возможностях. Шикамару, к примеру, считал, что потенциал чакры безграничен. А Шикамару ошибался очень редко.

В шикарном салоне крутого автомобиля Тен-Тен пообещала Хлое, — где бы она ни была, — что она не упустит свой шанс на «долго и счастливо». Это было бы хорошей поминкой для девочки, которую никто никогда не любил.

А потому она отправила предложение о встрече Луке. Как она и говорила, запомнить восемь цифр было проще простого. Жалко только, что парень не сидел на телефоне, а потому не ответил ни через пять минут, ни через десять.

Тен-Тен ненавидела ждать, так что просто выкинула эту смс из головы и сосредоточилась на настоящем. В реальности её ждал коллеж и куча детишек, с которыми в будущем надо было как-то контактировать. К тому же, в папке Жан-Жана на вторник было запланировано событие под названием «фильм».

Она должна была пойти с кем-то в кино? Она будет сниматься в кино? Кино будет сниматься с ней? Что вообще это «фильм» должно означать? Фильм будет вместо уроков, после них, параллельно? Если после уроков, то почему у Хлои нет вещей, тогда как у Сабрины — чуть ли не целый сундук, маскирующийся под рюкзак на колёсиках. Такая

отвратительная огромная розовая штука из пластика, напоминающая чемоданчик для путешествий.

Тен-Тен скривилась, заметив это... это.

— Сабринчик, — сказала она, не сводя глаз с розовости. — Я надеюсь, ты взяла мои вещи?

Рыжая подняла взгляд от мобильного. В бирюзе отражался сначала вопрос, затем осознание, после — паника. Тен-Тен откинулась на спинку диванчика, закинула ногу на ногу и сцепила пальцы на коленке.

— То есть, своего монстра ты не забыла, а мою сумочку — да?

— Х-хлоя... я сбегаю. Быстро!

Не успела Тен-Тен что-либо сказать, как рыжая выскочила из авто — слава всем духам, что не на полном ходу, а на светофоре. Такахаши открыла было рот, чтобы крикнуть ей остановиться, но после секундной задержки снова сомкнула губы.

Ладно, полезность Сабрины на утро была исчерпана. Интересно только, как рыжая собралась добираться до отеля, если они уже проехали несколько кварталов. Пешком, что ли? А в коллеж потом как?

Совсем дурная.

Дорогу до учебного заведения Тен-Тен провела, перечитывая переписки Хлои. Начала она со скриншотов Агреста — как оказалось, они были наиболее информативными. Хлоя хранила даже самые ранние скрины, когда обе стороны писали с ошибками и практически не использовали знаков препинания.

На самом деле, читать это всё было довольно печально. Целая папка скриншотов наверняка весила чёрт знает сколько для такого крошечного мобильного; вероятно, Хлоя требовала у Андрэ последние модели телефонов не столько для понтов, сколько для сохранения крупиц хорошего в её недолгой жизни.

Второй по объёму папкой в телефоне у Хлои оказалось место поклонения девочке в красном — Ледибаг. Здешняя не-ниндзя была запечатлена в разных ракурсах, улыбалась, хмурилась, шлёпала котомальчика, швыряла йо-йо, раздавала автографы и ещё много чего. В папке даже нашлось совместное селфи Хлои и красненькой, вот только Ледибаг на фото была не слишком довольна. Похоже, Буржуа оказалась излишне докучливой фанаткой.

Были ещё и фанатские рисунки, но их Тен-Тен пролистывала, особенно не задерживаясь. По фотографиям она достаточно изучила мимику девочки в красном, чтобы найти её даже под иллюзией, так что рисунки могли только сбить тонко настроенное восприятие ниндзя. Это было бы излишне.

Но, что удивительно, Тен-Тен не нашла в телефоне главного. Несмотря на то, что Хлоя было четырнадцать лет, — спасибо фотографии школьного пропуска с датой рождения, — она совершенно не интересовалась чувственной стороной жизни.

Говоря проще, Хлоя Буржуа не хранила на телефоне порнографию.

Тен-Тен воспитала не одного ребёнка и не одного внука, так что она знала, что это как минимум странно. В период полового созревания хоть одна фотка, хоть одна ссылка, но будет под рукой. Даже если не порнография, то хотя бы эротика. А тут — глухо.

Возможно, дело было в психической нестабильности и незрелости. Или же в том, что Хлою не интересовали гормональные игры из-за отравления. Как известно, из-за ядов организм начинает сбивать во всех сферах, и половая страдает одна из первых.

Коллеж был таким же белым и обычным, как и в день пробуждения Тен-Тен в новом

теле. Лимузин уехал сразу же, как девушка вышла из него, не подав никакого знака.

Оглядевшись по сторонам и заприметив девочку, которую видела в классе вчера, Тен-Тен аккуратно пристроилась ей в хвост. Розововолосая мелкая девчушка явно была пацанкой: агрессивный стиль, громкий голос, показная грубость и слегка манерные жесты. Пыталась стать своей среди парней, надо же. Какая прелесть.

Но ходила она, к счастью, в женские туалеты. Тен-Тен, выпившая с утра незнамо сколько воды, была готова пацанку расцеловать, когда перед уроками та зашла в уборную.

— Боже, это лучше оргазма...

В туалете Тен-Тен разобралась быстро, а вот на мытье рук зависла. У Хлои под ногтями оказалось довольно много земли, однако видно её из-за яркого маникюра не было. Выковыривая чёрные комки из-под яркости лака, Тен-Тен так увлеклась, что даже не заметила, когда пацанка встала рядом.

— Ты что, землю царапала, что ли?

Тен-Тен поморщилась. Сознание привычно фиксировало происходящее вокруг, так что голосу пацанки она не удивилась и уж тем более не испугалась девочку. Хотя та, мелкая засранка, специально встала у Хлои за спиной, явно пытаясь напугать.

Выключив воду, Тен-Тен через зеркало посмотрела на розововолосую, отошедшую в сторону. Их взгляды встретились, и тогда Такахаша неприятно улыбнулась: немного болезненности, немного надменности, немного «тебе-этого-не-понять-насекомое».

— Нет. Просто некоторые из нас акуманизируются, а другие — убегают от акум.

Почему-то пацанка побледнела и поджала губы. Тен-Тен запомнила эту реакцию и кивнула ей: значит, эта девочка была акуманизированной.

Спасибо, боги, за телевидение. Несмотря на кучу рамена на ушах, видеоряд приносил пользу, если умеешь отделять зёрна от плевел. Одного «киносеанса» в квартире Луки оказалось достаточно, чтобы немного разбираться в терминологии нового мира.

Акуманизированные, они же акумы, они же одержимые. Это когда в человека влетает чёрная бабочка Бражника — вещество, судя по видео, чисто энергетическое. Имеет странные силы, как у человека с голубями, странный вид и одну цель. Талисманы Чудесных. После извлечения бабочки человек остаётся невредим, правда, ничего не помнит о своих действиях.

Акуманизация происходит под влиянием сильных эмоций, так что за свою безопасность в этом смысле Тен-Тен могла не волноваться. Вряд ли в этом мире найдётся что-то, что выведет её из себя сильнее, чем четвёртая мировая шиноби, война с Суной или собственная смерть. После такого слегка смещаются ориентиры реакций для пережитого.

А вот розовенькая была под акумой. И почему-то эта мысль её травмирует.

— Ну, знаешь ли... не стоит злить людей и доводить их до нервного срыва!

Тен-Тен закатила глаза. Может, Хлоя и была заразой, вот только...

— Каждый сам решает, как реагировать. Даже если что-то произошло, у тебя есть выбор.

— Что?

Тен-Тен цыкнула. Открыла кран, пустила воду, намочила руку и несильно брызнула девочке прямо в лицо. Та отшатнулась, инстинктивно закрылась и сморщилась. Спустя мгновение на Тен-Тен смотрели две полных злобы радужки.

— Ты что творишь?!

— Вот об этом я и говорю.

— А?..

Тен-Тен закрыла кран и вытерла руки бумажным полотенцем. Не глядя, кинула в мусорку — и, конечно же, попала.

— Негатив — это выбор.

— Ты мне в лицо плеснула! Что мне, радоваться?!

Такахаша когда-то видела, как две девочки-подружки точно таким же образом плескались и смеялись. Кажется, это было в каком-то сериале, которые так любила её внучка.

— А что, твой крик принесёт тебе что-то, кроме головной боли?

Девочка сощурилась и скривила гримасу, полную отвращения и несправедливой обиды. Удивительно, как у неё только получилось совместить первое со вторым.

Не давая ей времени одуматься, Тен-Тен легко толкнула пацанку в плечи, направляя к выходу.

— Идём в класс.

Девочка шла чуть впереди, координируя движение и даже не замечая этого — так она ушла в свои мысли. Тен-Тен не мешала процессу: пусть подумает, в подростковом возрасте это полезное, но такое редкое действие.

Класс был тот же самый, в котором Тен-Тен пробудилась. Уроки шли один за другим, — Сабрина с вещами Хлои вернулась до начала первого, к большому удивлению Такахаша, — и дети даже не пересаживались с места на место. Тен-Тен сидела и не отвечивала, просто наблюдая за преподавателями и учениками в естественной среде. Запоминала.

Вроде бы, все друг с другом дружили, однако были в этой стройной связи этакие узлы — центры отношений. Люди, с которыми общались все. Местные магнетики.

К ним относились та самая девочка с двумя хвостиками и Адриан Агрест, которого Тен-Тен целый вечер ошибочно называла Агреста и у которого скоро будет день рождения. С этими двумя дружили все; разделилось так, что мальчики подходили к Адриану, а девочки — к хвостатой. Наоборот тоже бывало, но реже. Детишки общались, обменивались своими незрелыми мнениями, списывали домашнюю работу и просто слонялись туда-сюда на переменах.

Тен-Тен наблюдала и не вмешивалась. Хвостатая больше говорила; Адриан больше слушал.

Хлоя Буржуа, по её наблюдениям, тоже была магнитом — однако полярность у блондинки оказалась обратной. Хотя Тен-Тен ничего не делала, её избегали. Побаивались даже.

Да уж, это не та брезгливость, с которой к Хлое относились в отеле. В её классе девочку реально опасались. Интересно только, что же могла сделать дочка мэра, учитывая, что папочка её особенно не любил.

В классе наблюдались обычные ролевые модели: спортивный мальчик, девочка-пацанка, заучка, подпевалы, тихони и взрывные яркие звёздочки. К последней относилась девушка, привлекающая внимание Тен-Тен своей шевелюрой: на концах волосы полыхали красным. Девушку звали Альей, судя по тихим и робким ответам её соседки по парте, и характер у неё был исключительно боевитый. Возможно, в мире Тен-Тен она бы родилась среди Узумаки.

Алья громко обсуждала с подругой предстоящие съёмки. Курировал их её то ли

бойфренд, то ли близкий друг — мальчишка в кепке, с огромными очками и светло-коричневой кожей. Он и Алья то переругивались, то совместно предавались мечтаниям о прекрасных съёмках, то втягивали в свою беседу соседей. И если девочка с двумя хвостиками ещё хоть как-то участвовала, то вот друг очкастого...

Адриан Агрест в основном молчал и улыбался. Это была нехорошая, растерянная улыбка: парень просто не знал, что и как говорить, хотя его и пытались втянуть в обсуждение. Он отвечал только если спорщики обращались непосредственно к нему; в остальное время Адриан предпочитал молча наблюдать за разгорающейся баталией, не высовывая носа из своего ореола спокойствия.

Эта четвёрка стала отличным источником информации. Не прилагая абсолютно никаких усилий, Тен-Тен за каких-то полчаса узнала о школьной жизни и вечерней съёмке фильма больше, чем могла бы сама. Не зря говорят, что болтуны — находка для шпионов.

Для ниндзя в этом конкретном случае.

И если перипетии школьной жизни не особенно интересовали Такахаши, то вот информация о фильме стала весьма полезной. Кинолента должна была отправиться на какой-то фестиваль, и это был большой шанс для Нино Ляифа, — того очкастого парня, друга Адриана, — чтобы показать себя. Причём Нино интересовала не столько его репутация как режиссёра, сколько звуковое сопровождение.

Нино Ляиф мечтал стать ди-джеем и изменить мир музыки.

Роли в детском кино были распределены, куций инвентарь добыт или сшит. Маринетт, подруга Алья, оказалась дизайнером, так что вещевую часть инвентаря сделала собственноручно. Не очень много, потому что фестиваль кино этого не предусматривал. Однако девочка гордилась даже этим.

Вслушиваясь в обсуждения, Тен-Тен переплела пальцы перед лицом и уткнулась в них губами, скрывая нижнюю половину лица. За макияж она не переживала, потому что накрасила исключительно зону глаз. Сабрины рядом не было: на переменах собачка убегала в столовую то ли есть, то ли флиртовать. Хотя, возможно, она просто старалась не сидеть рядом с молчаливой Хлоей — для блондинки такое поведение было нехарактерно.

Итак, Тен-Тен узнала три мечты детства и слабые точки одноклассников. Маринетт любила дизайн и шитьё, Алья увлекалась супергероями и журналистикой, Нино жил музыкой. Адриан, мальчик с большими глазами и робкой улыбкой, вроде бы не увлекался ничем — но Тен-Тен, единожды столкнувшись с ним взглядами, точно была уверена, что у него есть не только секретки, но и какое-то увлечение, буквально заменяющее Агресту жизнь.

Отбери у каждого возможность заниматься своим делом — и будет четыре загубленных души. Очень просто, Тен-Тен просчитывала подобное автоматически: сломать пальцы Маринетт, проколоть барабанные перепонки Нино, раздробить колени Алье, закрыть в одиночестве Адриана. Немного подождать, не дать покончить с собой — и эти четверо сделают что угодно.

Полный слом личности. С гражданскими это проще всего сделать именно в подростковый период, когда гормоны пересиливают и разум, и сердце. Вот только новый мир не требовал подобных действий. И Тен-Тен надеялась, что не потребует.

Она очень не любила рушить чужие судьбы.

Глава 7. Фильм

В мире шиноби Тен-Тен не особенно интересовалась кинопроизводством. Из-за особенности собственной карьеры девушке пришлось познавать актёрское мастерство, но, в общем-то, на этом понимание кино для Тен-Тен заканчивалось. Она не любила фильмы: слишком предсказуемые, слишком наивные, с дрянной игрой людей, которые сами не верили своим ролям и репликам. В итоге просмотр фильма с семьёй превращался в настоящее мучение.

Другое дело — просмотр кинолент с подругами-куноичи. Сакура, Ино, Темари, да даже мягкая и нежная убийца-Хината — все они понимали искреннее недоумение Тен-Тен и с охотой подхватывали её возмущение сюжетом. В кинотеатрах женщины так хохотали, что их нередко выгоняли прямо с сеанса. И это было потрясающе.

От детской попытки снять фильм Тен-Тен не ожидала ничего интересного. В принципе, она оказалась права: Нино больше думал о музыке и звуковом ряде картины, чем о сюжете; Маринетт волновалась о каждой мелочи и постоянно поправляла собственноручно сшитый реквизит; Адриан ощущал себя не в своей тарелке и то улыбался, то беспокойно хмурил брови.

Из всего класса вовлечены оказались человек шесть. Остальным, — и Хлое в том числе, — полагалось тихонько сидеть за партой и, видимо, восхищаться творящимся перед ними великим действием.

Проще говоря, Тен-Тен заскучала уже через пару неудачных дублей от горе-режиссёра. Не было ничего удивительного в том, что горе-актёры его не слушались.

Тен-Тен даже не могла сказать, кто играл хуже: пухляшка-Милен, боящаяся искусственной глуповатой маски; крепыш-Айван, изображающий монстра, который рычал с интересным грубым акцентом; или же моделька-Адриан, явно больше привыкший к статичным позам и застывшей мимике, чем к динамике и репликам. Тен-Тен наблюдала за тем, как недо-актёры сталкиваются, говорят невпопад, мешают друг другу и всё никак не могут войти в роль.

Ну, что с детей брать.

Помимо этой не-актёрской вакханалии, не стоило забывать о Маринетт, Алье, Нино и зрителях: едва Милен или Адриан ловили нужное настроение, как «подбадривающий» выкрик с задних парт тотчас рушил всю композицию на корню. Какая уж тут игра, когда в твою сторону орут что-то агрессивно-позитивное.

Это было смешно. Первые пару неудачных дублей — попыток отснять хоть что-то подходящее. Потом Тен-Тен начала скучать. Ещё спустя несколько провалов — злиться. К четырнадцатому пропавшему дублю её губы кривились в самой настоящей презрительной ухмылке, достойной Хлои Буржуа.

Нет-нет, она ничего не требовала от детей-актёров. Тен-Тен отлично знала, что вжиться в роль бывает сложно. И не зря всегда сначала гримируют, расставляют декорации, прогоняют пару дублей — всё, чтобы без проблем затем вжиться в историю. Вот только Нино хотел сразу получить идеальную сцену, на которую идеально ляжет его идеальная музыка.

А ещё он сбивал ребят своими репликами и ремарками. В общем, желая получить всё и сразу, очкастый не только убивал настроение на «площадке», но и тормозил процесс. И это

раздражало Тен-Тен намного сильнее, чем неудачи подростков в ролях.

Она быстро читала, так что успела пролистать оставшиеся переписки и рекламу в телефоне Хлои. Лука так и не ответил на её смс; в удобном мобильнике даже была пометка, что абонент даже не видел сообщения, так что парень её не игнорировал, а был занят. Наверное. По крайней мере, Тен-Тен надеялась, что Лука проводит время интереснее, чем она.

Сабрина, сидевшая рядом, сделала домашнее задание не только за себя, но и за Хлою, — Тен-Тен отметила, что рыжая отлично подделывает почерк Буржуа, что могло стать источником проблем в будущем, — поправить макияж, купить в столовой три булки с джемом и употребить их в одно лицо. Хлое она выпечку, естественно, не предлагала. Тен-Тен и не просила.

В очередной раз услышав выкрик Милен, Тен-Тен раздражённо зарычала и встала из-за парты. Айван пытался успокоить одноклассницу, — девушку? будущую девушку? он слишком в ней заинтересован, — Адриан рядом расстроено тёр шею, Маринетт и Алья переговаривались на фоне. Несчастливая пухляшка залезла под стол, снедаемая лёгкой панической атакой, и уверения Айвана в безопасности звучали откровенно бредово. Сама его фигура, полная подростковых гормонов и нереализованной силы, вызывала напряжение. Хотя характер, Тен-Тен была уверена, у парня мягче бобов натто.

Она вышла из-за парты и подошла к спрятавшейся под учительским столом Милен. Интересно было, как по мере её движения замолкает класс: сначала заткнулись последние парты, затем заинтересованно затих Адриан, после неуверенно отступил Айван. Тен-Тен схватила Милен за руку и насилиу вытащила из ненадёжного укрытия.

Естественно, на такое сразу же отреагировала Маринетт. Как Тен-Тен заметила, хвостатая проявляла к Буржуа нездоровую неприязнь. Вполне вероятно, заслуженную.

Маринетт выступила вперёд, плечи её расправились, из глаз исчезла мутная поволока, возникающая при взгляде на Адриана. Девушка стала будто выше и внушительнее. Небольшое достижение для лёгкого атлетического телосложения, если честно.

Но её мимические мышцы знакомо сократились, и Тен-Тен удивлённо подняла брови. Маринетт дёрнула подбородком, поджала губы и повелительно взмахнула рукой, убив последние сомнения.

Да ладно.

— Хлоя! Оставь Милен в покое!

Милен, кстати, ничего против помощи Буржуа не говорила. То ли была под влиянием паники, то ли просто затихла, словно мышь предчувствуя рождающийся конфликт — неясно, да и неважно.

— Если у тебя есть свободное время, чтобы торчать здесь, Дуринетт, то вперёд. Я не собираюсь прохлаждаться в вашей компании весь вечер. В отличие от некоторых, у меня есть чем заняться.

— Если ты уйдёшь, — заметил чернокожий очкарик с задней парты, — то проект тебе не зачтут.

Тен-Тен закатила глаза.

— Самый умный, да? — Она посмотрела на сжавшуюся от страха Милен и ухмыльнулась. — Вот поэтому я и собираюсь простимулировать процесс.

Будь у пухляшки звериные уши, они бы настороженно встали торчком.

— К-как?

— Не думаю, что тебе понравится.

Она выхватила из рук Айвана тканевую маску, — скорее уродскую, чем страшную, не видели они деревянных масок храма Смерти, — и потянула Милен за собой. Быстро выйдя из Класа, Тен-Тен захлопнула дверь и ударила кулаком по замку. Как она поняла за день, такого было достаточно, чтобы язычок слегка выскользнул из выемки, надёжно запирая всех, кому не посчастливилось оказаться внутри.

Милен Тен-Тен отвела в женский туалет — пустующий, поскольку время уроков давно вышло, и во всей школе, кажется, остался только их класс. Втолкнув пухляшку внутрь, Такахаша сунула девушке в руки маску и встала в дверном проёме, преграждая путь наружу.

— И что?

Тен-Тен вздохнула. Она даже не хотела представлять, что могло произойти в жизни Милен Апрель для того, чтобы она так пугалась куска ткани. Тут явно нужна была работа менталиста, и не на один сеанс.

— Смотри на маску. Что видишь?

— Ну... ткань. Цветная...

— Страшная?

— Нет.

— А на Айване?

Милен ощутимо передёрнуло. Тен-Тен потёрла бы глаза, вот только тушь и тени явно не обрадуются такому обращению.

— Слушай. Мне всё равно, что там у тебя происходит дома, но, серьёзно? Ты боишься куска ткани на влюблённом в тебя парне?

— Влюблённом?

— Ты серьёзно этого не замечаешь? Это же ясно, как день. Он даже когда пытается играть монстра, — весьма посредственно, кстати, — о тебе переживает. Вот и получается, что получается: ни его, ни тебя не возьмут ни в одно актёрское училище. Нелепая парочка, играющая нелепые сцены. Чего тут вообще можно бояться, скажи мне на милость?

Милен нахмурилась и сжала маску в руках. Тен-Тен следила за выражением лица пухляшки из-под полуопущенных ресниц, отмечая изменения. Брови сошлись к переносице, губы стали одной бледной линией, скулы посветлели, зато линия челюсти вспыхнула красными пятнами. Вот как ты выглядишь, агрессия Милен Апрель.

Тен-Тен знала по крайней мере семь способов лишить человека страха и привычки бояться, однако самым быстрым и действенным она признавала негатив. К сожалению, трясущиеся коленки на поле боя было проще всего перевести в клочущую злость на командира, что несправедливо с тобой обошёлся или же сказал нечто обидное. Тут главное не переборщить, иначе вместо грызущего глотки подчинённого ты получишь кунай в спину.

Ино рассказывала о таких случаях, упоминая при этом, что Тен-Тен бояться нечего: Такахаша была слишком хорошей и дружила практически со всеми, так что единоразовый акт агрессии от неё не воспринимался как обида на всю жизнь. Проще говоря, Тен-Тен всегда любила больше, чем она могла настроить против себя.

С Милен была другая ситуация. Вряд ли Хлоя сильно задумывалась над тем, чтобы сохранить кредит доверия Апрель; безобидных, в общем-то, слов и замечаний оказалось достаточно, чтобы вывести девушку из себя. Ну и, конечно же, в дело вступили вездесущие гормоны. Тен-Тен по себе чувствовала, как кружит голову вечная смена настроений. Контролировать это удавалось исключительно из-за большого опыта.

Неудобно, когда собственное тело тебя предаёт. У шиноби подобные выверты компенсировались медитациями и контролем сознания. Тело же Хлои Буржуа явно не привыкло к ограничениям и пыталось взять над интеллектом Тен-Тен верх раз за разом.

Вот сейчас, к примеру, Тен-Тен ощутила, как холодеют и без того ледяные пальцы; как учащается сердцебиение, а колени становятся мягкими и слабыми — беги от чужой агрессии, быстрее, Хлоя, быстрее! Или же скалься, кусай, рычи. Защищайся! Усилием воли подавив привитую телу панику, Тен-Тен спокойно посмотрела в глаза бледной Милен и покровительственно улыбнулась.

— Надеюсь, ты покажешь хорошую игру, пухляшка, потому что у меня больше нет времени на эти ваши развлечения. Четырнадцать провальных дублей — что за цифра!

Она оставила Милен в уборной, решив дать девушке время прийти в себя. К тому же, стоило настроить и других участников драмы — не только же Апрель отличалась совершенно отсутствующим умением играть. Раздражало только, что, выйдя из туалета, Тен-Тен заметила давшего дёру Нино. Интересно, получилось ли у этого недорежиссёра записать их с Милен разговор? Тен-Тен не знала возможностей здешней техники для гражданских.

Упущение, которое стоило бы восполнить. А ещё она недооценила Нино: парню хватило умений вскрыть замок. Отмычкой или ударом — не важно, главное ведь результат.

Но сейчас её больше волновала актёрская игра. Что-то делать с Адрианом было просто бесполезно, тут одними объяснениями не отделаешься. К тому же, судя по психопортрету мальчишки, он привык подчиняться. Скорее всего, на какие-то комментарии и поправки, — тем более от Хлои, — он просто улыбнётся, створки его зелёных глаз закроются, и информация пройдёт мимо очаровательной лопухости. А вот Айван — это уже интересно. Тут было можно работать.

Может, именно Айван вытянет всю эту игру, и их отпустят по домам. Тен-Тен очень на это надеялась. Оставалось только замотивировать здоровяка.

В классе Нино выглядел так, будто никуда и не уходил. Выдавало парня разве что слегка учащённое дыхание, которое можно было бы списать на что угодно. Адриану в сотый раз поправляли макияж; Тен-Тен грешным делом предположила, что девушке с прямыми чёрными волосами и окрашенной чёлкой просто нравится прикасаться к лицу Агреста. В любом случае, тот не слишком возражал, привычно подставляя щёки для пудры, а губы для блеска.

Удивительно, что красили его почти как девушку.

На возвращение Хлои отреагировали предсказуемо-негативно. Маринетт вскинулась, прищурила голубые глаза и скривила губы, прежде чем задать очевидный вопрос:

— Где Милен?

Тен-Тен стряхнула с плеча несуществующую пылинку, показывая собственное равнодушие. Наверное, прошлая Хлоя закинула бы волосы за спину, однако Такахаша сменила высокий хвост на пышный пучок. При этом оголялась нежная, длинная шея, и Буржуа выглядела по-юношески невинно и хрупко. Одна сплошная польза.

— В туалете. Возможно, рыдает.

Нино раздражённо всплеснул руками, едва не выронив камеру; за такую неосторожность он был награждён возмущённым воплем Альи и тычком под рёбра от неё же.

— Ну и где нам искать другую главную героиню?! — зашипел от боли Ляиф. — Хлоя, обязательно всё портить?!

На это замечание Тен-Тен только пожала плечами.

— Какая разница, с такой главной героиней ты всё равно ничего не снял за три часа. Что она есть, что нет — результат одинаковый.

Адриан вздохнул. Девушка, поправляющая слой пудры на его лице, шикнула — и Агрест замер, как статуя. Вот он, профессионализм во плоти.

Нино вцепился в волосы. Алья отобрала у него камеру — во избежание, видимо.

— И что ты предлагаешь делать?! Кого я возьму на главную роль?! Тебя, что ли?

— Тогда я хочу быть в костюме медсестры.

— Что?!

Тен-Тен фыркнула, заметив чужое недоумение. Великие духи, как мало нужно этим детям, чтобы потерять концентрацию! Её учитель просто рыдал бы над их способностями.

Нино, однако, быстро пришёл в себя и даже по-собачьи мотнул головой.

— Как я впишу тебе медсестру в сценарий, Хлоя?!

— Понятия не имею. Но вот костюм медсестры мне точно очень подойдёт.

И, конечно же, во всё это не могла не влезть Маринетт. С воинственным кличем она призвала одноклассников отправиться на поиски несчастной Милен. На Хлою хвостатая при этом смотрела как на злейшего врага.

Учитывая, что перед этим Хлоя слышала, как Алья говорит о поцелуях в сценарии между главными героями... что же, картина складывалась не слишком приятная. Маринетт было важнее не допустить соприкосновения губ Хлои и Адриана, чем по-быстрому закончить эту канитель со съёмками. Более того, поиски Милен эта девчушка использовала просто как... предлог.

Не слишком здоровый эгоизм для девицы, которая пытается показать всем и каждому, какая она милая, добрая и потрясающая подруга.

Самым печальным во всём этом было то, что детишки, как барашки на привязи, пошли за пастушкой-Маринетт. Безропотно; даже самые ленивые из учеников с последних парт, встали со своих мест и вышли в коридор.

Тен-Тен вышла последней. Она следила за тем, как даже Сабрина, — собачка-Сабрина! — неуверенно оглядывалась то на Хлою, то на выходящих детишек, переминалась с ноги на ногу и пыталась не поддаться инстинкту стада. Выходило, кстати, так себе. В этом классе оказалась на удивление сильная привычка потакать желаниям Маринетт.

— А мы не пойдём? — неуверенно спросила Сабрина, когда последний из подростков вышел из класса.

Тен-Тен посмотрела на неё и медленно кивнула. Ей вся эта история с фильмом, превращающаяся непонятно во что, совершенно не нравилась. Однако она также не знала, к чему приведёт отказ от участия в совместной работе. У них в академии шиноби, к примеру, последующие за прогулами отработки были ровно в пять раз длиннее.

Поэтому она последовала за остальными детишками, чувствуя себя в этом стаде паршивой овцой.

В коридоре её, однако, ожидал сюрприз: растерянные школяры жались друг к другу и со страхом смотрели на окна, залитые чем-то тёмно-фиолетовым. Среди детишек Тен-Тен не увидела ни Маринетт, ни Адриана; Нино же, как заведённый, восхищённо выкрикивал нечтс бессвязное и нервно прыгал с места на место. Алья отдала парню камеру, и теперь он пытался снять жижу с разных ракурсов, беспрестанно комментируя свои действия.

— Что происходит?

Понадобилось ещё три раза задать этот вопрос, чтобы на неё обратили внимание. При этом в последний раз Тен-Тен подняла голос и сделала его максимально-неприятным, резким и противным.

Ну, если Хлою воспринимали только в моменты, когда она истерит, то кто она такая, чтобы рушить устоявшиеся привычки?

— Акума! — восхищённо сказал Нино. — Мой фильм займёт первое место!

— Не забудь отдать мне копию материала для Ледиблога, — вставила Алья.

— Конечно, без проблем. Для тебя что угодно!

Учитывая, что никакого прозвища или обращения не было, Тен-Тен решила, что парочка всё-таки ещё не парочка. Однако, принимая во внимание их взаимное притяжение, — которое они, видимо, даже не замечали, — до этого было недолго.

Но акума... Тен-Тен не могла определиться с собственными чувствами. С одной стороны, это было максимально похоже на её мир: неясные силы, противник, который непонятно чего добивается, необходимость выживать и выходить из странной ситуации целой... с другой стороны, у Тен-Тен из оружия рядом была только Сабрина — и та сомнительной полезности.

Акума — это ведь что-то настолько размазанное, непонятное. Судя по просмотренным видеорепортажам, одержимое существо могло быть гуманоидным или же совершенно не напоминать человека внешне. Силы разнились от случая к случаю, и, хотя их применение оставляло желать лучшего, — было видно, что акуманизированные не привыкли к мощи и разрушениям, — они всё равно оставались опасны для гражданских.

И, вот. Корень проблем. Несмотря на оставшийся опыт, Тен-Тен всё ещё была гражданской. Ослабленной отравлением девушкой, совсем не созданной для борьбы.

Она развернулась на каблуках и направилась в сторону столовой. Сабрина, как приклеенная, пошла следом. Рыжая постоянно оглядывалась, нервно мяла пальцы и кусала и без того покрасневшие губы.

— Куда мы идём, Хлоя?

— В кафетерий.

— Что?.. а зачем?

— В здании акума, которая заблокировала выход. Я не собираюсь просто сидеть и ждать, пока меня покалечат или убьют. Тебе напомнить, кому обычно достаётся из-за активности одержимых?

Короткий взгляд из-за плеча выхватил кончик ухмылки рыжей и злой блеск радужек. Сабрина, как и другие дети этого мира, очень слабо контролировала взгляд и грани своей мимики.

Тен-Тен хотела найти нож. Подошёл бы любой, лишь бы был острым: и канцелярский, и поварской, да даже пластиковый. А где ей искать нож, если не в столовой? Хоть что-то похожее на него там должно быть. Ну или вилка. Ножа не бойся, бойся вилки... если сдвинуть зубья, то получается неплохой кол.

А ещё вилки с хорошим балансом летят не хуже ножей.

— Может, попытаемся выйти?

— Окна заблокированы. Двери, скорее всего, тоже. И я не горю желанием проверять крепость этой фиолетовой жижи.

— Почему?

— А вдруг она липкая? Попадёшься, как мошкара в паутину.

— Ясно... ты такая умная!

— А ты слишком громкая. Хочешь, чтобы акума тобой пообедал?

— Н-нет. Прости.

В столовой Тен-Тен, как и думала, нашла плохонький нож. Баланса у него не было вообще, лезвие держалось в деревянной ручке на клею, да и поточить его не мешало бы... размером нож оказался едва ли больше женской ладони, и держать его обратным хватом было крайне неудобно.

В любом случае, получив в руки оружие, Тен-Тен слегка успокоилась. Не то чтобы мир заиграл прежними красками, но частичка уверенности всё же вернулась в её голову.

Да, она была зависима от оружия. И она не ощущала себя в безопасности без пары лезвий под боком. Это была часть её идентичности, раз за разом спасающая Такахашу жизнь.

План Тен-Тен был простым, как лапша в рамене: ей стоило укрыться в любом помещении и просто дождаться, пока Маринетт в красном сделает всю работу. Смысл самой лезть на рожон, если рядом есть люди, специально созданные для решения проблем такого рода? Про обученность Тен-Тен не говорила. Было как свет ясно, что Маринетт самоучка.

Получила она свои силы в результате ошибки или же её Мастер пожелал кинуть девочку в гущу событий без подготовки — неизвестно. Тен-Тен в любом случае не одобряла наличие подобной мощи у человека, не осознающего свою ответственность. Такахаша была уверена: если девочка-в-красном и косячит, то исключительно по-крупному.

То же самое, кстати, относилось и к котомальчику. Здесь герои были совершенно на одном уровне.

Пытаясь добраться до условно-безопасного класса Тен-Тен с Сабриной, естественно, столкнулись с акумой — благо, та их не увидела. Нечто аморфное, похожее на огромное желе в форме розово-фиолетового многоглазого монстра, напало на Айвана. Вернее, это непонятно что наскочило на Айвана, обнюхало его, лизнуло — и скрылось в школьных коридорах.

— Милен?.. — потрясённо выдохнул после этого подросток.

Тен-Тен поджала губы. Ну конечно. Милен.

Как она, высококлассный шиноби, смогла забыть про наличие в этом мире Бражника? Естественно, здешний злодей наверняка воспользуется ситуацией, и вместо позитивной для себя агрессии от Апрэль Такахаша получила потенциально озлобленного на Хлою Буржуа монстра.

Отлично, просто отлично. Нож оказался как никогда кстати.

И, вроде бы, силы Ледибаг воскрешали мертвецов... но это уже на самый крайний случай. Тен-Тен совсем не хотелось проверять, хватит ли добродушная Маринетт, чтобы не отменить воскрешение своего злейшего школьного врага. Это всё было очень печальными сценариями.

— Идём, — приказала она Сабрине, прежде чем двинуться вслед за одержимой.

— Мы за акумой?!

— Нет. Мы в класс.

Логика была простой: акума бежала в какое-то определённое место и совершенно не интересовалась тем, что оставалось у неё позади. А значит, у неё на хвосте было наиболее безопасно.

Глава 8. Страшила

Нельзя было сказать, что внешний вид монстреллы, — Сабрина сразу обозвала акуму Страшилой, чем рассмешила Тен-Тен чуть ли не до колик, — произвёл впечатление на ниндзя. Скорее, заставил задуматься о том, как можно это непонятно что упокоить.

В мире Тен-Тен, полном опасности от каждого куста, люди в основном сражались против людей. Однако это не было аксиомой. На своём недожитом веку Такахаша умудрилась столкнуться в бою и с демонами, и с животными, и с механизмами. И даже, — страшно подумать! — с богами.

В последнем случае она, конечно, в основном стояла в сторонке и тихонько молилась другим богам, оставшимся на небесах, за собственное благополучие и жизнь. О да, пока герой-Наруто сражался с сошедшими к людям небожителями, Тен-Тен как никогда хотела просто не протянуть ноги. Пожалуй, если бы побег гарантировал её выживание, она бы исчезла, не задумываясь.

Вот только тогда на кону стояла не только её жизнь, но и существование человечества в целом, так что покидать поле боя не было никакого смысла.

Сейчас её больше интересовал монстр. Страшила. И то, как от него можно избавиться.

А ещё — что будет с акуманизированным человеком, если акуму убить. Не заниматься лишней работой с поиском заражённой вещи, а просто и без затей, к примеру, отрезать голову. Восстановит ли Ледибаг девочку после обезглавливания? Или на руках Тен-Тен будет чуть больше крови?

Она не особенно любила убивать, хотя и была опытным шиноби. И это считалось нормальным: если вид крови и чужой последний вдох приносили тебе удовольствие, то это становилось поводом для визита к менталисту. Не было ничего страшнее в мире Тен-Тен, чем сошедший с ума ниндзя.

Итак, Страшила. Тварь повторяла внешний вид маски для съёмок, которую Тен-Тен отобрала у Айвана. Значит, акуманизировалась действительно Милен: Такахаша вручила ей в руки эту самую маску, прежде чем вывести из себя.

Страшила был большим, вполне уверенным в себе монстром розово-фиолетового окраса. Удивительно, но такая яркость совсем не мешала твари прятаться в тени углов; до того, как Страшила напрыгнул на Айвана, Тен-Тен этой розовости не видела. Значит, окрас каким-то образом только помогает мимикрировать. Возможно, желеобразная шкура поглощает свет?

Глаз было целых три, с одним центровым на лбу, точно у просветлённого монаха. Жёлтая склера, отсутствующая радужка, вытянутые щёлкой зрачки. При этом последние не расширялись в зависимости от освещения, так что, возможно, глаза для Страшилы были не нужны. Или же и вовсе были фикцией.

На голове — синие волосы, сваленные в дреды. При этом не было деления текстуры кожи и волос, так что они предоставляли для Тен-Тен заманчивый манёвр. Можно схватить, дёрнуть, отрезать — это на всякий случай, если дело примет скверный оборот. Тен-Тен вообще-то совсем не собиралась сталкиваться со Страшилой лицом к лицу, особенно учитывая, что именно Такахаша вывела Милен из себя.

У Страшилы были совершенно невыразительные зубы: круглые и редкие, они даже не перекрывали монстру пасть. Значит, он не полагался на них при охоте. Как и на мягкие,

тёмные ногти, которые даже не выглядели опасно. И, хотя руки Страшилы были крупными и накачанными, они так же не являлись основным способом охоты.

Опасен, по мнению Тен-Тен, был хвост. Длинный, гибкий, без опушки или шипов. Он напоминал хлыст, и бил наверняка с такой же силой. Учитывая, что ножки Страшилы оказались неправдоподобно-тонкими, хвост был ещё и способом передвижения.

Вообще, по мнению Тен-Тен, монстр вышел каким-то... жалким, что ли? Да, он выделял непонятную субстанцию, которую не удалось расковырять ножом и разбить брошенным стулом; да, он был довольно неприятным чисто внешне; да, он был быстрым, хорошо маскировался и мог незамеченным напасть из тени; ещё у него был потенциально опасный хвост, но на этом его боевые качества кончались. Как-то негусто для чудовища.

Вот в мире Тен-Тен эту розовую штучку убил бы первый выпускник Академии шиноби. Шкура Страшилы, судя по её виду, не была прочной, как обычное желе или студень. Самое то для проникающего урона и колюще-режущего оружия. А уж кунаями детки-ниндзя учились управлять едва ли не с пелёнок.

Не желая лишний раз сталкиваться с неясным монстром, Тен-Тен увела Сабрину в один из пустующих классов. Пока рыжая задвигала дверь стульями и шкафами, Такахаша сидела на парте и рассматривала свои ногти. Жёлтый лак облупился на кончиках, обнажая светлую пластину, и выглядело это не лучшим образом.

— Напомни мне потом сделать маникюр, — сказала Тен-Тен, наблюдая за красной от натуги Сабриной. — Этот себя уже изжил.

Естественно, рыжая не ответила. Сложно одновременно сохранять дыхание, удерживать себя от обморока и двигать тяжеленную мебель. Тен-Тен даже головой покачала: в действиях рыжей смысла было не больше, чем в криках Наруто. Страшила передвигался по потолку и тёмным углам, а потому легко мог забраться в класс через ту же вентиляцию.

Учитывая, что окна были залиты фиолетовым нечто, Сабрина собственноручно закрывала и себя, и Хлою в ловушке. Интересно только, понимала ли она это?

Кое-как разобравшись со шкафами, Сабрина утомлённо прислонилась мокрой спиной к одному из них. На девушке были тёмные штаны и светлая блузка, липнувшая к телу из-за пота. Красное лицо медленно возвращало свой цвет, пока рыжая пыталась восстановить дыхание и хоть немного прийти в себя.

Итак, по субъективному мнению Тен-Тен, Сабрина была красивой. В местах, откуда была родом Такахаша, рыжие встречались крайне редко; в большинстве своём они были или дальними родственниками, или как-то связаны с исчезнувшим кланом Узумаки. Поэтому в новом мире рассматривать яркую лисью рыжесть на голове обычной девчонки было даже забавно.

У Сабрины было красивое, правильное лицо. Огромные очки совершенно не портили впечатление от её черт. Скорее даже напротив, они придавали облику рыжей завершённую нежность, мягкость, незащитность. На такую посмотришь и не поверишь, что она может травить другого человека с холодным расчётом.

Хотя Тен-Тен не была уверена в своих выводах. Что-то не сходилось. Как Сабрина, человек достаточно порывистый, молодой, неопытный вдруг решился на медленную травлю другого живого существа? Даже если этим «существом» была надменная, сложная, сломанная Хлоя Буржуа. Сабрина не могла не понимать, что она с каждой каплей-гранулой-щепоткой яда становится убийцей. Ну не была она глупой.

Без поддержки со стороны она бы просто-напросто свернула с этой кривой дорожки

при первом же сомнении. Сабрина, как и любой другой подросток, могла бы натворить бед из-за вспышки гнева или под аффектом; для растянутого во времени убийства нужна холодная голова и железная логика. Нужно сердце, закованное в гранит и глаза, не знающие слёз.

Как у Андрэ Буржуа, к примеру.

Если взять за рабочую теорию, что Андрэ действует чужими руками, то всё становится просто и понятно. Он хочет убрать неудобную для себя и своей карьеры Хлою, но действовать самостоятельно не может — как и у любого другого общественного деятеля, у Андрэ слишком много наблюдателей. Поэтому он начинает действовать через человека, подобравшегося к дочери максимально-близко и практически доведённого до срыва. Через Сабрину.

Благодаря связям Андрэ получает яд. Возможно, он как-то обосновывает его получение; может быть, этот яд на самом деле — лекарство, которое выписал ему врач. Отец Хлои отдаёт этот яд взбешённой, но подавляющей свои эмоции Сабрине, объясняет, что делать, и просто смотрит со стороны. Сабрина подсыпает отраву, даже не зная, что каждый её рыжий шаг контролируется сверху.

Конечно же, Андрэ не пустил бы всё на самотёк. Не тот он человек. Люди типа мэра Буржуа слишком любят всё контролировать. И убийство собственной дочери — не исключение. Интересно, обведена ли предполагаемая дата смерти Хлои в его календаре? Или же его секретарь налепила на выбранный день яркий стикер?

Сабрина травит Хлою, сжираемая собственной подавляемой ненавистью. Хлоя, которая начинает чувствовать себя всё хуже день ото дня, становится ещё более несносной. Сабрина продолжает её травить, практически от отчаяния, подгоняемая комментариями и поощрениями Андрэ. В какой-то день она приносит Хлое сок с увеличенной дозой яда, нарушая договор с мэром Буржуа, и это становится финальной нотой в жизни блондинки. Вместо неё открывает глаза Тен-Тен, которую сожрала изнутри собственная чакра.

Красивая теория. Жаль только, что слишком стройная.

Тен-Тен закинула ногу на ногу и скрестила руки на груди. Сабрина уже пришла в себя, и теперь бездумно смотрела на окно, залитое фиолетовым. В стёклах её очков отражались лампы, и увидеть взгляд было практически невозможно.

Для шиноби это было мелочью. Как мало могут сказать глаза в сравнении с мимическими мышцами! Плох тот ниндзя, что ориентируется только на взгляд; брови, нос и губы могут сказать намного больше.

В сухом остатке была Сабрина-убийца, которую наверняка кто-то курировал. Кто-то взрослый, кто не желает добра Хлое и совершенно не догадывается, что вместо хрупкой розочки в этом теле ветвится ядовитая хура.

В классе было тихо, только неуверенно тикали настенные часы. Батарейка доживала свои последние минуты, и стрелка сбила, неверно отсчитывая секунды. Раз-два-р-раз-тихо. Раз.

Рванный ритм действовал на сознание, даже если это не было заметно. Тен-Тен видела, что Сабрина неуютно ёжится: над ней издевались часы, ей было холодно от пота, стены давили со всех сторон, из комнаты не было выхода. Она была заперта с ненавистным ей человеком, чьё поведение изменилось, и это тоже нервировало.

Подсознательно Сабрина, конечно же, всё поняла. И что Хлоя умерла, и что вместо неё теперь кто-то другой. Тело рыжей реагировало соответственно: сжатые мышцы, неясная

тревога, лёгкий нервный тик. Наверняка ухудшился сон. Не только из-за присутствия рядом Тен-Тен, но и из-за внутреннего понимания убийства. Сознание же, в свою очередь, не понимало этих намёков. Но что такое сознание против древних инстинктов, которые в этом техногенном мире пытаются задавить изо всех сил?

А ещё где-то за дверью был монстр. Как в детских страшилках, он ходил по тёмным-тёмным коридорам школы, искал себе жертву и наслаждался ощущением собственного всемогущества. Вот только выглядел он откровенно по-клоунски.

Тен-Тен никак не могла заставить себя бояться розовое нечто. Так что сама с собой она договорилась просто не недооценивать Страшила и относиться к нему как к одному из ниндзя-фриков. Вот так в прошлой жизни она сражалась против какого-нибудь идиота, а под конец он устраивал маленький конец света.

Такахаша просто не могла себе позволить беззаботности.

Она посмотрела на Сабрину и слегка улыбнулась. Рыжая отреагировала, вопросительно подняв брови.

Краем глаза Тен-Тен видела, как Страшила ползёт по потолку, словно большое розовое насекомое. Чёрные зрачки фокусировались то на Хлое, то на Сабрине: монстр никак не мог выбрать свою цель.

— Ты меня ненавидишь, Сабрина?

Рыжая вскинулась так резко, будто её ударили. Очки сползли на кончик носа, открывая глаза — ошеломлённые, удивлённые, шокированные. Подалась вперёд, но остановила себя на половине движения, когда сознание возобладало над подсознанием.

Страшила замер ровно над ними. Тен-Тен лениво завела руки за спину и упёрлась ладонями в стол. Пальцы левой коснулись рукояти ножа. Словно невзначай.

— Не думай, что я глупая или типа того. То, что я блондинка — это ни о чём, на мозге это не сказывается. Так что, ты меня ненавидишь?

Сабрина поджала губы. Выражение её глаз изменилось, стало жёстче, но всё ещё недостаточно яростным, чтобы Тен-Тен сказала: вот он, взгляд убийцы. Рыжая была опасна, это несомненно. Но почему же у Тен-Тен не получалось поверить в её хладнокровие?

— Я ведь так тебя гоняю, так над тобой издеваюсь. Или, может, ты мазохистка? Тебе это нравится?

Губы сошлись в такую тонкую линию, что совсем потеряли цвет. Сабрина сжала кулаки, тогда как Тен-Тен беспечно улыбалась, прямо смотря на не свою подружку. Страшила сверху принялся медленно водить плечами и тазом, как охотящийся кот.

— Так что, Сабринчик? Любишь, когда тебя оскорбляют, значит? Как скучно.

— Зачем ты это делаешь?!

Сабрина сделала агрессивный шаг вперёд и махнула рукой, словно пытаясь через весь класс дотянуться до насмехающейся над ней Хлои. В этот же миг все три жёлтых глаза Страшилы сконцентрировались на источнике звука, и монстр прыгнул, вытягивая вперёд антропоморфные руки с бесполезными ногтями.

Тен-Тен хмыкнула. Улыбка переросла в кривую ухмылку, пальцы в мгновение подтянули нож, и вот уже сталь вырывается из её рук. Белой вспышкой лезвие мелькнуло за долю секунды до вопля, полного ярости и боли.

Как Тен-Тен и хотела, нож срезал добрую треть от гибкого и опасного хвоста. Разрез вышел грязным, лезвие больше рвало из-за силы броска, чем легко проходило через плоть. Кости не было. Страшила взвыл, закрутился на месте. Из обрубка хвоста во все стороны

хлестала тёмно-фиолетовая кровь, быстро застывающая в воздухе.

Сабрина смотрела на это бешенство остановившимися зрачками. Тен-Тен спрыгнула со стола и кинулась к рыжей, схватила её за руку, оттащила от шкафов. Вовремя: беснующийся Страшила бросился вон из класса, с удручающей лёгкостью снес не только все преграды, но и часть бетонной стены.

Сабрина медленно повернула голову к Хлое. Возле глаз у рыжей выступили тёмно-синие вены, лицо было бледным, как посмертная маска, а зрачки превратились в две крошечных точки. Очки только чудом держались на кончике носа, а на лбу блестели капли пота — уже не от физической нагрузки, а от страха.

Тен-Тен отпустила руку рыжей и подошла к обломкам мебели. Среди них валялся нож, уже не пригодный к бою: кровь Страшилы, застывшая на лезвии, превратила хоть какое-то оружие в тупую битую. Мысленно поблагодарив нож за недолгую службу, Тен-Тен через пролом вышла в коридор, и только после этого обернулась на Сабрину.

— Ты идёшь или останешься здесь дожидаться его?

— Кого — «его»?

Хлоя бы на этом месте закатила глаза и фыркнула. Или же, что более вероятно, попыталась убежать от места происшествия, захлёбываясь собственным ужасом и слезами.

Тен-Тен продолжила смотреть на Сабрину спокойствием голубых озёр.

— Не знаю, своего любовника?

— Кого?..

— Слишком взросло, да? — едва слышно пробормотала Такахаша. — Страшилу, Сабрина. Ты останешься ждать Страшилу?

— Что? Нет! Ни за что!

Она с такой прытью поспешила пройти через обломки мебели, что Тен-Тен даже не успела ничего сказать. Зато Такахаша с печальной чёткостью видела, как неосторожная рыжая задела один из остовов изуродованного Страшилой шкафа, и удерживаемые им полки под весом уцелевших книг прогнулись вниз.

Следом за ними по наклонной линии съехала какая-то награда. Не важно, за что она была получена; важно то, что её острая грань вошла в голову Сабрины с удручающей лёгкостью.

Рыжая даже не поняла что произошло. Мгновенная её смерть была, пожалуй, даже безболезненной. Девушка сделала по инерции ещё два шага, прежде чем рухнуть к ногам Тен-Тен. Награда при этом выскользнула из головы и тяжело упала рядом.

Тен-Тен поморщилась, глядя на обнажившуюся розовость. Дыра в голове Сабрины быстро наполнилась кровью, которая потекла по полу.

— Вот же.... блядство.

Смерть Сабрины была крайне неудобна хотя бы потому, что Тен-Тен пришлось бы изображать скорбь. Конечно, на самом деле она не испытывала по этому поводу никаких эмоций, кроме лёгкого раздражения и досады; но ей пришлось бы продумывать, как на исчезновение рыжей отреагировала бы настоящая Хлоя!

Пока не натекло много крови, Тен-Тен аккуратно подняла тело Сабрины и отволокла его обратно в класс. Скинув труп у ближайшей стены, Такахаша покачала головой: какая жалость, пресвятые духи. Такая молодая... И Тен-Тен не узнала, кто стоял за рыжей в отравлении Хлои.

Так и не начавшиеся размышления прервал громкий голос. Такой же Тен-Тен слышала

по телевизору в репортаже об акумах; что удивительно, этот голос совсем не был похож на чуть визгливое звучание Маринетт. Может быть, магия этого мира сглаживала недостатки её обладателей?

— Нам нечего бояться, ребята! Страшила растёт от нашего страха, так давайте покажем ей, что мы не будем её кормить!

Тен-Тен потёрла запястье ведущей руки. При метании ножа оно перенапряглось и теперь отдавало слабой болью. Ничего страшного, просто немного неприятно.

Она осторожно выбралась из класса и зашвырнула внутрь награду-убийцу. Пятно крови, оставшееся на полу, Тен-Тен прикрыла одной из крупных досок. После она посмотрела на свои ногти и устало вздохнула: красивый маникюр окончательно умер.

Прямо как Сабрина.

Что за неудачный день. Если бы Тен-Тен могла, она бы поныла в духе Шикамару о том, как она устала и как ей всё надоело. Правда, её позитивный учитель долгие годы отучал Такахаша от любого проявления уныния, так что во время нытья Тен-Тен чувствовала бы себя крайне некомфортно.

Она пошла на голос Маринетт в красном, невольно оглядываясь по сторонам. Учтывая, что Тен-Тен отхватила Страшиле часть хвоста, вряд ли монстр настроен добродушно. У него теперь не было основного оружия для нападения, но всё ещё оставались сильные руки, которыми было бы удобно рвать людей на части.

Ледибаг, Кот Нуар и остаток учеников оказались в тёмном зале. Светильники и окна были заплёваны знакомой фиолетовой жижой, по полу и по стенам располагались коконы, больше похожие на невылупившиеся яйца. Тен-Тен быстро огляделась, прикидывая, куда можно спрятаться. Несмотря на наличие большого количества коконов, в основном пространство оказалось открытым.

И прямо посреди этого открытого пространства стояли герои и детишки. Ками-сама, что за дурость! Ведь даже гражданские должны понимать, что показывать себя так чудовищу — затея попросту идиотская!

Нино, кстати, продолжал смотреть на мир через камеру. Удивительно, как его Страшила не сожрал первым — саму Тен-Тен его поведение в опасной ситуации просто вымораживало. У парня что, проблемы с инстинктом самосохранения? Или же Ледибаг с её чудесами и воскрешением так разбаловала здешних людей, что они уже не ценят собственные жизни?

В мире Тен-Тен было воскрешение. И плата за него тоже была: один возвращается — один уходит. Это было правильно. Здесь же получалось так, что любые проблемы, что принесут монстры, могут быть решены одним выкриком Ледибаг. «Чудесное исцеление» — и рой божьих коровок вернёт всё на свои места.

От этого голова шла кругом. И не только у Тен-Тен. Судя по тому, что она видела, дети слишком привыкли к восстановлению и не видели в монстрах монстров. Не понимали его опасности, не осознавали риска для собственных жизней. Какой смысл беспокоиться, если Ледибаг всё вернёт на свои места?

Как же это... печально.

Тен-Тен прошла за коконами, не попадаясь на глаза детям и не обнаруживая своего присутствия. Тело сопротивлялось мягкому шагу, от скрытной позы болела спина и шея. Такахаша отстранилась от этих ощущений, продолжая пробираться в самый тёмный угол.

Она слышала оттуда плач. Почему же его не замечали другие?

Коконь, мимо которых она проходила, оказались заполнены. Внутри сидели отставшие от группы детишки. Вполне в сознании, кстати, из-за чего Тен-Тен передёрнуло: а что, если Страшила, как водяные ящеры, любит тухлое мясо? Или, как паук, переваривает своих жертв в коконе до полной жидкости?

Или же в этих яйцах обычные дети должны были переродиться в таких же монстров, какой стала пухляшка Милен?

В любом случае, Тен-Тен не ожидала ничего хорошего. И она считала, что смотрит на мир глазами реалиста. Иные среди шиноби не доживали до девяносто семи.

Зал был не таким уж и большим, однако, чтобы не попасться на глаза детям, Тен-Тен пришлось проявлять осторожность и двигаться медленно. Ей не хотелось объясняться с подростками, изображать из себя Хлою, истерить или ещё что-то. А ещё ей не хотелось говорить про Сабрину и объяснять, откуда на груди появилось небольшое кровавое пятно.

Детишки набрали мусора и стали сооружать себе... что-то. Тен-Тен лишь на мгновение отвлеклась на них, когда Ледибаг призвала Супер-Шанс — просто для того, чтобы посмотреть на магию в реальности. Не впечатлило; запечатывающие свитки предоставляли большой манёвр, чем призыв непонятно чего. К тому же, техники шиноби не радовали врагов светопреставлением.

Источник плача оказался совсем близко, и Тен-Тен опустила на корточки. Она почти не удивилась, когда в одном из коконов, — не закрытом, но уже готовом к тому, чтобы принять следующую жертву, — она обнаружила Страшину. Монстр был размером не больше чашки и скулил так жалостно, что Тен-Тен ощутила секунднй укол совести.

Это было нормально. Она всё ещё оставалась человеком, несмотря на боевое прошлое. Как шиноби, она умела справляться со своими эмоциями.

Страшила баюкал обрубок хвоста и плакал всеми тремя глазами. Тен-Тен осмотрелась вокруг и, найдя большую перчатку, — вероятно, для игр, потому что рядом лежало несколько мячей, — натянула её на левую руку. Она была правой, так что по возможности использовала левую, когда не была уверена в собственной безопасности. Ведущая рука, несмотря на все старания для амбидекстрии, всё равно была нужнее в бою.

Лучше было бы, конечно, взять какие-нибудь щипцы или хотя бы палочки для еды или для волос. Но Тен-Тен, увы, сделала пучок при помощи резинки, потому что у Хлои нашлись только они. Стоило озаботиться этим вопросом: пусть Жан-Жан закупит разной бижутерии. Преимущественно палочек, они бывают диво красивыми. А если их подточить, то можно использовать как сенбоны...

Подхватив Страшину защищённой рукой, Тен-Тен вытащила монстра из яйца. Акума зашипел, когда увидел её вблизи, и укусил ткань своими мелкими круглыми зубами. Даже больно не было.

Ледибаг и компания надрывались, поя какую-то идиотскую песню про волков, а Тен-Тен думала, стоит ли сворачивать Страшину голову. С одной стороны, она могла прямо сейчас проверить, что произойдёт с акумой после обычной смерти. С другой... ей всё ещё пришлось бы объясняться.

Поморщившись, она встала и вышла из-за защиты коконов. Музыка оборвалась, когда она подошла достаточно близко, и на Тен-Тен уставились удивлённые дети.

Да уж. Интересно, как она со стороны выглядела.

— Ледиба-аг! — устало, но восхищённо протянула Тен-Тен, счастливо улыбаясь. — Ты не-е представляешь, что было!

— У тебя что, акума в руках?

Тен-Тен подарила Коту, задавшему вопрос, немного раздражения, прежде чем вернуть своё обожание к Маринетт в красном. Девочка очевидно растерялась, поэтому Тен-Тен поспешила заполнить пробел в разговорах. Посекундно нахваливая себя, она принялась живописать, как сражалась с акумой и, само собой, победила её своей несравненной крутостью. Маринетт выдержала ровно пятнадцать секунд хвалебного монолога.

— Давай Страшиллу сюда!

Она практически вырвала затихшего монстра у Тен-Тен из рук. Сняв с головы Страшиллы маленький чёрный значок, — Такахаша, хотя и заметила его раньше, не рискнула трогать, — Ледибаг сломала его одним движением пальцев и выпустила чёрную бабочку.

Очищение было... странным. Одно дело было видеть его по телевизору, другое — вблизи. Бабочка пыталась улететь, но Ледибаг после гимнастики со своим йо-йо поймала насекомое в игрушку. После девушка выпустила уже белую бабочку, которая спокойно улетела.

Тен-Тен следила за полётом до тех пор, пока бабочка не выбралась из зала. Потом перевела взгляд на Кота. Очевидно, для неё он был единственным оплотом адекватности в дуэте; Маринетт слишком ненавидела Хлою, чтобы нормально её воспринимать.

— А вы не пытались давить бабочек?

Нуар моргнул зеленющими глазами и чуть приоткрыл рот.

— Что?

— Ну или хотя бы следить за ними. Они же ведь возвращаются к Бражнику потом, разве нет? Вот вы побеждаете акуму, очищаете насекомое, оно улетает. Прилетает домой, и Бражник заново его пачкает. Или я не права?

Кот и Ледибаг переглянулись. Сказать им было нечего, поэтому Маринетт применила Чудесное Исцеление.

В первое мгновение после появления огромного роя Тен-Тен чуть не рванула в сторону. Она жила в деревне, где обитал клан покорителей насекомых; кому как не Тен-Тен знать, насколько опасными бывают эти малявки.

Божьи коровки объяли её тело розовым облаком. Тен-Тен закрыла лицо руками, по старой привычке пытаясь защитить глаза и дыхательные пути, но насекомые не лезли к лицу. Они вообще не касались её тела, хотя и делали что-то энергетически. Такахаша чувствовала тёплый ветер вокруг себя, лёгкие разряды электричества и небывалый душевный подъём.

Её голову придавило подушкой счастья. Ужасный дурман практически заставил её влюбиться в Ледибаг, кем бы она ни была; если бы Тен-Тен попросили в этот момент принести клятву верности девочке в красном, она бы согласилась без раздумий.

Мозг включился через позорные три секунды после пропажи божьих коровок. Тен-Тен снова выглядела на все сто: вернулся идеальный пучок, целый маникюр и чистая одежда. Не было даже усталости, да и запястье больше не тянуло. Учитывая, что пятно крови также пропало, можно было предположить, что Сабрина вновь здравствует.

Хотя физической усталости не было, моральная всё-таки осталась. Тен-Тен аккуратно помассировала надбровные дуги, чтобы не испортить макияж на глазах, и посмотрела на Ледибаг.

Та, к счастью, была слишком занята Милен. Маринетт успокаивала девочку, говорила стандартное «всё хорошо» и ни словом не упрекала в произошедшем.

Чего не собиралась делать Тен-Тен.

— Ну конечно же всё хорошо, — протянула она, кривя губы. — Ничего страшного, да, Апрель?

— Молчала бы, Хлоя, — нахмурилась Аля, воинственно выпячивая подбородок. — Всего этого бы не было, если бы не ты.

Тен-Тен кивнула.

— Естественно, проще всего винить меня. Только подумай вот о чём, Аля: я в этой истории пострадала больше вас всех вместе взятых, кроме, разве что, Сабрины. И всё из-за того, что кто-то ест вместо медитации!

Милен сжалась, словно её ударили. Тен-Тен было немного жаль девочку, но оставлять произошедшее просто так она не хотела. Не могла. Она видела ребёнка, который поддался эмоциям тогда, когда их можно было преодолеть.

Да, это непросто. Но её внуки умели это уже в четыре.

— Хлоя, прекрати, — встал на защиту Милен Кот Нуар. — Акуманизация — это не совсем...

— Ты говоришь так, словно я не акуманизировалась ни разу.

Тен-Тен отлично помнила, что в репортаже мелькала акума-Хлоя минимум один раз. Учитывая характер и нестабильную психику девочки, Такахаши предполагала, что одержимость была не единожды.

— И что-то вы не проявляли ко мне такого участия, как сейчас к Милен. Что там было?.. Кажется нечто вроде «Надо держать себя в руках, Хлоя!»

Герои покраснели почти синхронно, Милен посмотрела на Тен-Тен по-другому. Более осмысленно, что ли. Такахаши ответила ей чуть сощуренными глазами, и пухляшка быстро отвела взгляд.

А вот Ледибаг взгляда не отвела. В её глазах было столько откровенной неприязни, что только дурочка вроде прежней Хлои продолжала бы считать, что они с ЛБ подружки. Нет уж, Маринетт практически преодолела барьер недовольства Хлоей, чтобы искупаться в ненависти к ней же. Интересно, что её чувство в этом случае будет сильнее и полнее, чем у той же Сабрины.

И возможностей испортить жизнь тоже больше.

Маринетт выступила вперёд, загоня Милен себе за спину. Детишки вокруг расступились, около Ледибаг и Тен-Тен образовалась пустота. Маринетт с магией была выше, чем тело Хлои, и откровенно наступала на противницу благодаря этому.

Тен-Тен было плевать на рост. Что полтора метра, что три с половиной — мозгов при этом не добавлялось. Часто даже наоборот.

— И что же ты предлагаешь жертве акумы? — тихо, угрожающе спросила Ледибаг. — В момент, когда тебя захлёстывают эмоции, когда Бражник пользуется твоей слабостью, когда у тебя опускаются руки, и его голос кажется единственным выходом из ситуации?

Тен-Тен подняла брови. Вот уж вряд ли она довела пухляшку парой своих фраз до такого отчаяния, о котором говорила Маринетт. Тут впору вешаться или прыгать со скалы, раз жизнь преподносит такие чувства.

Она издевательски улыбнулась, хотя вышло совсем не весело.

— Так давайте на любую эмоцию отвечать акумой! Упало мороженое — акума, не купили игрушку — акума, не поставили высший балл — акума! И каждый раз будем говорить, что всё хорошо, и виноват только плохой Бражник! — она перевела взгляд на

Апрель и улыбнулась ещё шире. — Не волнуйся, Милен! Твоей вины сейчас нет ни капли! Это всё Бражник, с которым герои никак не могут разобраться, только он. А ты и дальше можешь утопать в страхе и жалости к себе, ожидая очередную чёрную бабочку. Потом тебя очистят, и всё снова будет нормально. До следующего раза, правда?

Гормоны сыграли с Ледибаг плохую шутку: после короткого монолога Тен-Тен она вспыхнула, как спичка.

— Ты меня вообще не слышишь?! Есть моменты, когда ты не можешь себя контролировать!

Тен-Тен склонила голову, продолжая улыбаться. Но ответить ничего не успела: вместо неё ответила другая.

— Негатив — это выбор, — тихо сказала Аликс, сжимая кулаки. — Ты можешь злиться или нет. Но акуманизация... Бражник даёт выбор. Просто ты не хочешь думать об отказе от его предложения.

Голубые глаза Ледибаг полыхали. Тен-Тен медленно кивнула, без слов благодаря девочку с розовыми волосами.

— Разговор, как мне кажется, окончен, — она с жалостью посмотрела на Маринетт, представляя, каково было бы Хлое прощаться со влюблённостью в Ледибаг. — Мне жаль.

Она пошла на выход, не оборачиваясь. Ледибаг сзади пыталась восстановить душевное равновесие и справиться с предавшим её организмом.

— Жаль? — спросила она. — Почему тебе жаль?

Тен-Тен улыбнулась, не поворачиваясь.

— Мне жаль, что ты оказалась обычным человеком, Ледибаг. И что я больше не твоя фанатка.

Она даже не замедлила шаг.

***

Лука проспал всё на свете. Когда он разлепил сухие глаза, на часах уже было пять вечера, а за окном небо задумалось над закатом. Солнце всё ещё висело где-то высоко, но в воздухе уже чувствовался лёгкий, практически неощутимый запах вечера.

Он отчаянно не хотел вставать. Он вообще не хотел просыпаться последние... много лет. Каждый раз одно и то же, каждый раз без изменений, бег по кругу, как у запутавшегося хомяка.

Он был змейёй, укусившей собственный хвост.

Лука встал с кровати и направился в ванную. Там он долго смотрел на своё отражение: молодой, без морщин, без седины. Непривычно.

Умывшись, он направился на кухню, где просидел перед выключенным телевизором добрых полчаса. Всё это время он крутил железный браслет, что обычно прятался среди многообразия фенечек.

Хотел бы он его снять.

В последнее время его ничего не радовало. Всё приелось. Даже музыка и музыкальные инструменты из отдушины стали обыденным способом заработка. Он был действительно хорош; особенно ему удавались гитары и скрипки.

Кое-как собравшись, он вернулся в спальню. Его внимание привлёк мобильник: экран мигал, говоря о сообщении.

Прочитав небрежное предложение о встрече, Лука улыбнулся.

Что ж, может быть, в этот раз ему будет интереснее, чем обычно.

Глава 9. Пробежка

Тен-Тен не знала, как Жан-Жану это удалось, но её вечер закончился просто потрясающим зелёным чаем. Вкус и едва заметная горечь растекались во рту, как дикий мёд, и душа девушки пела. Даже в своём мире она не пробовала настолько потрясающий чай, а уж от этого не ожидала подобного чуда.

Возможно, поэтому она спала, как младенец. Или же дело было в новой, более жёсткой кровати и свежем белье? Тен-Тен несколько раз проверила спальное место на наличие ядов, всеми доступными в её ситуации способами. Всё было чисто.

Не удивительно, кстати: вряд ли Сабрине после возвращения с того света хотелось отправлять по этому же адресу кого-то другого. Собственная смерть слегка смещает мировосприятие.

Как Тен-Тен и думала, Чудесное Исцеление Ледибаг вернуло Сабрину в мир живых. Это в свою очередь означало, что механизм работы магии Маринетт не заиклен исключительно на проявлениях акум. Или же учитывались даже косвенные влияния на мир, как произошло в этот раз.

Также Тен-Тен с облегчением поняла, что на Исцеление Маринетт никак повлиять не может; волшебная фишечка оказалась вполне автономной, только запусти. Это было логично: вряд ли Ледибаг осознавала весь урон городу и все смерти с повреждениями, которые она удаляла.

Было бы интересно посмотреть на Маринетт, когда она узнает, что по-настоящему творят акумы. Потому что сейчас и Ледибаг, и Кот Нуар пребывали в блаженном неведении насчёт их разрушительности. Наверное, это будет чистый шок... не хотела бы Тен-Тен стать свидетелем падения их сахарных дворцов.

Ночь прошла хорошо. Тен-Тен словно на секундочку закрыла глаза — и уже открыла их, ныряя в новый день ещё до рассвета. В комнате было темно и тихо, из приоткрытого окна доносился запах сонного города: свежесть утра, нота бензина ранних автомобилей, щепотка специй от готовящихся к работе рестораников и последние вздохи уходящей ночи. Романтик-Рок Ли сказал бы ещё, что пахнет не упавшими звёздами, но Тен-Тен всегда была более прагматичной.

Девушка села на кровати и потёрла лицо. Она всё ещё чувствовала себя разбитой, — отравление не прошло даром, — но это уже было лучше, чем сначала. Спина ныла из-за жёсткости кровати, сознание пыталось распутать сонный клубок мыслей, а глаза никак не желали слезиться. К тому же было ощущение, что горло распухло минимум вдвое.

Хороший признак. Организм борется, значит, живой. Они с Тен-Тен ещё повоюют против Сабрины и всех остальных.

Тен-Тен встала с кровати и быстро заправила её, чтобы не было соблазна лечь обратно. Ленивое тело сопротивлялось желаниям Такахаши, но это была заведомо проигрышная битва: сознание ниндзя всегда выше. Нет оружия острее ума шиноби, нет доспеха прочнее его воли. Так говорил её учитель.

По пути в ванную Тен-Тен щёлкала по всем выключателям, что встречались ей. Комната вспыхивала, свет ударял по чувствительным после ночи глазам, лампочки зажигались одна за другой. С утра чем больше света — тем лучше. Легче будет потом думать.

Отражение радовало. Хотя лицо Хлои всё ещё выглядело опухшим, оно, по крайней

мере, не было жёлтым. Круги под глазами слегка сгладились, расплывшись светло-фиолетовым оттенком к скулам. Печень работала изо всех сил, и Тен-Тен помогала ей как могла: пила воду и ела больше адсорбента, чем нормальной пищи. Чёрные таблетки, что приносил Жан-Жак, забавно шипели на языке и практически не имели вкуса.

Тен-Тен потрогала горло и поморщилась из-за укола боли. Миндалины ощущались двумя мячами, по недоразумению застрявшими в глотке Такахаша. Выглядели они не лучше, красные и воспалённые, все словно изъеденные насекомыми. Но они хотя бы не мешали Тен-Тен говорить — и на том спасибо.

Интересно, что Исцеление Ледибаг, хотя и убрало все следы буйства акумы, совсем не затронуло отравление тела Хлои. Вряд ли это было продиктовано неприязнью Маринетт. Значит, у автоматического восстановления всё-таки были какие-то внутренние настройки. Оно и логично: на полное исцеление всего города уходило бы просто невероятное количество энергии.

Если задуматься, то в руках Маринетт оказалась сила, от которой становилось просто страшно. Удача. Восстановление. Исцеление. И поодиночке эти... способности при верном их применении давали практически безграничную мощь, а уж вместе — и подавно. Пожалуй, сама Тен-Тен не смогла бы обладать чем-то столь всеобъемлющим.

Нет уж, увольте. Пусть всё остаётся у Маринетт. Этот был тот случай, когда незнание, сопровождающееся дуростью — великое благо.

Главное чтобы Ледибаг не снесло голову от собственного всемогущества, власти и почитания, которое выливают ей на макушку жители Парижа. Тен-Тен слышала, что героям хотят установить памятник, вроде как от признательности — ну чем не повод возгордиться? Подросткам, на самом деле, очень мало надо.

Про Кота Нуара Тен-Тен удалось узнать намного меньше. Всеобщая истерия практически не касалась напарника Ледибаг, акцентируясь на ней самой. Это Ледибаг чаще мелькала на постерах и фотографиях; Ледибаг давала интервью и разговаривала с жителями, пока Кот был где-то сзади; Ледибаг сражалась с акумой, пока её верная тень скользила рядом на подхвате, готовая выполнить любой приказ, любую прихоть.

Доходило до идиотизма. Тен-Тен видела несколько съёмок сражения с акумами, где роль Кота должна была стать решающей; этого не происходило. То ли из-за робости Нуара-Адриана, не привыкшего к самостоятельности, то ли из-за чрезмерно сильного давления Ледибаг. Там, где одним Катаклизмом или ударом шеста можно было решить ситуацию за пару секунд, герои растягивали махание кулаками на часы.

Неуверенность в себе Адриана была предметом глубокого размышления для Тен-Тен. Несмотря на чёрный костюм и шуточки на грани фолы, мальчишка казался потерянным. У Такахаша не шли из головы все его пропитанные горечью улыбки и пустой, остановившийся взгляд.

И вроде бы всё в порядке: богатый мальчик из хорошей семьи, — через Интернет Тен-Тен узнала вкратце историю Агрестов, — с травмой из-за смерти матери. Работает. Популярен. Любимец публики и, что удивительно, папарацци: про Адриана не писали ничего предосудительного в самой жёлтой прессе. Тен-Тен удалось найти лишь одну статью, где добродушие Агреста-младшего было преподнесено излишним: на фотографии уставший, замученный Адриан с наконец-то нормальной улыбкой волонтерствовал в приюте для кошек.

Как же так вышло, что рана от смерти матери превратилась в гнойную? Почему

строгий, но вроде бы любящий отец Адриана позволил этому произойти? Почему Габриэль Агрест уже год с лишним не появляется перед объективами камер, при этом выпуская одну коллекцию одежды за другой? И как с этим связаны слова Адриана о том, что отец не разрешал ему ходить в школу?

Несчастный ребёнок с ямочкой на левой щеке. Она проявлялась только в те моменты, когда Адриан улыбался по-настоящему; Тен-Тен увидела этот крошечный дефект мышц в классе во время съёмок фильма.

Ей хотелось помочь этому котёнку выбраться на волю.

Тен-Тен сплюнула зубную пасту, — тоже новую, Жан-Жак поменял всю химию и уходовые средства, с которыми только могла соприкоснуться Хлоя, — и мрачно посмотрела в зеркало.

Адриан Агрест. Светлые волосы и зелёные травяные глаза. Улыбка и боль. Вера в predeterminedность судьбы. Подавленность на грани суицида.

Перемещение в новый мир далось Тен-Тен удивительно легко. Ей было не за что цепляться в старом: супруг умер, дети давно жили отдельно и сами успели стать стариками, друзья ушли на перерождение один за другим, кто от травм, кто от войны. Коноха, её любимая деревня, сама не была на себя похожа. Новые здания зубьями стремились вверх, и Тен-Тен радовалась лишь тому, что эти высокоэтажные пики стали появляться за пару лет до её смерти.

Ниндзя были не нужны в новом мире. Над её привычкой носить с собой кунаи и сенбоны посмеивалась молодёжь; война из крови переросла в цифры и банкротство. Чакра начала вырождаться настолько, что Тен-Тен, — вот же курам на смех! — была одной из сильнейших шиноби, оставшихся в живых.

Даже дома, как такового, у Тен-Тен не было: родовой особняк мужа отошёл детям, да и не питала к нему Такахаша нежных чувств. Едва почувствовав себя лишней среди бумажных стен и расписных сёдзи, Тен-Тен ушла. Купила себе небольшую квартирку в криминальном районе, — так оказалось дешевле и интереснее, — и переехала, особо не мучаясь совестью.

Единственное, что у неё оставалось — это воспоминания. О жизни, смерти и о войне. О ямочках на щеках, когда учитель Гай улыбался. О боли в глазах Рока Ли, когда он начинал говорить о семье — неизменное «Я так им благодарен за!» всегда травилось горечью сожаления нелюбимого ребёнка. О светлых волосах Наруто, непослушных, мягких, растрёпанных, как у Кота Нуара.

О травяных глазах Сакуры. И о глупой, воспитанной predeterminedности Неджи.

В Адриане было слишком много будящих воспоминания совпадений. Тен-Тен хотелось или убить этого ребёнка, чтобы один его вид не рвал старые раны, или сделать его счастливым, какими могут быть только боги.

И с этим нужно было что-то делать.

Тен-Тен вытерла руки и вздохнула. Будто у неё был выбор. Она просто не сможет убить Адриана, не повернётся на такое рука. Это как пнуть щенка, выброшенного на дорогу и лишившегося надежды. Она всё-таки не была живодёром.

Часы показывали почти пять утра. Тен-Тен прошла в гардеробную, переделалась из пижамы в розовый плюшевый спортивный костюм, захватила кроссовки и направилась к лифту. Если уж ей повезло с чаем и вечерней традицией, то почему бы не возобновить ещё и бег по утрам. В последние годы жизни это было единственное время, когда деревню-город ещё не наводняли люди, и Тен-Тен могла побыть наедине с собой.

С собой Тен-Тен взяла только телефон, — неизменный атрибут техногенного мира, — карту-пропуск для отеля и резинку для волос. Пока лифт ехал вниз, Такахаши сделала пучок и убрала пожитки по карманам. Те предусмотрительно застёгивались, чтобы во время бега добро не растерялось.

В холле отеля её ждал Жан-Жак: собранный, невозмутимый, бодрый. Это было удивительно, потому что спать он лёг намного позже Тен-Тен, она была уверена. Вероятно, у мужчины была директива сопровождать Хлою, пока та пребывает в отеле.

Исполнительный. Такахаши это импонировало.

— Доброе утро. Почему бы не воспользоваться тренажёрным залом отеля?

— Хочу подышать свежим воздухом.

Мимические мышцы сократились, и Тен-Тен с умилением поняла, что Жан-Жан подавил зевок.

— Боюсь, не могу вас отпустить в одиночестве...

— Я договаривалась встретиться с другом.

Они с Лукой действительно договорились встретиться сегодняшним утром, до коллежа. Тен-Тен понятия не имела, учится ли парень, но вот она сама пока не собиралась прогуливать учебное заведение. И дело было не столько в законопослушности, сколько в нежелании привлекать внимание ещё больше.

К тому же, в коллеже был Адриан. Вот уж кто точно старается не пропустить ни одного урока. На памяти Тен-Тен это был единственный ребёнок, который получал столько удовольствия от процесса обучения.

— Не имею ни малейшего представления о личности этого молодого человека, так что вынужден настаивать на охране.

Судя по уголкам губ и лёгком прищуре, с Жан-Жаком было легче согласиться, чем пытаться отвязаться от соглядатаев. Тен-Тен деланно-беззаботно пожала плечами и закатила глаза.

— Бог мой, Жан-Поль, ты как наседка! Ну давай сюда свою охрану! Только никто из них всё равно за мной не угонится! Никто и ничто не помешает мне обрести фигуру мечты, ты слышал меня?

— Естественно. Не хотите ли выпить воды перед прогулкой?

— Пробежка, Жан-Клод, это про-беж-ка! Никакого гуляния, исключительно фитнес и подтянутые ягодицы!

Жан-Жак издал звук, который Тен-Тен классифицировала как смешок. Затем он переговорил с кем-то по рации, — быстро и, похоже, на каком-то птичьем языке, потому что слов оказалось практически не разобрать, — и кивнул девушке.

— Ваша охрана сейчас подойдёт.

— А что задерживается-то?

— Переодевается для пробежки.

Тен-Тен пожала плечами и уселась на кремовый диванчик в холле. Работники отеля с интересом поглядывали на неё и на Жан-Жака, но не приближались и даже не переговаривались. Каждый делал вид, что очень занят, но, помилуйте боги, какая работа может быть в отеле в пять утра? Это всё была лишь имитация бурной деятельности, не больше.

Разглядывая свои ногти, Тен-Тен думала. Ей нестерпимо хотелось вернуть себе хоть какое-то оружие. Сталь была частью её идентичности; не зря же Такахаши прозвали

Стальным Ветром! Вот бы посмеялись её враги, если бы узнали, что теперь Тен-Тен не носит с собой не то что кунаев, но даже завалиющих спиц: этот мир изобиловал арками, пищащими на железо, так что спокойно оружие с собой не пронесёшь. Даже в отеле была подобная защита, что уж говорить про другие общественные места.

Она так обрадовалась тому кухонному ножу! Чуть гнущее лезвие, сидящее на клею в дешёвой, некачественной деревянной ручке, казалось ей самым прекрасным из всего, что она видела за тот день. Она обожала оружие, любые его формы, любые виды. Сердце её было навечно подарено метательным звёздочкам и стальным спицам, которые можно было спрятать в складках одежды или в сложной причёске.

В этом мире о таком оставалось только мечтать. Здесь не любили оружие, говорили о нём с непонятным Тен-Тен презрением и косо посматривали даже на шест Кота Нуара. Зато йо-йо Ледибаг удостаивалось чуть ли не похвалы, как и весь тот мусор, что Маринетт использовала для победы над одержимыми.

Между прочим, это было несправедливо. Йо-йо Тен-Тен считала таким же оружием, как и шест. Возможно, даже опаснее, чем последний. Самой Такахаше не посчастливилось сражаться с настоящим боевым йо-йо, однако во время войны она мастерила одноразовые самоделки из лески и камней. Головы они расшибали ничем не хуже молотов.

А вот в руках Нуара был посох, который изначально использовался для проверки болот и путешествий. И кто из героев после этого опаснее?

И всё же, как интересно произошла подмена понятий! В этом мире посоху, — и вполне заслуженно, Тен-Тен не будет спорить, — подарили статус оружия, тогда как боевое йо-йо не воспринималось чем-то больше, чем игрушка для детей. Возвращаясь вчера в отель, Тен-Тен видела парочку сувенирных магазинов, где продавались копии йо-йо Ледибаг. Из пластмассы, но зато с очень неплохой нитью — такой и придушить можно, не особенно напрягаясь.

Да что там говорить, когда даже у Хлои была своя собственная копия оружия героини. Тен-Тен нашла её совершенно случайно вместе с костюмом Ледибаг: Буржуа вытребовала у отца специальную скрытую нишу для хранения этого маскарада. Также Тен-Тен там обнаружила ещё один костюм, пародирующий Кота Нуара, но сделанный явно для девушки. Материалы вещей были высококлассными, и у девушки не поднялась рука выкинуть эту нелепость.

По крайней мере, чёрный полудоспех Нуара выглядел достаточно стильно, чтобы носить его как куртку. В отличие от настоящего костюма Кота, копия оказалась разделена на непозволительно-облегающие штаны и верхнюю часть, вполне пригодную для носки. Оставалось только оторвать бубенчик.

— Мадмуазель готова идти, или мы отменяем сегодняшнюю пробежку?

— Ты бы ещё дольше тащился.

Тен-Тен недовольно посмотрела на Луку, одетого в чёрный спортивный костюм. В глазах у парня танцевали ОниЯпонские демоны; ударение на «О», но лицо было спокойно-расслабленным. Жан-Жак, внимательно наблюдающий за ними, даже не понял, что стал свидетелем встречи знакомых.

Такахаше вышла из отеля и неспешно потрусила влево. Лука следовал рядом, не начиная разговора. Только отбежав от здания на километр или около того, Тен-Тен поинтересовалась:

— К чему маскарад?

Лука приглушённо засмеялся. Они продолжали бежать, и, хотя Тен-Тен уже начала задыхаться, дыхание Луки было тихим и спокойным, словно он медитировал.

И вот после этого он пытался убедить Тен-Тен, что не является героем, как Ледибаг и Кот Нуар! Да без внутреннего источника энергии вроде чакры или хотя бы длительной подготовки ты не сможешь сохранить дыхание размеренным во время бега. Ни углубления, ни учащения, ничего!

Заметив, что её собственное дыхание сбилось, Тен-Тен перешла на быстрый шаг. Ничего, тело привыкнет. Оставалось только дать ему на это время и не умереть из-за акумы или яда.

— Никакого маскарада, Хлоя. Я теперь твой охранник. Устроился вчера.

— Даже спрашивать не буду, как у тебя это вышло. Тебе сколько лет-то? Охранник.

Он не ответил, искусно проигнорировав вопрос. Тен-Тен к тому моменту как раз решила, что готова вновь побежать, поэтому требовать продолжения диалога не стала.

Они добежали до какого-то парка, где Тен-Тен решила задержаться. Видел бы её учитель — плакал бы от умиления. Столько потенциальных тренировок! Столько возможностей! Столько несделанных упражнений, столько невыполненных отжиманий и приседаний!

Учителя, слава демонам, не было, поэтому Тен-Тен спокойно шла или бежала, прислушиваясь к собственному организму. Она знала, что преодоление — отличный способ прокачки навыков... для шиноби. Не для куноичи и, тем более, не для гражданской. Для человека без чакры превышение собственных возможностей могло превратиться разве что в растяжение связок или иную травму.

— Чем зарабатываешь на жизнь?

— Я-то? Делаю музыкальные инструменты. Продаю через Интернет.

— Хватает?

— Пока не жалуясь.

Разговор не клеился, поскольку Тен-Тен была слишком сосредоточена на своём теле. Но и молчанием происходящее между ними назвать было нельзя: девушка сипела и пыхтела за двоих.

Они перебрасывались вопросами, слушали короткие ответы друг друга и не развивали ни одну из поднятых тем. Так Тен-Тен узнала, что Лука давно не виделся с семьёй и не слишком горит желанием по каким-то своим внутренним причинам. Что он нигде не учится, умеет играть на всех инструментах, которые делает, и относится к музыке как к чему-то одушевлённому. И что он зарабатывает достаточно, чтобы обеспечивать себя... и ещё кого-нибудь.

Жирный намёк на благосостояние Тен-Тен отметила всего лишь кивком. Луке хватило и этого.

Про себя Тен-Тен тоже говорила. Лука узнал о её любви к хорошему чаю и холодному оружию. Что она любит наслаждаться сладостями. Про то, что Тен-Тен, — Хлоя, — больше не фанатка Ледибаг. И что Кот её больше не раздражает; скорее, Тен-Тен, — Хлоя, — его жалела, как потерянного ребёнка.

— Ты глаза его видел? — пыхтела Тен-Тен во время очередного забега. — Да его накормить хочется, а не отдаться!

— Ну, не знаю.

— Да ладно тебе. Это просто очаровательный...

Лука указал на одну из крыш. Тен-Тен, проследив за его рукой, заметила Кота Нуара — тот сидел на крыше на корточках, высматривая что-то в их стороне. Возможно, подслушивал — Тен-Тен была уверена, что слух у Адриана по-кошачьи острый. Она сама бы ни за что не пропустила бы возможность подслушать диалог, где мелькает её имя.

Хотя, возможно, этот ребёнок не был настолько испорчен, как она. И его интересовали, например, гуляющие вокруг голуби. Как обычного кота.

Кстати, если верить интернету, то у Кота Нуара, — как и у Адриана Агреста, какое совпадение, надо же, — была достаточно жёсткая аллергия на перья. Узнав это, Тен-Тен негодовала сразу по двум причинам.

Во-первых, если у него такие проблемы с перьями, то почему он сражался с Месье Голубем? Аллергия — это не то, с чем можно шутить. В самых запущенных случаях она может даже оборвать твою жизнь.

Во-вторых — как Кот Нуар и Ледибаг вообще допустили, чтобы такая информация была в общественном доступе? Это всё равно что сразу сказать противнику, где в твоём доспехе слабое место. Не было ничего удивительного в том, что Месье Голубь акуманизировался уже больше двадцати раз.

Двадцати! Страшно подумать! Да Тен-Тен бы на месте Кота уже после третьей акуманизации пробралась бы в дом мужчины и удавила того по-тихому, пока тот спит. И никакой угрозы собственной жизни!

Лука помахал Коту, тот помахал в ответ. Помедлив пару секунд, Нуар вытащил шест из-за спины и в несколько прыжков с оружием оказался рядом с Тен-Тен и её сопровождающим.

— Добрый день, гур-раждане, — улыбнулся Кот с показной бравадой. — Всё пуррекрасно, я надеюсь?

— Катаемся, как сыр в масле, — сказала Тен-Тен, скрепя руки на груди. — А что ты один, где же твоя Леди?

Кот смущённо потёр шею, — ещё один жест, слишком характерный для Адриана; да как этих детишек никто не раскрывает уже столько времени?! — и посмотрел на Тен-Тен исподлобья. Было видно, что Адриану некомфортно рядом с Хлоей. Тен-Тен только надеялась, что это из-за внезапно проснувшейся совести.

Адриан был очень сострадательным парнем, который пытается помочь всем и каждому. Отчасти из-за природной доброты, отчасти из попытки заглушить собственную боль, запихав в дыру в груди чужую благодарность. В любом случае, Тен-Тен знатно прошлась по его добродетели, когда указала на несправедливое отношение к Хлое после акуманизации Милен. Сказанное было пальцем в небо, предположение, построенное на психопортретах героев и их отношении к Буржуа... и тем грустнее было осознавать, что Тен-Тен в который раз оказалась права.

Она не умаляла вины Хлои в отношении к ней, ни в коем случае. В этой маленькой блондиночке яда было больше, чем в Сае — а у того хватило бы отравы, чтобы убить желание жить в любом. При этом никто, — никто! — не задумался о том, откуда этот яд взялся.

Никто не подумал о том, почему Хлоя стала такой, какой она была и как она гнила изнутри, сжирая саму себя.

При этом нельзя было винить одних подростков в невнимательности к другому. Такой возраст; всех интересовали они сами, а не чужие проблемы. Это в более почтенных годах,

если ты до них доживаешь, начинается анализ и поздние сожаления.

— Иногда мы патрулируем город раздельно.

Судя по слегка покровительственному отношению Ледибаг к Коту Нуару, иногда они патрулировали город вместе. Но этого Тен-Тен говорить не стала.

— Ясно, понятно. Мы сейчас возвращаемся в отель. Если хочешь, можешь заглянуть на завтрак.

Она достала телефон из кармана и проверила время. Половина седьмого. Адриану как раз хватит времени, чтобы позавтракать у неё в комнатах и спокойно добраться до собственного дома для коллежа.

Кот поклонился — отчасти шутливо, отчасти благодарно.

— С огромным удовольствием, мадмуазель. Если позволите, я вас сейчас оставлю: моя скромная фигура привлекает слишком много нежелательного внимания.

Это было правдой: ранние горожане, вытащенные работой или учёбой из постелей в этот час, фотографировали Кота издалека. Им хватало ума не приближаться. Тен-Тен с некоторым удовольствием подумала, что это, возможно, из-за её новой скандальной репутации. Всё же Хлоя была знаменитостью... пусть и в плохом смысле.

Она махнула Коту, и Нуар ретировался на одну из крыш. Весь путь до отеля его чёрная фигура мелькала то тут, то там, но близко Адриан больше не подходил.

Около входа в отель Лука покинул их разрозненную компанию.

— Всю ночь не спал, — с улыбкой признался он. — Так что сейчас просто выключает.

Тен-Тен скептически хмыкнула, показательно оглядывая парня с головы до ног.

— Охранник из вас так себе, месье...

— Куффен. Лука Куффен.

— ...месье Куффен. Но, так и быть, со своим первым заданием вы справились, и я вернулась в отель в целостности и сохранности.

— Но с хвостом.

Тен-Тен улыбнулась, подумав об Адриане. Фигурка Кота Нуара едва угадывалась из-за высоты: он решил не использовать дверь, а как нормальный шиноби войти в комнаты Хлои через окно или балкон. От этого ностальгия мягко коснулась воспоминаний Тен-Тен.

— Этот хвост безобидный, месье Куффен. — Она посмотрела на Луку и спросила уже более серьёзно: — Когда встретимся в следующий раз?

— У меня свободный график. Месье Жан звонит мне, когда этого требует ситуация.

— У Жан-Жака что, не двойное имя?!

— Нет. С чего ты вообще это взяла?

Тен-Тен потёрла кончик носа, давая желание чихнуть. Она была уверена, что рядом с ней ещё один обладатель двойного имени... а оказывается, это была всего лишь чужая небрежность. И Хлоя раньше никогда не задумывалась над тем, как называет своего няньку, просто повторяя за родителями.

Интересно, как сам Жан относился к переименованию собственного имени? Вероятно, привык, за столько-то лет.

На прощание Лука поцеловал Тен-Тен в щёку. Такахаши сначала замерла из-за вмешательства в своё личное пространство, но затем приказала себе расслабиться: в Париже такое поведение считалось нормальным. Не было ничего зазорного в том, чтобы прикоснуться губами к лицу другого человека. И для этого совершенно необязательно было встречаться с ним!

В Конохе от таких новостей с ума бы сошли. Там за руки начинали держаться после третьего свидания, что уж говорить про такое проявление близости. При этом, — вот парадокс! — единоразовый секс не считался чем-то особенным. Но это среди шиноби, конечно. Ниндзя наслаждались каждым моментом жизни и часто просто не хотели ждать «большой и светлой», чтобы познать удовольствие плоти.

По пути в комнату Тен-Тен заказала у Жана завтрак на двоих. Мужчина закономерно поинтересовался, не скажется ли увеличенная порция на весе юной госпожи, если та решила заняться спортом; Тен-Тен с ухмылкой просветила няньку о незаметном госте.

Кот обнаружился в спальне. Как послушный мальчик, он сидел, сложив руки на коленях, и ждал хозяйку этажа. Едва Тен-Тен вошла, как он вскочил со своего места и расплылся в неуверенной, немного испуганной улыбке.

— Хлоя, я...

— Нет-нет-нет, котомальчик, ничего не хочу слышать. Сначала душ и вода, а потом говори, что захочешь.

— Но я же...

Тен-Тен добавила в голос немного приказных ноток:

— Сейчас принесут завтрак, можешь начинать без меня. Я быстро.

— Но...

— Ты что, правда думаешь, что я буду с тобой разговаривать, пока с меня пот ручьём течёт?! Не у всех здесь есть суперсилы, знаешь ли! Я не могу быть чистой и прекрасной после такой пробежки!

— ...да, прости. Я не подумал.

С душем Тен-Тен на самом деле торопилась. Есть хотелось зверски, а Жан предупреждал, что на завтрак он указал кухне приготовить нечто особенное и лёгкое, как раз для новой диеты «для снижения веса». Тен-Тен только надеялась, что это «нечто» состоит из мяса или рыбы и не включает сахар. Она терпеть не могла есть сладкое после тренировок.

Сладкое — это ведь совершенно особенное. Сладостями надо наслаждаться, чувствовать на языке каждый оттенок вкуса, думать о композиции десерта, размышлять о его текстуре. Тен-Тен не любила заглатывать вкусы одну за другой, не чувствуя наслаждения, исключительно из-за собственного голода.

Завтрак уже ждал их с Котом на прикаченном столике, который установили возле диванчика в спальне. Нуар даже не притрагивался к еде: Кот обнаружился около окна, когда Тен-Тен вышла из ванной. Он стоял, сцепив руки за спиной, и рассматривал своими нереально-зелёными глазами открывающуюся с высоты панораму.

— Ты чего не ешь? — спросила Такахаши, садясь на диванчик.

— Невежливо начинать без хозяев, — Кот обернулся и поперхнулся, увидев Тен-Тен. — А одеться ты не хочешь?!

Такахаши нахмурилась и посмотрела на себя.

— Вообще-то, я одета.

— В банный халат?!

— А это теперь что, не одежда, что ли? Ну извини, я всё-таки у себя дома.

— У тебя гости!

— Поэтому я вышла в халате, а не без него.

Нуар спрятал пунцовое лицо в ладони и пробормотал нечто неразборчивое. Тен-Тен насмешливо фыркнула. Как она и думала, это было забавно. И сбило Нуара с толку: теперь

он не сможет вести диалог так, как планировал. Не рядом с Хлоей, на которой из одежды только халат.

Она пододвинула столик поближе к дивану и осмотрела предложенный завтрак. Рыба, яйца, паштет, целая головка сыра, — для Кота, видимо, — хлеб, овощи. Сладости тоже были: шесть шоколадных конфеток, выглядящих, как крошечные горки наслаждения. И, конечно же, чай: горсть сухих, но не пересушенных листьев рядом с чайником, на котором был датчик температуры.

Тен-Тен понюхала листья. Судя по запаху, заваривать их стоило примерно при семидесяти градусах. Учитывая, что отметка на чайнике была в районе восьмидесяти, чай успеет настояться к концу завтрака.

— Садись уже. Что ты мнёшься, как котёнок.

Кот выдал ещё одну неразборчивую тираду и сквозь пальцы посмотрел на Тен-Тен. Затем он осторожно приблизился к дивану и сел на самый уголок.

Хулиганства ради Тен-Тен закинула ногу на ногу. Затем поменяла их положение. Кот смотрел во все глаза, зрачок его остановился и помутнел.

— Ты есть-то будешь? Или предлагаешь мне завтракать в одиночестве?

— Да... прости.

Тен-тен кивнула, намазывая паштет на хлеб. Нуара это не устроило: он осторожно коснулся когтистой перчаткой бедра девушки, скрытого халатом — и почти сразу отдернул руку. Но внимание он привлёк.

— Прости, — повторил он.

— За что? — спросила Тен-Тен, откусывая от бутерброда.

Мокрые волосы лежали у неё на плечах, и Тен-Тен была уверена, что образ получился трогательным и домашним. Хлоя была красива и без макияжа; помада, тени и румяна делали её старше и агрессивнее. В натуральном виде девушка выглядела ровно на свои годы, чем было просто грех не воспользоваться.

Ей не хотелось выводить Адриана на нервы или доказывать что-то. Но помучить совесть будет полезно в первую очередь ему самому.

— Прости за наше отношение. Я про акум. Это было неправильно.

Она прожевала и отложила бутерброд. Паштет оказался горьким.

— Ты говоришь за себя или за Ледибаг тоже?

— Я...

Кот сцепил пальцы и нахмурился. Его метания были понятны: хотелось бы ему извиниться ещё и за напарницу, вот только и он, и Тен-Тен понимали, что Ледибаг не думает так же, как и Нуар. И говорить за неё будет верхом двуличия. А ещё будет ой как некрасиво, когда при следующей встрече с Хлоей Ледибаг будет вести себя как обычно грубо.

— Я говорю за себя.

Тен-Тен кивнула. Хорошо, что Адриан понимает ситуацию. Не всё потеряно.

И при этом одновременно плохо, что Ледибаг оказалась более толстокожей. Ей понадобится нечто больше, чем разговор на повышенных тонах и потеря доверия от одноклассницы-фанатки. Если за Адриана Тен-Тен взялась из-за пробуждения собственных воспоминаний, то Маринетт придётся взрослеть самостоятельно. Всё-таки Такахаши в мировые няньки не нанималась.

Она сделала бутерброд с рыбой и впихнула его в руки парня. Кот, не глядя, проглотил

еду и наверняка даже не ощутил вкуса из-за нервов.

— Я не могу тебя простить.

Кошачьи уши поникли, словно были настоящими. Тен-Тен мягко похлопала Нуара по плечу и ободряюще улыбнулась.

— Нуар, я на тебя не обижена.

— А на Ледибаг?

— Тоже. Но ты должен понимать, что вы обладаете огромной силой и несёте ответственность за свои поступки и слова. И что брошенное вскользь обзывательство или небрежное отношение могут создать такого врага, с которым в будущем вы не справитесь.

— Большая сила — большая ответственность, — задумчиво сказал Нуар, прикрывая глаза. — Почему я не подумал о том, что дядя Бэн был прав?..

— Твой дядя Бэн — умный человек.

Нуар моргнул.

— Думаешь?..

— Однозначно. Слушай его почаще.

Он странно посмотрел на неё, озадаченно растрепал волосы и приступил, наконец, к еде.

Тен-Тен кинула чайные листья в чайник. Ей было немного жаль, что кошачьего прозрения не застала настоящая Хлоя, но, в остальном, её сознание оставалось спокойным и безмятежным.

Она давно отучилась обижаться на детей.

Глава 10. Злолюстратор

Коллеж Парижа мало чем отличался от Академии шиноби, если не брать в расчёт программу обучения. Школяры здесь так же скучали на уроках, в классе происходило деление на популярных и не очень, учителя были уставшими и не особенно любили свою работу. Большинство людей вокруг, вне зависимости от возраста, хотели спать; бодрая и настроенная на день Тен-Тен среди этого сонного болота выделялась примерно так же, как цветок лотоса среди охровой топи.

До коллежа она добралась, как и в прошлый раз, в лимузине. Компанию ей составляла Сабрина, вырядившаяся в светло-жёлтое платье, которое ей совершенно не шло.

В машине девушки молчали. Тен-Тен проигнорировала робкую попытку Сабрины поприветствовать её, да и дальше разговор не заладился. Рыжая бросала взгляды на подругу, но так и не открыла рта до самого приезда в коллеж.

Смешно, что со своим розовым чемоданом-рюкзаком и жёлтым платьем Сабрина напоминала не школьницу, а туристку. Хорошо, что в здешний коллеж можно было одеваться как душе угодно — Тен-Тен не любила унифицированную форму. Ей казалось странным, когда все выглядят одинаково, действуют одинаково и думают в одном направлении.

Был в её истории момент, когда она попала в иллюзию такого усреднённого мира. Все люди, как один, вели одни и те же разговоры, одевались по одной моде и даже улыбались на строго определённую ширину. Тен-Тен уже не помнила, как она выскочила из этой модели мира, однако в моменты ночной слабости они до сих пор становились частью её потайных кошмаров.

Сама Тен-Тен надела в школу излюбленный жёлтый пиджак Хлои, полосатую футболку и свободные белые штаны прямого кроя. Хотя бы в одном девушки сходились во мнениях: светлая одежда — это стильно. В гардеробе Хлои, несмотря на огромное количество облипки, можно было найти и другие вещи.

Жалко только, что ни одна из этих вещей не была подобрана с учётом частого бега и необходимости выживать. Вероятно, последний раз Хлоя обновляла гардероб ещё до того, как в Париже началась вся эта канитель с акумами. А потом, вероятно, Буржуа вообще не думала про шмотки.

Но вот за чем она следила неукоснительно, — и что Тен-Тен успела уже запороть, — так это за состоянием ногтей и их красотой. Пластина под жёлтым лаком оказалась блестящей и мягкой, очень здоровой и приятной. И, да, Тен-Тен это узнала, по-варварски сняв слой лака щипцами.

На маникюр она так и не записалась. Банально забыла сказать о своём желании Жану, а на Сабрину после её не-смерти полагаться вообще не стоило. Девочка была растеряна, смотрела на мир из-под защиты очков совершенно по-новому и явно переживала сильнейшую переоценку ценностей. Тен-Тен оставила её в покое, даже не третируя в стиле Хлои. Может быть, из рыжей и выйдет что-то путное.

На самом деле, Тен-Тен немного уважала Сабрину. За стойкость характера, за терпение, — величайшую добродетель для менталитета страны Огня и шиноби, — даже за решимость убрать неприятного человека. Из окружающих их серых людей рыжесть Сабрины выделялась огоньком среди золы.

Тен-Тен не устраивало лишь то, что Сабрина настроена против неё. Да, в этом была виновата Хлоя, — и не только Хлоя, список виновников был довольно большим, — вот только с последствиями приходилось разбираться Такахаши. Так что, если Сабрина после переоценки себя и собственных действий не прекратит попыток убийства, Тен-Тен придётся разобраться с проблемой по-другому.

Но, опять же, она не слишком любила убивать. Если была возможность этого не делать, то зачем лишний раз обнажать клинок? Худой мир всегда лучше доброй войны...

Жаль, что добродушное настроение Тен-Тен сохранялось ровно до первой большой перемены. Она наступала после двух довольно скучных уроков литературы и длилась практически час.

Сабрина по обыкновению сбегала в местный кафетерий и вернулась в класс с добычей: двумя круассанами для себя и картонным стаканом с напитком для Хлои. Пластмассовая крышка была погнута, практически незаметно; Тен-Тен с первого взгляда поняла, что Сабрина открывала напиток.

И вряд ли она добавляла лишнюю порцию сахара, который мог бы отложиться на бёдрах школьной зазнобы.

Никак не выказывая своей осведомлённости, Тен-Тен взяла стакан и поднесла его к губам. Сабрина, вроде бы увлечённая круассанами, нет-нет, да и посматривала уголком глаза на соседку по парте.

Так и не донеся стакан до губ, Тен-Тен, словно что-то вспомнив, достала мобильник и уставилась в него. Сабрина едва заметно перевела дыхание. Рыжие брови сошлись к переносице, фокус внимания вернулся к еде. Слоёное тесто круассанов осыпалось на стол крупными хлопьями.

Тен-Тен быстро набрала в поисковике запрос о вреде кофе. Скопировала несколько ссылок на самые пугающие статьи и переслала их Сабрине.

Такахаши поставила стакан перед собой и всем корпусом повернулась к рыжей. Лицо Тен-Тен принудительно расслабила, и теперь оно было похоже на безэмоциональную, бесстрастную маску.

Статьи должны были дойти с задержкой в две минуты. До сигнала оставалось одна пятьдесят.

— Ты хочешь меня отравить?

Сабрина подавилась круассаном. Пока она пыталась откашляться и вернуть самообладание, прошло тринадцать секунд, которые Тен-Тен отсчитывала с точностью метронома. Выражение её лица не менялось. Голова стала лёгкой и пустой, только тикал внутренний таймер, да мелькали с быстротой молнии мысли.

Этому научила её Ино. Она часто повторяла, что настоящий мастер допросов всегда одинаков: лицом — бог, сердцем — демон(1). Это пугало допрашиваемых намного сильнее, чем показная злость, безумие или сострадание.

Ино вообще считала, что на свете нет ничего страшнее равнодушия.

— Ну ты сама подумай, — говорила блондинка, накручивая на палец прядь светлых волос из высокого хвоста. — Кого ты больше боишься: того, кого обуревают эмоции, или того, кто сохраняет холодную голову?

Они сидели вдвоём, — остальные подруги-куноичи разбежались по семьям и домашнему уюту; муж Ино был на миссии, Неджи давно был мёртв, — в забегаловке, работавшей допоздна, и пили. Саке горькими комками падало в желудки, и Тен-Тен

чувствовала, как рисовая водка туманит голову и ослабляет колени.

Вопрос был почти риторическим. Самым страшным противником Тен-Тен за её жизнь становились бессердечные, безэмоциональные сволочи. Она всё ещё просыпалась с колотящимся сердцем, вспоминая пустые, равнодушные глаза богини Кагуи, желавшей уничтожить их мир.

Ино смотрела на неё бирюзовыми радужками, ровными и цельными, словно кусочки стекла. Ни зрачка, ни капли узора — только чёрный контур, отделяющий склеру.

Тен-Тен залила в себя ещё одну порцию саке и занюхала рукавом. Её хаори(2) пахло смазкой для стали и свиным жиром.

Ино кивнула и принялась палочкой от данго(3) вырисовывать иероглифы на подливке, оставшейся в тарелке. Казалось, что она всецело поглощена этим занятием, но Тен-Тен знала: это напускное. Куноичи никогда не отдаёт всю себя одному делу.

Ино была настоящим ядовитым цветком.

— Равнодушие, моя дорогая подруга — вот прямая дорога в ад. И люди будут бояться тебя, если вместо лица обнаружат ровную фарфоровую маску.

Сабрина не была исключением: равнодушие на обычно живом и подвижном лице Хлои напугало её намного больше, чем вопрос. Её сердце билось, как у загнанной в ловушку птички, губы тряслись, зрачки дёргались, не в силах словить концентрацию. Лицо было трогательно-бледным, с лёгким зеленоватым оттенком.

Она была уверена, что её рассекретили.

Тен-Тен дала рыжей насладиться этим чувством, прежде чем слегка приблизилась к ней.

Рыжая отодвинулась от Хлои и, не рассчитав манёвра, упала со школьной скамьи. Как раз в этот момент телефон Сабрины завибрировал, оповещая о серии сообщений.

Время вышло.

— Я прислала тебе статьи о вреде кофе, Сабринчик, — сказала Тен-Тен, лишая своё лицо маски равнодушия. — Если не прочитаешь — уволю. Всё ясно? И больше не смей носить мне эту дрянь!

Это уже не говоря о том, что кофе был просто вреден для здоровья шиноби. Мало того, что он выводил минералы и большое количество воды, необходимой для нормальной реакции в бою, так ещё и являлся стимулятором для чакросистемы. Не было ничего хорошего в том, чтобы захлёбываться в собственной силе, которую тело начинало чрезмерно вырабатывать после подобного допинга.

— Так что, ты кофе не будешь? — услышала Тен-Тен голос сзади. — Может, тогда меня угостишь?

Она повернулась и увидела парня-спортсмена. Высокий, с широкими плечами, в красной тренировочной куртке, белой футболке и тёмных штанах. Если Тен-Тен не ошибалась, то его звали Ким, и он был абсолютно и бесповоротно влюблён в Хлою, несмотря на её непростой характер и злобную натуру, перенятую от матери.

Тен-Тен сладко улыбнулась, встала из-за парты и взяла стакан с кофе. Дойдя до ближайшего фикуса, — в классе их было шесть, — она сняла крышку и, не прекращая улыбаться, вылила напиток на землю. При этом она, не отрываясь, смотрела на Кима, мысленно проговаривая: уходи, уходи, уходи. Я тебе не нравлюсь. Уходи.

Это должно было стать очень грубым, очень обидным поступком. Вместо нормальной обиды Ким внезапно захохотал.

— А, точня-як, Хлоя! — сказал он между смешками. — Кофе же вредный! Спасибо, что заботишься о моём здоровье!

К счастью, ей не нужно было ничего отвечать: в класс вошла рыжая учительница и призвала школяров к порядку. Слегка растерянная, Тен-Тен выкинула стаканчик и села на своё место.

Сабрина на уроках располагалась максимально далеко от неё. Пожалуй, если бы она могла, то и вовсе бы пересела от Хлои. Но это привлекло бы слишком много внимания и вызвало ненужные вопросы, так что она оставалась рядом и боялась. И, несмотря на собственную тревогу, почему-то рыжая повторила попытку отравления на второй большой перемене: принесла Тен-Тен стакан с опять погнутой крышкой.

— Это цикорий, — сказала рыжая, неуверенно улыбаясь. — Попробуй, тебе понравится. И я прочитала те статьи, что ты прислала. Больше никакого кофе, честное слово!

Только вот по бегающим глазкам было ясно, что специи к другому напитку будут прежними.

Тен-Тен прищурилась, внимательно смотря на рыжую. Если, даже несмотря на ранний инцидент, она всё равно принесла Хлое отраву, то что из этого следует? Что можно понять по капле нервного пота на виске, по неровной улыбке, блеску глаз?

Что Сабрину не просто курирует кто-то сверху, кто поставляет ей яд; рыжую крепко держат на довольно коротком поводке, дёргая в нужную сторону по необходимости. И сейчас этому «кому-то» надо, чтобы Хлоя продолжила пить яд.

Мог ли это быть Андрэ? Конечно, мог, тем более что Сабрина приехала в отель незнамо когда: к тому моменту, как Тен-Тен спустилась в вестибюль, чтобы поехать в коллеж, рыжая уже была там. Сидела на одном из диванчиков и говорила с кем-то по телефону.

Жаль только, что Тен-Тен не удалось услышать содержание разговора: едва увидев Хлою, Сабрина оборвала разговор и виновато улыбнулась.

В этом мире все вообще слишком часто улыбались. Будто за растяжением губ и обнажением зубов можно было спрятать любую неподходящую эмоцию: страдание, стыд, неловкость, вину и многое другое. Тен-Тен в последнее время улыбалась, чтобы скрыть капающий с клыков яд, которым она травила свои слова.

— Ты добавила сахар?

— Естественно!

Тен-Тен мысленно хмыкнула: попалась. Она встала со своего места, подняла бровь, — вроде как «продолжай, я довольна», — и посмотрела на Сабрину. Та, вдохновлённая такой реакцией, принялась говорить, что в цикории целых три ложки сахара, потому что Хлоя ничего не ела с утра, и надо восполнить глюкозу, и...

И Тен-Тен ударила Сабрину по руке, выбивая стакан из её ладони. Рыжая моментально заткнулась; как и весь остальной класс, впрочем.

— Сахар, — медленно, с расстановкой сказала Хлоя, — мой враг номер два, Сабринчик. Я, раз уж ты не знаешь, теперь бегаю по утрам, чтобы быть в форме. Никакого сахара!

Стакан с цикорием отлетел назад, и жидкость разлилась по парню, что так не вовремя решил вернуться из коридора. Красноволосый Натаниэль Куртцберг, красивый, как фарфоровая куколка, сначала даже не понял, что его намочило. Он несколько раз перевёл взгляд со своей мокрой одежды на тетрадь, что держал в руках, — той досталось больше всего, — прежде чем сконцентрироваться на Тен-Тен.

— П-почему номер два?.. — заикаясь, спросила Сабрина.

— Потому что номер один — это ты! Кто ещё мог бы принести мне сначала кофе, а потом цикорий с сахаром?!

Тен-Тен только надеялась, что доза яда не повредит парню. Вряд ли Сабрина могла найти что-то настолько убойное, что начинало бы действовать при попадании на кожу. В этом случае не было бы всей этой пляски с попыткой влить отраву непосредственно внутрь.

Сабрина извинилась, но как-то без огонька. Вероятно, попыток отравления у неё на сегодня больше не было, так что возможное задание от недоброжелателя было провалено. Интересно, какие за этим последуют санкции.

— Хлоя! Ты не имеешь права себя так вести!

Тен-Тен повернула голову на источник звука и закатила глаза. Конечно же, Маринетт — защитник всех и вся.

Хвостатая подбежала к замершему Куртцбергу и принялась промакивать его одежду салфетками, причитая что-то. Может, её слова должны были успокоить взбешённого, — этот взгляд Тен-Тен ни с чем бы не перепутала, — парня? Такахаши не знала. Реакция была прямо противоположной: Натаниэль сначала покраснел от близости девочки, которая ему очевидно нравилась, а затем побледнел от осознания ситуации. И, словно этого было мало, из его рук выпала облитая цикорием тетрадь.

Выпала и раскрылась, словно в каком-то фильме. Ровно на месте, где нарисованная Маринетт обнимала такого же нарисованного Натаниэля то ли в виде акумы, то ли в виде героя. Хвостатая подняла тетрадь и замерла, увидев сцену.

«Ну, всё, — подумала в этот момент Тен-Тен. На неё снизошла волна спокойствия, которая появлялась только в самых экстренных и потенциально-опасных ситуациях. — Опять мне бегать...»

Если честно, она даже не заметила, в какой момент рядом с Натаниэлем оказалась чёрная бабочка. Насекомое словно материализовалось из ниоткуда; вот ничего нет, и вот она уже касается тетради в руках Маринетт. Поначалу Тен-Тен подумала, что у них сейчас будет одержимая Ледибаг, — вот был бы номер, а, — однако в следующий момент Натаниэль выхватил уже-не-тетрадь из девичьих рук.

Интересно, что на лице Натана появилась яркая голограмма в виде... ну, наверное, это должна была быть бабочка. При этом кожа вокруг глаз у парня стала насыщенно-карминовой, постепенно сглаживая цвет по мере удаления от век.

И он продолжал смотреть прямо на Тен-Тен.

И у неё не было никакого оружия. Даже завалящего ножа!

И времени на его поиски, видимо, тоже не было.

Не желая терять больше ни секунды, Тен-Тен перемахнула прямо через парту, врезаясь всем весом в замершего Натаниэля. Она использовала коленки, чтобы сконцентрировать силу удара, и это дало результат: хотя Натаниэль показался ей просто каменным, у Тен-Тен всё-таки удалось сбить его с ног.

Не оглядываясь, она рванула прочь из класса на всех скоростях. При этом внутренний индикатор опасности точно говорил: до кафетерия она не успеет. Да и не даст ей никто нож. Это в прошлый раз ей повезло, и Страшила появился в момент, когда никого в коллеже уже не было. Сейчас же всю шла учёба, и взрослые точно не помогли бы Тен-Тен с колюще-режущим ассортиментом.

Тен-Тен бежала, ведомая больше интуицией и инстинктами, чем разумом. Иногда такое происходило с любым шиноби; в этом случае все, как один, советовали не сопротивляться

этой силе и просто позволить телу действовать самому.

Она не знала, насколько это правило актуально для мира без чакры и для чужого тела, не привыкшего к бою, но по вбитой войнами привычке не стала вставать на пути у собственного инстинкта выживания. К тому же, Тен-Тен не нужно было долго ждать помощи: и Ледибаг-Маринетт, и Кот Нуар-Адриан были свидетелями произошедшей одержимости.

Ну, она на это надеялась.

Тен-Тен забежала в показавшуюся подходящей комнату. Это была библиотека: не такая впечатляющая, как в Академии шиноби, но тоже неплохая. Книжные шкафы оказались как раз такой высоты, чтобы можно было, зацепившись в прыжке за верхнюю полку, залезть на них.

Она забралась наверх и с удовольствием заметила балки под потолком. Перебравшись ещё выше, Тен-Тен замерла и наконец медленно выдохнула, принудительно успокаивая дыхание.

Она не думала о том, что её реакция была неадекватной или излишней; кому вообще могут прийти такие мысли, когда ты, — опять, — становишься причиной акуманизации и на тебя смотрят так, что намерение становится понятным без слов? Тен-Тен бы не удивилась, если бы Натаниэль стал каким-нибудь супер-самураем-убийцей.

Или, что ещё хуже, если бы он стал тем самым героем-акумой из своего комикса. Тен-Тен видела только один разворот, однако его оказалось достаточно. Фотографическая память услужливо подсовывала сознанию картинку, где герой-Натан с тёмной кожей и в полосатой одежде... стирает из реальности оружие противника.

Достаточно ли у Натаниэля ненависти, чтобы также стереть из жизни Хлою? Тен-Тен совсем не хотела проверять.

Она сидела тихо, словно мышь в погребе, и прислушивалась к происходящему снаружи. Был какой-то грохот, короткие вскрики и долгие моменты тишины.

В одно из таких затиший в библиотеку вбежал Адриан. Из-за пазухи у него выплыл чёрный комок, — кот? Это был летающий кот? — которому Агрест приказал трансформироваться. Волшебный кот, до того, как исполнить это повеление, повернул голову. Взглядом он нашёл Тен-Тен под потолком и кивнул ей.

Склеры у него были кислотно-салатовыми, как у Нуара. Или это у Нуара были его глаза?

Она кивнула в ответ, прежде чем библиотеку затопила зелёная вспышка. Из этого света вместо Адриана родился Кот Нуар, и последние сомнения о личности котёнка умерли на месте. Тен-Тен была уверена в своих предположениях насчёт героя примерно на девяносто три процента; теперь же уверенность равнялась ста.

Она определила Адриана-Кота так же, как и Маринетт. Ничего сложного: движения, жесты, мимика. Учитывая, сколько было фотографий Агреста у Хлои на телефоне, и что именно Кот Нуар оказался одним из первых, кого Тен-Тен встретила в этом мире... в общем, задачка для первоклассника её Академии.

После того как Кот выбежал, в коридоре раздались звуки сражения. Они были резкими и громкими, и, к неудовольствию Тен-Тен, приближались прямо к библиотеке. Значит, напористость Натаниэля оказалась сильнее, чем совместные усилия двух героев.

Поднявшись максимально высоко, Такахаша осмотрелась. Что могло бы стать оружием здесь? Шкафы, книги, стулья, столы и иная мебель... слишком тяжело, чтобы обычный человек мог кинуть что-то в противника. А на книги акума-Натан наверняка даже не

отреагирует. Это как по демону стрелять из детской рогатки.

— Хло-оя-а... вот и я. Ты готова?

Тен-Тен замерла на балке. Дыхание стало настолько тихим, что практически отсутствовало. Всё внимание девушки оказалось сосредоточено на одержимом Натаниэле, желающем... что бы он ни желал, Тен-Тен бы это в любом случае не понравилось бы.

Он изменился. Преображение было не столь значительным, как у Страшилы-Милен, но всё равно впечатляющим.

Прежде всего стоит отметить, что Натан не стал мощнее или выше. Нет, он сохранил свою комплекцию, хотя Тен-Тен опытным взглядом сразу определила, что у него исчезли всяческие преграды для движения. Не было ни мышечных зажимов, ни обычной для этого мира скованности суставов; Натан двигался плавно и легко, как вода.

Это беспокоило. Он двигался, как шиноби.

Кожа Натаниэля стала светло-пурпурной, а вот волосы так и остались красными. Одежда была монохромной, но при этом яркой: чёрно-белая полосатая кофта с цветным кругом посреди груди, чёрный берет и тёмные штаны, переходящие в красные сапоги. Приглядевшись, Тен-Тен заметила, что эта «одежда» на самом деле являлась частью тела акумы.

Значит, удар вскользь тоже будет считаться попаданием по врагу. Хотя какие-то хорошие новости.

На лице Натаниэля была чёрная маска, как и у его нарисованного героя. Только если в комиксе маска была круглой, то в реальности она повторяла резкие очертания голограммы-бабочки.

Акума обошёл библиотеку. Неторопливо, спокойно — он был уверен в собственной силе и в том, что Хлоя от него никуда не денется.

Самоуверенность всегда плохо заканчивалась.

Тен-Тен сняла пиджак, стараясь производить как можно меньше шума. Натан гулял снизу, вслух рассуждая о собственной ненависти к Хлое; печальная его история, впрочем, ничуть не отличалась от любой другой истории про мальчика-аутсайдера, против которого ополчился кто-то из класса.

— ...и ты так опозорила меня перед Маринетт, — сказал Натан со вздохом. — Думаю, после этого ты не заслуживаешь того, чтобы жить.

Тен-Тен дёрнула уголок губ и скрутила пиджак в жгут. Его она перекинула через балку, на которой сидела. Ей оставалось только надеяться на то, что Хлоя носила хорошие, прочные вещи.

На лице Натаниэля вспыхнула голограмма бабочки, и парень остановился. Тен-Тен тоже замерла, смотря чуть выше одержимого. Она была уверена, что направленный взгляд Натан почувствует, поэтому следила за ним, как за шиноби — не смотря прямо.

— Нет, Бражник, — с нескрываемой злобой сказал Натан, — сначала я разберусь с Хлоей. А уж потом ты получишь свои Талисманы.

Невидимый для Тен-Тен Бражник, видимо, удовлетворился этими словами, потому что голограмма пропала. Такахаши спустила ногу и несильно пнула книжный шкаф под собой.

Выпавшие с полок книги привлекли внимание Натаниэля. Он подошёл к источнику шума и поднял упавший томик. Огляделся по сторонам, но не увидел своей жертвы.

Потом он посмотрел наверх. Взгляды встретились, и Тен-Тен оскалилась со столь большой злостью, что Натаниэль отступил на шаг.

Держась за концы жгута-пиджака, Тен-Тен прыгнула назад с балки и сгруппировалась. Книжный шкаф был точно под ней, и удар ногами с небольшим разгоном заставил его покачнуться. Выругавшись на Хлою и её диеты, Тен-Тен оттолкнулась от шкафа, максимально напрягая ноги.

К счастью, этого хватило. Исполин, набитый литературой, медленно накренился вперёд и с жутким грохотом рухнул на Натаниэля. Акума, слишком поздно разгадавший манёвр Тен-Тен, не успел уйти с линии падения, а потому оказался погребён под весом знаний и деревянных полок.

Тен-Тен прыгнула на шкаф, придавливая парня ещё больше, и побежала в сторону выхода. Схватившись за дверную ручку, она обернулась, чтобы оценить ситуацию — и невольно скрипнула зубами.

Натаниэль выбрался из-под шкафа с удручающей лёгкостью. Он просто поднял покорёженную мебель и, осыпаясь книгами точно осенними листьями, встал. Взгляд, полный ненависти, был направлен точно на Хлою.

Заворожённая, Тен-Тен замерла. Это было красиво и знакомо, она снова смотрела в глаза смерти, поселившейся в голове другого человека. Она дёрнула дверную ручку раз, другой, и отпустила.

Закрыто.

Натан откинул шкаф, словно тот ничего не весил, и крутанул в руках кисточку, — ручку? — для рисования. Он медленно поднёс её к планшету, закреплённому на другой руке, и... нарисовал что-то.

Ну, хотя бы не стёр.

— Ты, кажется, всегда переживала за свою причёску, — медленно сказал Натаниэль, до предела раскрыв глаза, — так что я тебе помогу с ней.

Перед Тен-Тен появился огромный розовый фен. На секунду это её обескуражило, но затем фен включился вместе с головой Такахаша, и всё встало на свои места. Порывы ветра были хоть и сильными, но не особенно опасными... если не вспоминать о том, что со временем использования этот воздух нагревается.

Стоя под шквалом и ощущая поднимающуюся температуру, Тен-Тен смотрела Натаниэлю в глаза. Страх не было; теперь она точно была уверена, что перед ней враг, стремящийся её убить. И не просто убить, а растянуть её страдания, сделав последние мгновения жизни максимально болезненными.

— Я тебе это припомню.

— Ты не выживешь, чтобы запоминать что-либо.

— И это тоже.

Температура воздуха становилась всё выше с каждой секундой, и Тен-Тен мучительно думала о том, что же ей делать. Бежать? Не вариант, фен реагировал на малейшее движение. Когда Такахаша попыталась увернуться от струи воздуха, — её акробатика сопровождалась издевательским смехом Натаниэля, — фен с несвойственной для техники скоростью двинулся следом, шелестя шнуром, как змеиным телом.

Тен-Тен удалось лишь ненадолго уйти из-под горячего ветра. Возвращение под его немилосердные струи оказалось болезненным: кожа успела значительно нагреться.

И что ей делать? Что ей делать? Что ей...

Что ей делать, чтобы её лицо не сползло с её черепа?

Она отвернулась от фена и быстрым шагом пошла прямо на Натаниэля. Горячий воздух

быстро нагрел ей спину, по которой даже пот не потёк — организм не успевал адаптироваться к изменившейся температуре.

Фен был большим и розовым. И если Тен-Тен говорила большим, то это значило, что он был огромным — размером с двух лошадей, поставленных друг на друга. Он противно шумел выдыхаемым воздухом, трепал ей волосы и одежду и стремился сдуть не только ткань, но и мясо с её костей. Предварительно изжарив его.

Она подошла к Натаниэлю максимально близко. Красные волосы шевелились из-за силы раскалённого ветра, но на губах акумы цвела удовлетворённая улыбка. О, да, он был крайне доволен тем, что Тен-Тен было больно.

Ей оставалось только надеяться, что магия Ледибаг работает и на перерожденцев вроде неё.

— Тебе больно? — участливо спросил Натан, придвигаясь к ней интимно-близко. — Больно же, Хлоя? Как мне, когда ты опозорила меня перед девушкой, которую я люблю?

Ей действительно становилось больно. Говоря откровенно, кожа уже просто горела, а фурнитура пояса на модных штанах, кажется, начала вплавляться прямо в тело.

— Какие же вы все пафосные, Амагерасу(4) вас заберите...

— Что?

Тен-Тен схватила Натана за ворот его чёрно-белой кофты и притянула к себе. Парень нагнулся, на секунду потеряв равновесие, и Такахаши в тот же миг сделала подножку, нырнув вниз.

Парень упал с таким шумом, словно весил минимум тонну. Тен-Тен не знала особенности анатомии акумы, так что это предположение вполне могло оказаться правдой.

Она перекатилась назад, на секунду обогнав фен, и ухватила адскую штуку за тянущийся шнур. Вероятно, Натан нарисовал его из привычки, потому что электричества для машины пыток не требовалось.

Что же, из-за своих привычек погибло немало шиноби. Чем Натаниэль их хуже?

Шнур был достаточно длинным, чтобы Тен-Тен смогла обвить им шею акумы. Натан пытался выпутаться из розовой удавки, но Такахаши предусмотрительно не давала парню манёвра: по-змеиному обогнув акуму сзади, Тен-Тен упёрлась ногами в лопатки Натаниэля и тянула перекрещенный шнур в разные стороны изо всех сил.

Одержимый не мог подняться, потому что спереди его блокировал фен, что пытался добраться до Тен-Тен; не мог спихнуть Такахаши, потому что она сидела сзади, всем телом затягивая шнур на его горле; даже не мог порвать свою удавку, потому что та была произведением его же сил. Тен-Тен скалилась, жмурилась от боли и раскалённого воздуха, что плавил её лицо, но продолжала тянуть шнур, пока Натан не прекратил сопротивляться. Даже когда акума затих, она продолжала изо всех сил тянуть удавку, не снижая интенсивности: от удушья быстро не умирают.

Как же хорошо, всеблагие боги, что Натану не пришлось в голову использовать свои способности для нового рисунка или для уничтожения старого! Как же хорошо, что здешние люди не привыкли думать об убийстве!

Натан окончательно затих. Тен-Тен на секунду ослабила путы, прежде чем резко дёрнуть концы, завершая атаку. Шея парня хрустнула, голова неестественно склонилась к плечу, фен выключился и упал.

Тен-Тен отползла, насколько смогла, и привалилась гудящей спиной к уцелевшему шкафу.

Пахло сожжёнными волосами, и от этого запаха тянуло блевать. Лицо болело зверски, но трогать его было просто страшно. У Тен-Тен за её жизнь было много травм, и ожоги воспринимались раньше как что-то естественное. Здесь же повреждение лица могло поставить крест на всех её планах стать куноичи. Слишком зависело её будущее от красивой мордашки.

Интересно, хватит ли Луке только его красоты в их парочке?

Болело не только лицо, но и спина, и руки. Ремень, похоже, действительно вплавился в кожу — Тен-Тен не смотрела и не собиралась. Обезболивающего ей, немедленно!

А ещё у неё в кармане, кажется, расплавился телефон. Пластмасса стекла вниз по бедру и пришварилась к коже неснимаемым доспехом. В запале Тен-Тен этого даже не заметила. Проклятая акума, проклятый Бражник и его бабочки!

И как бы Тен-Тен ни думала, что хуже уже быть не может, Вселенная решила доказать ей обратное.

Натан со щелчком поставил голову на место и сел.

Тен-Тен замерла у шкафов. Внутри у неё разлилось самурайское спокойствие. Руки, стёртые о шнур, и ноги, сведённые судорогой, даже не послушались приказа тела: слишком Тен-Тен перенапрягла их, пока пыталась упокоить одержимого.

И ведь у неё вышло! Натаниэль совершенно точно был мёртв, нереально жить со свёрнутой шеей!

Значит ли это, что акумы были бессмертны, пока их не коснётся Очищение Ледибаг?..

Покачиваясь, Натаниэль встал. Не оборачиваясь, он медленно побрёл на выход, шатаясь, как пьяный. Напрягая слух, Тен-Тен смогла уловить имя Маринетт и упоминание свидания... и это совершенно её не устраивало. Не хватало ещё, чтобы тупая девчушка стала жертвой воскрешённого одержимого. Неизвестно, что он с ней сделает.

Она попыталась встать, и тело превратилось в сосредоточение боли. Кожа треснула, лицо стало мокрым, перед глазами потемнело.

Затем мир Тен-Тен вспыхнул красным и пропал.

***

(1) Японская пословица. Изначальный вариант: «Лицом — богиня, сердцем — ведьма».

(2) **Хаори** — Японский жакет прямого покроя без пуговиц, надеваемый поверх кимоно.

(3) **Данго** — Японские сладости, рисовые шарики, иногда с начинкой или подливкой.

(4) **Аматерасу** — Богиня Солнца в Японской мифологии; один из немногих богов, упоминаемых во вселенной Наруто.

Глава 11. Старик

И всё-таки, Чудесное Исцеление оказалось просто чудесной штукой. Вот вроде бы не более часа назад Тен-Тен была прожарена до хорошей хрустящей корочки и умирала от боли, а сейчас стоит перед красиво разодетыми женщинами и улыбается во весь рот.

Людей вокруг было — не счесть. Ароматно надушенные мужчины и женщины набились в большой зал Гранд Отеля Буржуа, и теперь блестели в свете ламп надетой на выгул бижутерией. Хотя, учитывая обстоятельства, камушки могли быть и настоящими.

Тен-Тен не разбиралась в украшениях. Она привыкла к разнообразным кандзаси(1), но так и не переняла моду на кольца, серьги и ожерелья. Всё это разнообразие украшений не просто мешали при работе с оружием, но и могли стать прекрасным способом убийства.

За серьги, особенно длинные, можно дёрнуть. Ожерелье так и просится стать удавкой. Кольца сбивают настройку рук, и с ними не получается настолько же уверенно обращаться с техниками и оружием, как без них. То ли дело кандзаси: мешает — вынул из причёски; не мешает — оставил. Нападает на тебя кто — вынул и засадил прямо в сердце. Или в почку.

В этом мире всё было по-другому. Украшения сверкали и переливались, как осколки огромного волшебного стекла. Тен-Тен улыбалась чужими губами и чувствовала вес серёжек в собственных ушах — имитация, клипса, потому что у Хлои не были проколоты мочки.

Тен-Тен вообще считала прокалывание ушей крайне самонадеянным занятием. Слишком много в мочках было сосредоточено болевых и акупунктурных точек. Иные мастерицы-куноичи одним массажем ушей могли как довести до оргазма, так и убить.

И не придерёшься. Массировала себе уши, а твой клиент откинулся. Бедная, несчастная девочка, стала свидетелем смерти...

Такахаша лавировала между гостями, расточая улыбки, как цветок — аромат. Люди вокруг были ей незнакомы; в их глазах Тен-Тен видела узнавание и расчёт. То, что она не знала гостей, не значило, что те не знали Хлою.

Приходилось быть осторожной. Кивать на светские разговоры с упоминанием незнакомых имён, тянуть губы в понимающих ухмылках в ответ на сплетни, переносить полученную информацию, как пчела, с одного цветка-группки к другому сборищу. Её везде принимали как свою: приветствовали, говорили комплименты и поливали грязью, едва она отходила.

Высший свет был точно таким же, как в мире Тен-Тен. Разве что здесь предпочитали меньшее количество одежды.

Андрэ возникал то тут, то там. Серый человек очаровывал своей невыразительностью, улыбался ровно и с точной дозой радушия, смотрел с добрым прищуром. Тен-Тен прислушивалась к его словам, когда оказывалась рядом.

Одна мадам оделась неподобающе. Куда смотрит её муж?

Во-он тот мужчина такой странный... и глаза у него красные. Уж не употребляет ли он... ну вы понимаете.

Вы слышали? Девочке было всего девятнадцать. Какая жалость! Спуталась со столь неподходящим субъектом, но он-то, Андрэ, такого у себя не допустит...

Мэр Буржуа был подобен медузе. Он колыхался в людском море, менял течение мыслей, превозносил одних и поливал грязью других, гасил волны недовольства и поднимал бурю негодования. Его собственная репутация от этого росла подобно бамбуку после дождя.

Единственное, что не устраивало Тен-Тен в его играх, так это чёткий курс на замужество Хлои.

Её собственный «неподходящий субъект», — Лука, конечно же, — сновал рядом, безмолвный, словно его лишили языка. Яркие пряди парень покрасил чёрным, так что выглядел Куффен весьма похоронно. Даже морские глаза не могли сгладить эту черноту, залегшую, кажется, даже в уголках его губ.

Своим видом Лука, одетый в ненавистные для Тен-Тен чёрный костюм и удавку-галстук, отпугивал от неё всех ухажёров. За вечер к Хлое подошли Адриан, да его кузен — Феликс. Последний был похож на первого, как две капли в океане, и Тен-Тен грешным делом подумала, что в этом мире клонирование развито намного сильнее, чем в её.

Но нет, парни оказались разными; их схожесть сбивала с толку только первые секунды после знакомства. У Адриана была застывшая на позитивной отметке моська; Феликс же, хоть и обладал более подвижной, чем у кузена, мимикой, предпочитал показывать миру равнодушие и брезгливость. У них были разные глаза: зелёные миндалевидные у Адриана и серые, чуть раскосые у Феликса. И волосы у них оказались совершенно разной структуры.

Что было у кузенов одинаково — так это аппетит. Лишившись родительского контроля, Адриан то и дело мелькал рядом с фуршетными столиками. Из-за активной работы щёк он напоминал Тен-Тен хомяка, дорвавшегося до склада с зерном. Не съест — так понакусывает.

Феликс делал такие же набег на еду, но в другой части зала. Кузен Адриана предпочитал сладости и пунш, что Тен-Тен посчитала крайне милым.

Вечер был скучным. Уже после третьего круга по залу Тен-Тен поняла, что ничего нового не услышит: кумушки и их мужья были заняты перемыванием косточек и обдумыванием полученной информации. Развлечения ради Тен-Тен обмолвилась, что у отца некоторые проблемы со здоровьем...

— Бедняга, он еле садится, — вздыхала она, с удовольствием видя огоньки в глазах слушательниц. — Сами понимаете, с такой малоподвижной работой... да и возраст, опять же. Так что я совсем не удивилась, когда к нам пришла посылка с подушечкой... ох, только я ничего не говорила, хорошо?

Её уверяли что, естественно, информация о геморрое, — про него напрямую не говорили, — не пройдёт дальше услышавших. И тем приятнее Тен-Тен было, когда, подходя к очередным кумушкам, она замечала как те замолкали и посматривали в сторону мэра Буржуа.

Пока Андрэ ничего не сделал Тен-Тен, конечно. Однако она не считала свои действия преждевременными. Пусть лучше отвлечётся на пару слухов, это даст ей время для манёвра и хоть какого-то расследования.

После обеда, довольно скучного, на взгляд Тен-Тен, следовало свободное время. Дамы вновь расползлись по группам, как сытые змеи — переваривать чрезмерно обильную пищу и новости. Тен-Тен отстала от них, спрятавшись за колоннами, и села на скамейку рядом. Ей было нужно перевести дух.

Она скинула туфли и поморщилась, увидев набухающую мозоль на пальце. Говорила же она Жану, что носить новые туфли — верх идиотизма... но альтернативы не было, не идти же на этот парад в кроссовках или лодочках. Только не в пышном платье, оголяющем ноги ниже колен.

Вообще, по мнению Тен-Тен, она была похожа не на жар-птицу, — Жан обмолвился,

что это был образ Хлои на эту встречу, — а на цыплёнка. Жёлтое платье с короткой пышной юбкой и спускающимися ниже подола кружевами, тугой лиф, рукава-фонарики и туфли на каблуках. Тен-Тен удалось отказаться от обилия украшений-перьев, аргументируя присутствием на выгуле Адриана.

— Ничего ты не понимаешь, Жан-Клон, — ворчала Тен-Тен, смотря на платье и думая, как бы остаться в комнатах, — он же ко мне тогда не подойдёт!

Жан закатывал глаза, но молчал. Он, как и Тен-Тен, прекрасно понимал: без особой необходимости Адриан не подойдёт к Хлое что с перьями, что без них. Вот только Жан думал, что дело в разрушенных дрянным характером отношениях; Такахаша знала, что котёнка сжирало изнутри чувство вины.

Она помнила, как очнулась в библиотеке от боли: на лицо падали солёные капли, и каждая из них прожигала обнажённое мясо насквозь. По голове хлестали чужие сдавленные рыдания, а спина пульсировала в такт всхлипам.

У неё даже не было сил, чтобы сказать что-то безутешному Нуару, нашедшему её в таком отвратительном виде. Она едва подняла руку, чтобы коснуться его лица — и это действие забрало остатки её сознания.

В следующий момент Тен-Тен пришла в себя в пустом здании коллежа, опаздывая на Благотворительную Встречу папаши Хлои. Телефон из кучи расплавленной пластмассы был собран в целый аппаратик, и вызвать лимузин оказалось проще простого.

Она была... ошеломлена, пожалуй. Она привыкла к боли, привыкла к длительному выздоровлению и ноющим ранам. К слезающей с ожогов коже и сукровице, текущей из разломов при неосторожном движении.

Однако она совершенно не привыкла к мгновенному исцелению. Её ум пытался найти повреждения тела, но тщетно: всё было чисто и ровно. В туалете она долго разглядывала чистенькое личико Хлои с аккуратным, ровным макияжем.

Чудесное Исцеление Ледибаг заботилось даже о её внешнем виде. Смешно.

Затем был набег на гардеробную, нудный Жан, не менее нудный Андрэ, что требовал от дочери спокойного вечера, и вереница блестящих от украшений гостей. Лука возник рядом непринуждённо и неожиданно, как кицуне(2) среди лесных зарослей, да так и остался рядом. Пока не прошёл обед, и Тен-Тен не отстала от основного потока гостей, бредущих в курительные и бильярдные.

Она прислонилась спиной к стене и упёрлась в неё затылком. Волосы Жан собрал ей в низкую косу, украшенную золотой цепочкой с цветами, так что за причёску Тен-Тен не переживала. Говоря откровенно, впервые Такахаша чувствовала себя настолько красивой, как сейчас. Пусть тело и не совсем принадлежало ей, Тен-Тен было приятно ощущать чужие заинтересованные взгляды и видеть, как к ней боятся подойти высказать своё восхищение молодые мальчишки.

И, конечно же, ей было до чёртиков приятно видеть недовольство Луки. Её личный страж одной своей мрачностью отпугивал всех возможных молоденьких ухажёров; к мужчинам постарше он относился благосклоннее, но лишь потому, что в них Тен-Тен не была заинтересована ни капли.

Здесьние «взрослые» мужчины вызывали тошноту. Они были совсем не похожи на тот идеал мужественности, к которому привыкла Тен-Тен. Они решали всё властью и деньгами, не думали о чести и сплетничали как бы не больше женщин. К тому же, большинство из этих «сильных мира» оказались вполне одинаковыми по внешности: затянутые пузики в

костюмах, блестящие лысинками на круглых головах.

Конечно, не все были такими. Издалека Тен-Тен полюбовалась на образец красоты: Габриэль Агрест, отец Адриана, почтил своей фигурой Благотворительную Встречу Андрэ Буржуа. Мужчина был умопомрачительно высок, статен, одет в светлый кремовый костюм и тёмно-алую рубашку из шёлка, и вызвал у Луки несварение одним своим видом. Тен-Тен наблюдала за тем, как Габриэль вносил пожертвование, — она не разбиралась, в честь чего жертвуют, — и как все вокруг расступаются перед мрачностью и красотой модельера.

Вот только чудесное видение было мгновенным, как свечение болотного фонарика. Едва расправившись с пожертвованием, Габриэль исчез из зала, оставив за собой лишь Адриана, Феликса, ошеломлённую публику и набирающие силы шепотки.

Он был неоднозначной фигурой, стоящей внимания.

Тен-Тен слегка подвинулась, когда рядом с ней сел старик. Одет он был не по случаю: шорты и гавайская рубашка смотрелись на сморщенном теле как насмешка над официальным стилем мероприятия. Редкие кустики волос и длинные, ухоженные усы напомнили Тен-Тен о служителях храмов на её родине.

— Какой сегодня день однако, — вздохнул старик, также прислоняясь спиной к стене. — Можно было бы любоваться красотой природы. Или её увяданием.

Тен-Тен посмотрела на старика из-под ресниц. Мужчина рядом выглядел расслабленным, однако старческие пальцы были сцеплены в замок, а ноги — скрещены под скамьёй. И, хотя старик смотрел вперёд, да и голову не поворачивал, Тен-Тен была уверена: он рассматривает её так же, как и она его.

Она поправила платье и закинула ногу на ногу, выставляя напоказ круглую, аккуратную коленку. Старик кашлянул, сбиваясь с мысли, но быстро пришёл в себя.

Он напомнил ей главу её деревни. Неприятная личность, скрывающаяся за сединой волос и слабостью тела.

Однако, помилуйте, какая слабость. Под по-старчески дряблой кожей Тен-Тен видела сухие, сильные мышцы. Переплетённые пальцы были гибкими и тонкими. Голос — спокойным и текучим.

— Любой день подходит для того, чтобы любоваться миром, — снова сказал старик. — И сегодняшний не исключение.

Тен-Тен покачала ногой. Коленки у неё были слегка припудрены, чтобы немного розоветь на фоне остальной кожи. Жан, кстати, ничего на это не сказал; только покачал головой, когда Такахаши начала румянить ноги.

Ну, да. Розовые коленки подсознательно напоминали о молодости и сексе. Они привлекали внимание как мужчин, так и женщин. Однако Тен-Тен не жалела, что решилась так использовать косметику: сейчас, к примеру, её коленка не давала нормально собраться мужчине, который хотел от неё... чего-то. Вряд ли это «что-то» ей понравится, Тен-Тен была уверена.

И вообще, где Лука? Всё время шатался рядом с ней, а в нужный момент распался в воздухе, как предмет от Супер-Шанса Ледибаг. Тен-Тен даже его взгляда не чувствовала, а это уже о многом говорило.

Колонны защищали их со стариком от чужого внимания, однако через зазор между ними Такахаши имела неплохой обзор на зал. Людей осталось преступно мало: парочка у стен, парочка танцующих, жующий около фуршетного стола Адриан со своим котом. Удивительно, что этот чёрный комок никто не замечал: Агрест, хоть и пытался скрывать

своего кота от окружающих, действовал как ниндзя-недоучка.

— Этот мир полон на красоту, — сказал старик после тяжёлого вздоха. — Она везде: в людях, в их поступках, в природе. И в акумах тоже.

Тен-Тен продолжала качать ногой, внимательно при этом слушая откровения старика. Пока тот не сказал ничего внятного; он словно сомневался в том, что он должен сказать или сделать.

— Акумы, в общем-то, не плохие. Это же всего лишь несчастные люди, которые не справились со своими чувствами и стали, так сказать, зависимы от силы Бражника. Ты же знаешь Бражника, Хлоя? Или, может, назовёшь мне своё настоящее имя?

Тен-Тен промолчала. Она не сдвинулась, не повернулась, не прекратила качать ногой. Старик от этого разочарованно вздохнул и прикрыл глаза.

— Я бы хотел сказать, что все беды от Бражника... да в последнее время так оно и было, знаешь? Вот только теперь в мире есть новый источник возмущения. И это ты.

Атмосфера сменилась так неуловимо, что, не будь Тен-Тен закалена духом войны, она бы и не заметила. Старик не сделал ничего предосудительного, однако всё тело Такахаша напряглось, словно пружина.

Раз, раз, раз. Она качала ногой и прикидывала, как ей нужно извернуться, чтобы каблук вошёл старику в глаз, в горло или в висок. Но положение у них было неудобным: опасный элемент оказался слишком близко.

Значит, рукопашная.

Учитель Тен-Тен был сильнейшим из шиноби своего поколения, и он специализировался на тайдзюцу — искусстве ближнего боя. Майто Гай мог кулаками крошить горы, а ударом ноги колоть ледники. И всё это на голой силе.

Это был монстр, а не человек. И часть своего умения он подарил Тен-Тен.

К сожалению, она была женщиной, а потому его стиль боя не подходил для её лёгкого тела и хрупких костей. Это Рок Ли, её напарник, стал истинным преемником Майто Гая. Стальной Ветер Тен-Тен же приняла лишь самое лучшее; как кошка, слизала сливки опыта и переиначила способности под собственные возможности. И горе тем, кто думал, что она ничего не стоит без своей стали.

— Не хочешь знакомиться? Что же, возможно, это и к лучшему... мне всегда тяжело давались убийства... а имя даёт человеку душу. Зачем усложнять и без того нелёгкое дело.

Бой начался до начала движения. Как у самураев. Тен-Тен продолжала спокойно сидеть рядом с человеком, который сказал, что убьёт её, даже не изменив выражения лица. Старик ждал её реакции.

Не получив в ответ ничего, он снова, — в который раз, — вздохнул. И это был его пробный удар.

— Мне жаль, девочка. Но ты принесла с собой кровь.

— А в мире до этого крови никто не проливал?

Тен-Тен не могла вспомнить момента, когда она кого-то убила бы без причины. Ну, была глупая смерть Сабрины — но ведь сама Такахаша в ней не виновата. А ещё был Натаниэль, который, по итогу, сам чуть не пришёл девушку. И даже после сворачивания шеи Куртцберг умудрился сходить на свидание с Маринетт, огрести от Кота Нуара и Ледибаг и преспокойно вернуться домой к порнографичным комиксам и подростковому времяпровождению.

Так что, по факту, пока что больше всех страдала именно Тен-Тен. Да даже в первый

свой день после попадания она едва не откинулась от голубя, что мог бы раскрошить ей череп своим клювом.

И после этого этот старик говорит, что это <i>она</i> принесла в мир кровь?!

— Не от акум, девочка моя. Несмотря на свои способности, они никого не убивали и не были столь разрушительны до твоего появления. — Он повернулся и посмотрел на Тен-Тен. — Я давно за тобой наблюдаю и точно знаю это. Сколько ты здесь, третий месяц?

Тен-Тен моргнула. Третий месяц? Она в этом мире третий день!

Она неторопливо нагнулась и надела туфельки. Затем вернула прежнюю позу, только ноги поменяла, чтобы показать другую коленку. Так было бы удобнее бить.

Через зазор между колоннами она видела, как кот Адриана востропнулся и заозирался по сторонам. Затем на противоположной стороне зала была вспышка зелёного цвета, — не того зелёного, который кислотой разъедал всё вокруг при перевоплощении Кота Нуара; этот был более морским и спокойным, — и к растерянному Агресту подошёл Лука.

Очень, очень горячо выглядящий Лука, вернувший цветные волосы и яркость образа. Издалека было сложно разглядеть все детали его новой внешности, однако Тен-Тен оценила хотя бы то, что его «супергеройский» костюм был выполнен из чешуи, сочетавшей бирюзу и изумруды. На локтях, предплечьях и по позвоночнику у Куффена расплзались твёрдые тёмные наросты — вроде гребней у драконов, только меньше и с явно другими функциями. На лице у Луки была не маска, а опять же чешуя; да и в целом Куффен больше напоминал змею-акуму, чем молодого мужчину в супергеройском костюме.

Он повернулся к ней, — глаза у Луки оказались змеиными, жёлтыми и очень яркими, — и улыбнулся. Тен-Тен прикрыла веки, показывая, что увидела его. Змей поднёс палец к греховно-ярким губам, призывая к тишине, схватил Адриана за плечо и потащил растерявшегося не-Нуара к выходу из зала.

Старик рядом рассказывал свою версию мира. Дескать, всё началось из-за не-Хлои: Бражник, который никогда не позволял акумам причинять людям настоящий вред, после её «появления» внезапно стал другим. Более агрессивным, злым, бескомпромиссным. Более жестоким.

Старик боялся момента, когда он начнёт убивать. И, поскольку все эти изменения, по его мнению, были вызваны появлением в мире не-Хлои, то ему оставалось лишь одно: убрать возмущающий волны элемент из системы в попытке сохранить равновесие.

Тен-Тен молчала, не пытаясь переубедить сидящего рядом фанатика. Она с такими уже сталкивалась: стремясь остановить разрушение своего крошечного мирка и сахарных установок, эти люди могли положить на алтарь идеи сотни и даже тысячи жизней. В попытке вернуть раннее «хорошо и счастливо» они резали глотки, пытали, отправляли на смерть.

За свою идею всеобщего блага они были готовы бороться любыми способами и совершенно не ограничивая себя в средствах. И если старик вдруг решил, что смерть не-Хлои поможет ему... что же, Тен-Тен оставалось только смириться и ударить первой.

Или же позволить противнику сделать это, контролируя каждый его вздох. Так, как говорил ей учитель.

Старик размахнулся и ударил. Вроде бы быстро, но как-то...

Тен-Тен нахмурилась и повернулась, растеряв весь свой боевой настрой. Выражение лица у старика было яростно-обречённым — точно фанатик. Он ещё и жалеть успевал. Не о своём поступке, скорее, это была жалость из серии «как же так получилось, девочка моя, как

же так!»

Он почти застыл в ударе, словно муха, увязшая в меду. Движение продолжалось, но настолько медленно, что было едва заметно.

Тен-Тен встала со скамьи, поправила платье и оглянулась. Змей спешил к ней через зал; руки его были заняты регулировкой железного браслета: пальцами свободной руки Лука придерживал змеиную голову на украшении.

— Ты успел.

— Ну, не с первого раза.

— Что бы это ещё значило.

Лука улыбнулся, продемонстрировав потрясающие острые клычки. Тен-Тен покачала головой.

— Что будешь делать? — спросил Куффен, остановившись рядом с Такахаши.

Она посмотрела на старика, что всё ещё пытался её убить. В руке мужчины был шприц — такой маленький, что поначалу она его даже не заметила.

А в её вечернем наряде, — вот удача, — были перчатки. Они не слишком ей нравились, так что Тен-Тен сняла их и убрала в один из потайных кармашков на платье... очень удобно, нужно будет потом поблагодарить Жана за такой аксессуар.

Надев перчатки, Тен-Тен подошла к старику и вытянула из его рук шприц. Поудобнее перехватив его, Такахаши в мгновение сделала укол — между пальцев, как учила Ино. Никто никогда не смотрит туда, если ищут след от шприца.

Само «орудие» Тен-Тен отдала Луке.

Он отпустил свой волшебный браслет, и теперь недоумённо рассматривал шприц у себя в руках. Старик, вышедший из временной ловушки, — Тен-Тен у себя в мире на такие насмотрелась, спасибо, — тяжело дышал и держался за грудь. Вероятно, в шприце был какой-то миорелаксант.

Он посмотрел на Тен-Тен, потом на Луку. Глаза его расширились в узнавании, но сказать старик ничего не смог. Лицо его расслабилось, как и другие мышцы. На пол потекло.

Тен-Тен сделала несколько шагов назад, чтобы не запачкать туфли.

Лука, напротив, подошёл к старику и наклонился к нему, наслаждаясь каждым мгновением чужого страха и непонимания. Приблизившись максимально близко, он принялся что-то шептать на другом языке, полном вздохов и шипящих — словно действительно по-змеиному. Старик пытался что-то ответить, но из его слабого рта вырывались только никчёмные мяуканья.

Лука схватил его за руку и сдёрнул один из браслетов. Чем он выделялся от остальных, Тен-Тен так и не поняла: бусинки, схематичное изображение панциря, верёвочки. Ничего особенного.

Старик захрипел, глаза его закатились. Лука выпрямился и обернулся на Тен-Тен.

— Куда сейчас? — спросила она, делая ещё полшага назад от зловонной лужи.

Лука улыбнулся.

— Есть дела. Ты разберёшься с трупом?

«Труп» обещал стать таковым только минут через пять.

— Подниму бучу, буду кричать, что человеку плохо. Ещё и репутацию себе сделаю. Ничего сложного.

Он подошёл к ней непозволительно-близко; Тен-Тен пришлось задрать голову, чтобы посмотреть в его лицо, наполовину скрытое чешуёй. Лука был прохладным, как вода из

горного ручья. Тен-Тен была путником, едва перешедшим зной пустыни.

Чтобы не положить руки ему на грудь, Тен-Тен завела их за спину. Лука, заметив это, ухмыльнулся — и облизал губы языком.

Он был раздвоенным.

Тен-Тен прикрыла глаза, когда Лука нагнулся к ней, и улыбнулась.

***

Натаниэль не считал себя гениальным художником. Ни в коем случае.

Он вообще не считал, что гениальность существует. Всё получалось только благодаря долгой работе, неудачам и затраченному времени. Популярности нет — есть лишь следствие твоей работы.

Поэтому неудачником Натаниэль себя тоже не считал. Да, сейчас его работы были наивными, по-детски неуклюжими и, возможно, интересными немногим. Но потом будет по-другому. Когда он найдёт способ самовыражения, который зацепит окружающих.

Он не был неудачником, ни в коем случае, но иногда с ним, — как и с другим абсолютно нормальным подростком, — происходили неудачные события.

В жизни Натаниэля эти события в основном были связаны с Хлоей Буржуа. Стервозная блондинка не то чтобы вознамерилась превратить его существования в нечто ужасное, вовсе нет. Просто она сама по себе была такой ядовитой, что отравляла всё вокруг.

Она издевалась над Натаном и его рисунками, комментировала их, смешивала его искусство с грязью — и при этом была самой жестокой мотивацией для Куртцберга творить. Заливаясь слезами под одеялом после её злых слов, Натаниэль кусал запястья и клялся всем богам, что нарисует такую картину, от которой Хлоя потеряет дар речи.

Он сделает это, и все её злые слова обернутся против неё.

Но он никогда, ни в коем случае, не думал о том, чтобы убить Хлою! Она была его Немезидой, его дёгтем, его необходимым горьким лекарством; как мог он хотя бы помыслить о том, чтобы сделать ей плохо? Не было бы Хлои в его жизни — не было бы смысла стремиться к совершенству. Не было бы выставок его картин, на которых Хлоя морщила нос, не было бы первых денег от проданных полотен, не было бы ничего. Не было бы даже самого желания превозмогать собственные возможности и рисовать до кровавых мозолей.

Поэтому он никак не мог взять в толк, как же так вышло, что он-акума решил уничтожить его собственную музу.

Подробности собственной акуманизации он узнал от Кота Нуара: тот после Чудесного Исцеления затащил Натаниэля на крышу, где принялся расспрашивать об отношении к Хлое. Натан отвечал честно: он её терпеть не может, но жизни без неё не представляет. И что после коллеги он собирается звать её на каждую свою выставку, чтобы она морщила нос и говорила, что вокруг творится абсолютно нелепая безвкусица.

Кот слушал это молча. Когда Натан выговорился, Нуар склонил голову и, опасно шурясь, спросил:

— Тогда как так вышло, что ты её убил?

На это Натану было сказать нечего. Он не помнил ничего, что произошло под акумой, и не мог отвечать за свои-не свои действия. Нуар рассказал, в каком состоянии он нашёл Хлою в библиотеке после бойни с Натаном; рассказал он также и о том, что чуть не прибил Злоюстратора Катаклизмом. Остановился в последний момент, раскрошив страшной способностью не акуму, а заражённый предмет.

— Я не помню...

Кот на растерянность Куртцберга только поморщился.

— Зато Хлоя наверняка помнит. И вряд ли это приятные воспоминания.

Он спустил Натана с крыши и, не прощаясь, убежал. А художник ещё несколько часов бродил по улицам родного города, пытаясь осознать идею того, что он поневоле стал убийцей.

И что уничтожил он собственную музу.

Вечер смазался в ночь, которая прошла кое-как. Невыспавшийся, растерянный Натаниэль едва добрался до коллежа. Голова его распухла от мыслей и неверия, но какой смысл Коту было врать?

Он убил её.

Тем сильнее был его шок, когда он увидел вполне живую и здоровую Хлою, сидящую на своём месте. Она пришла в класс первой, без Сабрины; Натан оказался вторым. Когда она подняла голову от мобильного и её ледяные голубые глаза захватили его в плен, Натан едва не потерял сознание.

Она была такой красивой! И живой. Живой и красивой, Господи, что ещё нужно ему было, чтобы почувствовать себя настоящим? Чтобы ощутить этот зуд в кончиках пальцев, когда хочется рисовать? Он бы изобразил ледники её глаз, мягкость волос, движения кошки и тихий голос. Она была сильфом, духом ветра, что внезапно сошёл к Натаниэлю, простому смертному. Нереальной и словно прозрачной.

Хлоя поднялась со своего места и подошла к нему. Натан отступил и упёрся спиной в дверь. Хлоя была близко, он чувствовал запах её шампуня и видел светлые точки в прозрачных радужках.

Она прекратила краситься как раньше, теперь её глаза едва оттенялись светло-голубым. Из-за этого они сияли, как два кусочка льда.

Да, он определённо нарисует лёд. Айсберг. Светлый, невероятно величественный, в окружении тёмной воды и беспокойного злого ветра, словно сияющий собственной голубизной изнутри. Он сделает это, и Хлоя...

Хлоя ударила рядом с его головой, и Натан вздрогнул. Он покосился на кулак, потом на девушку. Буржуа была немного ниже него, — не надела сегодня каблуки? — но впечатление силы, исходящее от неё, компенсировало разницу в росте.

— Знаешь, что я тебе сделаю за вчерашнее? — спросила Хлоя.

Натан мотнул головой. Наверное, она была в своём праве — всё-таки, хотя он ничего и не помнил, он её вроде как убил.

Хлоя ласково улыбнулась, и Натан резко захотел, чтобы вчерашнего дня не существовало.

— Я подарю тебе кое-что.

Она потянулась к поясу, и Натан зажмурился. Секундная возня, которую он чувствовал по колебаниям воздуха рядом. Меньше света.

— Ну что же ты, — ласково продолжила Хлоя. — Открой глаза.

Натан послушался — и чуть не вскрикнул. Прямо рядом с его левым глазом Хлоя держала кисточку. Она её не просто показывала ему, а угрожала: острый кончик был направлен точно в зрачок Куртцберга.

Ледяные глаза смотрели спокойно. Намерение было ясно.

Потом Хлоя ухмыльнулась, покрутила кисточку в пальцах и вложила её в руку

Натаниэлю. Приблизившись к художнику слишком близко, чтобы это не было интимно, она привстала на цыпочки и прошептала ему прямо в ухо:

— Мой подарок, зло-художник, это обещание. Ещё раз ты акуманизируешься — и уже я убью тебя. Ты понимаешь?

— Но закон...

— Я — дочь мэра. Закон в этом городе определяю я.

Она толкнула его, словно это он приставал к ней, и отодвинулась. Интересы в глазах было меньше, чем льда в пустыне. Хлоя вернулась за парту и, казалось, вернула всё своё внимание телефону.

Натан осторожно перевёл дух.

— Кстати... комикс был посредственный. Дюпэн-Чэн в главной роли? Просто смешно.

Натан посмотрел на кисточку у себя в руках. Он любил Маринетт. Или думал, что любил. Маринетт была милой, её приятно было спасать.

Но Маринетт даже не поинтересовалась его состоянием после акуманизации, хотя он знал, что она звонит каждому. А Хлоя купила ему кисточку. На дереве золотом был выведен номер и название фирмы. Дорогая, сам Куртцберг такую кисть себе позволить не мог, несмотря на начинающиеся заработки. И удобная: универсальный размер, подойдёт и для заполнения цветом, и для мелких деталей.

Кисти не определяют таланта художника, однако значительно облегчают его труд. Натаниэль, чуть не убивший Хлою, почему-то получил от неё подарок и уверение в том, что отношения между ними не изменятся. Это ли не чудо.

Натан осторожно сжал кисточку в кулаке и улыбнулся.

— Я нарисую лучше.

Хлоя в ответ фыркнула, но на губах её была мягкая усмешка.

Айсберг таял и искрился на солнце.

***

(1) **Кандзаси** — Украшения для волос. Могут быть из любых материалов: железо, драгметаллы, бисер, ленты и прочее.

(2) **Кицунэ** — Дух лисы в японской мифологии.

(3) **Немезида** — Древнегреческая богиня возмездия и мести.

Глава 12. Пузырик

Тен-Тен разблокировала мобильник, несколько раз бесцельно ткнула пальцем в экранчик и снова заблокировала. Чернота поглотила разнообразие значков и фотографию Одри Буржуа. В тёмном зеркале осталось только отражение мордашки Хлои и недовольства самой Тен-Тен.

Со всеми перипетиями и приключениями последних дней она совсем забыла про событие, которому настоящая Хлоя придавала исключительно большое значение. Про день рождения Адриана Агреста, мальчика всех её мечтаний и просто большой умнички.

Честно говоря, у Тен-Тен были свои проблемы. К примеру, Натан — тому она ясно дала понять, что новая акумуляция станет последним, что он сделает в своей жизни. Или Сабрина — её Тен-Тен отправила в ближайший магазин, чтобы она купила Агресту что-нибудь по-мальчишески привлекательное. Или тот же Лука — он после своей эскапады со стариком пропал и не отвечал ни на звонки, ни на смс.

И это не говоря про Бражника, его акумулятор, недовольство Маринетт и болящие от утренней пробежки ноги. Бегала Тен-Тен, между прочим, в одиночестве, если не считать огромного и молчаливого охранника: Лука, как упоминалось ранее, пропал, а Кот Нуар в свой день рождения, видимо, решил выспаться.

В одиночестве не было ничего страшного. На самом деле, Такахаши любила быть одна, по крайней мере изредка. Нервировали пропажа и молчаливость Луки, а также близость охранника, которому Тен-Тен совершенно не доверяла.

Ещё настроение с утра ей подпортило, к удивлению, Хлоя. Тен-Тен была уверена, что девочка со всей ответственностью подошла к выбору подарка для Адриана, — она же любила Адриана изо всех сил, так почему бы нет? — однако юная Буржуа провалилась. Она хотела подарить парню коллаж со своими фотографиями.

Вот скажите на милость, зачем Адриану это недоразумение, пусть и все фотографии Хлоя вклеивала вручную? Куда смотрел Жан, если он вообще смотрел? Почему не остановил и не перенаправил энергию несчастной обиженной девочки в другое, более продуктивное русло? Как так получилось, что Тен-Тен снова по собственному недосмотру заимела проблему, которую стоило бы решить ещё вчера?

Да даже если Сабрина купит Агресту что-нибудь с символикой Кота Нуара или что-нибудь съедобное — пользы и то будет больше, чем от этого коллажа. Каким бы классным он ни был.

Что это вообще за подарок, где Хлоя на подобное насмотрелась? Это насколько же заниженную самооценку надо иметь, чтобы реально считать этот «подарок» подарком?

Пока в класс стекались ученики, Тен-Тен то включала, то выключала мобильник. Натан сидел, причухший, на задних партах, и не отвечивал. Такахаши не была уверена в правильности выбранной линии поведения с ним, но, вроде, вышло очень даже неплохо. По крайней мере, Куртцберг выглядел бодрым и черкал что-то в своих тетрадках. Интересная реакция на обещание скорой смерти от мальчика-гражданского.

В любом случае, всё было хорошо. Раз художник рисует, значит, жив. Это ещё по Саю было видно.

Запыхавшаяся Сабрина вернулась за десять минут до первого урока и до появления в классе Адриана — очень удобно. Игнорируя возмущённые взгляды, — «Даже Адриану сама

подарок не купила, надо же!» — Тен-Тен в несколько аккуратных движений вскрыла упаковочную бумагу и довольно кивнула. Сабрина выбрала Адриану в подарок толстовку с кошачьими ушами и зелёными глазами на капюшоне. Вряд ли Агрест сможет носить её на улице из-за отца-модельера, но почему бы не мозолить ему глаза в такой вещице дома? Вряд ли Габриэль контролирует гардероб собственного сына вплоть до пижамы.

Сложив толстовку и снова запаковав её, Тен-Тен отдала подарок Сабрине.

— Отлично.

— Я дарю ему? Что сказать? Мне пожелать ему всего хорошего? Добавить, что ты его любишь? Сказать что-то? Я...

Адриан в этот момент вошёл в класс в сопровождении Нино. За ними плелась Маринетт — подавленная и расстроенная просто до ужаса, с глазами на мокром месте. Учтывая, что из рюкзака у неё выглядывала яркая коробочка подарка, хвостатая наверняка не смогла справиться со своими любовными приколами.

— Хлоя! Так что мне сказать?

Тен-Тен недовольно посмотрела на Сабрину.

— Что хочешь — то и говори. Твой же подарок.

— Но я... как же, а ты?

Такахаша встала из-за парты, поправила пиджак, — тот самый, жёлтый, который помог ей свалить на Натана-акуму шкаф, — и подарила Сабрине один из самых своих раздражённых взглядов. Её внуки, завидев такое настроение любимой бабушки, автоматически начинали убираться и хорошо себя вести; рыжая оказалась более инертна, получив ранее прививку недовольства от настоящей Хлои.

— Не заставляй меня думать о тебе хуже, чем ты есть, Сабринчик. Ты ничего не купила Адрикинсу — я решила эту проблему. Подаришь на следующей перемене или в подходящий момент.

— Я... о, спасибо... я даже не подумала.

— Ты вообще не думаешь.

Тен-Тен, если признаться честно, рассчитывала использовать любой подарок, который принесла бы Сабрина. Рыжая была подростком, и она могла выбрать хороший презент для такого же подростка.

А потом она посмотрела на Адриана и на Маринетт, которая так и не смогла подарить ему своё что бы это ни было. И что-то Агрест не выглядел обласканным вниманием одноклассников. Он вообще выглядел так, словно с самого утра об него вытирали ноги все, кому не лень.

Поэтому Тен-Тен решила оставить подарок Сабрины Сабрине. Даже если он куплен в спешке и на чужие деньги, Адриан-то этого не знал. Одним подарком больше — настроение Агреста лучше.

Теперь надо решить ещё одно мелкое, но раздражающее насекомое недоразумение.

Маринетт была слишком поглощена собственным страданием, чтобы заметить приближение врага. К тому же, Тен-Тен прошла не через посматриваемое место спереди, а через заднюю часть класса. Да, не так удобно, зато хвостатая как страдала — так и продолжила страдать.

Тен-Тен вытащила подарок из рюкзака Маринетт, который та, — куноичи на радость, — кинула на заднюю парту. Голубая плоская коробочка на ощупь оказалась очень мягкой, чувствовалась картонка посередине и швы на ткани. Значит, какая-то вещь, если

вспомнить, что Маринетт балуется шитьём на досуге.

— Так-так-так, что это у нас тут. «Адриану от Маринетт, с днём рождения!» А что же ты, Дуринетт, не отдала подарочек адресату?

Хвостатая повернулась со скоростью Ледибаг. Глаза у Маринетт были расширены до предела — вот-вот выпадут от страха. Зрачки сузились и помутнились; Тен-Тен с неудовольствием отметила шок. Какой ужас, Маринетт довела себя до панической атаки собственными же мыслями и страхами.

Хорошо, что у Тен-Тен был опыт работы с такими состояниями.

Она наклонилась с Маринетт близко-близко, так, чтобы их лица были на одном уровне. А затем щёлкнула зубами, так громко, что хвостатая вздрогнула и сосредоточилась на непозволительной близости Хлои.

— Не позорься, Дуринетт, — прошептала Тен-Тен, шурясь, — хотя куда уж больше.

Панические атаки были делом настолько распространённым и частым среди шиноби, что их даже не выносили в медицинских справочниках как отдельное заболевание. Перенервничавший новичок, не до конца восстановившийся опытный вояка, попавший в иллюзию кто угодно — да мало ли в жизни шиноби было моментов, когда психика не справлялась.

По всем настояниям врачей Тен-Тен стоило бы сесть рядом с Маринетт, взять её за руку, предложить воды и рассказать что-то отвлечённое спокойным голосом. Вот только у Такахаша, как у действующего боевика, не было возможности обжиматься со своими подчинёнными на заданиях. Какая вода, какие руки, когда тебя пытаются грохнуть, а у человека рядом то ли контузия, то ли та самая попытка психики не сдохнуть?

Щелчок зубами перед лицом — это не то, что ты ожидаешь от нормального человека(1). Это то, что выведет из ступора и переключит внимание из-за громкого звука и необычности происходящего. Это достаточно безопасно для этого небоевого мира, чтобы Маринетт-Ледибаг отреагировала, но при этом не начала ответное нападение.

— Хлоя, оставь Маринетт в покое!

Тен-Тен перевела взгляд на Адриана. Ну точно котёнок в сияющих доспехах, желающий спасти свою принцессу. Удивительно, но Марибаг вызывала в этом светлом ребёнке вполне взрослые желания.

Не подростковое хотение секса, а взрослое стремление защитить. Это было интересно.

Она выпрямилась и усмехнулась. Кажется, Тен-Тен начинала привыкать ко всеобщему вниманию: всего три дня, и ни одного из них без сцены. Какая же Хлоя была скандальная, раз даже более или менее спокойное поведение Тен-Тен воспринималось в штыки.

— С днём рождения, Адрикинс, — чужой подарок она кинула прямо в руки имениннику. — Можешь не благодарить.

Алья, сидящая рядом с Маринетт, тяжело вздохнула и похлопала подругу по плечу. Тен-Тен разобрала что-то вроде «зато подарок у него», сказанное с облегчением и скепсисом одновременно. Маринетт издала высокий писк-поздравление и попыталась было ломануться вон из класса... вот только на дороге у неё была Тен-Тен.

Такахаша схватила дурную хвостатую за плечо и дёрнула назад, не давая вскочить из-за парты. Адриан, растерянный из-за получения подарка, этого даже не заметил. Всё его внимание внезапно оказалось сосредоточено на свёртке у него в руках.

— Открывай давай, — приказала Тен-Тен, продолжая удерживать Маринетт на месте.

Непростое это было дело, между прочим: сила у Ледибаг оказалась поистине дурная.

Если бы не знание акупунктуры и Алья, навалившаяся на подружку с другой стороны, вряд ли Тен-Тен удержала бы хвостатую на месте.

Адриан кивнул и вскрыл подарок. Под голубой бумагой оказался шарфик — достаточно миленький, чтобы носить его как аксессуар вне погоды, и вполне прилично выглядящий. Руки у Маринетт внезапно оказались откуда надо.

Тен-Тен хлопнула замершую девушку по пострадавшему плечу и направилась на своё место. К Адриану, словно к местному святому, стали стекаться другие одноклассники с подарками: у кого побольше, у кого поменьше. Сабрина мелькнула рыжей мышью, отдав толстовку и сразу же вернувшись к Хлое под крыло.

— А ты что ему подаришь? — спросила очкастая.

— Я...

— Теперь мы просто обязаны закатить вечеринку, бро! Я точно поговорю с твоим отцом, он не откажет, зуб даю!

Адриан, ошеломлённый от внимания и практически заваленный подарками, кивнул. Тен-Тен, напротив, нахмурилась. Вряд ли Габриэль Агрест нормально отреагирует на Нино, если тот придёт что-то просить или не дай боги требовать. Во-первых, Нино в глазах Габриэля, — да и в глазах Тен-Тен, будем откровенны, — был ребёнком. Во-вторых, он был цветным.

В мире шиноби всем было плевать на цвет твоей кожи. Чёрный, белый, красный, жёлтый — без разницы, пока у тебя есть голова на плечах и ты что-то представляешь из себя, как боец. Да, небольшие размолвки могли быть, но они носили исключительно локальный характер. К примеру, на шиноби из страны Молнии, — там жили люди с тёмно-коричневой кожей, — могли странно посмотреть крестьяне из белокожей страны Огня.

При этом крестьяне никогда ничего не скажут по поводу чужого внешнего вида. Все знали, что разозлённый шиноби может и пристукнуть вякнущего.

Однако в этом мире дела обстояли совсем по-другому. Здесь цветная сегрегация была большой проблемой: одни цветные считали себя выше других цветных, пока третьи бесцветные наблюдали за их конфликтами и сталкивали всех друг с другом. Хлоя попала в мультирасовый класс, а потому не особенно обращала внимание на цвет кожи: для неё и белый, и цветной человек были всего лишь мусором под ногами, в любом случае. Буржуа слишком привыкла, что её окружают разные люди.

На улицах преобладал определённый фенотип, под который Хлоя, кстати, подходила. Интернет давал определение такому типу внешности «европеоидный», и территориально Париж относился к месту, где он преобладал. Негроидный, азиатский и американские типажи встречались реже; на последний тип Тен-Тен посмотрела только на фотографиях: в этом мире несчастных американских индейцев вырезали, как индюшек.

Итак, к чему это она... вряд ли Габриэль Агрест, который не сшил ни одного платья или кофты для темнокожей или хотя бы азиатской модели, нормально отнесётся к Нино, который решил у него что-то требовать. У Тен-Тен заранее сработал индикатор проблем.

А значит, возможна акуманизация.

Во время уроков Тен-Тен думала, как предотвратить эту одержимость. Нино не помогал: парню, вероятно, было тревожно идти на условно-враждебную территорию, так что он громко подбадривал себя и заводил Адриана рассказами о том, как будет круто закатить вечеринку. Какая будет музыка, шарик, — обязательно шарик, — куча мыльных пузырей и огромный торт.

О том, что такая вечеринка планируется заранее, Тен-Тен вообще молчала. Нино в своих мечтах практически дошёл до экзальтации, но слушать его было интересно. Этаким экскурсом в идеальную вечеринку, которую только могут закатыть подростки. Были бы они чуть старше, в уравнение добавились бы выпивка, девочка и безудержный драйв. Как хорошо, что Адриану исполнилось только пятнадцать, и что он был очень милым, хоть и зашуганным ребёнком.

Так и не придумав ничего путного, Тен-Тен решила идти вместе с Нино: в этом случае она могла хотя бы перевести гнев Габриэля на себя, чтобы нежная душа Ляифа избежала одержимости. Но перед выходом из коллежа её задержала рыжая учительница, которой вот прямо сейчас, очень срочно понадобилось поговорить с Хлоей о её поведении. И о том, что своими словами она может обидеть других. И о том, как она себя иногда некрасиво ведёт. И о том, что...

— Ты подарила что-нибудь Адриану?

Тен-Тен вздохнула и с тоской посмотрела на улицу. Она явно упустила свой шанс на предотвращение акуманизации: по небу летали кучи разноцветных шаров, в которых, как хомячки, бултыхались люди. Рыжая учительница, — заметка: узнать имя, а то как-то уже даже неудобно, — этой фантазмагории не видела, а потому оставалась спокойно-умиротворённой.

Интересно, по какому признаку акумы получали свои силы? Тен-Тен пока сталкивалась нос к носу только с двумя, не считая Месье Голубя: Милен и Натаниэль. Милен была напугана маской и, в силу своих потаённых страхов, после выведения на эмоции с этим всплеском ожидаемо не справилась. Натан, вроде бы, относился к типу «терпил»: по ним можно лупить практически до бесконечности, однако в момент взрыва сметается всё, что находится рядом.

Напуганная маской Милен стала олицетворением своего страха. Тен-Тен не поняла, из-за чего Страшила меняла свой размер, — да и не интересовало куноичи это, — однако у акумы явно были способности вроде тех, что давала чакра шиноби. Этаким кеккей-генкай(2) для отдельно взятой личности.

Примерно так же появился зло-иллюстратор. Натаниэль, выведенный стрессовой ситуацией и выбитый из жизни; терпила-Нат, который наверняка долгое время подвергался психологическому прессингу от той же Хлои; мрачный, нелюдимый подросток, находящий утешение только в своих картинках. В комиксах он был всемогущим героем, от него пиццала в восторге девушка, в которую он влюблён. Он был крут, спасал город, обладал суперспособностями, нехарактерными для этого мира. И, — что вполне логично, — на волне ненависти к себе и к реальности он стал тем самым всемогущим героем. У героя был враг, — Хлоя, — которого стоило уничтожить. И Нат пошёл по знакомой, проторенной дороге. Он предпочёл стандартный сюжет.

Выходит, что сила акумы зависела... от чего? От личных качеств, неприязни, мыслей, которые в голове на момент появления одержимости? Вероятно, Бражник мог как-то направлять акуманизацию и способности своих марионеток, но в этом Тен-Тен уже не была уверена. На эти мысли её натолкнул Месье Голубь: мужчина акуманизировался слишком часто, как для взрослого. И тут одно из двух: или Бражник цеплялся за любую неудачу в жизни несчастного, или у того были большие проблемы с головой.

Вообще, с Месье Голубем всё было странно. Тен-Тен пролистывала статьи одну за другой, смотрела фотографии, и честно не понимала: не могло же быть такого, чтобы месье

Рамье, — мирское имя Голубя, — был не в себе. Ну да, мужчина любил птиц. Разводил их. Был одинок и часто огребал от полиции за кормёжку пернатых в местах, где это делать запрещено. Но это всё не было достойным поводом для одержимости!

Рамье раз за разом становился повелителем птиц, и Тен-Тен приняла за рабочую теорию то, что Бражник использует перья. Кот Нуар был практически бесполезен против птичьей атаки, и у Чудесного дуэта значительно снижалась эффективность при отсутствии одного из героев. Бражник пользовался этим при любом удобном случае.

Значит, голова у Бражника варит. И он был потенциально готов на убийство. Потому что Адриан не участвовал в битве с голубями из-за чихания, которое медленно переходило в распухшее горло. Просто добавь ещё перьев — и котёнок станет жертвой асфиксии.

Просто и красиво. Тен-Тен и сама бы поступила так.

Однако у Бражника, в отличие от Тен-Тен, оставалось мышление гражданского. Просматривая видео за видео, Такахаши заметила одну особенность: мотылёк всегда проигрывал... из-за желаний акуманизированных. Чудесные ловили одержимых в момент, когда те пытались выполнить свои заветные желания. И нет бы Бражнику поставить условия: сначала Талисманы, потом всё остальное... нет.

Он давал одержимым возможность решить свои проблемы. Тен-Тен на его месте была бы не столь великодушна.

Да вообще, славьтесь всеблагие боги, что Тен-Тен обладала мягким характером и общим добродушием. Заполучи она силы, подобные Бражнику, Ледибаг, Коту, — да даже акуме! — и миру пришёл бы конец. Она была в этом уверена.

Воистину, иногда глупость — благо. Это как с Наруто. Всесильный спаситель мира, обладатель практически безграничной мощи, носитель одного из сильнейших существ в мире!.. с мыслями о лапше в голове. И пусть оно так и остаётся, если кто спросит Тен-Тен.

— Хлоя!

Тен-Тен посмотрела на рыжую учительницу. Ну вот что она пристала? Не было у Такахаши подарка, но исправить это не так сложно. Какое дело абсолютно постороннему человеку до личных отношений? Чего она вообще лезет? Чёртов парижский менталитет.

В стране Огня, к примеру, подарки на день рождения вообще не дарили. Считалось, что поздравлять надо не именинника, а его родителей. Шиноби в этом, конечно, были исключением: жизнь ниндзя слишком коротка, чтобы лишать себя ещё одного праздника в год. Но вот обычные люди вполне спокойно жили без всей этой беготни с дарами и вечеринками.

В любом случае, нужно было отвязаться от учительницы и разобраться, что за дребедень творится на улице и как это может быть опасно для Тен-Тен. Почему пузыри? Почему люди внутри? Почему они улетают вверх?

Будет ли у людей достаточно воздуха? Проницаема ли плёнка пузырей? Что будет, когда беззащитные перед атмосферой взрослые окажутся в космосе или хотя бы на достаточной высоте?

Будет ли в Париже дождь из трупов?

В окно влетел один из пузырей. Был он не больше кулака, нежно-розового цвета, вполне безобидный на вид. Тен-Тен не шевелилась, уставившись надвигающиеся губы учителя. Эх, где её молодость, когда понятие сэнсэй(3) имело для неё значение... сейчас в её старой голове уважения заслуживал разве что её собственный учитель, Майто Гай. Ну и, может быть, её первый учитель — Умино Ирука.

Пузырь двигался медленно, даже неторопливо. Он лениво преодолел половину класса к тому моменту, как рыжая его обнаружила. Тогда пузырик внезапно зашевелился: в мгновение набрав приличную скорость, он врезался в грудь женщины. Розовая поверхность загорелась красным, растянулась по телу рыжей и поглотила его. Три секунды, и вот учительница сидит внутри большого красного пузыря, который уносит её куда-то наверх, к голубизне неба.

Тен-Тен постояла с минутку, наблюдая за тем, как рыжая стучит кулаками по прозрачной плёнке. Приглушённые крики действовали лучше любого седативного.

Она закрыла глаза и умиротворённо вздохнула. Интересно, если она купит Адриану подарок во время баловства акумы, он останется у Агреста? Или Чудесное Исцеление вернёт всё по своим местам, включая потраченные деньги и выбранный презент?

Только большим волевым усилием Тен-Тен не отшатнулась, когда перед её веками померк свет. Запахло дешёвой жвачкой.

— Хм-м... ты что, наблюдала за тем, как она улетает?

Она открыла глаза, всё ещё контролируя своё тело. Перед ней стояло... что-то. Какое-то нагромождение пузырей, имеющее человеческую конституцию. Разноцветное. С красно-синим лицом.

Сделав шаг назад, Тен-Тен смогла нормально рассмотреть акуму. Что же, от Нино осталось преступно мало, даже голос был изменён в угоду клоунскому образу.

— Возможно.

— Клёво я её, да? — он состроил гордое выражение лица и принял подходящую позу. — Эти взрослые только всё портят! Согласна?

У Нино были отвратительно равнодушные красные глаза. Несмотря на живость мимики, их выражение совсем не менялось, из-за чего Тен-Тен чувствовала себя так, будто общается с психопатом.

Она терпеть не могла психопатов. Их действия не были продиктованы привычной человеческой моралью, а сбитая система ценностей позволяла творить такое, до чего нормальный человек просто не додумается.

— Согласна. Ты всех взрослых отправил наверх?

Нино ухмыльнулся, обнажив жёлтые зубы. Те были словно из глины: плоские, одного размера и формы. Как игрушечные.

Парень с огромной злобой посмотрел в окно, где Париж терял большую часть своего населения. Даже со своего места Тен-Тен могла слышать истерические крики детей, лишившихся защиты: пузыри наверняка вырывали их взрослых из маленьких ладошек, не заботясь о спокойствии и хорошем настроении детишек.

— Ненавижу взрослых, — сказал Нино с неожиданной тоской. — Почему нельзя быть хоть немного менее напряжными?

— Ну, теперь-то никто не будет устанавливать правила, верно?

Он перевёл взгляд на Тен-Тен и счастливо улыбнулся.

— Верно! Я даже не думал, что ты поймёшь! Вечно «папочка то, папочка сё» — ни шагу сама ступить не можешь!

— Мы с отцом поссорились. Сильно.

— Это потому, что он взрослый. Но ты не волнуйся, я уже отправил его наверх. Пузырик к твоим услугам!

Он отвесил шутовской поклон, Тен-Тен ответила кивком. Нино протянул ей руку, и

Такахаши вложила свою ладонь в чужую.

— И что будет со взрослыми?

— Пусть бороздят космос и приказывают кому захотят. Может, научатся слышать других... в бесконечной тишине.

Нино рассмеялся и дёрнул Тен-Тен на себя. Такахаши угодливо хмыкнула.

Итак, почему пузыри? Нино только сегодня принёс упаковку мыльных пузырьков. Детская игрушка, Ляиф больше забавлялся с ними, чем реально был в них заинтересован. Да и не водилось за ним раньше такого пристрастия.

Почему тогда пузыри? Это было влияние момента? Это было удобно для Бражника?

Кстати о Бражнике. Задумывался ли Нино о том, что мотылёк, судя по психотипу, взрослый? Что же будет делать Ляиф, если узнает настоящий возраст своего работодателя?

Можно ли называть Бражника работодателем для акуманизированных или это будет слишком?

— Куда мы направляемся?

Нино затянул Тен-Тен на большой пузырь: тот был прочнее остальных, и Ляиф использовал его, чтобы летать. Вместо платформы. Покатые грани пузыря могли свободно уместить только одного человека, так что Тен-Тен пришлось прижаться к одержимому, чтобы банально не соскользнуть вниз с почтительной высоты.

Город внизу менял пейзаж, дома сменяли магазины и наоборот. Нино ухмылялся, прижимал к себе хорошенькую девушку и, судя по всему, чувствовал себя покорителем мира.

— В дом Адриана. Я закачу ему такую вечеринку, о которой он будет вспоминать всю оставшуюся жизнь!

— Это уж точно.

— Что?

— Отличная идея, говорю. Адриан заслуживает настоящего веселья, тем более с таким отцом. Ты же разобрался с его отцом?

Нино как-то неуверенно мотнул головой и что-то пробурчал. На его лице вспыхнула голограмма бабочки, и Тен-Тен пришлось вцепиться в руки Ляифа: тот совсем их расслабил, прекратив поддерживать девушку на пузыре. Физика взяла своё, и ступни Тен-Тен стали быстро скользить по ненадёжной опоре.

Внизу простирался город. Куча камня и железа. Падать было бы настоящим мучением, что бы ни намагичила потом Ледибаг.

— Пузырик, милый, а ты уже озаботился фуршетом и музыкой? — стараясь не тараторить, спросила Тен-Тен. — Адриану будет скучно, если ты просто пригонишь к нему гостей!

Нино отмер, схватил Такахаши за талию и опять притянул к себе. Бабочка на его лице пропала.

— Конечно. Что за вечеринка без еды и музыки?!

— Какой ты продуманный. Это будет лучший праздник этого года!

— Ты думаешь?

— Пф, Хлоя Буржуа всегда говорит только то, что думает!

Нино кивнул, полностью удовлетворённый её словами, и снова улыбнулся. Он повернул голову к Тен-Тен и упёрся своим лбом в её. В глазах у одержимого не было мысли — только зашкаливающие эмоции.

Потом он её поцеловал. Грязно и развязно, привнося в рот Тен-Тен вкус жвачки и мыла.

Он наслаждался каждой секундой этого недопоцелуя, вылизывал её язык и просто получал неприличное количество удовольствия.

Хорошо ещё, что поцелуем всё и закончилось: они прилетели к дому Адриана. Нино спустил Тен-Тен с пузыря, подарил ей ещё одну сумасшедшую широкую улыбку и убрался вон — искать других одноклассников, видимо. Такахаши не была первой, и свидетелем небольшого насилия стала добрая половина класса.

Тен-Тен растянула губы в яде.

— Что, тоже захотели?

Подростки отвернулись. Она с отвращением вытерла губы рукавом и очень удивилась, когда к ней подошёл Натан и предложил платок.

— Спасибо, только вряд ли это поможет.

— Нино... в тебя влюблён?

— Он просто удовлетворил своё желание, не придавай этому бльшего значения.

Она вернула подарок и подошла к фуршетному столу. Одни сладости, гадость какая. Даже напитки — и те отвратительно-приторные. Тен-Тен сделала всего один глоток, чтобы перебить тошнотный привкус жвачки.

Никогда её не любила.

Итак, Бражнику нужно было, чтобы Нино не думал про Габриэля Агреста и про его устранение. Мотылёк активировался ровно в тот момент, когда Тен-Тен задала вполне безобидный, учитывая ситуацию и разговор, вопрос. И вряд ли Бражник испытывает большое гомосексуальное влечение к этому шикарному мужчине... или что они просто состоят в хороших отношениях, учитывая затворнический образ жизни месье Агреста.

А значит...

О, как бы хотела Тен-Тен, чтобы её первые выводы были ошибочными.

Нино натаскал оставшихся одноклассников, закончив Адрианом. С удивлением Тен-Тен увидела Маринетт, которую Ляиф, как принцессу, принёс на руках. Её он не поцеловал, хотя Такахаши очень хотела бы посмотреть на выражение лица старосты класса. Она уверена: это было бы незабываемо.

Почему-то этот поцелуй задел Тен-Тен. Она была шиноби, она была куноичи, она привыкла к насилию над собой — потому что в первую очередь она всегда была женщиной. Её одноклассники и учитель, как могли, защищали Тен-Тен от грязи, но не всегда они были рядом. Надругательство над своим телом в прошлом мире она переносила легче, чем невинный, в общем-то, поцелуй в этом.

Возможно, дело было в Нино? Тен-Тен даже не была уверена, что он, будучи в себе, когда-либо хотя бы подумает о поцелуе с Хлоей; это было насилие не только над ней, но и над Ляифом. Желание, рождённое акумой.

Или же дело было в том, что он поцеловал её так, походя? Не придавал никакого значения этому действию, вылизал её рот, получил удовольствие и полетел дальше. Словно это ничего не стоило; словно Тен-Тен, — и Хлоя! — ничего не стоили. Для акумы они были ничем.

Захотел — поцеловал. Захотел — убил. Отправил в космос к нудным взрослым, к примеру.

Ох не зря Тен-Тен не понравился взгляд этого пузырячатого. Интересно только, сколько поцелуев от Луки потребуется для того, чтобы вымыть этот гадкий сладкий привкус?..

Включили музыку. Неуверенные, напуганные подростки распределились по парам и

принялись танцевать тухлый медляк. Тен-Тен в партнёры досталась Аликс: то ли перепутала, то ли схватилась за первого человека, стоящего рядом. Ладони у девчушки были холодными и мокрыми, а цеплялась она изо всех своих сил.

— Угомонись, — приказала Тен-Тен, перехватывая руки Аликс.

— Акума...

— Не привлекай внимание — и он тебе ничего не сделает. Его интересует Адриан и взрослые.

Аликс издала нервный смешок и бросила испуганный взгляд на стоящего за диджейским пультом Нино. Тен-Тен крутанула девушку на месте, не попадая в музыку, но зато выводя её из паники.

— Мне щёлкнуть зубами перед тобой, как перед Маринетт утром?

— Нет... хотя это было забавно.

— Да уж.

Руки Аликс, хоть и оставались мокрыми от пота, стали немного теплее. Тен-Тен вела девушку в танце, вертя по-всякому, чтобы обеспечить себе хороший обзор. В какой-то момент из толпы пропала Маринетт; в другое мгновение, после появления Ледибаг, растворился Адриан.

Тен-Тен совершенно не собиралась вмешиваться в их разборки с акумой, а потому потянула Аликс за собой, под защиту дома Адриана. Девушка шла без возражений и даже не оглядывалась.

Нет уж, хватит с Такахаша, спасибо. За свою жизнь она перебила достаточно психопатов, чтобы сейчас просто взять и уйти.

В этом мире достаточно героев и без неё.

***

(1) Тен-Тен очень повезло, что Маринетт отреагировала, как она рассчитывала. Не делайте так в реальных ситуациях. Решать так панические атаки крайне рискованно как для страдающего, так и для помогающего.

(2) **Кеккей-генкай** — Особенность крови в мире Наруто; уникальные способности, присущие генетически.

(3) **Сэнсэй** — В Японии в это слово (дословно — «учитель») вкладывают очень большое значение. Это и наставник, и старший, и обучающий, и вообще человек, которого надо очень уважать.

Глава 13. Вопрос-ответ

Вся жизнь шиноби условно делилась на два этапа: бой и подготовка к нему.

Мимолётные моменты сражений впечатывались в память особенно чётко, так, что их не изгоняло даже время. А вот долгие, нудные тренировки быстро забывались, хотя и составляли большую часть жизни любого воина.

В новом своём бытии Тен-Тен не собиралась посвящать всю жизнь сражениям. Куноичи достаточно навоевалась сначала при спасении мира от богини, потом с Суной, с вечными шпионами и диверсантами, бандитами и шиноби-отступниками. Она также сражалась сама с собой, чтобы выработать полезные привычки и обрести необходимый в бою опыт.

Теперь всё это было в прошлом... по большей части. Внутренний бой никуда не делся, разве что шёл теперь несколько сложнее.

Тело Хлои было худым, но нескладным. На взгляд Тен-Тен, оно оказалось слабым, никчёмным и попросту деревянным. Вот только по меркам этого мира Хлоя была стройна, почти как лань.

Такахаша, в свою очередь, видела слабости: едва заметные рытвины целлюлита из-за обилия сладостей и молочных продуктов в рационе, недостаточную гибкость, слабые руки и мягонький животик. Никаких мышц. О стальном прессе и думать не стоило — с такой-то подушкой.

Хлоя была плюшевой. Совсем не шиноби.

Основным фокусом куноичи назначила обретение силы и гибкости, а также подчинение рефлексов. Тен-Тен было нужно, чтобы руки у Хлои, — её руки, её! — не дрожали, ноги не уставали от бега, а дыхание не сбивалось ни при стрессе, ни при нагрузках. И она, на счастье, знала, какие нагрузки потребуются, чтобы этого достичь.

Побочным эффектом будет подтянутое тело и отсутствие целлюлита. Но на это Тен-Тен совсем не обращала внимания; собственное тело она больше оценивала как оружие: не затупилось ли лезвие? Не пошла ли по металлу ржавчина?

Для тренировок она использовала комнату с зеркалами, которую Хлоя явно игнорировала при жизни. Перед банальной разминкой Тен-Тен потребовалось вычистить помещение от печального количества пыли и нескольких паучиных семейств. Смешно, что Такахаша чуть было не взялась за дело собственными руками — она привыкла к разному труду, да и дом всегда самостоятельно содержала в чистоте. От необдуманных действий её спас, как ни странно, комментарий Жана:

— Ну и работы тут для горничных...

На тот момент они с нянем Хлои стояли на пороге зеркальной комнаты, — Жан называл её бальной, — и просто смотрели на грязные полы и мутные отражения. Тен-Тен прикидывала, сколько вёдер воды придётся поменять во время уборки, когда Жан сказал, что сказал. И это её отрезвило.

Она больше не была простой женщиной. Теперь она, можно сказать, высокородная госпожа — примерно такой же статус получала Хлоя, будучи дочерью мэра. А разве высокородная госпожа будет пачкать руки пылью?

Поэтому она хмыкнула и приказала Жану разобраться с пылью без неё. И чтобы комната к вечеру была готова.

Для Хлои не требовалось силовых тренировок или чего-то особенного; с её

телосложением было достаточно растяжки и проработки внутренних мышц. Со стороны такие действия выглядели не более чем обычная физкультура или фитнес, к которым у красивых и подтянутых девушек этого мира была слабость — это Тен-Тен узнала из интернета. Так почему бы ей не стать такой фитоняшкой?

Вообще, Жан очевидно думал, что Хлоя после микро-ссоры с Агрестом решила круто изменить свою жизнь. В появлении подобных мыслей Тен-Тен видела некую иронию: куноичи так старалась влиться в новый мир и в новую шкурку, не привлекая внимания! Жаль только, что шпион из неё был посредственный.

Её специализацией всегда были и оставались бои, в идеале — на средней и дальней дистанции. Также Тен-Тен считала, что она вполне преуспела на ниве подрывных дел, терроре, маскировке объектов и во владении оружием разного типа. Остальные навыки вроде актёрского мастерства были на весьма высоком уровне... если сравнивать с обычными людьми.

Взять ту же Сабрину: пусть подсознательно, но она поняла, что Хлои больше нет рядом. Будь на месте Тен-Тен Шикамару, — признанный гений, умнейший человек своего поколения, — и Сабрина не поняла бы, что рядом мужчина. Даже подсознание рыжей оставалось бы в полнейшем неведении.

Тен-Тен оставалось работать с тем, что она имела. И прежде всего с деревянным телом.

Она не знала, что Хлоя делала, — и чего не делала, — но её суставы были в преотвратном состоянии. Возможно, так проявляло себя отравление; может быть, дело было в стиле жизни и перенятых от здешнего общества привычках. Тен-Тен не знала точно, да и неважно это было — больше её волновало приведение собственного тела в порядок.

Она приказала Жану жёстко урезать разнообразие рациона, чтобы вывести максимум соли из организма. На ужин Тен-Тен ожидал зелёный чай и белый рис, замоченный и промытый до кристально чистой воды. Ужас. Хорошо ещё, что тело Такахаша досталось молодое, пусть и не в самом лучшем состоянии.

Растягивая деревянное тело в убранном зеркальном зале, Тен-Тен с благодарностью думала о Жане. Вот он, подарок мира: мужчина, способный выполнить практически любую твою прихоть. Ей не совсем было ясно, насколько она может доверять няню Хлои, но вроде бы Жан больше тяготел к девушке, чем к её отцу. А это в сложившейся ситуации было крайне на руку.

Спина хрустела при наклонах, суставы едва проворачивались, колени болели от нагрузок. Тен-Тен казалось, что она попала в тело взрослой, много повидавшей женщины, а не в подростка. При этом она отмечала, что общее состояние улучшилось: первые дни после переселения сопровождалась постоянной тянущей болью в пояснице и между лопаток; теперь же этого не было. Значит, она всё делала правильно, и организм начал медленно восстанавливаться.

Она понимала, что ни при каких нагрузках она не сможет достигнуть того уровня, что был у неё ранее. Но этого и не требовалось. Новый мир — другие правила и всё такое.

Зеркальный зал стараниями Жана приобрёл не только чистоту пола и стен, но и некоторые улучшения. Нянь постарался, чтобы приобщение к физкультуре у Хлои было максимально комфортным: улучшил освещение, установил музыкальные колонки и повесил огромный телевизор на стену. Последнему Тен-Тен была особенно рада.

Перейдя к последнему этапу растяжки, Такахаша подтянула пульт от телевизора и включила чёрный экран. Прибор сразу был настроен на новостной канал, который и был

нужен Тен-Тен. Естественно, в основном по СМИ здешнего мира шла массовая пропаганда но Такахаша умела смотреть и слушать, а главное — думать.

Началась передача про Чудесных, и Тен-Тен выключила звук. Комментарии закадрового голоса больше отвлекали, чем помогали: полуистеричные восхваления от писклявой женщины знатно мотали Тен-Тен нервы. Такахаша скрестила руки, уселась поудобнее и уставилась на экран.

Чудесные были плохо слаженным дуэтом с явным перекосом власти в сторону Ледибаг. Кот часто выступал именно как отвлекающий фактор или дополнительная рабочая сила; Маринетт вела бой, создавала его рисунок и в итоге побеждала практически в одиночестве. Нуар оставался таким фанатом на подхвате, который делал грязную работёнку и то и дело получал оплеухи.

Это было смешно хотя бы потому, что у Кота оказались более выражены боевые навыки. Проще говоря, Адриан умел драться, Маринетт — нет.

Но какое дело до боевых навыков, когда лидерское задавливание в этом дуэте оказалось только у Маринетт? Адриан, слишком подверженный влиянию со стороны отца и просто привыкший подчиняться, надев костюм, совсем не изменил своего поведения. Да, появились шуточки и движения, нехарактерные Агресту в реальности, но на этом всё. Котёнок оставался котёнком, чёрная ли у него шкурка или же белая.

Это было печально. Кот Нуар мог бы научить Ледибаг сражаться, и тогда общая эффективность их дуэта взлетела бы. Не до небес, конечно, но весьма существенно. Вместо этого Нуар молчал и позволял напарнице творить всякую дичь и набивать себе шишки.

И всё бы ничего... но от их взаимодействия и результатов зависела теперь жизнь Тен-Тен!

Экранный Нуар получил от акумы и отлетел в сторону. Тен-Тен подпёрла голову рукой и нахмурилась, глядя на попытки Ледибаг выкрутить ситуацию при помощи очередного призванного мусора.

На войне их дуэт продержался бы максимум неделю — и то лишь за счёт их волшебных сил, удачи и неудачи. Детишки сами бы себя спалили перед противником, ну или Кот запутался бы в собственном хвосте и рухнул навзничь перед главой чужой армии. Ничего хорошего, короче.

Стоит ли вмешиваться и исправлять это недоразумение?

Продолжая наблюдать за потугами героев, Тен-Тен принялась разминать суставы. После акумы-пузыря настроение у Такахаша на удивление было приподнятым: Аликс оказалась неплохим собеседником, несмотря на возраст и другой менталитет. Её отец работал в местном музее, а потому Кюбдель, — странная фамилия, ну да ладно, — была возвращена на легендах, мифах и историях этого мира. И рассказывать их она умела чертовски хорошо, так что бой с акумой девушки провели интересно.

Вечер протекал как нельзя приятно. Тен-Тен училась слушать чужое тело и покоряла его, как первооткрыватель покоряет новые земли. Вполне возможно, что совсем скоро она сможет окончательно отпустить Хлою и наконец назвать её тело своим.

Вторым приятным откровением за день стал вышедший на связь Лука. Парень прислал эмоджи-змейку, прежде чем без предупреждения завалиться в комнаты Хлои. Поскольку он был её «охранником», проблем с доступом в личные покои, естественно, не возникло. Ох, знал бы Жан, как его обманывают!

Сейчас Лука сидел, привалившись спиной к стене, прямо на полу. Не характерно для

здешнего менталитета, однако в зеркальной комнате и мебели-то не было. В отражении амальгамы Тен-Тен видела его тёмную макушку и лицо, освещённое синим отблеском экрана. Судя по крошечному мельтешению зрачков, Лука что-то читал — и очень быстро.

Тен-Тен старалась не смотреть в сторону парня, концентрируя внимание на движениях и на телевизоре. Выходило паршиво, взгляд то и дело срывался. Лука не обращал на это внимание, слишком поглощённый происходящим в мобильнике, однако сама Тен-Тен корила себя за подобную слабость. Смешно подумать, она не в состоянии справиться с собственными глазами! Позор.

И ведь мысли в голове у Тен-Тен были отнюдь не детские. Она не только макушку рассматривала, но и оголённые благодаря футболке руки, и ключицы, и просматриваемые сквозь ткань другие мышцы. Лука был в прекрасной форме. А ещё его штаны облегали не только потрясающие сильные ноги, но и...

— Ты во мне дырку прожжёшь. Нравлюсь?

— Да так. Думаю, куда тебя пристроить: то ли около фикуса в гостиной, то ли здесь в уголок поставить. Раз уж ты решил тут поселиться.

Лука поднял голову и с улыбкой посмотрел на Тен-Тен. В один миг его глаза из морских стали жёлтыми, а между потемневших губ мелькнул плоский раздвоенный язык.

— Я люблю влажность, чтобы чешуя не сохла. Так что душевая окажется в самый раз.

Тен-Тен кашлянула, но ничего не ответила. Душевая, да. Кто бы был против.

Она начала заминочный комплекс, чувствуя, как горит кожа из-за чужого взгляда. Вот не стоило ей пялиться на Луку, у парня этот навык оказался более развит. Или это она оказалась более чувствительной? Тен-Тен через зеркало ощущала, как он взглядом гладил её бока, живот и грудь; как касался невесомо шеи и линии челюсти.

Она развернулась к Луке, чтобы встретиться с насмешливой ухмылкой. Парень отложил телефон и теперь сосредоточил всё своё внимание на Тен-Тен. Его руки свободно лежали на коленях, ноги были сложены в полулотос, а плечи казались обманчиво-расслабленными. Но Тен-Тен всё равно ощущала от него примерно то же, что и от своего учителя когда-то: опасность и готовность кинуться в бой из любого положения.

Она потёрла руки друг о друга.

— Тебе же не двадцать.

— А ты не Хлоя.

После его слов ничего не произошло. Мир не остановился, дыхание не сбилось, кровь не застучала в ушах. Пальцы Тен-Тен оставались тёплыми, а сознание — чистым и ясным.

Словно никакого раскрытия и не произошло. Всё шло так, как и должно. Не было причин волноваться, вот только время вдруг замерло. Птица, летящая мимо окна, застыла, так и не завершив взмаха крыльями. Телевизор завис на одной картинке. Едва заметные пылинки в воздухе замерли.

Тело Хлои стало настолько чужим, насколько это было возможно. Тен-Тен дёрнулась раз, второй — всё без толку. Против воли Такахаша вспомнила об убитом старике — тот тоже выглядел так, словно попал в невидимый сироп.

Лука встал со своего места, потянулся, обнажая полоску кожи из-под задравшейся футболки, и неспешно подошёл к Тен-Тен. Положил руки ей на плечи и слегка сдавил их пальцами.

Сила сдавливания была такой, что Тен-Тен, если бы могла, заорала. Её касался не человек, а сам демон в чужой шкуре, не меньше. Таковую боль она ощущала лишь однажды,

когда шиноби Суны напичкали её кости ядовитыми иглами. Ужасное время, ужасные воспоминания.

Лука склонился к ней и мягко потёрся щекой о скулу. Тен-Тен закрыла слезящиеся глаза. В следующий миг она оказалась прижата к груди Куффена, захлёбываясь слезами и болью.

Он гладил её по спине с такой нежностью, словно не он стал причиной этого страдания.

— Тихо, тихо.

— Что... какого чёрта ты сделал?

— Это сложно объяснить.

— Да мне плевать! Я чуть не кончила от боли, а ты мне говоришь о сложностях?! Если в тебе есть хоть капля уважения и желания жить, то ты мне ответишь, что ты сделал. Немедленно!

Лука вздохнул и отстранился. Тен-Тен задрала голову, чтобы посмотреть в его наглые глаза, и чуть не отвела взгляд из-за древности, что смотрела на неё в ответ.

Её силы воли оказалось достаточно, чтобы выдержать и не зажмуриться. Тен-Тен выпучила глаза и по-детски поджала губы, уставившись в два жёлтых колодца.

По-змеиному вытянутые зрачки Луки перетекли в два кружочка. Затем он улыбнулся. Будь Тен-Тен чуть более в себе, она бы зарядила ему по наглой довольной морде.

— Я просто проверил, что ты не Хлоя. И что никогда ею не была.

— Подробнее.

Он закусил губу и нахмурился, очевидно обдумывая ответ.

— Если я скажу, что дёрнул твою временную линию, то ты всё равно ведь не поймёшь.

— Значит скажи по-другому.

— Ну... считай, что я поверхностно посмотрел, чем ты занималась в прошлом.

Тен-Тен ощутила, что не справилась с лицом: нерв на левой щеке сократился, вызвав кратковременное искажение гримасы. Лука нежно коснулся дёрнувшейся кожи губами в невинном поцелуе.

— Много интересного увидел?

— Не увидел ничего вообще. Ты не Хлоя, никогда не была Хлоей, и тебя словно не существовало до тех пор, пока ты не появилась в этом мире. Но у тебя слишком развит интеллект для существа, предположительно родившегося неделю назад.

Тен-Тен выбралась из жёстких рук и вытерла лицо. Слёзы начали подсыхать и неприятно стягивали щёки.

Она никогда не любила плакать.

— Естественно я была до своего появления здесь. У меня целая жизнь за плечами, чтобы ты знал.

Её слова совсем не впечатлили Луку.

— Значит, твоя жизнь проходила по другой временной линии, только и всего.

— Что бы это значило.

Лука опять улыбнулся, продемонстрировав белые, вполне человеческие зубы. Ни следа от клыков.

— Ты часто говоришь эту фразу.

— Это всё из-за того, что ты не можешь нормально выражаться, и я просто тебя не понимаю. Ничего смешного!

Тен-Тен передёрнулась и быстро пошла прочь из зеркального зала. Лука направился

следом, закинув руки за голову и с небывалым интересом рассматривая потолок. Такахаши следила за ним уголком глаза, ни на секунду не теряя из вида.

Плечи ещё содрогались от пережитой боли, хотя в теле не осталось даже её отголосков. Что бы Лука ни сделал, это впечатлило Тен-Тен до глубины души. И она совершенно точно не хотела бы повторения этой ситуации. Нет-нет, никакой боли вне спальни. А там всё должно быть по взаимному согласию!

Заметив, куда завернули мысли, Тен-Тен мысленно выругалась. Она ненавидела подростковую несдержанность и гормоны, требующие удовлетворения сиюминутных желаний. А ведь у неё в списке моментных хотелок в последнее время был только Куффен.

Они зашли на кухню, которой Хлоя не пользовалась. У Буржуа был целый этаж с разнообразными помещениями, но она пользовалась дай боги тремя комнатами: спальней, уборной и гардеробной. Ещё вроде бы из гостиной комнаты наверх вела винтовая лестница, вот только что было на крыше — Тен-Тен не знала. У неё банально не было времени, чтобы проверить остаток своих владений.

Кухню пришлось немного переоборудовать ради удобства. Жан заказал новые светильники, столовые приборы, обновил покраску стен и вроде бы даже переложил пол. Не сам, естественно, однако для Тен-Тен это роли не имело. Главным оставался результат.

Который, кстати, радовал глаз: приятная бежево-белая цветовая гамма кухни, лёгкие занавески, зелёные растения. На барной стойке — блюдо с фруктами. К нему и направилась Тен-Тен.

Лука, естественно, за ней. И Такахаши было очень приятно увидеть в его глазах растерянность и искру боя, когда она схватила нож для фруктов и кольнула лезвием чужую шею.

— Ты мстишь, что ли?

Тен-Тен прищурилась. Лука утихомирил своё желание сражаться, и теперь выглядел спокойным и расслабленным, словно монах в храме Огня. Поэтому она отняла нож от кожи и кинула его на стойку.

— Немного.

Куффен пожал плечами и схватил с блюда яблоко. Пока парень хрустел фруктом, Тен-Тен включила чайник и достала из ящичков зелёный чай и кружки. Ей срочно надо было успокоиться и перенастроиться.

— Слушай, у меня предложение. Как насчёт вопросов и ответов? Давай я первый: как тебя зовут?

Тен-Тен проигнорировала этот вопрос, наблюдая за тем, как в прозрачном чайнике начинают появляться пузыри. Вот что ей нравилось — так это скорость закипания воды в этом мире. И температуру можно было регулировать, устанавливая тот нагрев, что тебе был нужен.

Вариант с вопросами и ответами был неплох. Он позволил бы Тен-Тен узнать о мире, легче в него влиться, продумать стратегию выживания... и при этом выдал бы Луке ещё больше рычагов для давления на неё.

Хотя какая разница. Куффен наглядно показал, что ему ничего не стоит размазать Тен-Тен по стене парой движений. Она даже не успеет отреагировать. Если бы Такахаши было нужно убить Луку, она бы поставила на собственную скорость и эффект неожиданности. И, может быть, на ловушки.

Хотя намного проще было бы подорвать город, в котором был Лука. Надёжнее.

— Меня зовут Такахаши Тен-Тен.

— Та-ка... это что-то японское, да?

Тен-Тен залила чайные листья кипятком. Она знала, что Япония по менталитету была ближе всего для страны Огня — спасибо, интернет. Вот только это уже был второй вопрос. Наступила её очередь.

У Тен-Тен, если подумать, накопилось порядочное количество вопросов. По обмолвкам Луки она поняла, что он понятия не имеет, как она оказалась в этом мире. Также он точно не знал о происходящем в личной жизни Хлои. И вряд ли он мог помочь ей отделиться от излишне властного отца.

При этом он знал о силах Кота Нуара и Ледибаг — и Бражника, конечно. Он сам был из «героев», хотя выглядел как настоящее сексуальное чудовище. Интересно, Бражник тоже был таким внешне-опасным? Тен-Тен видела его фигуру издалека благодаря новостным репортажам, но разрешения камеры не хватало для детальной передачи картинки.

— Как убитый нами старик был связан с Ледибаг, Котом Нуаром и тобой?

Лука поперхнулся яблоком. Тен-Тен поставила перед парнем кружку с чаем и пододвинула салфетки. Пока Куффен пытался откашляться, она наслаждалась ароматом чая и наблюдала.

Обычный кашель перерос в нечто большее, и Тен-Тен тревожно нахмурилась. Лука захлёбывался, очевидно, вдохнув часть яблока. Однако прежде, чем Тен-Тен успела как-то ему помочь, Лука жестом остановил её и прекратил дышать, чтобы не провоцировать кашель.

Он коснулся правой рукой железного браслета на левой, сдвигая змеиную голову на украшении в сторону. Что-то произошло, — Тен-Тен не поняла, что именно, — и кашель пропал, словно его и не было.

— У-уф, — выдохнул Лука, ероша волосы. — Да ты меня чуть не убила своим вопросом. Красиво задала, ничего не скажешь. Тебя учили допрашивать людей?

— Сначала ответь на мой вопрос.

— Да, да... ну, старика звали Ван Фу, он был Хранителем шкатулки Талисманов, — не заметив понимания на лице Тен-Тен, Лука хмыкнул, — проще говоря, тех сил, что есть у меня и Чудесных. А ты действительно не из нашего мира, да?

— Я тоже так считаю. Слишком большое различие даже в географических ориентирах.

— Эй, это был риторический вопрос!

— Бывает. Почему внешне ты отличаешься от Кота Нуара и Ледибаг?

Лука скривился, словно съел лимон. Он взял яблоко и принялся вертеть его в руках.

И это было то же самое яблоко, которым он подавился и которое он почти доел к тому моменту. Вот только сейчас оно было целым и блестящим.

Тен-Тен забрала яблоко из рук Луки. Он с усмешкой следил за тем, как Такахаши крутит фрукт, нюхает его и даже откусывает кусочек. Нет, это было абсолютно обычное яблоко. Однако пять минут назад оно представляло собой почти огрызок, а сейчас — словно его только что сорвали с ветки.

— Изменение внешнего вида зависит от степени родства с Талисманом. Чем оно выше — тем больше ты меняешься. Дети не так давно получили свои силы, чтобы выглядеть как-то иначе. Сколько тебе лет?

— Девяносто семь. Тебе?

— Понятия не имею.

Тен-Тен посмотрела на Луку, но тот только пожал плечами. Не было похоже, что он врёт.

— Хотя бы примерно?

— Ну, точно больше тысячи. После определённого порога возраста само это понятие стирается. Это в том случае, если ты не успеваешь свихнуться. Что ты умеешь делать лучше всего?

— Убивать.

Лука моргнула. Тен-Тен положила яблоко на стол и толкнула фрукт в сторону парня. Тот поймал подарок не глядя, продолжая пялиться на Тен-Тен, словно та была выглянувшей из пруда каппой(1).

— Серьёзно?.. в смысле, это не тот навык, который обычно указывают в резюме.

Тен-Тен закатила глаза. Вот уж нет, это был основополагающий навык для людей её профессии. Что же за ниндзя, который не может хладнокровно убить животное или человека?

— Что такое Талисман?

— Вместителище для квами. Твой любимый напиток?

— Зелёный чай. Что такое квами?

Через дальнейшие ответы-вопросы Тен-Тен узнала о тайной стороне мира больше, чем когда-либо мог бы рассказать ей интернет. Лука вкратце рассказал про квами, — по-смешному созвучное слово с «ками», — маленьких зверообразных существ, наделённых такой могущественной силой, что для её фильтрации были нужны Талисманы и их владельцы. Что у каждого квами была своя способность, что квами Луки звали Сасс, и что сейчас с ним поговорить не получится... по определённым причинам.

Сам Лука узнал многое о Тен-Тен. Отвечая на вопросы, что больше подошли бы анкете для влюблённых, Такахаша недоумевала: почему Куффен спрашивал о цветах и предпочтениях, а не о её истории? Он был больше заинтересован в ней, чем в собственной безопасности? На месте Луки она бы вытянула из собеседника максимум... как она, в принципе, и делала.

Разговор закончился поздней ночью. Лука взглянул на время и посетовал на то, что завтра, — уже сегодня, если говорить точнее, — Тен-Тен идти в школу. Такахаша, хотя и могла не спать несколько суток кряду, не стала сопротивляться и проводила гостя к лифту.

— Последний вопрос, кстати, — тихо сказал Лука, обуваясь. — Ты знаешь, что случилось с настоящей Хлоей?

— Убита.

Лука поднял голову и посмотрел на Тен-Тен слегка пожелтевшими глазами.

— Кем?

— Предположительно Сабриной Ренкомпри. Но там точно есть ещё кто-то.

Он кивнул и поднялся. Тен-Тен подошла к Луке и позволила себя обнять. К её удовольствию, парень действовал максимально осторожно и медленно, словно взаимодействовал с диким раздражённым зверем.

— Я думал, что ты меня к себе и на пушечный выстрел не подпустишь после сегодняшнего.

— То, что я позволяю тебе наслаждаться своим телом, не значит, что я забыла твои действия и не отвечу тебе на них. Можешь не переживать.

— Звучит как обещание.

Тен-Тен ухмыльнулась Луке в ключицу и с силой вонзила зубы в кость. Куффен охнул, попытался увернуться от укуса, но Такахаша крепко держала парня за бока, так что места для манёвра у него банально не было.

— Выпороть тебя за такое мало, — зашипел он, прекратив вертеться.

Разжав зубы, Тен-Тен подняла голову и солнечно улыбнулась. Она чувствовала вкус крови во рту и удовлетворение глубоко внутри.

— Все вы, мужчины, одинаковы: всё обещаете и обещаете...

Поцелуй был жёстким. За такую страсть Тен-Тен могла бы простить многое, но не сегодняшнюю боль.

Лука привлекал, этого не отнять. При этом он был непонятен и опасен. Он напоминал Тен-Тен тигра, затаившегося среди высокой травы: несмотря на яркий, впечатляющий окрас, она совершенно его не видела. И не понимала.

Она узнала, что Луке больше лет, чем он способен запомнить. Что он обладает мощнейшим Талисманом, подчиняющим течение времени. Куда там удаче Ледибаг! Простой на первый взгляд фокус с яблоком был сложнейшей техникой точечной отмотки времени назад. Только для этого самого яблока.

К старику Ван Фу у Луки были исключительно личные счёты, о которых он говорить отказался. Упомянул только, что погибший отчасти виновен в каких-то проблемах Куффена, про которые он также не стал говорить. Несмотря на полученные ответы, Тен-Тен чувствовала, что её голова распухла от новых появившихся вопросов.

Да, Лука был знаком с Хлоей — и не один раз. Судя по яблоку, Куффен с той же лёгкостью мог ходить вперёд-назад по временной линии. И тем интереснее был его комментарий насчёт «другой линии» Тен-Тен, которая не была ему подвластна. Значит, сила Талисмана была условно-бесконечна... в пределах определённого сектора.

Это было очень интересно и совершенно бесполезно в рамках обычной жизни. К сожалению, Тен-Тен интересовали более приземлённые вопросы вроде того, кому так нужна смерть Хлои Буржуа. А вот с этим Лука уже не мог помочь из-за своих ограничений.

Причём непонятно, то ли силы Луки запрещали ему действовать, то ли личные убеждения. В ответ на прямой вопрос Куффен закидал Тен-Тен терминологией про каких-то бабочек, торнадо и сны мудрецов. Убедившись, что Такахаша ничего не поняла, он перевёл тему разговора на совершенно иные вещи, и возвращаться к начальной теме оказалось как-то не с руки.

Признавать, что её банально заговорили, было неприятно, поэтому Тен-Тен пришла к соглашению сама с собой: Лука не влезал в мирские дела из-за слишком большого влияния его действий на реальность. Как говорил дядя Адриана, большая сила приносит большую ответственность.

Спать Тен-Тен ложилась с головой, полной мыслей. Чтобы хоть немного успокоить этот рой, ей даже пришлось прибегнуть к медитации и очищать сознание. В противном случае сон бы ей даже не снился, как бы смешно это ни звучало.

Вот только медитация не помогла. Тен-Тен избавилась от мыслей насчёт мироустройства, магии, сил и способностей, а также о собственном выживании... в её голове осталось кое-что, на что она не обратила внимание. Точнее, на кого.

Ей приснился Лука.

Хотя снам, полным порнографических подробностей, она была даже рада.

***

(1) **Каппа** — Японский водный дух, похожий на прямоходящую черепашку. Выглядит забавно, а вот кушает не очень: любит ловить людей и высасывать внутренности через попу.

(2) **Ками** — бог по-японски.

Глава 14. Андрэ

Интересно, что в новом мире считалось нормой начинать свой день с кофе. Дескать, терпкий аромат, горечь на языке и заряд бодрости придадут зачину утра особый шарм, что продержится минимум до обеда. А там уже можно подкрепиться чаем или энергетиком, на выбор.

Для шиноби мира Тен-Тен это было непозволительно. Кофеин оставлял после себя спутанное сознание и перевозбуждённую систему чакры, вырабатывающую неправдоподобно много энергии. Тен-Тен знала несколько историй, когда выпитый литр кофе спасал жизнь шиноби на задании, но при этом практически в лохмотья разрывал его чакросистему. Мало приятного.

Чай, кстати, не обладал тем же влиянием на кейракуррей, что и кофе. Загадка.

Свою нелюбовь к кофе Тен-Тен перенесла и в новый мир. Тело Хлои реагировало на запах, как наркоман со стажем. Едва Тен-Тен ощущала отголосок кофейного аромата, как рот у неё наполнялся слюной, глаза в блаженстве закатывались, а губы расслаблялись в ожидании божественного глоточка.

Сознание при этом кривилось в привитом отвращении. Тен-Тен вспоминала горечь и терпкость напитка, и ей становилось практически физически плохо. Негативная реакция подкреплялась печальным опытом: однажды и сама Такахаша попала в такую передрагу, что спастись удалось только благодаря горсти кофейных зёрен и насилью над системой чакры. Всё закончилось благополучно; Тен-Тен благодарила богов за то, что взяла специализацией оружие и бой вместо эффектных техник, завязанных на чакру. Будь иначе, после кофейного инцидента она могла бы попрощаться с карьерой ниндзя.

Вместо кофе Тен-Тен предпочитала бег. Она любила свои утренние пробежки и никогда не пропускала подряд больше дня. Даже во времена болезни и тяжёлого восстановления после ранений Тен-Тен находила в себе силы собраться и выйти на улицу.

Наверное, в команде учителя Гая все были немного отбитые на голову. Рок Ли тоже тренировался с переломанным позвоночником. Неджи занимался до костяшек кулаков, стёсанных до кости. Учитель и в инвалидной коляске оставался одним из сильнейших шиноби своего поколения. Вот и она не отличилась.

Даже после смерти Неджи их продолжали называть командой монстров. Мелочь, но до чего же приятно!

Пятница была прекрасным днём, чтобы продолжить кормить свою утреннюю привычку. Тен-Тен проснулась в приподнятом расположении духа: в своих снах она провела много интересных минут наедине с Лукой и его змеиным языком; она любила, когда сознание дарит ей сны со взрослым содержанием и большой чувственностью. К сожалению, в реальности с этим у Тен-Тен были большие проблемы.

После привычного утреннего моциона Такахаша направилась было в гардеробную за спортивным костюмом. Вот только на выходе из спальни её перехватил Жан.

— Доброе утро, мадмуазель. Месье Буржуа пожелал позавтракать с вами.

— Утро было добрым до этого мгновения, Жан-Поль.

— К сожалению, отказ не принимается.

Тен-Тен хмыкнула. Ей было интересно спросить, какими санкциями может пугать дочь Андрэ, но такой вопрос всё-таки выбивался из трещащего по швам образа Хлои. Поэтому в

гардеробной она переделалась в повседневную одежду, — джинсы, футболка, мягкий кардиган, — захватила балетки и направилась к лифту.

Жан шёл следом. Он не поинтересовался пожеланиями Тен-Тен по поводу завтрака, как он делал ранее, да и вообще больше не произнёс ни слова. В молчании он проводил Тен-Тен до столовой, где она впервые встретила Андрэ, и исчез, как профессиональный шиноби.

Андрэ выглядел, казалось, точно как в прошлый раз: серый, невыразительный человек в дорогом пепельном костюме. Только сейчас в микровыражении его лица Тен-Тен могла видеть какую-то тревогу.

Вряд ли у него на самом деле развился геморрой, как Такахаша говорила на приёме. Значит, какие-то неприятности в деньгах — единственной жизненной сфере, которая, казалось, имела для него значение.

Тен-Тен изучала жизнь Андрэ Буржуа по доступным источникам. Поскольку он был личностью публичной, с этим проблем не возникало: интернет хранил в себе тонны и хороших, и плохих историй о сером человеке. Из интересного: он был замечен с несовершеннолетней девицей, — не доказано, но фотки убедительные, — его жена Одри Буржуа сбежала в Америку при первой возможности почти сразу после пятилетия Хлои, — было много догадок почему, — его акции как бизнесмена сильно просели в последнее время, и вряд ли его переизберут мэром на следующий срок.

Андрэ, несомненно, сделал себя сам. Из никому не известного студента он вырос до политического деятеля, управляющего премиальным отелем в Париже. Сумма ежегодного дохода превышала все мыслимые пределы, и Тен-Тен не понимала, куда можно тратить такие деньги. Такахаша никогда не была богачкой, хотя и родилась в семье преуспевающего торговца.

Тен-Тен без приветствия села за стол, уже накрытый к моменту её прихода. Она опять оказалась максимально далеко от Андрэ, на противоположной стороне роскошного тёмного дерева. Интересно, специально ли мужчина так дистанцировался от собственной дочери, или же это было его подсознательным стремлением?

Всё ещё не начиная никакого разговора, Тен-Тен осмотрела предложенный завтрак. Под огромным железным блюдом оказалась тарелка клейкой овсянки с бананами. Утро стало ещё менее приветливым: Тен-Тен терпеть не могла овсянку, ни в каком виде. Даже овсяные печенья казались ей отвратительными.

В её биографии был довольно позорный момент, когда она по дурости закрылась на складе, который было нужно подорвать. Это был огромный подвал, полный сухих овсяных хлопьев и шелухи... и просидела она там почти неделю. Благо, у неё были напарники, которые вытащили её оттуда, и стратегический запас воды и спичек.

Но с тех пор она ненавидела овсянку и предпочитала голодать, чем есть её.

Андрэ, напротив, предпочитал эту склизкую массу. Серый человек умел есть: во время трапезы с его лица отхлынули все заботы, волнения и тревоги. Осталось только наслаждение едой.

Вяло ковыряя фрукты в каше, Тен-Тен болтала ногами и едва не считала секунды. Заметив, что обычная скука перерастает в раздражение, она отрешилась от реальности и расслабила ум. Не было никакого смысла злиться на серого человека. Вполне возможно, именно такой реакции он от неё и добивался.

Андрэ неспешно закончил завтрак, залив кашу сверху крошечной чашечкой ядрёного кофе. Тен-Тен не притронулась к предложенной еде, но зато успокоила разум во время

незапланированной медитации. Созерцание — один из принципов сохранения себя.

Безликий учитель в академии называла медитацию одним из основных умений ниндзя. Согласно учебникам, шиноби всегда должен оставаться собой, в любой ситуации; гнев, раздражение, чрезмерная печаль или другие сильные эмоции подавляли твою идентичность и делали тебя животным. Тен-Тен не была согласна с предложенной теорией: согласно ей, собой оставались только вечно спокойные монахи, которых не трогали мирские заботы. Но когда же в таком случае жить?

И тем не менее медитация помогала сохранять здравый, холодный рассудок и не действовать сгоряча. Благодаря спокойному разуму ниндзя мог анализировать ситуацию, словно он наблюдает за ней снаружи и всё происходящее его не касается. Если бы Тен-Тен дала волю раздражению из-за отменённых планов на утро и ненавистной овсянки, она бы потерялась в нём и не заметила напряжения Андрэ.

Повезло ей, что она с детства обладала довольно спокойным нравом. Тому же Наруто медитации давались с большим трудом.

Тен-Тен не начинала разговор, предоставив право первого шага Андрэ. Отец Хлои тоже тянул время как мог, но Такахаши в этом была опытнее: всё же разница между ней и Буржуа оказалась в районе полувека. По-хорошему, Андрэ ей во внуки годился, если так подумать.

В столовую, прерывая гнетущую тишину, вошла работница отеля: миловидное личико, светлые волосы и униформа, которая явно использовалась девушкой для постельных игр — если судить по не до конца выведенным пятнам. В руках девушка несла коробочку размером с две ладони и высотой около десяти сантиметров. Своё подношение она оставила рядом с правой рукой Тен-Тен.

Такахаши посмотрела на Андрэ и подняла брови. И серый человек наконец сдался:

— Ты же помнишь про сегодняшнюю встречу с моими бизнес-партнёрами, Хлоя? Я хотел бы, чтобы ты надела на неё этот браслет.

Тен-Тен открыла коробочку и вытащила украшение на свет. Золотой браслет, слишком массивный для тонкого запястья Хлои, выглядел бы на её аккуратной руке настоящим чудовищем. Само украшение было вполне симпатичным, но рассчитанным не на девушку, а на даму в возрасте около пятидесяти.

Браслет переливался золотом. Множество камней, вплавленных в металл, словно светились изнутри. Даже тусклого освещения столовой им хватало для того, чтобы показывать все грани своего великолепия. Это украшение было истинным предметом искусства, да и к тому же не новым — на боках браслета Тен-Тен заметила крохотные вмятины и царапинки, говорившие о раннем использовании.

— Это подарок?

— Нет. Браслет... нужно будет вернуть.

Тен-Тен посмотрела на Андрэ, как на дождевого червяка — наверняка Хлоя после этих слов попыталась бы высказать всю степень своего неудовольствия. Насколько же плохи дела у Андрэ, если он не может купить дочери такой вычурный браслет?

Или, может, в этом мире была нормальна аренда украшений? Среди знати страны Огня такое практиковалось, но нечасто: было бы глупо показывать себя как бедняка, если одно и то же украшение мелькнёт не просто на двух разных раутах, но и на разных людях.

— Ты его даже не купил, — протянула Тен-Тен, крутя браслет в руках. — И просишь меня всем его демонстрировать? Типа, будто купил?

Андрэ попытался выдавить поощрительную улыбку, но вышла только кривая ухмылка.

— Именно. Ты у меня умная девочка. И будь поласковее с инвесторами, от них зависит и твоё будущее.

Такахаша не знала, насколько эти слова правдивы, так что просто кивнула. В этом мире было сложно устроиться без образования или предпринимательской жилки; первое стоило денег, очевидно у Хлои не имеющих, вторым Тен-Тен была обделена с рождения. Правда, всегда можно было податься в наёмники: здесь и умений, и опыта у Тен-Тен хватило бы на десятерых... но как-то не хотелось.

Вот убиваешь ты кого-нибудь, а его супруг-дочь-отец-близкий акуманизируется в какую-нибудь собаку-охотницу. И хоть в дёгте купайся, чтобы перебить свой запах — всё равно учует. Дело ведь уже не в физических проявлениях мира, а в энергетических. В магии, как говорили здесь.

Хотя, если прикончить сначала Бражника, а потом отдать его Талисман кому-нибудь другому... в идеале, тому, кто будет должен Тен-Тен или же как-то зависим от неё... но это всё пока из разряда мечтаний. Она ещё даже не была уверена в личности Бражника, — не на все сто процентов, — чтобы строить такие шаткие долгосрочные планы.

— Так мы договорились?

Тен-Тен подняла браслет на уровень лица и посмотрела на Андрэ через золотой круг. Серый человек хорошо держал лицо для гражданского: сразу видно политика, привыкшего обманывать не одного, а многих.

— А что мне за это будет?

— Твоего счастливого будущего недостаточно?

Положив браслет обратно в коробку, Тен-Тен закрыла золотой блеск крышкой и откинулась на спинку стула.

— Папуль, ну каждый раз одно и то же ведь! «Хлоя, будь милой!» «Хлоя, скажи то-то и то-то!» «Хлоя, улыбнись тому человеку!» И каждый раз ты говоришь, что от этого зависит моё счастливое будущее и свадьба с Адрианчиком! Но ничего не меняется!

У Андрэ дёрнулась щека. Тен-Тен всплеснула руками, входя в раж девочки-транжиры, и принялась расписывать, какая она несчастная без последних коллекций одежды, без настоящих украшений, — а не этого арендованного непонятно что, — и вообще без гаджетов. Вот у Адрианчика новый телефон появился, а у неё что? Пока она подводила папеньку Хлои к мысли о «зарплате», Тен-Тен встала из-за стола и принялась ходить по комнате, постепенно приближаясь к мужчине.

Уловив суть, Андрэ от речи не-дочки аж выдохнул. Он достал кошелёк из внутреннего кармана пиджака и принялся отсчитывать купюры. Тен-Тен, не прекращая словесного излияния, нагло выхватила у серого человека кошелёк и вытащила всё, что там было из налички. Быстренько поцеловав мужчину в щёку, она заверила его, что всё, конечно же, будет хорошо, и вообще, ей пора одеваться в школу, и Сабринчик наверняка её ждёт, и...

— Какая Сабрина? — нахмурился Андрэ. — Сегодня разве не пятница?

— Ну пятница. А что?

— Сегодня день профориентации, Хлоя. Так что оденься посимпатичнее, собрание инвесторов начнётся раньше, чем общий сбор, — заметив непонимание Тен-Тен, Андрэ закатил глаза. — Большинство моих инвесторов — родители твоих одноклассников! Поэтому я и говорил тебе с ними подружиться! Особенно с Куртцбергом, не помню его имени.

Тен-Тен пожевала губу и спрятала деньги в карман джинсов. Интересно, почему Хлоя

не выполняла просьбу-приказ своего отца и просто натравила против себя весь класс. Может, она так протестовала? Или пыталась хоть как-то подгадить равнодушному папочке?

— Всё будет чики-пуки, папуль, не переживай. Или я не Хлоя Буржуа!

Интуиция внутри противно тренькнула, и Тен-Тен поспешила выйти из столовой. Учитывая, что она не Хлоя Буржуа... кажется, вечером её ожидают проблемы.

Сабрины утром действительно не предвиделось. Вместо неё лимузин вёз в школу Андрэ. Во время утомительных минут до коллежа серый человек продолжал попытки обработки доченьки: в ход пошли манипуляции родственной связью, деньгами и положением; не забыл Андрэ и про потерянные из кошелька купюры, давя на то, что деньги за «ласковость» Хлоя уже получила. Тен-Тен рассеянно кивала невпопад, раздражая мужчину, и иногда переспрашивала, играя на его нервах.

Хлоя — действительно ценный актив для её отца. Печально, но не удивительно.

Чтобы поездка не проходила совсем уж бесполезно, Тен-Тен решила поинтересоваться насчёт особенного внимания Андрэ к Куртцбергу. К её удивлению, мужчина ответил, и довольно подробно:

— Его отец владеет центральной галереей Парижа. Знала бы ты, дочка, сколько сделок там совершается, — Андрэ мечтательно вздохнул и взял из бара сладкую газировку. — И сколько там совершил я. Если у тебя хорошие отношения с Куртцбергом, то, считай, ты в шоколаде. Он всегда похлопочет за тебя, посоветует, с кем вести дела, а с кем нет... ты же дружишь с его дочерью?

— У него сын.

— Не имеет значения. Главное, чтобы у вас были хорошие отношения, остальное вторично. А теперь доставай браслет. Нет-нет, не надевай, вдруг погнёшь.

Тен-Тен подняла брови.

— А как я, по-твоему, должна всем его показать? Он же в коробке, папуль!

— Ну... как-нибудь. Придумай что-нибудь, только аккуратно. Я его не в аренду брал, а по договорённости, так что вернуть его надо в том же состоянии, в котором он сейчас.

Тен-Тен кивнула, хотя в её голове не было ни единой мысли, как повернуть подобное. Показать украшение всем, включая родителей её одноклассников, но при этом не носить... задача не из очевидных. Она не витрина всё-таки, и не манекен.

И вообще, Андрэ окончательно упал в её глазах. Вряд ли он хотя бы подумал в сторону посещения коллежа Хлои, если бы родители её одноклассников не были ему нужны. В этом сером человеке не было ни капли любви по отношению к собственной дочери; вполне возможно, что Одри, мать Хлои, также не получала никакого эмоционального отклика, а потому и уехала от семьи аж за океан. Тен-Тен могла её пожалеть, если бы эта светловолосая стерва не относилась к дочери даже хуже, чем Андрэ.

Самые большие душевные травмы Хлоя получила отнюдь не от отца. Но под рукой был именно Андрэ, так что Тен-Тен старалась изо всех сил, потихоньку изводя и без того нервного мужчину. Слово здесь, намёк там — и поездка в шикарной машине превращается в пытку. Воздух становится спёртым, духота негативных мыслей поглощает сознание, из-за чего подсакивает давление и начинается нервная дрожь... Тен-Тен смотрела на красного Андрэ, пытающегося преодолеть собственную панику, и совсем ничего не чувствовала.

Вот Ино — она любила доводить людей. Ей нравилось, когда от её нежных ручек или мягкого голоса взрослые мужчины ходят под себя, как неразумные дети. Как тарашатся их глаза, практически вылезая из орбит. Как отнимается от страха и ужаса язык, и

приговорённые к пыткам пытаются сказать хоть что-то.

Ино ловила от этого настоящий кайф. Дома же она была мягкой, податливой и очень ласковой. Учитывая, что из её мужа весь подростковый возраст пытались выжечь эмоции, брак у Ино был крайне гармоничный.

Тен-Тен не любила пытки и использовала их в крайних случаях. Она предпочитала не брать пленных и решать все вопросы либо по-тихому, без привлечения сторонних участников, либо в бою. Это не всегда получалось.

Так что она учила психологию, расспрашивала Ино про методы воздействия и запоминала все приёмы. Вот и пригодилась наука.

К моменту, когда они приехали к коллежу, Андрэ едва не хватил сердечный удар. Тен-Тен спокойно вышла из машины следом за папенькой Хлои, что едва не вывалился из лимузина. От переживаний за собственный бизнес и деньги Андрэ укачало, но от рвоты он удержался.

Жаль.

Тен-Тен пошла в класс, не дожидаясь, пока «родитель» придёт в себя. Она доводила его исключительно из-за раздражения. Не от пропущенной пробежки, но за Хлою, которую всю жизнь использовали, точно красивую куколку.

А дальше что было бы? Он бы начал подкладывать девочку под своих «бизнес-партнёров»? Укрепление связей, ничего не скажешь. Как же это... мерзко.

Медовые куноичи действовали такими же методами, однако это было их профессией и сознательным выбором. Девушка никогда не становилась медовой без желания или острой нужды: слишком большой отдачи требовало это направление искусства шиноби. Да и смертность среди медовых была высокой. Как, впрочем, среди ниндзя в общем.

В классе Тен-Тен ожидала не только Сабрина, но и очередной отравленный напиток. Рыжая, увидев вошедшую Хлою, вскочила из-за парты и замахала рукой. Словно Тен-Тен не знала, куда ей идти. Усевшись за парту, Такахаша поставила перед собой коробку и принялась поправлять пучок.

— Я тебе сделала цикорий. Без сахара, но сладкий, с заменителем. Ноль процентов калорий, сто процентов пользы!

Голос у Сабрины на последнем слове дрогнул, но практически незаметно. Тен-Тен ничего не ответила рыжей, продолжая возиться с волосами: за время поездки в лимузине пучок, сделанный ещё утром, превратился в ничто. Его необходимо было перевязать и закрепить намертво.

Рядом с Сабриной сидели её родители, скупно поздоровавшиеся с Хлоей. Шевелурой рыжая пошла в отца, а вот фигурой — в мать. Отец Сабрины был одет в полицейскую форму, туго обтягивающую выдающийся живот, тогда как мать носила поверх повседневной лёгкой одежды медицинский халат.

Что же, вот ещё одна деталька мозаики. Если мать у Сабрины медик, то рыжей становится намного проще достать какой-нибудь яд. Интересно только, чем она всё же травила Хлою.

Подошёл Андрэ, слегка вернувший самообладание и светлый тон лица. Он с благодарностью принял стакан с цикорием и выпил его практически в два глотка. Ужас на лице Сабрины стоило видеть; если бы Тен-Тен могла, она бы запечатлела это выражение на фото.

Интересно, что ни мать, ни отец Сабрины никак не отреагировали на выпитый цикорий.

Не знали? Или им было всё равно? Мать рыжей немного нервно поглядывала на Андрэ, но Тен-Тен на её лице не видела реального страха. Больше было похоже на опасение. Причём боялась женщина не столько Андрэ, сколько чего-то, что было с ним связано.

Тот же взгляд доставался Хлое. Женщина улыбалась и расспрашивала Тен-Тен о самочувствии, но в глазах у неё была привычка бояться. Вечное напряжение тушканчика, который обязан испытывать страх, чтобы выжить.

Смешно, что щёки у матери Сабрины, — да и у самой рыжей, — были действительно хомячиными. Круглыми.

Тен-Тен лениво достала браслет из коробки и принялась вертеть безделушку в руках. Сабрине она запретила даже пальцем трогать украшение. Наверняка Хлоя поступила бы так же: ведь это золотое убожество дал ей любимый папуля! Андрэ настраивал отношение дочери к себе, как сямисэн — по чуть-чуть за каждый разговор. И в итоге струны души Хлои звучали в унисон с его желаниями и прибылью.

Буржуа покровительственно хлопнул отца Сабрины по плечу и улыбнулся — так, чтобы рыжий сразу понял, кто здесь главный, и почему.

— Ну что, Роджер, надеюсь, вы подлатали дыры в отделе?

Названный Роджером нервно рассмеялся и принялся уверять Андрэ, что да, конечно, он за всем проследил. При этом ни Тен-Тен, ни Буржуа, ни даже жена полицейского ему не поверили. Что бы ни натворил Роджер и его люди в «отделе», решено оно не было.

И Андрэ был этим доволен. Вероятно, ему было необходимо влиять на Роджера хоть как-то. Судя по форме, толстячок состоял в полиции... и вряд ли был на последних местах, обычные оперативники никогда не могли похвастаться такими животами. Нет, жирочек появлялся только на сытых, спокойных должностях, а не во время полевой работы.

Словесный водопад был прерван мадам Бюстье. Ну что за засилье рыжих? Натан, Аликс, — в какой-то степени, семья Сабрины, учительница... слишком много огненных волос вокруг.

— Так, все собрались? Хм, вижу. Адриан, ждём ещё пять минут, и начинаем.

Посмотрев на Агреста, Тен-Тен ощутила укол в сердце. Адриан улыбался той самой болью, что она видела на плакатах. Габриэля Агреста рядом не было. Человек, пришедший на благотворительный вечер Андрэ Буржуа, не появился на уроке профориентации собственного ребёнка.

Она встала из-за парты и решительным шагом направилась в сторону Адриана. Ребёнку было необходимо утешение, хоть от кого-нибудь. Рядом, конечно, была Маринетт — слишком слабая, нерешительная, боящаяся лишней раз посмотреть на своего кумира Ледибаг. Ничто без красного костюма в чёрную точку.

Хотя, может, Тен-Тен просто была раздражена на девочку из-за её чёрно-белого мировоззрения. Ну и ещё Маринетт ассоциировалась у Такахаши с болью: уже две акумы, с которыми должна была справиться Дюпэн-Чэн, практически убили попаданку. Плохо же Ледибаг справляется с обязанностями супергероини.

Адриан со своего места выдернулся, как морковка. Тен-Тен протащила парня за собой прочь из класса, и изо всех сил захлопнула дверь. Потом она развернулась к растерянному мальчишке, упёрла руки в бока и наклонилась вперёд.

Агрест отпрянул, но совсем немного. Тен-Тен прищурилась и цокнула языком.

— Тебе срочно надо начинать пить антидепрессанты, если непоявление дяди Гейба так на тебя влияет.

В Агресте после этих слов словно выключили лампочку: опустились плечи, стухла искорка в глазах. Губы сложились сначала в улыбку, но затем уголки дрогнули раз, другой...

Тен-Тен схватила Адриана за руку и потянула на себя. Парень не сопротивлялся, когда она обняла его. Только скрючился ещё больше, чтобы уткнуться лицом в чужое плечо — мальчишка пошёл в отца и был на полголовы выше Хлои.

Он не плакал, только очень глубоко и размеренно дышал и жмурился. Тен-Тен гладила Адриана по спине и пыталась хоть как-то облегчить чужую боль. Но что может быть хуже боли предательства от человека, которого ты любишь?

— Он обещал... он ведь обещал, Хло.

Тен-Тен вздохнула.

— Все они обещают. Мой папаша вообще пришёл сюда бизнес налаживать, а не из-за меня. Твой хотя бы не играет добренького простофилю.

Адриан так вцепился в кардиган Тен-Тен, что девушка чуть было не попрощалась с удобной мягкой вещью. Теперь плечи Агреста тряслись не от сдерживаемых слёз, а от более дурного настроения — злости или, может быть, даже ненависти.

С этим надо было что-то делать. Вряд ли, конечно, Адриан акуманизируется: во-первых, Габриэль, — если он-таки Бражник, — всё же худо-бедно заботился о своём сыне и не стал бы впускать в него демона; во-вторых, Адриан слишком привык к жизненным разочарованиям, раз его боль вплелась даже в тень от его улыбки.

Тен-Тен слегка освободила руки и положила ладони на чужие бока. Потом слегка пошевелилась кончиками пальцев, проверяя реакцию. Удостоверившись, что мышцы сокращаются даже от небольшой стимуляции, Тен-Тен с демоническим хихиканьем принялась щекотать Адриана под рёбрами.

Парень икнул, попытался вывернуться и заржал, как молодой жеребёнок. Тен-Тен не переставала щекотать изворачивающегося Агреста, пока тот не стал молить о пощаде и икать. На всё-про всё — чуть больше двух минут. И плохого настроения как не бывало.

Адриан пытался отдышаться и улыбался. В его глазах снова появилась искорка, кончики ушей покраснели, а выбеленные зубы сверкали не хуже золотого браслета Андрэ. Вот только тон лица как был — так и остался идеально-ровным.

— Тон? — удивился вопросу Агрест. — Так макияж же... корейская косметика.

Тен-Тен почувствовала, как у неё дёрнулась бровь. Взгляд Адриана упал на девичье плечо — то самое, о которое он тёрся лбом в попытке успокоиться. И Такахаша была уверена: если бы не пресловутая корейская косметика, она бы увидела, как Агрест побледнел.

— Я оплачу химчистку.

— Это не спасёт тебя от скоропостижной смерти. Мой бежевый кардиган!

— Ну, посмотри на это с другой стороны. Мой тон практически совпал с ним по цвету!

Не слушая ответных возмущений, он быстренько открыл дверь класса и скользнул внутрь. Тен-Тен ухмыльнулась на такое ребячество и, вздохнув, зашла следом.

Мадам Бюстье уже всю вела урок профориентации. Судя по довольным лицам Алекс и Натана, их родители успели представить собственные профессии. Интересно, что рассказал отец Куртцберга. Вряд ли он упоминал про дополнительный доход от своей знаменитой галереи.

Тен-Тен села рядом с Сабриной, поймав очередной запуганно-обречённый взгляд её матери. После краткого столкновения взглядов мадам Ренкомпри улыбнулась, словно ничего

не происходило. Вполне вероятно, настоящая Хлоя это бы проглотила.

Итак, что Тен-Тен имела в сухом остатке. Мать Сабрины боялась чего-то со стороны Андрэ и Хлои. Она была медиком, — предположительно, всё же белые халаты носили не только врачи, — с более или менее открытым доступом к различным интересным веществам. Сабрина, по крайней мере, эти вещества могла относительно спокойно взять и использовать для отравления Хлои.

При этом Сабрина не особенно хотела делать то, что делала. Возможно, раньше, пока молодая Буржуа была жива, она действовала с большим энтузиазмом, руководясь собственной злобой. Сейчас же Тен-Тен читала на её круглом личике почти те же отголоски страха, что были в морщинках её матери. Сабрина уже не особенно хотела травить Хлою. Но при этом всё равно принесла сладкий от яда цикорий.

Интересно, как отреагирует организм Андрэ на незапланированную дозу яда? Пока мужчина выглядел вполне спокойно, разве что у него слегка покраснело лицо и участилось дыхание. Вполне возможно, доза яда была не критической... но достаточной, чтобы Андрэ вскоре начал чувствовать недомогание.

Смешно вышло, на самом деле: судя по всему, Сабрина, сама того не желая, проводила привыкание к яду для Хлои. У шиноби была такая практика, когда ниндзя сам начинал травить себя крошечными дозами потенциально-смертельного вещества. Постепенно вырабатываемая привычка организма не давала впоследствии его отравить в бою. Была, правда, и другая сторона этого метода: сидящий на яде должен был принимать его постоянно. Пропущенная доза могла привести к смерти так же, как и принятая для здорового человека.

Тен-Тен снова достала браслет из коробки и начала ощупывать выступающие камушки. Надо же, какая забавная мысль пришла к ней в голову. А что, если Сабрина, испугавшись собственных действий, просто прекратила давать Хлое привычную дозу яда? Вот и причина для смерти, если организм Буржуа успел привыкнуть к нетрадиционной добавке.

Воистину, жалость убивает. Если уж решилась на что-то, Сабринчик, то не трави душу: или сделай сразу, или не сомневайся после принятия решения.

К доске вышла Маринетт с отцом. Матери не было: как объяснил Томас Дюпэн, его жена Сабина сейчас была занята в пекарне, которую семейство обожало всей душой. Короткий рассказ про ранний подъём и готовку тортов сопровождался раздачей круассанов. Очень своевременно, потому что Тен-Тен из-за папаши Хлои так и не позавтракала.

Вот только, так и не дойдя до парты Буржуа, Маринетт запуталась в собственных ногах и эпично наворачнулась. Круассаны с подноса разлетелись во все стороны, Тен-Тен даже не успела схватить себе хотя бы одну булочку. Желудок девушки издал возмущённый рык, рот предательски наполнился слюной. Еда ушла буквально из-под носа, источая восхитительный аромат свежего сладкого теста.

Круассаны разлетелись, поднос шлёпнулся прямо на парту перед Тен-Тен. Такахаши, конечно, не испугалась, но сделала вид, что это произошло: золотой браслет, провожаемый паническим взглядом Андрэ, выпал из длинных пальцев Хлои и закатился под парту. Тен-Тен с внутренней усмешкой подмечала, как красное лицо папеньки бледнеет и снова возвращается к красноте.

— Ну конечно, Дюпэн-Чэн, ты ничего не можешь сделать как следует, — протянула Тен-Тен, небрежно отодвигая от себя поднос.

Маринетт вспыхнула, но ничего не ответила. Пока она собирала разлетевшиеся

круассаны, Тен-Тен заглянула под стол... и замерла. Браслета не было. Хотя она точно слышала, как побрякушка шлёпнулась вниз, покатила и... и всё. Судя по звуку, он не мог укатиться слишком далеко, не дальше её парты. Но его не было!

Тен-Тен выбралась из-за парты, пихнув Маринетт. Дюпэн-Чэн снова чуть не рассыпала уже ни на что не годную выпечку, но Такахаши было на это плевать. Учитывая, что папаша находился под действием умеренной дозы яда, пропажа важной побрякушки могла привести к сердечному приступу или ещё чему похуже.

Этого ей было совершенно не надо. Во-первых, Тен-Тен была банально не готова прощаться с состоянием: вряд ли Андрэ озаботился подходящим для её намерений завещанием. Во-вторых, Андрэ был злом привычным, а вот Одри Буржуа — незнакомым, и встречаться с этой стервозной женщиной Тен-Тен не имела никакого желания.

Вот совершенно никакого!

Андрэ не вовремя решил вспомнить, что у него есть дочь, и окликнул её:

— Хлоя, ты что делаешь под партой?

Ей не оставалось ничего кроме признания: браслет пропал. Его не было ни под партой Хлои и Сабрины, ни перед доской, ни под задней партой. Его не было в сумке Тен-Тен или в рюкзаке Сабрины. В карманы он бы банально не влез.

Ещё рядом стояла Маринетт... но по психотипу она мало походила на воровку. Нет, Тен-Тен признавала, что Дюпэн-Чэн может украсть что-то, если того потребует ситуация: чтобы избежать позора, чтобы достичь своей цели, чтобы помешать совершиться чему-то плохому... но она была слишком хорошо воспитана, чтобы воровать чужие вещи просто так.

К тому же Тен-Тен признавала, что Маринетт была достаточно умна, чтобы не делать подобного фактически на глазах у всего класса и кучи взрослых. Среди которых, между прочим, был глава полиции и мэр.

Андрэ на новость о пропаже браслета отреагировал предсказуемо плохо: его и без того красное лицо стало бордовым, глаза заблестели отсутствием ума, а губы едва заметно задрожали. Жёстким, холодным голосом он приказал Роджеру арестовать Маринетт — невиданное дело для мира, в котором существовала презумпция невиновности. Плюс ко всему сюрреализму, Дюпэн-Чэн была несовершеннолетней и не могла отвечать за свои действия в суде.

Но Андрэ было на это плевать; вместо него говорили яд, помутивший его сознание, и жажда власти. На робкие попытки мадам Бюстье остановить произвол он не отреагировал; на защиту собственной дочери от Томаса Дюпена пошёл в ответ агрессией. Роджер стоял рядом с мэром и беспомощно открывал и закрывал рот: по закону он не имел права арестовывать девочку, но ведь это приказал почти что владелец города. Мэр, перед которым Роджер был в долгу и который мог лишить его всего буквально по щелчку пальцев.

Тен-Тен, пока разгорался конфликт, отступала в заднюю часть класса. Андрэ вёл себя неадекватно, и это видели все присутствующие. Такахаши же знала, к чему это всё может привести, потому что привыкла думать наперёд.

— Не можете решить проблему с этой малолетней воровкой — не надо! — под конец рявкнул Андрэ. — Я разберусь сам. А ты, Роджер... ты уволен! Можешь забыть об участке, там ты теперь никто!

Буржуа выбежал из кабинета, словно за ним гналась орда демонов. Судя по выкрикам, он направился к директору... только зачем? Помутнённый разум, видимо, не осознавал собственной власти — и слава богам, если кто спросит Тен-Тен.

Она рванула на выход, перепрыгивая через парту. Краем сознания она успела заметить, что в классе нет Адриана — видимо, вышел, чтобы позвонить так и не явившемуся на урок профориентации отцу.

Выйти у неё так и не получилось: за секунду до того, как она коснулась двери, в спину Тен-Тен ударило что-то мягкое, вроде шарика с водой. На руках у неё появились светящиеся прозрачные браслеты, красный и синий.

— Стоять.

Она замерла, не в силах сопротивляться приказу. Даже не поворачиваясь, Тен-Тен знала, что её антиудача снова сработала, и за её спиной — акуманизированный Роджер.

— Мэр Андрэ Буржуа не заслуживает своей должности, — механическим голосом оповестил одержимый. — Это надо обдумать. Пока я не пришёл к решению и не вынес приговор, все, находящиеся в этом классе — мои заложники.

Тен-Тен закрыла глаза, давя желание выругаться.

Да что ж такое-то. Пятая акума на пятый день после её появления в этом мире.

Бражник что, работает по расписанию?!

Глава 15. Роджеркоп

Плен — это то, что в идеале шиноби не должен пережить. Это ниндзя может брать в заложники, но никак не наоборот.

К сожалению, это правило как-то обошло Тен-Тен стороной. Она была заложницей противника раз десять точно: иногда специально, иногда нет. В любом случае она всегда была уверена не только в своих навыках, но и в команде. Где-то снаружи всегда был учитель Гай, Рок Ли или Неджи, чтобы вытащить её из любой передряги.

В новом мире не было ни Гая, ни Ли. Неджи не было и подавно: её давняя любовь наверняка переродилась в старшей ветви Хьюг, как он того и хотел. У внука Наруто был поразительно-спокойный сын с очень сильным бьякуганом. Учитывая, что Ханаби так и не стала матерью, именно этот мальчишка должен был наследовать клан.

Тен-Тен была заложницей акуманизированного, и ей не стоило ждать помощи извне. Разве что от Кота Нуара, ведь Адриан был единственным, кто избежал плена. Даже Ледибаг, — бледная, трясущаяся, напуганная Маринетт, прижимающаяся к отцу, — оказалась выведена из строя. Такахаши было любопытно: хватит ли смекалки Бражнику, чтобы сопоставить отсутствие Ледибаг и несвободу одноклассников его сына? На месте злодея Тен-Тен сделала хотя бы пробное предположение.

Ей, на самом деле, не оставалось ничего, кроме размышлений: одержимый Роджер, — он называл себя Роджеркоп, — глубоко ушёл в собственные мысли и практически не реагировал на происходящее вокруг. Он включался только при попытках к сопротивлению или к побегу. Так, мать Альи, женщина боевитая и довольно агрессивная, сидела сейчас у стены с простреленной ногой. Марлен Сезер попыталась написать мужу СМС, чтобы сообщить об акуманизации полицейского. Как бы ни скрывалась женщина, Роджеркоп это заметил.

Тен-Тен не видела, как он выстрелил женщине в ногу, но слышала её крик, быстро оборвавшийся. Роджеркоп механическим голосом предупредил, что за попытку коммуникации с внешним миром последует наказание. Выстрел был лишь небольшой его частью.

Около двери Тен-Тен простояла не меньше пятнадцати минут, прежде чем Роджеркопу потребовалось выйти. Тогда он отменил свой приказ «стоять», и Такахаши ощутила, как в ноги возвращается контроль. Быстро отойдя с пути одержимого, она едва не споткнулась об Аликс: Кюбдель подобралась поближе к Хлое, чтобы, если что, помочь и не дать упасть после обездвиживания.

Милая девочка, ничего не скажешь.

Аликс помогла Тен-Тен опуститься на пол и принялась быстро разминать коленки. Те и правда едвагнулись: за время действия приказа в ногах Тен-Тен, кажется, даже кровь не циркулировала. Хотя, возможно, это было всего лишь субъективным ощущением.

— Покидать класс запрещено, — сказал Роджер, открыв дверь. — Связываться с внешним миром запрещено. Нарушителей ожидает наказание. Справедливое.

Здесь бы Тен-Тен поспорила, но с этим отмороженным одержимым лучше было помалкивать.

Роджеркоп вышел из класса, и люди пришли в движение. Боязливо оглядываясь, они доставали телефоны и что-то начинали делать. Тен-Тен ткнула локтем Аликс:

— Пусть наши заберут у взрослых мобильники.

— Но помощь...

— Просто сделай.

Кюбдель решительно кивнула и быстро подбежала к Киму. Шепнув Ле Тьену что-то на ухо, она дождалась утвердительного кивка, а потом парень заорал во всю мощь лёгких пловца:

— Мобильники прочь из рук!

Кто-то из родителей вздрогнул, другие, напротив, вцепились в технику до побелевших пальцев. Аликс, где-то раздобывшая коробку, принялась стрелой носиться по классу и выдирать из ладоней средства коммуникации.

Удивительно, но к этому подключились другие одноклассники. Нино выбил из рук отца телефон и сразу же отключил исходящий звонок; Аля выхватила у стоящих неподалёку взрослых планшеты и мобильники, тотчас отбегая от дёрнувшихся за ней родителей. На их пути встал Айван — огромный и непоколебимый, как гора. Рядом с ним даже взрослые смотрелись как-то незначительно.

Тен-Тен продолжала разминать ноги, не обращая внимания на творящийся беспредел. На руках у неё горели браслеты. Как полюса магнита, красный и синий. Видимо, они позволяли Роджеркопу управлять её телом. А может и не только телом.

Демоны его знают, на что способны акуманизированные.

Вернувшаяся Аликс поставила рядом с Тен-Тен коробку, полную мобильных и другой техники.

— Надеюсь, после Чудесного Исцеления про это забудут, — нервно хмыкнула Кюбдель, потирая шею. — Иначе дома мне капец как влетит.

Тен-Тен посмотрела на Маринетт. Приступ паники у неё уже прошёл, и теперь девушка глазела по сторонам, пытаясь понять, как бы выбраться из класса и не привлечь лишнего внимания. Что же, видимо, у неё наконец включился режим Ледибаг.

Немного не вовремя, потому что Тен-Тен не собиралась отпускать девчущку на вольные хлеба. Такахаши не была уверена, что Чудесное Исцеление откатит всё как надо: всё-таки Ледибаг ещё не начала применять свою магию. А вдруг откат будет именно с момента облачения в суперкостюм?

Тогда, если Роджеркоп кого-то пристрелит, этот кто-то не воскреснет. Да и нога Марлен не будет восстановлена.

С помощью Аликс Тен-Тен встала и доковыляла до Марлен. Рядом с ней сидела всё ещё безымянная для куноичи мать Сабрины, совершенно несчастная: на неё смотрели, как на врага номер два. Врагом номер один, естественно, была Хлоя. Ведь это её отец довёл приличного человека до акуманизации!

Ну конечно. Нашли виноватую.

Тен-Тен опустилась рядом с женщинами и открыла аптечку, которую для демонстрации принесла с собой мать Сабрины. Набор был минимальным: бинты, вата, обеззараживатель, пара инструментов, больше необходимых для антуража... но щипцы среди них были, пусть и напоминали больше не хирургические, а маникюрные.

— Пулю вытащили?

Мать Сабрины замотала головой.

— Я медсестра, а не врач, мне не хватает квалификации.

— Ясно.

Конечно, можно было бы дождаться Исцеления и не беспокоиться... но Тен-Тен понятия не имела, какое влияние окажет оставшееся в мягких тканях инородное тело.

Под конец своей военной карьеры она успела столкнуться с огнестрельным оружием. О, как же она проклинала пистолеты, кто бы знал. С достаточным запасом боеприпасов простой крестьянин или горожанин становился неудобной целью для шиноби; не потому, что представлял собой опасность, а потому, что являлся неучтённым фактором при планировании операций. Даже геннины могли голыми руками поймать пулю, поэтому огнестрел не был опасен для шиноби.

Вот только обычные люди про это не знали. Получив в руки мощные игрушки, они возомнили себя равными по силе воинам чакры. Скрытые деревни и академии ниндзя подвергались нападениям, заканчивавшимся всегда одинаково: массовой резнёй или виселицей. Ничего весёлого.

На момент смерти Тен-Тен искусство ниндзя начало приходить в упадок, тогда как оружие становилось всё более совершенным. Для шиноби старых поколений оно всё ещё не представляло опасности и казалось игрушкой; для недавно выпустившихся из академии бойцов огнестрел был одной из причин ранней смертности. Опять же, не из-за слабости перед пулями, а из-за невнимательности и собственной дурости.

Тен-Тен имела кое-какие представления о полевой хирургии: всё же она много общалась с Ино, а та, в свою очередь, свела её с Сакурой. Харуно до конца своей жизни была главным медиком Конохи и без проблем делилась опытом со всеми желающими.

Поэтому Тен-Тен взяла щипцы и протёрла их обеззараживателем. Заметив в глазах Марлен страх и недоверие, Такахаша вздохнула и быстрым движением ударила женщину по шее. Пусть лучше Сезер отдохнёт в обмороке, чем будет нервничать и дёргаться, мешая вытаскивать пулю из бедра.

Сама «операция» прошла до обидного быстро. Тен-Тен даже занервничать не успела: всё-таки давно она не ковырялась в чужих телах. Откинув пулю в сторону, Такахаша обработала рану и стянула её медицинской клейкой лентой. Оставалось наложить бинты, но с этим справилась и мать Сабрины.

Смешно, что светящиеся на запястьях браслеты только помогали лучше видеть происходящее под руками. Тен-Тен ведь поначалу опасалась, что цвет её новых украшений будет мешать.

Забавно вышло: Андрэ так беспокоился, чтобы Хлоя не надела браслет на руку, что поспособствовал появлению аж двух украшений.

Аликс протянула Тен-Тен ткань, и Такахаша вытерла о неё руки, не глядя. Потом всё-таки посмотрела и нахмурилась: девочка дала ей свою рубашку.

— Что? — неловко дёрнулась в ответ на недовольный взгляд Кюбдель. — Полотенец здесь всё равно нет. Мы в классе литературы, если ты вдруг забыла! К тому же это такое приключение! Как думаешь, кровь останется после Исцеления Ледибаг?

Тен-Тен потёрла лоб и устало выдохнула. Ну да, конечно, приключение. Хотя для Аликс, может, так оно и было: девочка оказалась на диво любопытной до всего, что Ким в случайно подслушанном разговоре характеризовал как «кишки и мясо». Проще говоря, Кюбдель любила ужастики и всё с ними связанное.

Удивительно, что это Алья Сезер носилась за акумами, а не Аликс Кюбдель с её вечными роликами. Видимо, у розововолосой всё-таки оставался инстинкт самосохранения, в отличие от очкастой.

Маринетт, что пыталась выбраться из класса, в очередной раз отловил на пороге Нино. Тен-Тен на это ничего не сказала. Нет уж, сначала надо как-то отвлечь Роджеркопа от детишек, и только потом Ледибаг сможет нормально трансформироваться. Хвостатая даже не думала о том, что своим побегом и последующим появлением героини она жёстко подставляет не только себя, но и своего квами. Вряд ли Бражник закроет глаза на такие совпадения.

Поэтому сиди, Маринетт, со всеми остальными, пока Тен-Тен пытается понять, как ей выпутаться из очередной акумьей ловушки.

Но как же неудобно вышло! Такахаша была уверена, что светящиеся браслеты на её руках ещё принесут проблем; не могло быть так, чтобы не принесли. Раз уж она предугадала очередную акуманизацию, то и здесь наверняка окажется права. Или, быть может, боги над ней смилуются?

— Эй, смотрите!

На выкрик Кима, стоящего у окна, отреагировали абсолютно все: родители просто повернули головы, их отпрыски подбежали поближе. Ле Тьен никогда не указывал на что-то неинтересное и не захватывающее. Поэтому Тен-Тен тоже подошла к окну и посмотрела наружу.

В этот раз Ким увидел настоящую киношную погоню: из здания, петляя, как заяц на охоте, выскочил Андрэ. Откуда мужчина знал технику бега во время обстрела, Тен-Тен не знала, но улепётывал мужчина профессионально. Роджеркоп, стрелявший по градоначальнику из светящихся наручей, не попал ни разу.

Когда Андрэ рыбкой нырнул в тотчас рванувший от коллежа лимузин, Роджеркоп сменил тактику. Одержимый прекратил обстрел из наруч и открепил с пояса футуристично выглядящий пистолет.

Тот стрелял с большим грохотом и наносил куда больше вреда, чем энергетические сгустки. При этом это было другое оружие, не то, от которого пострадала Марлен: если бы в её ногу прилетел такой снаряд, то лечить там было бы уже нечего. Нет, это оружие было рассчитано на цели побольше. Вроде машин или крупных животных. А может быть и против других акум, если вдруг у них имелась иерархия.

Водитель лимузина показал класс: только один снаряд скользнул по боку машины, оставляя широкую царапину. Остальные прошли мимо, не нанеся абсолютно никакого вреда сидящим внутри людям. Чего нельзя было сказать об окружающей обстановке: асфальт шёл рытвинами в местах попадания пуль, фонарный столб сложился пополам, дорожные знаки оказались вырваны с корнем и искорёжены. Тен-Тен передёрнулась, представив, что такой снаряд может сделать с человеческим телом при прямом попадании, к примеру, в живот.

Был мальчик — и нет мальчика. Только ровный слой ошмётков в радиусе полукилометра. Вот за это она и не любила огнестрел. Грязь и шум.

Упустив свою цель, Роджеркоп повернулся обратно к коллежу и зашагал вперёд. Тен-Тен отслеживала движения одержимого: достаточно ли он подвижный, мягко ли сгибаются его суставы, какая у акумы скорость. Новости были обнадеживающими, потому что больше всего Роджеркоп напоминал Такахаша консервную банку.

Ладно, неудачное сравнение. Акума был маломобильным и, судя по всему, не мог бегать. У его суставов оказалась ограниченная подвижность, из-за чего Роджеркоп ходил как плохо смазанный робот.

Недостаток скорости акума ожидаемо компенсировал полной неубиваемостью: всё его

тело было защищено прочным даже на вид металлом. Этакая броня, в которой Тен-Тен никак не могла найти брешь. Даже сочленения суставов и шлем были выполнены идеально.

Значит, прямым столкновением ничего не добьёшься. Вполне вероятно, что в своём чудо-костюме Роджеркоп пережил бы даже взрыв.

Тен-Тен не любила таких противников. Весь стиль её боя был заточен на два варианта развития событий: либо она быстро и по-тихому убирает цель, либо долго и методично тыкает её разнообразным оружием, пока та не умрёт от истощения или из-за роковой ошибки.

Были и хорошие моменты. Тен-Тен не любила противников этого типа, однако это не значило, что она не умеет сражаться против них. Жизнь шиноби трудна и полна опасностей, и враги не будут подбираться под твой исключительный тип боя. Так что учитель показывал Такахаша, как выковыривать подобных моллюсков из их непробиваемых раковин. Или как убрать цель, даже не затронув броню.

Идеальный вариант — отравить Роджеркопа чем-нибудь убойным. Вот только проблема: акумуляторизированный, во-первых, ничего не будет есть или пить, а во-вторых — цикорий, который можно было бы выпарить, уже выпил убежавший Андрэ. Невезение.

Придётся действовать по-другому. В активах у Тен-Тен были Чудесные, один даже на свободе. В пассивах — целый класс подростков и их родителей, дрожащий и боящийся за свои жизни. Пусть все знали о волшебном восстановлении, умирать никому не хотелось.

Вдалеке за дверью загрохотали тяжёлые шаги. Тен-Тен встрепенулась, как потревоженный на ветке воробей. Заложники разошлись по стенам класса, повинувшись громогласному приказу Кима. Указание тот получил прямиком от Такахаша — благо, у окна они стояли плечом к плечу.

— Разведи людей по стенам, освободите центр класса, — сказала Тен-Тен, дёрнув Ле Тьена на себя за предплечье. — Подавляй панику, показывай, что тебе всё равно на происходящее. Не должно быть никакого шума или резких движений, ясно?

Ле Тьен кивнул и посмотрел на Тен-Тен. Глаза у него были спокойные, с отблеском стали в ореховых радужках. Красивые глаза, присущие воину, ещё не начавшему свой путь.

— Поведение, как при террористах. Понял.

— Никаких резких движений, — повторила Тен-Тен. — И не давай им приблизиться к мобильникам. Не стоит нервировать акуму, у него, видимо, свои понятия о справедливом наказании.

Ким мельком посмотрел в сторону подстреленной Марлен. Женщина была бледной, но живой — уже большой плюс, если кто спросит Тен-Тен. Роджеркоп мог бы и подстрелить одного из заложников, чтобы другим были ясны его намерения.

К тому моменту, как Роджеркоп вошёл в класс, пленники уже разошлись по стенам и молча ждали развития событий. Тен-Тен осталась у окна, чтобы больше привлекать внимание акумы и не давать ему сконцентрироваться на других. Детей и гражданских было просто по-человечески жаль.

Она надеялась, что люди ничего не запомнят после Чудесного Исцеления. Ну или что магия Ледибаг хотя бы реформатирует им мозг, и все будут думать, будто это кто-нибудь другой был таким умным и скорым на решения. Не Тен-Тен. Не Хлоя.

Роджеркоп зашёл в класс и довольно кивнул, увидев сложенные в коробку мобильники. Тен-Тен вышла вперёд, собираясь с мыслями. Что же могло бы заставить акуму уйти из класса, оставив заложников? Пусть даже они бы не смогли выйти из класса — неважно,

главное, чтобы одержимый убрался подальше от детишек и гражданских.

В следующий миг Тен-Тен рванула вперёд, вытягивая руку. Роджеркоп поднял оружие, — не то, из которого он палил по Андрэ и лимузину; вероятно этим он подстрелил Марлен, — и взвёл курок.

Пальцы Тен-Тен сжались на одном из хвостов Маринетт, решившей выбежать из класса. Вероятно, девочка, как и Такахаша, поняла, что Роджеркоп был маломобильным. Дюпэн-Чэн, напротив, славилась своей ловкостью и гибкостью на уроках физкультуры, так что у девочки был реальный шанс сделать ноги из класса.

Вот только остальных бы перестреляли, как цыплят. Дура!

Волосы у Маринетт оказались мягкими и толстыми, хвостик очень удобно уместился у Хлои в кулаке. Тен-Тен дёрнула шевелюру Ледибаг на себя, и Маринетт потеряла равновесие, заваливаясь назад. Побег не удался.

Роджеркоп нажал на курок. Пистолет чпокнул, словно из бутылки вынули пробку. Тен-Тен видела, как пуля вырвалась из дула и полетела прямо на неё.

Вообще-то, Роджеркоп целился в Маринетт, но дуру-Ледибаг Тен-Тен опрокинула на спину. Так что под прицелом оказалась она сама.

И уйти с траектории выстрела она не успевала.

Приняв мысль, что сейчас будет больно, Тен-Тен ещё сильнее дёрнула Маринетт вниз и максимально раскрыла глаза. Кому-то было проще зажмуриваться, чтобы перетерпеть боль, но для шиноби эта тактика могла оказаться смертельной. Не будешь же ты закрывать глаза во время боя, когда твоё тело больше похоже на шкуру ежа из-за попавшего в тебя оружия?

Поэтому Тен-Тен пучила глаза, словно она была рыбой на суше и ей не хватало воды. Рок Ли смеялся над ней, говоря, что они будут идеальными супругами: у самого Ли от природы был очень широкий разрез глаз, практически круглый. Тен-Тен обычно отвечала, что мир не простит им этого союза, и тема перетекала во что-нибудь другое.

Боль была такая, что из лёгких Тен-Тен мгновенно вышибло весь воздух. Пуля вгрызлась в плечо, как оголодавший пёс, и прошла навывлет, не задев кости. Судя по тому, что кровь не начала хлестать во все стороны, артерия тоже оказалась в безопасности. С остальным можно было жить.

Отдача повалила Тен-Тен на спину. Такахаша сцепила зубы, чтобы не взвизгнуть, когда разодранная плоть ударилась о пол. Перед глазами в мареве слёз плавал потолок, на фоне которого вскоре появился Роджеркоп.

Он, не сильно любезничая, схватил Тен-Тен за здоровую руку и вздёрнул в воздух. Такахаша не удержалась от короткого стога; слёзы полились у неё из глаз, более не контролируемые сознанием.

Её плечо то замерзло до онемения, то горело. Словно тело Тен-Тен точечно оказалось в аду, и злобные демоны подвергали развороченное мясо двум разным пыткам одновременно.

Роджеркоп говорил что-то, но Тен-Тен его практически не слушала, поглощённая собственной болью. Акума встряхнул её, как игрушку, и девушка вскрикнула.

Проморгавшись от слёз, Тен-Тен нашла взглядом Маринетт. Девчушку откинуло к стене, к отцу, и теперь Томас стоял перед дочерью и закрывал её своим телом. Роджеркоп говорил что-то о справедливом наказании потом, когда он разберётся с первой проблемой, и голову Тен-Тен пронзила мысль: ведь отец Сабрины акуманизировался из-за Андрэ.

Так пусть Андрэ и платит по счетам! Почему она опять страдает из-за чужих ошибок?!

— Отец наверняка в рагуше, — сказала Тен-Тен ломким голосом. — Он всегда едет туда, если нервничает или боится.

Роджеркоп обратил на неё внимание и отпустил руку. Тен-Тен едва не рухнула на колени, лишившись опоры, но всё-таки устояла. Подстреленная рука немела, Такахаша едва могла шевелить пальцами — и при каждом, даже минимальном движении в теле рождалось страдание.

— Андрэ Буржуа препятствует правосудию и не заслуживает почётногo звания мэра, — сказал Роджеркоп своим механическим тоном. — Андрэ Буржуа заслуживает полной отставки. Приговор вынесен окончательный и обжалованию не подлежит.

Тен-Тен было плевать на планы Роджеркопа насчёт отца Хлои, если честно. Намного больше её беспокоили замершие, как кролики, подростки. И их родители, конечно же.

Роджеркопа нужно было увести от гражданских... в океане боли эта мысль стала единственным островком, за который сознание Тен-Тен зацепилось.

— Он соврал про браслет, — сказала она, привалившись к холодному металлу брони Роджеркопа. — Он запугивал мадам Ренкомпри. Он не признавал власть учителя в этом классе.

Роджеркоп кивал на каждое её обвинение, и шарниры на его шее издавали едва слышный скрип. Механизм нуждался в починке? У акумы?..

Тен-Тен вываливала одну мысль за другой, голос её упал до шёпота, ноги дрожали. К тому моменту, как аргументы закончились, Роджеркоп оказался достаточно замотивирован идти на поиски Андрэ и оставить заложников в покое.

Не без подсказки Тен-Тен, естественно. Она почти сразу сказала, что на жизни других людей ей плевать. И что хоть какую-то ценность для него представляет только дочь, как ценный актив, который можно потом использовать.

Это было её ошибкой. В своё оправдание Тен-Тен могла бы сказать, что нереальная, всепоглощающая боль просто смела её рассудок, и говорила она на автопилоте. Роджеркоп схватил её под живот, как животное, и вышел сначала из класса, а затем из коллежа. Около здания оказалась припаркована машина, — она что, акуманизировалась вместе с Роджером? — выглядящая так же футуристично, как и его оружие.

Роджеркоп кинул Тен-Тен на заднее сидение, а сам сел за руль. Девушка лежала, смаргивая слёзы и медленно дыша. Эта была не нормальная боль, это было что-то другое — словно акума выстрелил ей прямо в душу, оторвал от неё кусочек и даже не прижёл рану.

Тен-Тен умела терпеть боль. Она была высококлассным шиноби, приученным превозмогать не только болевые пороги, но и собственное сознание. Куноичи обучалась этому и использовала на практике всю жизнь; умение терпеть боль было больше связано с сознанием, чем с телом. Так что Тен-Тен точно знала, о чём говорила: с этими пулями что-то было сильно не так.

Немного придя в себя, она поняла, что машина летит. Решив ничему не удивляться, Такахаша нащупала ремень безопасности и кое-как пристегнулась. Если Роджеркоп вдруг решит лихачить в воздухе, она хотя бы не начнёт кувыркаться по всему салону.

Хорошо ещё, что ремень проходил не через раненное правое, а через левое плечо. Повезло хоть в чём-то.

Лоб у Тен-Тен был весь мокрый из-за испарины. Кровь всё ещё немного вытекала из раны, но в целом почти остановилась благодаря забившемуся в дыру кардигану. Шерсть... будь здесь обычный мир, Тен-Тен бы первым делом сняла накидку, но при наличии

Чудесного Исцеления такие мелочи становились незначительными.

Девушку охватил озноб. То ли она потеряла слишком много крови, то ли перенервничала — неясно, да и неважно. Даже когда на крышу летающей машины приземлились супергерои, Тен-Тен не отреагировала. Она сжимала и разжимала кулак здоровой руки, пытаясь восстановить контакт с травмированным телом.

Чудесных смело с чудо-машины, едва Роджер сделал бочку. Тен-Тен взвизгнула, когда ремень безопасности впился в тело и потревожил рану. Боль застилала Такахаши глаза, и все силы девушки шли на то, чтобы просто оставаться в сознании.

Хотя обморок был предпочтительнее, если говорить откровенно.

Едва машина долетела до ратуши, как Роджеркоп выскочил из автомобиля. Тен-Тен, может, поспешила бы за ним... если бы она не была так измотана ранением.

Не прошло и минуты, как одержимый вернулся за ней. Роджеркоп открыл дверцу, отстегнул ремень и вытащил Тен-Тен из машины. В ратушу он занёс Такахаши, закинув несопротивляющееся тело на плечо. Медленно он вошёл в здание, поднялся по ступеням и, не напрягаясь, выломал дверь в кабинет Андрэ.

Затем он скинул Тен-Тен на пол и приставил к её голове пистолет.

— Если ты не капитулируешь, то я убью твою дочь.

Тен-Тен подняла голову и посмотрела на отца Хлои. Андрэ был напуган до мокрых штанов, но в выражении его лица Такахаши видела протест. Хотя губы у Буржуа дрожали и были блее лица гейши, он всё равно решительно встал из-за стола и скрестил руки на груди.

— Ледибаг способна восстановить всё, кроме моей репутации. Капитуляции не будет!

После сегодняшнего, хотела бы сказать Тен-Тен, твоей «репутации» просто нет. Так что не зря ты за себя боишься, Андрэ, ох уж не зря.

Стальной Ветер лично проследит за тем, чтобы от тебя не осталось и упоминания.

Роджеркоп отнял пистолет от головы Тен-Тен и направил дуло на Андрэ.

— В таком случае приговор будет исполнен немедленно.

Вместо ожидаемой пули пистолет выдал ярко-голубой луч. Едва тот попал в грудь Андрэ, как тело мэра стало усыхать на глазах, пока не осыпалось на пол прахом.

Роджеркоп довольно кивнул и обратил внимание на Хлою.

— Ты. Согласно праву наследования, теперь ты являешься мэром.

Он усадил Тен-Тен на шикарный стул Андрэ, прямо в сухую кучку тёмно-серого праха, и пододвинул пустой лист.

— Пиши.

— Что?

— Приказ. Пиши приказ, чтобы я навсегда остался главой полиции в этом городе.

Это было нелогично, но Тен-Тен не стала спорить с чокнутым одержимым. Ведущая рука у неё была подстрелена, так что почерк вышел неровным и дрожащим. Пачкая бумагу кровью, Тен-Тен поставила пододвинутые Роджеркопом печати.

Потом акума отошёл от неё. Бумагу он убрал куда-то под костюм, на мгновение обнажив вполне человеческое тело; шарниры на шее заскрипели, словно готовы были рассыпаться в то же мгновение. На лице у Роджеркопа появилась знакомая голограмма бабочки, и Тен-Тен поняла, что у неё есть несколько минут.

Торопясь, она пододвинула к себе новый лист бумаги и принялась печатными буквами выводить своё желание. Она не хотела зависеть от Андрэ. Значит, ей нужно стать эмансипированной.

Заявления об эмансипации рассматривали органы опеки или же, в особых случаях, высшие органы власти. Тен-Тен нужно было всего лишь несколько печатей, чтобы Андрэ больше не имел над ней власти.

Она успела поставить их на бумагу и засунуть документ в карман джинсов, прежде чем окно за её спиной разбилось, и в кабинет завалились Чудесные.

Роджеркоп не смог отреагировать мгновенно из-за мысленного разговора с Бражником, так что Ледибаг удалось выбить пистолет из рук одержимого. Тен-Тен нырнула под стол, чтобы не мешаться во время боя: пользы от неё будет меньше, чем от тонущего котёнка.

Пистолет по счастливой случайности отлетел прямо к столу. Тен-Тен смогла дотянуться до оружия и подобрать. Руки дрожали, и целиться было невозможно: сразу начинало болеть плечо.

Чудесные оказались собраны и серьёзны, как никогда. Тен-Тен могла видеть, что движения супергероев наконец наполнены силой и решимостью: Нуар больше не сомневался, когда бил акуму шестом; Ледибаг не щадила одержимого, метая йо-йо. И всё-таки, несмотря на изменение сознания, они проигрывали.

— Бабочка в свистке! — крикнула Ледибаг.

— Он под костюмом, — прорычал в ответ Кот.

— Значит, надо заставить его раздеться!

— Предпочитаю, чтобы передо мной раздевались девушки, а не!..

Роджеркоп был, пожалуй, первым акумой, который умел сражаться. Хоть как-то. И он точно был первым из одержимых, которому приходилось убивать — пусть и по долгу службы. Это прослеживалось в том, куда и как он бьёт.

Вот Нуар получил сильнейший пинок в висок и отлетел к стене. Человек бы от такого умер на месте; Коту потребовалась лишь пара секунд, чтобы прийти в себя. Вот Ледибаг не справилась с йо-йо, и Роджеркоп схватил её оружие, лишая девушку манёвренности.

Однако и сам он стал заложником положения. Тен-Тен облизнула сухие губы и подняла руки, зашипев от пронзительной боли в ране. Девушка села на полу и подтянула ноги к груди, чтобы уместить руки на коленях — так пистолет не дрожал.

Прицела на оружии не было, но Тен-Тен он и не требовался. Она точно знала, как стрелять; на таком расстоянии она и с ужасной раной могла без проблем подстрелить белку. Что уж говорить про Роджера.

В его костюме всё-таки было слабое место; как ему не быть? Шарниры на шее, которые постоянно скрипели. Они были его уязвимой точкой, на них держался шлем. И если они будут повреждены, то Чудесные смогут без проблем добраться до проклятой вещи.

А значит — победа.

Тен-Тен прицелилась. Лицо её треснуло от злой ядовитой улыбки, сухие глаза жгло от ярости. Она получала невиданное удовольствие от одной только мысли, что она подстрелит этого ублюдка. Урода, из-за которого она испытала такую боль, какую не знала в жизни, полной боёв и сражений.

Боль, которую она бы предпочла не знать вообще. Так пусть жрёт то, чем угостил её.

— Jigoku de moyasu, ikimono...

<Гори в аду, тварь...>

Отдача хлестнула её по рукам. Ладони дёрнуло назад, и Тен-Тен сильно ударила себя по лбу. Сознание помутилось, куноичи упала на спину и приложилась затылком о пол.

В глазах потемнело, словно кто-то выключил солнце.

Но, судя по яростному воплю, она попала.

Глава 16. Плагг

Просыпаться было трудно.

Тен-Тен долгое время находилась на грани реальности и сна, едва чувствуя своё тело. Она, вроде бы, ворочалась с боку на бок, стонала, хмурилась и даже с кем-то говорила. Но если кто-то спросил бы её об этом, она бы сказала, что спала, точно убитая.

Пробуждение было не из лёгких. Тягучее марево беспокойного сна липло к ней, как чакронити кукловодов Суны. Тен-Тен смаргивала непрошенные слёзы и остатки сна, но последние всё время возвращались. Спутанное сознание не давало прийти в себя, и целых полчаса Тен-Тен провела, просто разглядывая потолок.

В её голове мелькали оборванные, ни с чем не связанные нити мыслей. Она вспомнила о Неджи, давно погибшем, о Ли, предлагавшем ей выйти замуж, об учителе, до последнего обучающем молодняк. Она вспомнила даже про Наруто и про его звонкий голос, хотя никогда не любила ни первое, ни второе.

Ей потребовалось преступно много времени, чтобы прийти в себя. Ещё немного было нужно, чтобы вспомнить о собственной смерти и переселении в другой мир.

Потом воспоминания вернулись разом, обрушиваясь на её голову, точно снежная лавина.

Переждав короткий укол боли в висках, Тен-Тен потёрла заслезившиеся глаза и перевернулась набок. Она лежала в чужой комнате, слишком большой и неудобной. В поле зрения у Такахаша была не только кровать и стоящая рядом тумбочка, но и огромная стереоколонка, автоматы для игр, домашний кинотеатр и книжные шкафы.

Набор одиночки-неудачника не произвёл на неё впечатления. Да, всё из вышеперечисленного было новым и сверкающим от ауры богатства, но при этом у Тен-Тен сложилось впечатление, что этими вещами не пользуются.

В мифологии страны Огня, — что была крайне похожа на здешнюю Японию, — считалось, будто у каждой вещи есть душа. Если ты пользуешься предметом, благодаришь его и относишься с уважением, то появляется дружелюбный дух, цукумогами. Он может помогать тебе в маленьких делах или просто быть рядом, чтобы улучшать настроение.

Если же вещь пылилась десятилетиями, её не любили или ненавидели, то внутри вместо духа-приятеля рождался озлобленный ёкай. Он портил всё вокруг, пытался отравить жизнь своему владельцу и просто наполнял дом отрицательной энергетикой.

Тен-Тен не знала, насколько реально появление одушевлённых вещей в этом мире. В её прошлом они, пожалуй, всё же существовали: Такахаша не раз и не два сталкивалась с тем, что предметы в её квартире перемещаются сами по себе, а необходимость в мелком ремонте исчезает буквально за одну ночь.

К тому же, как говорил Шикамару, возможности чакры не были известны до конца. Ведь существовали же семь Великих Мечей, практически обладающих собственным сознанием? Так почему бы не появиться чему-то более мелкому и повседневному?

В месте, где очнулась Тен-Тен, появились бы скорее ёкай, а не цукумогами. На некоторых предметах успел появиться небольшой слой пыли, другие просто источали ауру заброшенности и ненужности. Будь воля Тен-Тен, она бы просто выкинула большую часть барахла из видимой обстановки, и заполнила освободившееся пространство цветами.

Она села на кровати и осторожно повела плечами. Ни следа от ранения, никакого

напоминания о прежней боли. Тен-Тен была уверена, что теперь по ночам к ней будут приходиться не только призраки убитых, но и это уничтожающее сознание страдание.

Перед её глазами мелькнул чёрный пушистый комочек. На секунду Тен-Тен показалось, что это обман зрения; галлюцинация, вызванная не до конца пробудившимся разумом. Но даже после того, как она протёрла глаза ладонями, этот комочек не растворился в воздухе.

Напротив: едва заметив, что её обнаружили, чёрная пушистость обрела очертания и превратилась в маленького летающего котёнка. Всё ещё очаровательно-мохнатого и с огромными ядовито-зелёными глазами.

Этого кота Тен-Тен уже видела рядом с Адрианом; такие же яркие глаза были у Кота Нуара. Яд тёк из этой зелени, когда Агрест использовал разъедающую способность, — Катаклизм, — и клубился вокруг крошечной фигурки чёрными кляксами. Тен-Тен ощущала исходящую от маленького котёнка опасность; чувство это было всепоглощающим, более объёмным, чем даже то, что возникало рядом с сильнейшим из демонов её мира.

Лука так и не смог ей объяснить, что же такое квами. Они были старше мира, существовали до начала истории и будут существовать даже после смерти самого последнего человека во Вселенной. Квами имели вид животных; как они могли быть похожи на животных, если формировались до того, как эти самые звери появились?

— Я не ходил так далеко в прошлое, — беспечно пожимал плечами Лука, настраивая очередную гитару для продажи. — Посмотрел на динозавров, и обратно. Ящерицы меня интересовали больше, чем вся эта метафизика. Но вообще, квами тогда были другими.

Тен-Тен потребовалось, чтобы Куффен рассказал ей краткую историю формирования видов этого мира. В её мире огромные ящеры тоже существовали, но так давно, что даже окаменелостей от них практически не осталось. В любом случае, Тен-Тен не интересовалась биологией в достаточной степени, чтобы сравнивать истории двух реальностей.

Квами менялись со временем, утверждал Лука. Встретив в далёком когда-то Плагга, малыша-котёнка с силой уничтожения, Куффен того даже не узнал. Оpoznать квами разрушения помог только клубившийся вокруг Катаклизм.

— Поллен тоже была похожа на большую многоножку или типа того. Ну, знаешь, такими пугают в фильмах... а, не знаешь, прости. Короче, сейчас Поллен — очень милая пчёлка с пушистым воротником. В прошлом же она... хм, ладно, неважно.

Квами не были богами в традиционном понимании. Не были они также демонами, духами, призраками или просто сгустками энергии. Насколько Тен-Тен могла судить по рассказам Луки, квами олицетворяли собой силы мира, его столпы.

Плагг — разрушение. Поллен — роевой интеллект. Тикки — удача, случай. Сасс — время. Каалки — пространство. Квами было много, и у каждого в итоге оказалась уникальная способность, которую требовалось как-то фильтровать.

Едва начав рассказывать про магических малышей, Лука упомянул две вещи: во-первых, у большинства из них всю жизнь оставалось сознание ребёнка; во-вторых, квами, безусловно, были самыми опасными существами во Вселенной. Во всех Вселенных. Доказательством их несомненного могущества могло быть хотя бы то, что их силы нельзя было применять без «фильтрации» — человека-носителя.

— Вот чихнул Плагг разок, и динозавров как не бывало, — бормотал Лука, проворачивая колки на грифе. — Тикки взбесилась, и пришёл чёрный мор. Каалки расстроилась, и у нас теперь есть Бермуды. А вот депрессия Поллен, между прочим, грозит нам всем прямо сейчас: уже который год учёные паникуют, что умирают пчёлы.

Естественно, как им не умирать, когда matka не в настроении. Примеры, кстати, можно приводить до бесконечности, но основное ты, я думаю, поняла.

Потом он улыбнулся, отложил гитару и по-кошачьи мягко начал подбираться к Тен-Тен. И ей, естественно, стало совсем не до маленьких, полных магии существ, взглядом способных разрушать и создавать миры.

Сейчас вот такое невероятное существо было прямо перед её лицом. Плагг из неопрятной кляксы окончательно сформировался в чёрного котёнка с двумя длинными усиками на голове, точно у насекомого. Взгляд квами был шкодливым, словно это не Плаггу перевалило за несколько вечностей. С вершины своего опыта Тен-Тен сказала бы, что котёнку перед ней было не больше семи человеческих лет.

Прав был Лука. Они навсегда оставались детьми.

— А я-то думал, что ты подрыхнешь до завтрашнего утра как минимум.

Голос у Плагга был противный, высокий, ввинчивающийся в уши. Тен-Тен поморщилась: котёнок совсем не пытался быть тише, и его полупищание укололо чувствительную после сна голову.

Она осторожно ткнула котёнка в мягкий живот кончиком пальца. Плагг был пушистым, хотя, обретя кошачью форму, выглядел возмутительно-гладким. Ни одной лишней шерстинки.

Когда Тен-Тен аккуратно почесала кота по пузику, Плагг замурчал. Секундное блаженство мелькнуло в зелёных глазах, прежде чем квами встрепенулся и отлетел в сторону.

— Вот же инстинкты, — заворчал он, нервно приглаживая невидимую шерсть на животе. — А ты не пользуйся!

— Это неприятно?

— Чертовски приятно, чтобы ты знала. Но всё равно не пользуйся!

Тен-Тен усмехнулась. Что же, были свои плюсы в полудетском сознании квами: с ними, — по крайней мере с Плаггом, — было удобно разговаривать. Она не представляла, как можно общаться с существом, что было старше времени, если сознание у этого полубога на ином уровне. А тут — почесал пузику, дал вкусняшку, и квами доволен.

Интересно, со всеми ли это работает?

Пока Тен-Тен разбиралась со слабым телом и лениво разминала суставы, Плагг успел слетать в другую часть комнаты и вернуться на кровать с огромным кругом сыра. В нос Такахаша ударил яркий аромат. Одновременно он напоминал о немых носках, мокрой тряпке, молоке и костре.

Пожалуй, она бы ела что-то такое только в очень длительных походах. И только после того, как обычные безвкусные сухпайки кончатся.

Плагг же наслаждался этим вонючим безобразием. Крошечными лапками он отрывал кусочки от сырной головки и отправлял тягучее лакомство в клыкастый рот. Тен-Тен видела, как мелькают белые острые зубы и алый язык, когда кот вылизывал лапы от сыра. Плагг был полностью поглощён своим удовольствием и совсем не обращал внимания на девушку.

Или ей так казалось. Едва Тен-Тен откинула одеяло и выбралась из чужой постели, как Плагг предупредил, что не стоит Такахаша выходить из комнаты.

— Адриан на вечернем уроке китайского. Его произношение просто ужасно, знаешь? Он путает «фу» и «фуу».

— «Фу» — как в имени Ван Фу?

Зелёные глаза блеснули, как остриё катаны. Плагг медленно лизнул лапу алым языком, и на секунду Тен-Тен показалось, что рот квами полон чужой крови.

— Что тебе в его имени? Змей с ним разобрался... по крайней мере, должен был.

— С ним разобралась я.

Преувеличение, конечно: без помощи Луки Тен-Тен заняла бы место Ван Фу и погибла от того яда, что он собирался ввести в её тело. Словно мало Такахаша в этом мире травят. То чай приносят дрянной, то кофе, то цикорий с порцией яда. Так ещё и старики пытаются ввести в тело то, что там явно не должно быть!

Новостями о смерти старика Плагг был доволен едва ли не больше, чем сыром перед собой.

— Умер, значит, — кот облизнулся и сощурил зелень глаз. — Отличненько. Какие хорошие новости, однако. Да ты садись, что ноги топчешь. Кровати в это время чудо как хороши, мягонькие.

Тен-Тен не стала спорить и снова залезла под одеяло. Кот перед ней продолжал жевать сыр, и на усатой морде читалось истинное наслаждение. Подобные чувства, наверное, испытывал Наруто, когда ел свой обожаемый рамен. Она не понимала такого преклонения перед едой, и вряд ли когда-нибудь сможет его понять в будущем.

— С чего такая неприязнь к Ван Фу?

— Много причин, одна другой хуже. Он был Хранителем Талисманов, знаешь? Бесчисленные годы подряд, намного больше, чем ваш человеческий век. Так что недовольства у нас накопилось с лихвой, по самые усики.

— У нас — это у квами?

— А ты сечёшь. В который раз убеждаюсь, что магия не выдёргивает кого попало.

Тен-Тен прищурилась, услышав воображаемый звоночек. Магия, значит, выдёргивает. Значит, Такахаша была не первым таким попаданцем. Но были ли опасения Ван Фу насчёт Бражника и переселенцев обоснованы?

Плагг, заметив её раздумья, смешливо фыркнул.

— Да расслабься, сейчас надумаешь себе кучу разного. Мы давно никого так не призывали. Последний раз был, кажется, в Атлантиде... а потом я чихнул, мда. Или это была Лемурия(1)? А может и Кумари Кандам(2). Вы, люди, слишком быстро живёте, знаешь?

Тен-Тен ничего не знала про Атлантиду и другие названия, но, судя по тону Плагга, всё это существовало очень давно. По крайней мере, до появления интернета — просматривая краткую историю мира, Такахаша не встречала этих названий ни разу.

Значит, Ван Фу был просто выжившим из ума стариком. Хорошо, это снимало часть нервного напряжения: Тен-Тен то и дело подумывала о том, что она могла быть не одна, кого закинуло в этот странный мир.

Слава богам, Плагг эти мысли опроверг.

— Не одна? — фыркнул он, развалившись на кровати. — Ага, щаз-з, конечно. Ты хоть знаешь, как тяжело было призвать хотя бы тебя? Да естественно не знаешь, откуда тебе. Нужно было присутствие всех квами, особое время и состояние ума. И, учитывая, что двух квами на собрании не хватало, мы с остальными чуть животики не надорвали, пока звали.

— А кого не было?

— Сасса и Нуруу. Хм, ты же их не знаешь... Сасс — это змей, у людей почему-то именно они ассоциируются со временем. Ну, временем он и управляет.

— А Нуруу?

— Бабочка. Мотылёк, как он сам себя называет. Какие-нибудь ассоциации вызывает?

Тен-Тен потёрла щеку и медленно кивнула.

— Бабочки-трупоеды?

— Тьфу ты! Нет! Хотя, учитывая, откуда ты, это вполне логично... но нет. Здесь бабочки ассоциировались с душами, чистотой и частично с перерождением. Ну, коконы и всё такое. Так что Нурру принял эту форму.

— И почему же они отсутствовали?

Плагг перевернулся и коротко мурлыкнул. Тен-Тен погладила квами по спинке: не было в этом звуке никакого удовольствия, только сожаление и немного боли.

— Сасс запутался во времени. Не знаю точно, почему... но помочь ему никто не может, потому что только он управлял этим потоком. Банникс пыталась, — она отвечает за разнообразие миров и вероятностей, — но у неё ничего не вышло, ни в одном из измерений. Кстати, из-за отсутствия Сасса нам удалось выдернуть тебя из очень-очень далёкого мира, знаешь? Нет худа без добра.

— А Нурру?

Зелёные глаза сузились, полосы зрачков на мгновение разошлись, полностью заполняя склеру чёрным, и тотчас схлопнулись обратно. Будь у Плагга настоящая шерсть, она бы наверняка встала дыбом.

Под котёнком начало тлеть одеяло, словно кто-то капнул на вещь концентрированной кислотой. Заметив это, Плагг взлетел в воздух, брезгливо тряхнув лапкой.

— Отмена, — приказал он.

Дыра на одеяле, прожжённая до остова кровати, сначала прекратила расширяться, а после и вовсе начала съёживаться. Уже через пару секунд от неё не осталось и напоминания.

Тен-Тен посмотрела на Плагга. Тот выглядел донельзя самодовольным.

— Что, думала, что только у Тикки есть Исцеление? Не-ет, я тоже многое могу... жаль только, что мой котёнок никак не додумается до уничтожения факта уничтожения, хе-хе.

— Нурру. Почему среди вас не было Нурру?

Плагг суксился, но в этот раз удержал свою разрушительную силу под контролем.

— Хозяин у него мудака. Только и всего. Нурру, конечно, сильный и всё такое, но он ничего не может поделать со своим нынешним владельцем. Там столько всего накручено, ты бы знала... впрочем, об этом потом, окей? Сейчас я хотел...

Не договорив, он нырнул под кровать прямо сквозь материал. Тен-Тен поёжилась: если Плагг с такой лёгкостью проходил через материю, то что мешало ему, к примеру, залететь внутрь человека? А там хватит всего одной капельки чёрного яда, чтобы уничтожить несчастного.

Шиноби внутри неё, однако, был заинтересован: что это за яд такой? Что это? Как это получить? В какую баночку можно набрать этой черноты, чтобы использовать потом? В мире ниндзя Тен-Тен бы многое отдала за столь действенный состав.

Плагг шебуршал под кроватью, иногда недовольно бормоча. В итоге он вылетел к Тен-Тен, неся в лапках золотой браслет — тот самый, из-за которого Андрэ так переживал. Такахаши приняла украшение с неммым вопросом.

— Вот ты наверняка думаешь, на кой он тебе. Я тоже задавался этим вопросом, но котёнок настоял на том, чтобы я тебе его вернул. Типа, дорогая штука, на неё можно сырный завод купить, и всё такое.

«Котёнок» — это, очевидно, Адриан. Тен-Тен кивнула и надела браслет на руку.

Украшение можно будет использовать потом, чтобы ткнуть золотом Андрэ под нос и сказать нечто вроде «Я спасла твою игрушку, папочка! Хочешь обратно — давай деньги!»

Это не говоря о том, что Андрэ, находясь под действием яда, про браслет совсем не думал. Буржуа вообще ни о чём не думал. И на это тоже можно будет указать.

Плагг совершенно по-кошачьи почесал лапой за ухом.

— Вообще-то, я ещё должен извиниться за прошлую акуму.

— В смысле?

— Я застрял в твоём браслете. По-идиотски вышло, на самом деле: мне просто страшно захотелось проверить, пройдёт ли голова сквозь дырку, или нет. Не прошла. Короче говоря, я застрял.

Тен-Тен подавила нервный смешок. Застрял. Ты только что пролетал сквозь кровать, маленький чёрный котёнок! Почему ты просто не мог включить эту же магию на украшении?

— Ну и из-за того, что я застрял, Кот Нуар слегка припозднился. Знаешь, квами нельзя проводить трансформацию, если на них что-то есть. Так-то девчонки точно таскали бы на себе всякие тряпки, да и я бы не отказался от золотых серёжек или короны. Знаешь, в Древнем Египте было столько прикольностей! И ничего нельзя было носить.

«Так», — подумала Тен-Тен. — «Так. Разговор от Нурру перешёл к Египту, отлично. Если у квами сознание ребёнка, то он легко отвлекается. Получается, его нужно постоянно возвращать к начальной мысли?»

— Что может случиться, если пройдёт трансформация, а на тебе, к примеру, серьги?

— Ну, я могу застрять в Талисмане или типа того. Или он может треснуть. Или ещё что-нибудь такое же идиотское. Вариантов много, но никто, знаешь ли, не хочет проверять.

— А с человеком что происходит?

— Да ничего, в принципе. У квами для этого есть то, что прошлый Хранитель называл «рычаг безопасности»: квами берёт урон на себя, ведь убить нас, как ты понимаешь, нереально. Носитель остаётся в безопасности и часто даже может продолжать использовать силы напарника.

Тен-Тен кивнула. Идеальный план поймать Нурру и надеть на него какой-нибудь браслет канул в небытие. А жаль. Вот так перевоплотился бы Бражник, не заметив украшение на Нурру, и всем бы резко стало хорошо.

Кроме самого Бражника, само собой. Но на войне нельзя обойтись без жертв.

— Короче, я застрял, так что Кот Нуар не смог появиться сразу. Ледибаг, сама знаешь, была с тобой. Пока мы меня из браслета вытащили, пока нашли тебя и этого копа, ты уже и пострадать успела.

— Пострадала я из-за Ледибаг, если что.

— Ну, никто не совершенен. Носители Талисманов обычно обзаводятся мозгами годам к пятидесяти... если доживают.

Было в последних его словах что-то тёмное, неприятное. Так Орочимару говорил о своих подопытных: с полным осознанием их ценности и скорой смерти.

— Адриан, я надеюсь, не пострадает? — спросила она, осматривая Плагга.

Котёнок развернулся к ней всем телом, на морде — довольная хитрая усмешка, совсем не напоминающая о ребёнке. Перед Тен-Тен сейчас была сила разрушения, трикстер в крошечном чёрном тельце, мощь столь запредельная, что Такахаши и представить себе не могла.

— Адриан — мой дорогой котёнок, девочка. Ничего с ним не будет. Не из-за меня.

— А...

— С Маринетт тоже. Она очень полюбила Тикки.

Этого было достаточно. Лука, очевидно, как-то накосячил с Сассом, так что про их отношения стоило спрашивать напрямую у Куффена. Остальное Тен-Тен не особенно волновало.

Вполне логично, что у квами был какой-то защитный механизм от плохих хозяев — ну не оставаться же этим могущественным малявкам совсем обнажёнными перед носителями? Судя по морде Плагга, расспрашивать о способах избавления от плохих парней не стоило; тем не менее Тен-Тен интересовало, почему же Нурру самостоятельно не избавился от своего хозяина. Если тот мудака.

Плагг в ответ на это как-то помрачнел, разом растеряв всю ауру опасности.

— Есть силы, которым подчиняемся даже мы. Я не могу пока сказать напрямую, но... Ты знаешь, почему Бражник каждой своей акуме приказывает отобрать Талисманы Кота Нуара и Ледибаг?

Тен-Тен мотнула головой. О приказе она была наслышана, тот же Натаниэль под бабочкой говорил с Бражником о побрякушках. Но вот зачем взрослому мужчине были нужны дополнительные волшебные украшения ей оставалось неясно.

Да и не думала она об этом. Тен-Тен была в этом мире пять дней, и каждый из них её жизнь оказывалась на волоске. Не до философии.

— При соединении Талисмана Удачи и Неудачи рождается большой потенциал сил, — сказал Плагг, блестя глазами. — Нереализованная энергия. Это как попытаться соединить два магнита отталкивающимися сторонами. Тикки рождает, я убиваю. В промежутке идёт жизнь — такая короткая, что её не видно. Но она оставляет след. Энергию. Которая никуда не тратится. Смекаешь?

— Не особенно.

Он закатил глаза, и Тен-Тен ощутила себя маленькой девочкой перед старым учителем. Учитывая, что совсем недавно она думала о младенчестве сознания квами, Такахаша стало неуютно.

— Энергия, чтобы ты знала, всегда должна куда-то тратиться. Потенциала, что появляется при соединении двух противоположных Талисманов, достаточно, чтобы исполнить любое желание. Причём неважно, какие это Талисманы; главное, чтобы их силы противоречили друг другу. К сожалению, Талисманы Кота и Божьей коровки — самые, если можно так сказать, разрекламированные... регулярно находится какой-нибудь угод, пытающийся их спясть. Заканчивается всё обычно быстро и плохо.

— Но не в этот раз.

— Ты права. Не в этот. Сейчас всё слишком затянулось из-за...

Раздался панический вскрик, от которого Плагг вздрогнул и нырнул за Тен-Тен. Видимо, рефлекс прятаться был у котёнка вбит так глубоко, что срабатывал вне зависимости от его желания.

Такахаша посмотрела на источник крика и криво улыбнулась. В дверях комнаты стоял Адриан, выглядящий так, словно увидел-таки Нурарихёна(3). Агрест настолько испугался, — чего? Плагга перед лицом Тен-Тен? — что даже губы у него приобрели бледно-серый цвет, как у покойника.

Плагг вылетел из-за спины Тен-Тен и с возмущением уставился на Адриана. Тот,

заметив настроение котёнка, как-то сразу суксулся: так ребёнок смущается своего поведения перед взрослым, которого он уважает.

— Прости, — сказал Адриан, заходя в комнату и закрывая за собой дверь. — Но ты же говорил, что ни в коем случае никто в доме не должен узнать, что ты здесь!

— Хлое можно, она в этом доме не живёт.

Скепсис в глазах Адриана был заметен даже на расстоянии.

— Ну...

— Ты чего сюда пришёл вообще? У тебя репетитор!

— Я писать отпросился, — откровенно-растерянно сказал Адриан. — То есть... прости, Хлоя. Рад, что ты в порядке. Ты же в порядке?

Плагг закатил глаза и почесал лапкой переносицу.

— Ты бы хоть причину менял, блин. В десятый раз «писать» идёшь.

Тен-Тен улыбнулась. Судя по всему, Адриан просто беспокоился о Хлое и регулярно сбегал от учителя, чтобы проверить состояние бессознательной подруги. Вот только почему Чудесное Исцеление не сработало как обычно, вылечивая всё волшебным образом?

В этот раз, правда, Адриан на самом деле пришёл ради уборной. Пока Агрест скрылся в ванной комнате, Тен-Тен задала вопрос насчёт волшебной медицины Плаггу.

Котёнок опять скривился.

— Откуда, по-твоему, берётся энергия на все эти исцеления? Тикки, конечно, очень объёмная, и может кое-что покрыть собой... но какая-то часть энергии всё равно заимствуется из того, что нужно восстанавливать. Дальше сама понимаешь.

Такахаша кивнула. Да, она понимала. Пять дней — пять акум, практически с каждой из них она так или иначе получала повреждения тела. Роджеркоп и Иллюстратор отметились физически, Страшила и Месье Голубь психологически, Бабблер с его поцелуями и полётом над городом — где-то посередине. Нино так сдавил Тен-Тен во время перелёта, что наверняка поломал ей парочку рёбер. Такахаша могла и не заметить.

И всё же, Роджеркоп пока был номером один по травмоопасности. Тен-Тен всё ещё считала, что его оружие ранило не столько тело, сколько душу или иную энергетическую структуру; это было отличным объяснением того, почему же Такахаша так тяжело отходила от столкновения с очередным одержимым.

Она передёрнулась из-за воспоминаний о той боли. Адриан выскочил из ванной и, пообещав вернуться через полчаса, выбежал из комнаты обратно к учителю.

— Он такой ребёнок, — сказала Тен-Тен, смотря на закрывшуюся дверь.

— Для квами каждый его носитель навсегда остаётся ребёнком.

— Да я не об этом. Только сейчас я наконец поняла, что Чудесные без Талисманов — всего лишь дети, к тому же гражданские. А Бражник...

— А Бражник что с Талисманом, что без него — всего лишь мудака. Не преувеличивай его способности, окей? И без этого тошно.

Тен-Тен не стала спорить. Тема Бражника была для Плагга неприятна; стоило ли продолжать говорить о противнике Чудесных, если у квами такая реакция на него? Нет уж, Тен-Тен никогда не была сумасшедшей, чтобы самостоятельно напарываться на потенциальную опасность. Она не Наруто с чудесной регенерацией и не Сакура, способная вырастить себе новое сердце.

— О чём думаешь?

— О превратностях судьбы.

— М?

Плагг подобрался к ней поближе, ещё немного, ещё, и в итоге устроился на коленках. Он умудрился свернуться в небольшой комочек, как настоящий кот, и уложить голову на маленькие лапки. Тен-Тен рассеянно погладила квами между ушами, всё ещё смотря на дверь.

— В своём мире я была обычной. Ничем особенным не выделялась: умела использовать оружие и голову, немного увлекалась ловушками и взрывчаткой. Просчитывала варианты и тактику, не на уровне гениев, но, в целом, тоже неплохо. И всё. Так почему здесь оказалась именно я, а не какой-нибудь более... достойный?

Плагг лениво открыл один глаз и посмотрел на Тен-Тен снизу вверх.

— Обряд квами притягивает того, кто сможет легче и быстрее разобраться с заявленной проблемой. И дёргает он человека, — если это человек, а не иное существо, — максимально не привязанного к миру.

— В смысле, без семьи?

К моменту смерти Тен-Тен осталась практически одна. Детей она пережила, как и супруга, и всех своих друзей. У неё было несколько учеников, которых она не видела десятилетиями.

Она пережила даже собственного кота, которого подобрала на улице больше из скуки и одиночества, нежели из сочувствия. Тот тоже был чёрным, с зелёными глазами — совсем как Плагг.

— В смысле, никому не нужного, — сказал квами, немного замявшись. — Того, о ком не будут вспоминать и кто не вписан в историю мира. Когда мы дёрнули тебя оттуда, мы... как бы... вырезали тебя из времени.

Вырезали.

— Значит, меня не будут помнить?

— Нет. Если о тебе где-то есть записи, то они будут уничтожены. Те, кто могут о тебе помнить, про тебя забудут.

— А мои внуки?..

— Просто не смогут вспомнить бабушку, если они тебя знали. Но, если тебя выдернули, значит, внуков у тебя не было.

Тен-Тен прикрыла глаза, ощущая жжение в зрачках — не от сдерживаемых слёз, а из-за долгого времени без моргания. Не было внуков, значит. Видимо, она и их пережила.

Это не вызывало никакого эмоционального отклика. Своих внуков она видела лишь пару раз, крошечными комками — потом её супруг погиб, она переехала. Лет через десять дети не захотели поддерживать дальнейшую связь. Они так и не стали шиноби, и их откровенно пугала кровь, которой был покрыт весь жизненный путь матери. Их пугала острота оружия, рефлексы и военные привычки, которые совсем не меркли с течением времени.

Тен-Тен приняла их решение, и сама оборвала все нити. И не ощущала ничего, кроме запоздалого облегчения: увядшие цветы на могиле Неджи и венки около Мемориального Камня волновали её больше жизненных тревог собственных потомков. Тен-Тен просто не понимала бытовых проблем, зачерствав в боях, как забытая под тумбой рисовая лепёшка.

— Не знаю, что у тебя там была за история, — продолжал Плагг, — но теперь она продолжается здесь. И в этом мире ты очень-очень нужна, ты не представляешь насколько.

— А если бы я не захотела помогать? Что тогда?

Плагг коротко хохотнул, снова укладываясь в компактный комочек. Хвостом он прикрыл мордочку, и хитрые зелёные глаза смотрели на Тен-Тен, частично скрытые этой чёрной преградой.

— Не захотела бы помогать моему котёнку? Правда? Я видел, как ты на него смотрела. Как на собственного ребёнка, да?

Тен-Тен слабо улыбнулась и потёрла лоб. Адриан был воплощением её прошлого, её жизни, того, что было ей дорого. Он весь словно состоял из приятных и важных для неё пазлов. Был живым напоминанием о драгоценных моментах её памяти.

— Я была плохой матерью, — сказала в итоге Такахаша. — И вряд ли смогу... заменить мать Адриану. Да и не хочу.

Она была просто не готова брать на себя такую ответственность. Но при этом она бы могла быть рядом с Адрианом, советовать ему что-то, защищать, утешать... и ещё многое другое.

Плагга это устраивало.

— Этого и не требуется, — сказал он, закрывая глаза. — Просто помоги ему. Потому что без тебя моему котёнку не выжить.

***

(1) **Лемурия** — Мифический континент; по разным источникам, он был до Атлантиды или же после неё.

(2) **Кумари Кандам** — Мифическая праматерь-земля для индусов.

(3) **Нурарихён** — Предводитель Парада Сотни Демонов в Японской мифологии. Он настолько страшен, что сознание человека игнорирует его, просто не видит, чтобы себя не травмировать. В итоге Нурарихён, этот ужасный демон, промышлял тем, что шлялся по чужим домам и съедал всё, что было в погребках.

Глава 17. Агрест

Ждать конца урока Адриана было просто ужасно. Тен-Тен не могла ни посидеть, ни полежать спокойно — вокруг, точно жирная назойливая муха, вился Плагг. Момент взрослости и древности у квами прошёл, и на поверхность вынырнуло шило, присущее исключительно детям. Котёнок метался из стороны в сторону: то ложился на подушки, то летал за пылинками в воздухе, то тормозил Тен-Тен, чтобы она гладила чёрную спинку. Такахаша успела прослушать лекцию о пользе сыра для квами, — исключительно надуманную, как девушка поняла в итоге, — узнать про многообразие сортов и даже попробовать некоторые из них. Не то чтобы она хотела этого; просто Плагг был очень щедрым, и обижать его отказом не было никакого желания.

Наблюдая за волшебным котом, Тен-Тен поняла, что его форма ненастоящая. Плагг, если задумывался или же слишком сильно жестикулировал, начинал... пожалуй, самый лучший термин в этом случае — «плыть». Его форма текла, словно состояла из нагревающегося воска, обнажая нечто, что Тен-Тен никак не могла рассмотреть.

— Не вглядывайся особо, — посоветовал Плагг, заметив интерес к собственной тушке.

— Или что?

— По-разному. Некоторые сходили с ума, другие теряли зрение. Ты ментально крепкая, так что, скорее всего, просто повредишь глаза. Люди неспособны увидеть настоящий облик квами.

Спрашивать, безопасно ли Адриану быть рядом с Плаггом, Тен-Тен не стала. Раз квами сказал раньше, что вреда он Агресту не причинит, значит так и будет. У неё не находилось причин не верить воплощённому разрушению на слово.

Минуты тянулись, словно каждую из них держали за хвост. Тен-Тен потеряла надежду на то, что Плагг в итоге успокоится, и мрачно отсчитывала секунды своего заключения в мягкой кровати. Однако терпение у Такахаша кончилось раньше, чем Адриан вернулся с урока: репетитор, видимо, решил возместить минуты, потерянные на десять «пописать», и задержал парня у себя.

Поэтому Тен-Тен встала с кровати, потянулась и проверила одежду. Кардиган, — совершенно целый и чистый, ни капли крови на светлой шерсти, — лежал у неё в ногах. А она поначалу и не заметила. Остальная одежда была на ней сразу: видимо, Адриан постеснялся её раздевать.

Плагг, едва Тен-Тен встала, взлетел в воздух и принялся кружить около её головы. Квами был спутником, сопровождающим её растрепавшийся пучок.

— Мы гулять?

— Пройтись. Вроде бы Хлоя была частым гостем в этом доме. Думаю, ничего страшного, если я попадусь кому-нибудь в коридоре без сопровождения.

— Я с тобой.

Котёнок забрался ей прямо в пучок. Ощущение было не самым приятным: словно у Тен-Тен в волосах поселился огромный жук. Дождавшись, пока Плагг утопчется и устроится в гнезде её волос, Такахаша надела кардиган и обулась.

— Тебе удобно? — спросила она у квами, пока натягивала балетки.

Она совершенно точно была обута по-другому, в неплохие туфельки на низком каблуке. Но, поскольку их рядом не было, — как и другой обуви, — то приходилось ограничиваться

тем, что имелось под рукой.

Плагг ещё немного повозился, прежде чем окончательно замереть.

— Никто у меня этого никогда не спрашивал, знаешь? Адриан вообще суёт меня под мышку.

— Бедняга.

— Это да. Хорошо ещё, что он парень чистоплотный.

Тен-Тен не сдержала улыбки. Да уж, будни всесильного существа. Даже не позавидуешь такой судьбе, если честно.

Она вышла из комнаты, напоследок посмотревшись в зеркало. Выглядела Хлоя, как всегда, практически идеально: очень уж повезло Тен-Тен с новым телом и лицом. Даже без профессионального ухода или косметики она оставалась на высоте.

Плагга в волосах видно не было. Котёнок, видимо, соорудил вокруг себя защиту из волос, потому что пучок светлых волос смотрелся больше, чем раньше. Тен-Тен слегка покачала головой, проверяя крепкость причёски, но никаких проблем не обнаружила. Отлично.

Коридор разительно отличался от комнаты Адриана: здесь не было подростковости и властвовал минимализм. Тен-Тен погладила серо-голубую стену и вдохнула, ощущая запах недавнего ремонта. Вероятно, Габриэль решил обновить дом изнутри после смерти Эмили: на старых фотографиях Адриана и Хлои Такахаши видела совсем другой интерьер.

Впрочем, это не было важно. Сейчас её интересовала разведка на условно-вражеской территории. Так что, запасаясь наглостью и стараясь передвигаться как можно тише, Тен-Тен повернула налево и просто пошла вперёд.

Мысленно она, естественно, составляла карту поместья. Славьтесь, учителя её Академии, что преподали такую полезную науку. Она не раз спасала Тен-Тен и её напарникам жизнь.

Бесцельное шатание по особняку долго не продолжилось: в какой-то момент Плагг взял на себя управление и тихонько говорил, в какую сторону Тен-Тен стоит пойти. Так она нашла несколько чёрных выходов, пару открытых комнат для экстренного отступления, кухню, два гостевых туалета и кабинет Натали Санкёр — секретарши Габриэля. Плагг давал короткие комментарии насчёт встречавшихся им людей. В основном это была прислуга, не особо важная — по мнению котёнка.

На Хлою эта прислуга смотрела как на врага, поэтому Тен-Тен даже не подумала с кем-либо заговорить. Видимо, Буржуа успела насолить этим людям до появления в её теле куноичи. Так что на их помощь или на ответы рассчитывать не приходилось.

Плагг вывел Тен-Тен к саду и провёл короткой тропой сквозь заросли кустового лабиринта. Зелень была насыщенной и тёмной, совсем как листья в Конохе. Тен-Тен позволила себе на секунду предаться ностальгии, и старые шрамы на душе вспыхнули тянущей печалью.

Сад был красивым, но каким-то неухоженным. Покинутым. Тен-Тен видела дикоросы, захватившие клумбы, слишком высокие яблони, траву, пробивающуюся через галечную тропинку. В центре лабиринта стоял фонтан, давно не видевший воды: медные носики потемнели, а на белых бортах украшения виднелась въевшаяся грязь.

— Обернись, — сказал Плагг, когда Тен-Тен гладила скелет фонтана.

Она послушалась. Сзади была статуя — чуть больше, чем ростовая, выполненная из белого камня. Вот она была чистой, словно её каждый день протирали.

Статуя изображала женщину. Не особенно красивую, по мнению Тен-Тен: слишком острый подбородок, глаза с излишне поднятыми внешними уголками, тонкий широкий рот. Каменное платье обнимало неживую фигуру, очерчивая костлявое телосложение. Женщина была слишком худой.

Но при этом было в статуе что-то, притягивающее взгляд. Тен-Тен подошла ближе и, задрав голову, посмотрела в молочные глаза.

— Мать Адриана, — прошептал Плагг в её волосах.

Тен-Тен понятливо кивнула. Она и сама видела, что женщина как-то связана с Агрестом-младшим: те же губы, то же выражение лица. Скульптор постарался на славу, передавая не только мягкую улыбку, но и более внутреннее выражение печали.

Знала ли женщина, чей облик был запечатлён в камне, что скоро расстанется со своим ребёнком?

— Она была хорошей? — спросила Тен-Тен.

Ответил ей не Плагг, отчего Такахаши вздрогнула.

— Лучшей из женщин.

Она обернулась, почти в боевой готовности. Заброшенный лабиринт был устлан старой листвой и сухими ветками; несмотря на это, Тен-Тен совершенно не услышала, когда Габриэль Агрест подошёл к ней непозволительно близко.

Вблизи мужчина выглядел менее впечатляющим. Тен-Тен видела глубокие морщины в уголках губ, уставшие запавшие глаза, покрасневшие крылья носа. Кожа Габриэля была едва ли темнее камня, из которого высекли статую мадам Агрест. Стало совершенно очевидно, что отец Адриана тяжело болен.

Выражение его глаз менялось, как небо в майский день. При взгляде на статую Тен-Тен видела нежность, обещание, страсть; при взгляде на Хлою — холод, жёсткость, расчёт. Она доверяла своим глазам; она доверяла чужому выражению. Габриэль Агрест был опасен, по крайней мере для неё.

Но он не был маньяком или садистом, совсем нет. Поэтому Тен-Тен сложила губы в приветливую улыбку и даже обняла Габриэля — так, как поступила бы Хлоя.

— Дядя Гейб, я так давно тебя не видела! — заканючила она, точно ребёнок. — Просто ужас какой-то, даже на той папиной встрече не успела подойти! Ты там такой эпатаж навёл, знаешь? А со мной даже не поздоровался!

Она посмотрела вверх, не прекращая объятий, и требовательно выпятила губы. Габриэль похлопал её по спине, тело его было таким же каменным, как и у жены. Тен-Тен могла бы подумать, что дело в пропавшей привычке к прикосновениям: после смерти мадам Агрест Габриэль стал знатным затворником. Если бы не...

Глаза. Его глаза были холодными, но теперь в сером тумане появилось новое чувство, даже два: сожаление и отрицание. Габриэль смотрел с этой мешаниной эмоций на прижимающуюся к нему девочку, — Хлою, — и в голове его явно происходила борьба.

Он не хотел ей зла, это точно. Но он был вынужден... вынужден был...

Тен-Тен солнечно улыбнулась, прижалась к Габриэлю ещё раз и отступила. Она увидела всё, что ей было необходимо — и даже сверх того. Теперь она не сомневалась в личности Бражника. Ведь именно мотыльку она мешала последние несколько раз, то перетягивая внимание акум на себя, то мешая им концентрироваться на основной цели. Естественно, у Бражника возникнет необходимость избавиться от такого отвлекающего фактора.

Естественно.

— Я плохо её помню, — сказала Тен-Тен, заводя руки за спину и открываясь перед Габриэлем.

Сожаления стало больше. Оно переливалось через частокол ресниц, копилось в уголках глаз, показывало, что в теле всё ещё оставалась душа. Габриэль снял очки и потёр глаза — жест был уставший, но очень подходил мужчине, делал его привлекательнее.

— Естественно. Три года прошло... а до этого она болела. Адриан наверняка тоже забыл её.

Почему-то, судя по лицу, Габриэль хотел так думать; ему так было бы комфортнее. Губы его исказила вина — не перед сыном и не перед Хлоей, конечно же. Перед Эмили.

Почему? Ты виноват в её смерти?

— Не-ет, он её помнит, и очень хорошо. Адриан похож на неё, да?

Лицо Габриэля исказила кратковременная судорога. Зрачки затрепетали, как крылья бабочки — как крылья мотылька, пожирающего мёртвую плоть.

Тен-Тен отвернулась, рассматривая статую.

— Нет. Совсем нет. Они... совершенно... разные. Абсолютно.

В голосе мелькнула злость, и Тен-Тен решила не продолжать. Она достаточно хорошо читала лица, чтобы понимать, когда надо остановиться. И сейчас, после пары невинных вопросов, Габриэль был готов придушить её голыми руками.

Ненормальная реакция, даже для горюющего мужа. Тен-Тен могла тремя фразами заставить человека покончить с собой, особенно если психика жертвы была расшатана. Но сейчас куноичи не хотела ничего, кроме пары крох информации. И всё же Агрест отреагировал, причём слишком сильно.

Габриэль — Бражник. Он не любит своего сына и пытается убедить себя, что тот не похож на мать, хотя сходство ошеломительное. Он испытывает вину перед мертвецом и собирается что-то сделать. И ради этого «чего-то» он готов буквально пойти на убийство.

На минуточку, он готов пойти на убийство Хлои Буржуа — на убийство Тен-Тен, если быть точнее. И её это совершенно не устраивало.

Успокаивало только то, что Габриэль будет действовать через чужие руки, не рискуя пачкаться самостоятельно. Так что у Тен-Тен было немного времени для подготовки, хотя бы моральной. Так-то, учитывая, что акумы могут быть абсолютно любимыми, она даже не знала, с чем могла столкнуться.

Придётся импровизировать. Пока у неё вроде бы получалось. Учитель всегда говорил, что импровизация удалась, если ты в итоге живой и целый.

Габриэль проводил её в особняк. Шли в молчании, для Тен-Тен не тягостном лишь из-за общей психологической устойчивости. Рядом с месье Агрестом было неприятно находиться: дело было то ли в ауре, то ли в его настроении, то ли в едва уловимом сладком запахе, смутно знакомом.

Тен-Тен принялась, но так и не поняла, чем же пахнет. Это было что-то из её прошлой жизни, такое естественное и знакомое, на что она обычно не обращала внимания. Габриэль, глубоко ушедший в свои мысли, даже не заметил её заминки.

Он завёл девушку в дом и крепко закрыл за собой двери, ведущие в сад. Тен-Тен грустно вздохнула: иногда ей не хватало свежего воздуха и зелени, как в её родном мире. Здешняя реальность изобиловала серыми домами, чёрным асфальтом и стеклом, играющим бликами.

В саду было хорошо. Но, судя по глазам Габриэля, он теперь будет следить, чтобы Хлоя туда не зашла ещё раз.

— У Адриана сейчас китайский...

— Я знаю, — небрежно отмахнулась Тен-Тен. — Я подожду.

— Уже поздно для ожидания. Я прикажу нашему водителю...

— Ай, дядя Гейб, да не надо! Я просто останусь тут на ночёвку. У Адриана ведь не было нормального дня рождения, помнишь? Всё акумы, акумы... жалкий Бражник пытается испортить жизнь моему Адрикинсу, но я, Хлоя Буржуа, не дам свершиться такой несправедливости! — Тен-Тен посмотрела на свои ногти и нахмурилась: она так и не сделала маникюр. — Короче, мы завтра будем гулять, есть что-нибудь диетическое и развлекаться. Как думаешь, воздушная кукуруза в кино считается диетическим продуктом?

— Там слишком много масла.

Габриэль стоял спиной к стеклянным дверям, ведущим в сад, и совсем не выглядел довольным. За хлипкой преградой медленно засыпал день: краски поблели в подступающем вечернем тумане, зелень стала темнее, небо казалось неестественно ярким из-за разливающейся рыжины. Потрясающий контраст цвета, наверняка сказал бы Натаниэль.

Тен-Тен больше интересовал Габриэль. В комнате было плохое освещение: не работала одна из ламп на потолке. Из-за сильной подсветки сзади возникала естественная тень, поглощающая тело и лицо месье Агреста.

И в этой темноте горели его глаза — неестественно-яркие, блестящие. Безумные. Тен-Тен почувствовала, как её живот поджался, а по спине пробежали мурашки. Рот продолжал нести всякую чепуху, в основном планы на завтра: как они с Адрианом погуляют, как им будет классно, на какой фильм они пойдут... обязательно на мелодраму, чтобы в конце, когда главные герои поцелуются...

Тен-Тен прижала руки к щекам, восхищённо пискнула и зажмурилась. Потом она ещё раз обняла Габриэля. Словно всё нормально. Словно она ничего не увидела. Серые светящиеся глаза сощурились, мужчина положил ледяные руки ей на плечи и слегка сжал пальцы.

Интересно, хотел ли он в этот момент отвернуть ей голову.

— Адрикинс наверняка уже закончил свои занятия корейским или как там его, — сказала Тен-Тен, отстранившись. — Так что я побежала!

— Его расписание на завтра...

— Ой, да отмени ты его, дядя Гейб, и никаких проблем! Как будто ты не знаешь, как это делается!

Она покровительственно похлопала его по руке, потом скинула холодные ладони со своих плеч и поспешила убратся из поля зрения опасности. Почему он так взбесился? Из-за того, что Адриан получит выходной? Габриэль так не любит своего ребёнка?

Вряд ли. Тен-Тен больше склонялась к другой версии: Габриэль, как и многие другие психопаты, — а как ещё назвать Бражника, она не знала, — ненавидел, если его планы рушились. Даже в таких мелочах, как расписание ребёнка на день.

Она добежала до комнаты Адриана в рекордные сроки, ни разу не спутав дверь или поворот. Карта в голове работала безотказно.

Захлопнув за собой дверь и привалившись к ней спиной, Тен-Тен нахмурилась. Ей удалось немного привести тело Хлои в порядок, так что дыхание у девушки лишь немного сбилось после спринта по особняку. Отлично, стоило продолжать в том же духе.

Куноичи не понравилось то, что она увидела. Ей не понравился Габриэль. Безумно

красивый мужчина... безумно опасный мужчина. К тому же чем-то болеющий: красные крылья носа, бледная кожа, испарина, лёгкая хрипотца в голосе. И глаза.

Видимо, болезнь была не только в теле, но и в голове. Но проявлялась она редко, лишь в ответ на какие-то триггеры. На какие? Мадам Агрест? Адриан? Расписание? Всё сразу?

Тен-Тен отошла от двери и принялась ходить по комнате. Та была настолько большой, что это могло сойти за вечернюю прогулку перед сном. Судя по звукам из ванной, Адриан уже закончил свои упражнения и теперь принимал душ. Такахаши помнила из старых СМС Хлои, что Агрест терроризирует душевую кабинку по пять или шесть раз на дню, в основном из-за работы моделью. Не полезно, конечно, но не смертельно.

Из пучка, чертыхаясь, выбрался Плагг. Тен-Тен помогла квами, распустив волосы, и чёрный котёнок перебрался к ней на плечо.

— Стрёмный мужик, — сказал он, приглаживая усы.

Тен-Тен кивнула. Стрёмный? Да. Но это было не самое главное.

— Сумасшедший.

Такое определение почему-то удивило квами.

— Думаешь? Хотя... ну, может быть. Я точно не знаю, всё-таки мы редко видимся, хотя мой котёнок всё ещё остаётся его ребёнком. Но можно спросить у другого квами.

— У Нурру, я так понимаю?

Плагг хмыкнул и ничего не ответил.

Тен-Тен ходила вдоль огромных окон, закусив ноготь на большом пальце и напряжённо размышляя. Габриэль был опасен — не только для окружающих, на которых ей было плевать, но и для Адриана. И для неё самой, естественно. Значит, от Габриэля придётся избавляться, и максимально быстро. Это совпадало с её планами по устранению Бражника. Два в одном, ага.

Но оставался ещё Адриан. Вариант с эмансипацией она даже не рассматривала: во-первых, вряд ли ещё раз возникнет хорошая возможность, ведь Андрэ вернулся на свой пост и скрупулёзно проверяет все бумажки у себя на столе; во-вторых, Адриан был несамостоятелен. Не совсем ребёнок, конечно, но Тен-Тен не была уверена, что он хотя бы умеет готовить. Да из-за своей популярности он даже в магазин нормально сходить не сможет!

Значит, ему нужен опекун. Все, проживающие или как-то касающиеся его сейчас, автоматически отметаются: Тен-Тен не была уверена, что здешние взрослые не на стороне Бражника. Натали Санкёр, к примеру, точно что-то знала. Просто потому, что нереально быть злодеем и не иметь хоть кого-то рядом, кто поддерживает твои идеи и звучит с тобой в унисон. Так устроена человеческая психика. А секретарь была к нему ближе всего...

Габриэль, хоть и был не в себе, ещё не дошёл до состояния совсем уж отбитого маньяка. Вполне возможно, что у мужчины всё впереди — если Тен-Тен не прибьёт его раньше.

Это было похоже на партию в го(1). Они ещё не определили, у кого какой цвет фишек; кто ходит первым? Но при этом у обеих сторон есть планы и каждый просчитывает, как избавиться от другого.

У Тен-Тен было преимущество: она умела убивать. Габриэль — нет. А ещё она не собиралась ждать начала партии; Такахаши устраивала победа не на игровой доске, а в реальности. Поэтому она не будет следовать правилам партии, а просто прирежет игрока напротив.

Вот только Адриан... но проблемы стоило решать по мере их возникновения. И вообще,

с этими мыслями стоило переспать, чтобы они уложились в голове. Может быть, именно во сне Тен-Тен увидит гениальное решение проблемы?

Из душа вышел Адриан. Он был закутан в огромное полотенце, как в кокон, и едва передвигался. Плагг, заведя своего хозяина, так захохотал, что свалился с плеча Тен-Тен.

— Гусеничка! — всхлипывал котёнок. — Пресвятой камамбер, пацан! Ты чего в эту занавеску укутался?

Кот забрался обратно на плечо Тен-Тен и приблизился к её уху. Такахаши стало щекотно из-за усов.

— Он обычно выходит в малюсеньком полотенчике на причинном месте и долго крутится перед зеркалом, — прошептал Плагг. — Красуется. Ему нравится, каким стало его тело после нашего партнёрства.

Тен-Тен хмыкнула. Сейчас Адриан, значит, застеснялся. Боги, этот ребёнок был таким милым!

Адриан шмыгнул в гардеробную, алая ушами и, наконец, скулами. Хотя бы вечером Агрест снимал с себя те бесконечные слои косметики, что убивали его кожу в течение дня.

— Иди помойся пока, — сказал Плагг, взлетая с плеча Тен-Тен. — Всё равно котёнок сейчас прихорашиваться будет. Маски-фигаски... сегодня какой день недели?

— Всё ещё пятница.

— Ай, блин. Сегодня глина. По средам у него сливочные маски, вот где вкуснятина, скажу я тебе. Он даёт мне вылизать миску, хе. Да иди ты уже. Я передам, чтобы он занёс тебе одежду.

Тен-Тен кивнула и пошла в душ. Ей действительно очень хотелось смыть эту проклятую пятницу в водосток: сначала Андрэ, потом Роджеркоп, под конец Габриэль. Где её сладкая пиллюля? Где хорошее настроение и поцелуи?

Проще говоря, ей сейчас очень не хватало Луки. Удивительно, насколько глубоко этот змей успел заползти в её сердце за пару дней нерегулярных встреч. Ей казалось, что они с Лукой знакомы минимум тройку вечностей: он смеялся над её полувоенными шутками, она предугадывала его желания. Воспоминания о минутах с ним наедине отзывались теплом у Тен-Тен в груди.

Конечно, она не знала его достаточно, чтобы решить, сможет ли она провести с ним всю жизнь. Однако она уже начала по нему скучать. А это показательно.

Душ по размерам подходил к комнате и особняку. Тен-Тен в очередной раз неприятно удивилась: ну зачем использовать столько пространства? Это же просто неудобно, особенно для уборки. Навскидку Такахаши могла назвать с десятков углов, где потенциально развивалась плесень из-за плохой чистки.

Нет-нет, она любила небольшие, уютные комнаты и крохотную ванную. Таковую, чтобы там можно было без проблем заниматься любовью, но при этом не было возможности спрятаться убийце.

Быстро приняв душ, Тен-Тен вытерлась чистым полотенцем и натянула халат. И первое, и второе принёс Адриан: Агрест старался не пялиться на стеклянную запотевшую дверцу душа, но выходило у парня паршиво. Тен-Тен ощущала его взгляд на своей пятой точке всё время, пока Адриан был в ванной.

Плагг наверняка ухохатывался над своим носителем. По крайней мере, выражение мордочки у квами было слишком довольным, когда Тен-Тен вернулась в комнату. Адриан же отличался пунцовостью щёк и свекольной шеей. Румянец настолько захватил её, что

частично переполз даже на грудь — Тен-Тен видела это в вырезе футболки.

На Хлою Адриан, естественно, не смотрел. Парню было по-юношески стыдно за собственную несдержанность. Он увидел больше, чем был должен.

Тен-Тен закинула волосы за спину и улыбнулась. Когда она садилась на кровать, Адриан уставился на пол с усердностью медитирующего монаха. Плаги от этого покатились со смеху и подавился сыром, что в этот момент жевал.

После этого пришла пора Адриану смеяться. Тен-Тен с удовольствием наблюдала за настоящим Агрестом: смех у него оказался громкий, приятный, очень мелодичный. Ямочка на левой щеке выглядела мило, словно в неё закачали эссенцию кавайности десяти щенков. Как можно было вообще помышлять что-то плохое против этого парня?

С улыбкой Адриан посмотрел на Тен-Тен. Уши его всё ещё отливали розовым, но в остальном парень, кажется, пришёл в себя.

— У тебя телефон надрывался, — сказал Адриан, кивком головы указывая на прикроватную тумбочку. — Месье Буржуа сначала звонил, потом перешёл на обстрел СМС-ками.

Тен-Тен скривилась, словно зажевала лимон. Андрэ Буржуа был совсем не тем, чем она хотела бы закончить этот день. Но к телефону она всё равно потянулась, почти до обморока смутив Адриана сползшим с плеча халатом.

Мельком Тен-Тен подумала, что забыла забрать одежду из ванной. Потом Такахаши погрузилась в чтение.

— «Обстрел» — очень точное выражение, — пробормотала Тен-Тен, пролистывая возмущённые сообщения Андрэ.

— Что пишет?

— Что я пропустила сегодняшней обед с инвесторами... м, да, что-то такое было в расписании... и что если я не приду на завтрашнее интервью с Надьей Шамак, то он меня... хм, сомневаюсь. Это уголовно-наказуемо.

Адриан не сдержал любопытства и вытянул шею, чтобы подглядеть чужие СМС. Тен-Тен выключила мобильник и с насмешкой посмотрела на Агреста. Ну-ну, шпион.

Помимо обещаний скорой расправы Андрэ клялся, что Хлоя будет лишена денег. Собственных накоплений у Тен-Тен ещё не было, — не считая те деньги, что она вытянула у Буржуа из кошелька, — поэтому угроза звучала вполне многообещающе. Такахаши не хотела проверять, что именно имеется в виду под «Лишением средств». Может её из отеля выселят.

Нет, естественно, Лука не даст Тен-Тен ночевать на улице — со своей же пользой. Но как-то Такахаши не привыкла лишаться крыши над головой и зависеть от других людей.

Вообще, если всмотреться в характер сообщений, то СМС Андрэ отдавали паникой. Забавно: видимо, Буржуа успел много чего натворить, пока его голова едва работала из-за действия яда. Бедный, не привыкший к отраве человек. А Хлоя такой же кофе пила чуть ли не ежедневно.

Адриан, устав пялиться на оголённые девичьи плечи, расщедрился на одежду. Он дал Тен-Тен мягкие тёмно-серые штаны и футболку с огромной лягушачьей головой, довольно уродливой: будто мало было неприятного цвета шкуры несчастного животного, на него натянули тканевую маску ядовито-рыжего цвета. Когда Тен-Тен выразила своё неудовольствие лягушачьей головой на фоне жёлтой пиццы, Адриан захрюкал от смеха.

— Это не лягушка, Хлоя! Это Майки!

— Неважно, лягушка или жаба — всё равно оно совершенно не прелестно!

Её комментарий поверг Адриана в пучину гомерического хохота. Плагг от такой активности только закатил глаза и перебрался к Тен-Тен на колени, зная, что девушка тотчас примется гладить чёрную спинку. В кошачьем облике были свои прелести.

Из сочувствия Тен-Тен вспомнила про гардеробную и переоделась там. Вероятно, если бы она просто скинула халат при Адриане, Агрест упал бы в обморок. Ну или словил бы сердечный приступ. Потом она вернулась к мальчишке и села на кровать, кутаясь в одеяло.

Адриан словно светился изнутри. Он болтал, не замолкая ни на секунду: делился впечатлениями о школе, говорил о радостях и странностях дружбы, о Нино, Алье и Маринетт — он преступно-много говорил о Маринетт, кстати. Тен-Тен кивала и пыталась ответить хоть что-то; довольно скоро она поняла, что Адриану это и не требуется.

Глаза у него блестели, щёки покраснелись, дыхание сбивалось. Он говорил и говорил, словно его время было ограничено, и в полночь он упадёт замертво. В какой-то момент Тен-Тен взяла Адриана за руку и крепко сжала пальцы на его ладони. Агрест на секунду сбился со своего рассказа, — об испорченном дне рождении и о том, как Адриан испугался за Нино, — и Тен-Тен поспешила заполнить образовавшуюся паузу:

— Я никуда не денусь.

Губы у Адриана дрогнули, глаза заблестели пуще прежнего. Плагг тяжело, по-стариковски вздохнул и перебрался к хозяину, чтобы начать мурлычущую песнь.

Тен-Тен совсем не удивилась, когда из глаз мальчишки потекли слёзы. Она мягко погладила Адриана по руке и под села ближе: на коленях у Агреста вовсю мурчал Плагг, старательно выводя успокаивающие рулады.

— Я никуда не денусь, Адриан, — повторила она.

Агрест кивнул. На его лице застыла улыбка. Смотрелась она инородно, словно её кто-то приклеил к несчастной маске. Тен-Тен позволила себя обнять и просто расслабилась в чужих руках, ощущая, как по шее текут быстро остывающие слёзы. Адриан, видимо, немисливо изогнулся, чтобы уткнуться в шею Тен-Тен. Настоящий кот без единой кости в теле.

Она гладила подрагивающую спину и хмурилась. Адриан дрожал, словно у него была лихорадка. Лучше всего было просто лечь и дать ему прожить собственную душевную боль.

Что Тен-Тен и сделала. Адриан вцепился в неё сильнее клеща: не оторвать, не отрезать. Куноичи едва удалось накрыть их двоих одеялом. Плагг в это время благоразумно летал неподалёку — просто чтобы не задавили.

Когда Адриан вернул контроль над дыханием и мыслями, то по-детски шмыгнул носом и ещё крепче обнял Тен-Тен. Та в ответ взъерошила светлые волосы.

— Мама тоже говорила, что никуда не денется...

— Я не твоя мать, — сказала на это Тен-Тен.

Тон вышел немного резче, чем ей хотелось, и Адриан вздрогнул. Чтобы как-то загладить свою оплошность, Такахаши принялась гладить Адриана по спине.

— Я не твоя мать, — повторила Тен-Тен намного мягче. — И я никуда не денусь.

— Ты можешь умереть, — ответил Адриан полушёпотом; глаза Агреста были испуганными, словно он сам не верит в то, что говорит. — Акумы... они и раньше не были к тебе равнодушны, а на этой неделе...

— Я крепкая, как-нибудь справлюсь с парой психующих придурков. Не стоит переживать о такой мелочи...

— Это не мелочь! Ты могла погибнуть, Хлоя! Не один раз! Когда я увидел тебя после

Злолюстратора...

— Кого?

— Злолюстратор. Натаниэль.

— Божечки, что за идиотское прозвище! Его реальная фамилия звучит круче, чем злодейское имя!

Несмотря на нервы, Адриан усмехнулся. И тотчас постарался придать лицу грозное взрослое выражение, что ему абсолютно не шло.

— Ты была вся в крови и едва дышала. И в библиотеке так пахло... как будто кто-то пожарил мясо на гриле, знаешь? У меня даже слюнки потекли, пока я не понял, чем... кем... почему так пахнет.

— О, так ты говоришь, что я для тебя соблазнительно пахну? — Тен-Тен ласково отвела чёлку со лба Адриана и успокаивающе поцеловала мальчишку. — Не переживай, я никому об этом не скажу.

— Хлоя!

Щекотка сработала безотказно: Адриан принялся извиваться и повизгивать, как хорошенький поросёнок. Тен-Тен уворачивалась от его длинных рук и не давала схватить себя, продолжая изводить парня пальцами. Агрест практически плакал от бессилия. В итоге эти слёзы перешли в новую истерику.

За вечер Тен-Тен пережила ещё три таких волны. На исходе четвёртой Адриан просто зажмурил глаза и вырубился. Его нервная система наконец решила, что с неё хватит.

— Бедный ребёнок, — пробормотала Тен-Тен, стирая с его щёк солёные следы. — Бедный, бедный ребёнок...

Он был совершенно один. И, что самое ужасное — Адриан знал это и даже успел немного смириться со своим положением. Конечно, рядом был Нино, — Нино и Алья, они были слишком вместе, хотя ещё и не встречались, — Маринетт, — он, кажется, любил её, даже не осознавая этого, — Ледибаг, Натали и Горилла, куча одноклассников... но если у ребёнка нет родительской фигуры, то всё остальное становилось незначительной мелочью.

Тен-Тен закрыла глаза, позволяя сознанию мягко скользнуть в полусон. Она привыкла разбираться с проблемами по мере их возникновения, и пока на повестке дня было всего два пункта: Бражник и проклятое интервью с Надьей Шамак.

И если с Габриэлем всё было ясно, — всего-то убийство! — то вот интервью заставляло её слегка нервничать. Она понятия не имела, что будет завтра.

***

(1) Го — Японская игра, слегка напоминающая шахматы. Очень слегка.

Глава 18. Нууру

Ей снилась Коноха — такая, какой она запомнила её в молодости. Низкие домики с красными крышами и круглыми окошками, куча забегаловок-закусочных под цветными навесами, высаженные тут и там деревья.

Не высаженные — выращенные. Каждое из этих деревьев было продолжением силы Хаширамы Сэнджу, первого правителя её родной деревни. Если в стволы зелёных гигантов аккуратно подавать чакру, то кора начинала едва заметно светиться. Это все знали, потому что, ну, кто не хочет увидеть такое проявление волшебства?

Тен-Тен сидела на одном из самых больших деревьев и прикосновениями ладоней заставляла кору вспыхивать. Детские шалости. Она развлекалась так ещё до поступления в Академию шиноби. Это умение было её маленькой тайной; она точно знала, что о нём никто не должен узнать...

Но ей так хотелось рассказать о своей необычности хоть кому-то! И она так любила свою слабую, зависимую от отца мать!.. Взрослая Тен-Тен могла бы предугадать дальнейшее развитие событий, особо не задумываясь. Тен-Тен, бывшая ребёнком, не знала об уготованном судьбой испытании, и показала родительнице своё «волшебство».

Но сейчас матери не было рядом. Тен-Тен сидела на дереве одна — молодая, полная силы, в привычной броне. Её Такахаши начала носить ближе к своим сорока, примерно в то время, когда Суна решила развязать войну. Сколько ядовитых игл остановил её нагрудник — не счесть. Она любила его почти так же, как Семеро Великих Мечников — своё оружие.

Кора под её ладонями переливалась зелёным золотом. Тен-Тен вела пальцами по природным узорам, царапала их кончиком ногтя и ощущала сильнейшую ностальгию. Она не видела этих деревьев уже давно. Примерно с тех пор, когда в Конохе началась пора индустриализации, и уютные прежде домишки начали расти ввысь.

— Здесь неплохо, — слышала Тен-Тен.

Она обернулась и увидела кота. Обычного чёрного дворового кота, около земель Учиха их оставалось много и после сорокалетия от смерти клана. У кота были зелёные глаза и усмешка, что просто не могла сложиться на усатой морде. Физиологически.

Тен-Тен нахмурилась, но почти сразу расслабила брови. Кот был приятным, он не вызывал дискомфорта. Её инстинкты молчали рядом с ним, словно это было обычное животное.

Знатный повод напрячься, но во сне Тен-Тен только улыбнулась.

— Здесь было неплохо, — сказала она. — До определённых событий.

Кот посмотрел сквозь тёмно-зелёную завесу листвы. Дома, до этого красующиеся своими красными шляпками, точно ядовитые грибы, вдруг стали расти. Они тянулись выше и выше, закрывая своими каменными стенами солнечный свет, и в итоге волшебное дерево полностью его лишилось. Зелёные прежде листья высохли до крошечных коричневых жгутиков, а после и вовсе опали.

Тен-Тен вздохнула и встала. Кора больше не отзывалась на её прикосновения, отчего девушка ощутила какую-то детскую обиду.

Кот запрыгнул к ней на плечо, кое-как устроившись на нём всеми четырьмя лапами.

— Приятная экскурсия, но у нас есть дела поважнее.

— В смысле?

Чёрный фыркнул, почистил мордочку лапкой и встряхнулся всем телом. Тен-Тен пошатнулась, но устояла.

— В смысле — просыпайся.

Смена картинка произошла мгновенно. Только что Тен-Тен была окружена каменными стенами, и вот она в постели, рядом с Адрианом. Агрест отобрал себе всё одеяло и завернулся в него, точно рулет. Была видна только светлая макушка.

Перед глазами Тен-Тен завис Плагг. Гравитация для него ничего не значила, и параллельно земле квами чувствовал себя так же хорошо, как и в обычном положении. Даже усикам была неведома сила притяжения: они оказались свободно выпрямлены.

— Просыпайся, — повторил Плагг. — И пошли. Не обувайся только, от человеческих тапок одни неприятности.

Ничего не спрашивая, Тен-Тен осторожно отодвинулась от Адриана и спустила ноги с кровати. Стопы коснулись пола, выстуженного ночью, и девушка неуютно поёжилась. Меньше всего ей хотелось вставать с кровати и идти за квами в неизвестность.

Естественно, именно это она и собиралась сделать. Несмотря на сложный характер и ребячливость, Плагг понравился Тен-Тен. Он был... наверное, надёжным. Да, именно так. Если бы Такахаша попросили описать котёнка, эта характеристика пришла бы ей на ум одной из первых.

Другой вопрос — для кого он был надёжным. Нужно было попасть в близкий круг для этого бессмертного существа, чтобы узнать это его качество.

Первые несколько шагов дались так тяжело, будто ноги Тен-Тен попали в болото. Голова, тем не менее, работала чисто и быстро. Такахаша потянулась, несколько раз наклонилась, сделала колесо, чтобы разбудить тело. Сердце пару раз стукнуло сильнее обычного, прежде чем окончательно скинуть с себя дрёму и вернуться к ровному ритму.

Ноги замёрзли настолько, что Тен-Тен едва чувствовала пальцы. Полы в доме Агрестов были каменными, потому что в этой странной стране было принято ходить по дому в обуви. Смысл в тёплых татами(1) или хотя бы просто в дереве, если на тебе целый день уличная обувь? Ненормальные люди, ничего не смыслящие в правилах гигиены.

Адриан, — как и его отец, но про это Тен-Тен узнала именно от Агреста-младшего, — переобувался только при входе в свои комнаты. При этом блондинчик натягивал на ноги почти такие же кеды, в которых ходил в коллеж. Разница была только в износе: те кеды, что Адриан носил в комнате, оказались более стоптанными.

— Слушай сюда, — сказал Плагг, замерев перед выходом. — Я сейчас отведу тебя к другому квами. По имени его не называй, потому что это может привлечь внимание его мудака-хозяина. Мы не знаем точно, как, но тот вроде бы настроил магию на всё это.

Тен-Тен кивнула. Её сознание собралось и стало острым, как кунай — такое всегда происходило на заданиях.

— Дальше. Вы поговорите. Можешь задавать любые вопросы, мой друг ответит на всё, что сможет. Не упоминай других квами и молчи про змея, ясно? Мотылёк — парень нервный, не хватало ему ещё добавлять головной боли. Ты знаешь, где шкатулка с Талисманами?

Такахаша покачала головой. Она догадывалась, что эту загадочную шкатулку прибрал к рукам Лука — парень пару раз обмолвился о чём-то похожем, однако Тен-Тен из-за малой информированности поначалу почти не обратила внимание на его слова.

— Отлично. А если всё-таки знаешь или думаешь, что знаешь — ни в коем случае не

говори ему.

— Тоже нервы?

— Хуже. Его мудак пытается найти шкатулку для своих целей, а мотылёк не сможет сопротивляться, если ему зададут прямой вопрос.

— Как же тогда ты гарантируешь анонимность встречи?

Плагг блеснул клыками в оскале. Веселье квами было злым и ядовитым, как Катаклизм.

— Никак. Но чтобы задать правильный вопрос нужно хотя бы примерно знать, о чём нужно спрашивать. Если всё пройдёт как надо, то его хозяин даже ни о чём догадываться не будет, понимаешь?

— Верно заданный вопрос — это половина ответа.

— Ага, правильно. Вот за это мне и нравится азиатская культура: на каждую ситуацию у вас есть крутая цитата или мудрое изречение.

Ночной особняк был похож на огромного спящего великана. Он едва дышал старыми окнами, — и почему Габриэль не заменил их при ремонте? — и сквозняк лизал Тен-Тен голые стопы. Пальцы на ногах заледенели окончательно.

Глаза, за время сна привыкшие к темноте, легко выхватывали малейшее движение в коридорах: колыхание занавесок, ход теней на искажённых ночью стенах, покачивание листьев декоративных растений. Плагг летел впереди, как маленькое сосредоточие тьмы, и перед каждым поворотом останавливался мановением хвоста. Потом квами быстро выглядывал за угол, проверяя, нет ли в коридорах таких же ночных путешественников. Пока Такахаша везло, и все обитатели дома предпочитали проводить время в тёплых постелях.

С ног холод распространился выше, до коленок, спрятанных под мягкими штанами. Тен-Тен шла, едва переставляя ноги. В итоге ощущение обморожения настолько ей надоело, что она остановила Плагга.

— Подожди минуту, — сказала она, легонько дёрнув котёнка за хвост.

— Сейчас.

Квами завёл их в тень от большого растения. Тен-Тен прислонилась к стене, — та была намного теплее пола, кстати, — и принялась глубоко дышать.

Те, кто думал, что дышать можно только одним способом, — естественным, — глубоко заблуждались. За свою жизнь Тен-Тен познакомилась с совершенно разными техниками, позволяющими как настроить своё тело на бой, так и успокоиться после него. Учитель Гай дал начало её увлечению, обучив Тен-Тен дышать и согреваться; не дышать долгие десять минут; дышать и замедлять все функции внутренних органов настолько, что тело холодело и становилось похожим на свежий труп.

После Тен-Тен, заинтригованная влиянием дыхания на тело, продолжала искать информацию об этом обыденном волшебстве. Она не посвящала свою жизнь этой теме, как сделал бы настоящий учёный. Просто собирала сведения то тут, то там: спрашивала в кабаках за чаркой sake, пролистывала свитки и книги в огромных городских библиотеках, изучала техники ветра, что могли как-то быть связаны с интересной для неё темой. Последнее оказалось наиболее перспективным: шиноби, использующие ветряные техники, чаще всего выдували огромные потоки или плевались сгущённым воздухом, дробящим гранит.

В её изысканиях помог даже Наруто, который рассказывал про свои медитации на жабьей горе. Звери-мудрецы, передавшие блондину техники Отшельника, многое знали о дыхании; жаль только, что Тен-Тен не была с Наруто в достаточно близких отношениях,

чтобы добиться встречи и лично расспросить жаб подробнее.

Сейчас Тен-Тен вдыхала, задерживала дыхание и выплёвывала из себя воздух, ощущая при этом, как кровь бунтует в организме. Тело не знало, что ему поначалу делать: голова стала ватной, глаза начали закрываться, а руки неметь. Но спустя пару циклов дыхания организм всё-таки разобрался с техникой, и кровь побежала по венам быстрее.

Ноги потеплели за минуту. Сделав ещё несколько циклов вдохов и задержек, Тен-Тен длинно выдохнула и открыла глаза. И когда она только успела их закрыть?

Плагг парил чуть в отдалении: следил, чтобы никто не подошёл близко к занятой куноичи. От умиления Тен-Тен не сдержала улыбки. Надо же, котёнок о ней позаботился... даже если она была нужна ему для «выживания» Адриана.

На самом деле, разговор больше шёл не про «выживание», всё-таки этот мир был очень мягким. Плагг беспокоился за комфорт и счастье Агреста. Ведь именно с этим дела сейчас обстояли хуже некуда.

— Надышалась? Идём уже, почти пришли.

Идти на самом деле оказалось недалеко: в какой-то момент Плагг завис в воздухе и нырнул сквозь одну из дверей. Щёлкнул замок, провернулась ручка. Тен-Тен поспешила войти, не дожидаясь приглашения.

Это была кладовка. Небольшая комнатка со свободным пространством не больше одного татами(2). Тен-Тен не видела стен — те были заставлены шкафами с таинственным содержимым.

В один из этих шкафов её и позвал Плагг. Проглотив вопросы, Такахаши открыла дверцу и едва не закашлялась: пахло старой одеждой и химикатами.

— Ничего, потерпишь, — фыркнул Плагг. — Давай, давай. Так вас хотя бы не услышат.

Вещи, — это были какие-то дублёнки и рубашки, очевидно женские, — оказались сдвинуты в одну сторону, так что Тен-Тен смогла залезть в шкаф и даже сесть в нём. Плагг закрыл дверцу и нырнул в волосы Такахаши: по пути сюда она по привычке сделала пучок. Кажется, котёнку он нравился.

— Добрый день, — услышала Тен-Тен тонкий голосок. — Ах да. Зрение людей... сейчас.

Перед лицом девушки появилось мягкое лиловое свечение. В нём порхал мотылёк — слишком большой для насекомого и довольно маленький для квами. Тен-Тен, конечно, пока видела только Плагга... но кот был явно крупнее этого крошечного создания.

Нурру, — а кто это ещё мог быть, — был, как и все квами, очень странным: огромная голова на спичечном тельце, нежно-фиолетовая кожа, крылья за спиной. Между большими глазами, словно чёлка, была прорисована спиралька, уходящая к макушке.

Нурру не выглядел опасным, совершенно. Было странно осознавать, что именно из-за этого существа Тен-Тен уже несколько раз чуть не встретилась с Шинигами досрочно. Великая сила в таком странном пристанище.

— Я рад наконец познакомиться с тем, кто нам может помочь. Спасибо большое.

Мотылёк поклонился, и Тен-Тен автоматически ответила на это глубоким кивком. Нурру выглядел утомлённым: под большими глазами залегли более тёмные полосы, уголки широкого рта оказались опущены. Даже сияние квами выглядело тускло, словно на него уходили последние силы.

— Нет, это не так, — сказал Нурру, когда Тен-Тен высказала своё предположение. — Это просто индикатор того, что я действительно устал... Давайте перейдём к делу: времени

у нас не так много.

Тен-Тен подтянула колени к груди. Нурру уселся на одну коленку и сложил крылышки. Из-за этого он стал выглядеть ещё меньше, чем был.

— Я знаю, что Плагг наверняка обещал, что я отвечу на все вопросы, — сказал мотылёк, смотря на Тен-Тен большими печальными глазами, — но вы наверняка не знаете, что спрашивать, так что позвольте мне просто... рассказать.

У Тен-Тен не было никаких возражений на это.

Нурру начал свой рассказ слишком далеко — с момента падения Вавилонской башни. Тен-Тен внимательно слушала, не перебивая. Если мотылёк говорит об этом, значит, потом информация как-то пригодится.

— Желание людей увидеть Бога было таким сильным, что они решили построить башню-лестницу, ведущую на небо. Они строили этаж за этажом, поднимаясь всё выше и выше... я помню, что воздух становился разреженным, и моему прежнему Хозяину было трудно дышать. Он был одним из рабочих.

— Звучит странно, — заметила Тен-Тен. — Что насчёт физики? Такая высокая башня должна была ходить из стороны в сторону, хотя бы из-за ветра.

— Магия способна и не на такое. Строительство башни поддерживали несколько владельцев Талисманов: Бык, Лошадь, Мышь и Божья Коровка, если не ошибаюсь. Поэтому башня росла и росла, и этому, казалось, не было конца.

— А строители?..

Нурру печально кивнул.

— Умирали, само собой. Лишались сознания из-за недостатка воздуха, от переутомления или из-за головокружения — и летели вниз, разбиваясь. Башня стояла в крови, росла из неё.

Тен-Тен поморщилась, представив эту картину. Ничего хорошего: если строительство на самом деле велось в таких масштабах, то людей там должно было погибнуть... мягко говоря, очень много. Наверняка счёт шёл даже не на сотни, а на тысячи — удивительная цифра для древности.

— Правитель и его советники были одержимы идеей дотянуться до бога. Вероятно, они думали, что, достигнув облаков, где он сидит, они и сами станут подобны ему... так что строительство продолжалось, несмотря на потери.

Масштаб смертности, описываемый квами, был невообразим. Поглощённые идеей собственной божественности правители покупали рабов, захватывали пленных в соседних странах, вводили обременительные законы для граждан Вавилона. Город-государство оказался охвачен лихорадкой: пропаганда, вводимая жрецами, заставляла обычных людей поддерживать строительство. Кто-то отдавал деньги, другие приводили на стройку собственных детей.

Нурру считал, что в желаниях правителя не было магии; лишь его сумасшествие, корысть и гордыня. И от этого становилось страшно.

— У владелицы Талисмана Мыши была дочка, названная в честь богини. Маленькой Иштар исполнилось восемь лет, когда мальчика, в которого она была влюблена, отвели на стройку. Больше Иштар его не видела.

Нурру замолчал на несколько секунд. Глаза его были расфокусированы: квами полностью погрузился в неприятные воспоминания, вновь переживая то, что было прежде.

— Иштар расспрашивала родителей, куда делся её друг. Ей рассказали про стройку, про

идею достигнуть бога — то, что родители в Вавилоне обычно рассказывали своим детям. Её мать показала девочке Талисман Мыши, отец, — он был носителем Быка, — дал ей в руки свой Камень Чудес. Родители говорили Иштар, что её друг, вероятно, умер. Что при строительстве многие умирают, но это нормально.

Иштар слушала своих родителей и понимала, что в их словах — только сумасшествие. Мальчик, что ей нравился, был её ровесником; она спросила, отвели бы её родители на стройку, если бы это потребовалось. Отвели бы они её на смерть?

— Да, — просто ответила её мать. — Потому что, когда наш правитель станет богом, все мы обретём нечто большее, чем жизнь.

Это ужаснуло Иштар. Она сжала в руках Талисманы Быка и Мыши, посмотрела на родителей и сделала то, что может только в этой ситуации ребёнок — она загадала желание.

— Если бог есть... если он есть, то он от вашей башни не оставит ни камня, ни воспоминания! Никто не должен строить что-то столь отвратительное!

Тен-Тен кивнула. Библейский вариант истории она знала: после разрушения башни люди, строящие её, перестали друг друга понимать и разошлись по свету. Так появилось разделение на языковые группы.

— В руках девочки, на её счастье, было два противоположных Талисмана. Мышь и Бык. Они были не самыми сильными, но всё же противопоставлены друг другу... и её желание исполнилось — настолько, насколько квами смогли сделать это.

Нурру посмотрел на Тен-Тен. Сияние вокруг его тела было едва заметным, но в темноте шкафа мотылёк казался чем-то нереальным. Существо, пришедшее в мир из совершенно другого плана.

— Против Муллу и Стомппа, — это Мышь и Бык, — были более могущественные силы. Я, Тикки, Каалки. Мы древние квами, у нас больше сил, чем у них. Но желание, желание всегда исполняется — не важно, что происходит, что мешает и возможно ли это вообще.

— И это важно, потому что...

Нурру взлетел и завис прямо перед лицом Тен-Тен.

— Желание всегда исполняется, — повторил он, хмурясь. — Неважно, что происходит вокруг и кто мешает. Если желание загадано, то оно должно быть реализовано, иначе мир уничтожит сам себя. И здесь у нас возникает проблема: желание моего Хозяина было загадано, когда он держал в своих руках Талисманы Кота и Божьей Коровки, самые древние и мощные. Но потом вмешался третий из сильнейших — Время. Сасс. Желание было произнесено, но не успело реализоваться, потому что время начало отматываться назад. Потенциал завис, не в состоянии идти ни вперёд, ни назад — словно в пустоте, где не за что зацепиться и не от чего оттолкнуться. И это рождает... парадокс.

Нурру принялся летать туда-сюда, словно в нервном возбуждении. Лапки он завёл за спину, и Тен-Тен удивилась: мотылёк совсем не использовал крылья для полёта. Те были украшением, а не необходимостью.

— Этот парадокс мог бы решить Сасс, знаете? Однако в силу определённой... наивности, назовём это так, Сасс сейчас не то что нам, он и себе помочь не может. И так вышло, что никто из квами не способен решить проблему, созданную не иначе чем по глупости. Поэтому мы призвали вас.

— А я думал, что ты не в курсе. Ну, что змей пропал, — подал голос Плагг из пучка Тен-Тен.

Нурру посмотрел в его сторону, словно услышал что-то забавное и глупое

одновременное.

— То, что я не могу отойти от своего Хозяина, не значит, будто я совсем не отслеживаю происходящее, Плагг. Глупо было бы с твоей стороны думать обо мне столь... ладно, неважно.

Он снова завис перед лицом Тен-Тен — маленький, полный гордости мотылёк, едва светящийся из-за усталости. Такахаши поднесла к нему руки, и Нурру опустил к ней на ладони.

— Благодарю. Я продолжу. Поскольку никто из нас, квами, не в состоянии решить эту проблему, был проведён ритуал, призывающий вас. Вы должны обладать достаточными умениями, чтобы помочь моему Хозяину, найти Сасса и при этом выжить. И, поскольку без убийства не обойдётся, вы должны иметь определённый склад ума. То, что вы попали в тело этой девочки, Хлои — не наша вина, если вы вдруг подумаете, будто мы её убили. Это просто совпадение. Или, возможно, помощь от страдающего мира. У вас есть вопросы?

О, да. Вопросы были. И прежде всего:

— Если квами не может отойти от Хозяина, то как это удалось...

— Я не отходил, — перебил Тен-Тен Нурру. — Мой хозяин спит за стеной. То, что для людей непреодолимо, для квами — не более чем структурированная материя, через которую можно пройти. Дальше.

— Почему вам требуется человек, способный на убийство?

Нурру поджал губы. Плечи его опустились, а в уголках огромных глаз скопились слёзы. Те скатились по пухлым щекам и исчезли, так и не упав Тен-Тен на ладонь.

— Мой Хозяин... он часть парадокса, родивший его. Неопределённость с желанием, повисшим в пространстве, давит на душу и, боюсь... боюсь... боюсь, что мой Хозяин сошёл с ума.

С этим Тен-Тен не стала бы спорить. Габриэль выглядел нормальным, если ты не знаешь, куда смотреть. Однако при более близком контакте становилось ясно: с этим человеком что-то сильно не так. Он был неправильным, и это ощущалось инстинктивно.

— Мой Хозяин к тому же ухудшает собственное сумасшествие... ох, я не могу об этом говорить, простите.

— Запрет? — прищурилась Тен-Тен.

— Нет, нет... мне просто сложно. Не могу. Но вы сами вскоре всё узнаете, если я правильно понял вашу натуру. Только прошу вас... помните, что мой Хозяин на самом деле другой, и в нём говорит его сумасшествие.

Не совсем понимая, о чём Нурру говорит, Тен-Тен пообещала быть более снисходительной. Что такого мог делать Габриэль, чтобы бессмертный древний квами не был способен говорить об этом?

— У моего Хозяина, должен вас предупредить, больше нет сдерживающих факторов. В других временных линиях он останавливался, если мог навредить сыну или же детям... сейчас все люди вокруг него, я боюсь, не воспринимаются им живыми. Помните это.

Тен-Тен кивнула. Это была полезная информация. Она догадывалась о психопатии Бражника, она видела странное отношение Габриэля к сыну. Но вот о том, что для мужчины не существует границ или стопоров, она думать не хотела.

О, она ненавидела сражаться против существ, которых не за что зацепить. Такие кидались на противника, не щадя ни себя, ни других: им было плевать на собственные увечья и сопутствующий урон, главное — достичь цели. Фанатики.

Габриэль — фанатик. Но его мотив?..

— Он хочет вернуть супругу? — спросила Тен-Тен, вспомнив взгляд месье Агреста на статую мёртвой жены. — Это его желание?

— Это всегда было его желанием, — проворчал в ответ Плагг. — Сколько время ни мотай, что ни делай, а у него в голове только одна мысль, как у попугая.

Нурру на такое высказывание возмущённо затрепетал крылышками.

— Плагг! Прояви уважение к моему Хозяину!

Тен-Тен ощутила, как её волосы зашевелились — вероятно, Плагг выглянул из пучка.

— А ты прекрати орать, иначе разбудишь своего обожаемого мастера, — сказал кот с явно слышащимся презрением. — Убил бы его раньше, и бед бы не было. Но нет, как всегда, ты исповедуешь то же, что и Фу: бесконечные вторые шансы! Это попросту глупо!

— Я...

— Почему Ван Фу должен был умереть? — быстро спросила Тен-Тен, чтобы не дать ссоре вспыхнуть.

Несколько секунд Нурру молчал, продолжая хмуриться. Потом он пригрозил Плаггу крошечным кулаком и выдохнул в попытке успокоиться.

— Мастер был хорошим Хранителем, — сказал он. — Однако, в силу изменившихся обстоятельств, он начал мешать нам поддерживать мир, а не помогать, как раньше. К сожалению, мы не могли переубедить Ван Фу... он был против призыва иномирянина на помощь. Однако вы — наша пусть не последняя, но основная надежда на разрешение проблемы, так что мы просто не могли ему позволить навредить вам. Это перешло в попытки его устранения.

— Попытки! — цыкнул Плагг. — Попытки, девочка! Квами с их детскими мозгами только и делали, что пытались, вместо того, чтобы нормально его грохнуть! Меня никто не слушал, чтобы ты знала, а я уверен, что Ван Фу начал ехать с катушек вместе с Габр... с сама знаешь кем. Как Хранитель Талисманов, Фу был одним из столпов, держащих мир, пусть и не наравне с квами. Его сознание просто не выдержало силы возникшего парадокса и начало течь, как дырявая крыша осенью.

Нурру на это ничего не ответил. Мотылёк отвёл взгляд, словно квами было стыдно, и Тен-Тен не стала больше расспрашивать. Вероятно, малыши были привязаны к своему Хранителю, и его смерть тяжело им далась. Плагга в расчёт можно не брать: как Такахаша поняла, он всегда был слегка особенным. Особенно-озлобленным.

К тому же она не знала, что Хранитель Фу успел сделать квами разрушения. Вряд ли Плагг без причины реагировал настолько негативно.

Нурру сложил лапки в молитвенном жесте и снизу вверх посмотрел на Тен-Тен.

— Это уже не важно. Мастер мёртв, поскольку пошёл против мира и его благополучия... как бы мы, квами, к этому ни относились. Я чувствовал временные возмущения до его смерти, так что, возможно, носитель Талисмана змеи сыграл в ней большую роль. Это так?

— Да.

— Значит, он не умер просто так. Это хорошо, когда воин погибает в бою.

Тен-Тен была согласна с этим. Сколько она видела несчастных, потухших шиноби, которые не могли продолжать служить Конохе... и всегда это зрелище было печальным. Пожалуй, если она не смогла бы сражаться, то и в ней бы надломилось что-то — какой-то стержень, которого не видно ни при одном сканировании, но который поддерживает тебя

сильнее и лучше, чем позвоночник.

Нурру молчал. Возможно, не знал, что ещё можно сказать. Или же слишком погрузился в собственные размышления. Ради приличия Тен-Тен подождала с минуту, прежде чем вернуть мотылька в себя тихим вопросом:

— Ты знаешь дальнейшие планы твоего хозяина?

Мотылёк моргнул влажными глазами, и Тен-Тен заметила, что у него нет ни бровей, ни ресниц. Чудное создание, совсем не похожее ни на что, виденное ей ранее.

— Убить вас, — сказал Нурру как само собой разумеющееся. — Любыми способами, потому что он считает вас опасной.

— И правильно делает, — пробурчал Плагг. — По его душу-то придёт.

— Потом он хочет отобрать Талисманы Ледибаг и Кота Нуара, но это вы знаете и сами. Его не устроят другие Талисманы. Он считает, что только два сильнейших Камня Чудес могут вернуть к жизни. В целом, он прав. Только вот...

Тон у Нурру стал задумчивым: мотылёк осмыслял то, что он медленно говорил.

— Только вот он связан с Талисманами парадоксом... я не уверен, к чему это может привести: за нашу историю подобное происходит впервые.

— А почему он...

Тен-Тен прервалась на полуслове. Дверь в каморку, где они с квами общались, тихонько открылась. Так что вопрос, почему Габриэль акуманизирует только подростков, — ну ладно, в основном подростков, а не исключительно их, — так и не прозвучал.

Она схватила Нурру и швырнула его вверх. Мотылёк успел сообразить, так что не шлёпнулся о полки шкафа, а свободно пролетел сквозь них.

Плагг замер в волосах, Тен-Тен тоже превратилась в статую. Человек, открывший дверь, медленно вошёл и остановился около шкафа. Прислушивался?

Нет, он точно знал, что кто-то есть в шкафу. Тен-Тен прикусила губу и зажмурилась, заставляя голову работать. Её сейчас обнаружат, она с кем-то разговаривала. Это не Адриан и не женщина — слишком тяжёлые, хотя и тихие шаги. Габриэль? Вполне вероятно, даже скорее всего. Проснулся выпить воды и не заметил рядом Нурру. Решил узнать, что происходит.

А тут Хлоя Буржуа в шкафу между вещей и химии. Учитывая, что Габриэль-Бражник имел насчёт неё какие-то подозрения и точные планы, ничего хорошего. Он мог бы ограничить её общение с Адрианом, к примеру. Нежелательно, ведь Тен-Тен недавно пообещала Агресту-младшему, что никуда не денется и вообще никогда его не бросит.

Так что, набрав в лёгкие побольше воздуха, Тен-Тен представила перед собой несколько зелёных геннинов(3), только поступивших на службу.

— Стоять! — рывкнула она, впрочем, не сильно повышая голос. — Куда собрался?!

Человек возле шкафа отшатнулся, — Тен-Тен услышала шаг назад, — а после неуверенно прокашлялся.

— Хлоя? — услышала она голос Габриэля. — Что ты делаешь в шкафу?

— Возражения! Зеленоротым слова не давали! Я покажу тебе, как говорить что-то против!

Габриэль открыл шкаф, но Тен-Тен даже не повернула голову, чтобы посмотреть на мужчину. Вместо этого она пучила глаза вперёд и грозила воображаемому собеседнику кулаком.

— Хлоя? — ещё раз попытал счастья Габриэль.

— Ты кого так зовёшь, салага? Мамку свою будешь так звать! Куда рванул?! От меня ещё никто не сбегал, молокосос!

Она выскочила из шкафа, заставив Габриэля отступить, и рванула вперёд, в коридор. Агрест-старший с небольшой заминкой вышел за ней, едва не снеся девушку: Тен-Тен остановилась сразу за дверью, даже не отойдя от неё на несколько шагов.

— Хлоя! — Габриэль положил девушке руку на плечо и развернул к себе. — Что с тобой?..

Он замолчал, когда увидел лицо, лишённое всякого выражения, и пустые глаза. Тен-Тен умела лишать свой взгляд фокуса и следа мысли — выглядело довольно пугающе, но только таким взглядом можно было бы следить за обстановкой вокруг, если все вокруг считают тебя трупом. Ну или что ты в глубоком обмороке.

Для симуляции сомнамбулизма, кстати, тоже подходит. Тен-Тен пару раз видела сноходцев в момент обострения, и глаза у них были именно такими: выпученными и пустыми. Человек смотрел внутрь своего сновидения, мало реагируя на внешние раздражители.

Такахаша расставила ноги, упёрла руки в бока и расхохоталась, словно услышала лучшую в своей жизни шутку. Габриэль аккуратно обошёл девушку кругом, смотря на неё, как на сумасшедшую.

— Ну ничего, салага! — надрывалась Тен-Тен. — Я тебя ещё достану! Ты у меня будешь плац драить! Я тебя на мясо в котлеты пушу! Зелёные котлеты будут!

Затем Тен-Тен представила, словно её сон кончился. Тотчас её лицо расслабилось, сознание вошло в медитативное состояние, а рот слегка приоткрылся.

Пошатываясь, она пошла вперёд. Завернула налево и направилась дальше, представляя, что она в комнатах Хлои. Длинный коридор, почти сотня широких шагов, и только в самом конце — поворот в спальню.

Вот только в доме Агрестов коридоры были длиннее, и Тен-Тен, следуя мысленной карте, завернула не в комнату Адриана, а в одно из пустующих помещений. Там она улеглась на диван, затянутый плёнкой, и подтянула ноги к груди. Стопы у неё снова начали замерзать.

Безопаснее всего было бы погрузиться в сон, но Тен-Тен не смогла себе этого позволить. Она была напряжена, хотя в теле никто бы не нашёл и единственной твёрдой мышцы. И всё же, всё же... Тен-Тен была готова в любой момент вскочить и сражаться — дай только повод.

Повода не было. Габриэль какое-то время постоял в дверях, выжидая. Тен-Тен не шевелилась, так что мужчина подошёл к ней и с тяжёлым вздохом поднял на руки.

Она открыла глаза, — всё ещё без фокуса и мысли в них, — погладила Габриэля по щеке и улыбнулась.

— Отнеси меня в сад, Адриан. Говорят, там сейчас много белых бабочек. Красиво, наверное.

Габриэль поджал губы и мотнул головой, скидывая чужую руку с лица. Тен-Тен прижалась лбом к его груди, расслабленно прикрывая глаза. Каких сил ей стоило сохранять своё дыхание спокойным, кто бы знал!

— Нуру, — сказал Габриэль, выходя из комнаты. — Где ты был ночью?

— Летал вокруг, Хозяин.

— Ты разговаривал с Хлоей?

— Нет, Хозяин.

Тен-Тен слушала диалог, внутренне обливаясь потом. Если бы Габриэль сказал не «разговаривал», а, например, «виделся»... но он не сказал.

Нурру действительно не разговаривал с Хлоей Буржуа. Он вёл беседу с Такахаши Тен-Тен, иномирянкой, призванной, чтобы выполнить заветное желание Бражника. Только вот Габриэль про это не знал. Стоило ли благодарить богов за подобную неосведомлённость?

Что бы Габриэль сделал, если бы всё-таки узнал о предназначении не-Хлои в этом мире?..

***

(1) **Татами** — маты, которыми в Японии застилают полы домов. Плетутся из тростника игуса и набиваются рисовой соломой, хотя в последнее время для набивки используется и синтетическая вата.

(2) 182 см в длину и 91 см в ширину.

(3) **Геннин** — Низший воинский ранг в деревне шиноби.

Ночью Габриэль отнёс девушку в спальню Адриана и даже уложил в кровать. Когда Агрест-старший накрыл Тен-Тен одеялом, она грешным делом подумала, что мужчина попытается её придушить. Но нет, Габриэль лишь постоял над ней некоторое время, тихо извинился и вышел из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь.

После Тен-Тен успокоила сердце и позволила себе, наконец, упасть в нормальный сон. Не слишком глубокий, так что она чувствовала, как Плагг возился в её волосах, пытаясь устроиться в окружении светлых прядей.

Остаток ночи прошёл беспокойно. Тен-Тен несколько раз просыпалась, отражая неожиданные удары со стороны: Адриан, оказывается, беспокойно спал и дрался.

Просыпаться рядом с Адрианом — то ещё удовольствие. Тен-Тен заранее не завидовала его будущей жене, будь это Маринетт, Алья, Роуз или кто там ещё. Да хоть Нино. Агрест мало того что дрался во сне, так ещё и любил обниматься, чуть ли не полностью заползая на лежащего рядом человека. Ещё он отбирал одеяла и отпихивал их в противоположную сторону, в итоге сбрасывая с кровати. Под утро Адриан замёрз, потому что рядом с ним на полу лежала горка из всех одеял и пледов, ранее лежавших наверху.

Тен-Тен было всё равно на температуру, она привыкла спать и в более экстремальных условиях. Поняв, что нормально погрузиться в сон ей не дадут, Такахаши легла на спину и сложила руки на животе. Глаза её были закрыты, сознание быстро листало события прошедшего дня, рассматривая каждый кадр со всех сторон. Может, она чего-то не заметила? Может, излишне вежливый Нурру не был с ней откровенен? Может, Адриану всё-таки хватит вертеться?!

Но нет, Тен-Тен не находила в своих воспоминаниях ни грамма лукавства. В очередной раз отражая атаку Адриана, Такахаши решила, что с неё хватит размышлений и принялась вспоминать приятное — Луку.

Он был красив. Совершенно другой фенотип, в мире Тен-Тен таких не было. Возможно, так сказывалось влияние Сасса и его Талисмана. В движениях Луки была мягкая грация, шелест чешуи и треск гремучей змеи. Что-то похожее Тен-Тен ощущала от Орочимару... она слишком мало общалась с Великим Змеем, чтобы проводить точное сравнение.

Рассвело. Адриан, наконец, успокоился: свернулся клубочком и мелко дрожал, хмуря светлые брови. Из жалости Тен-Тен встала, обошла кровать, достала кучку одеял и укрыла парня одним из них.

Спать, — ну или медитировать, — больше не хотелось. Тен-Тен ощущала небольшую усталость, которая пройдёт сама к середине дня. Выпив воды прямо из графина на столе, Такахаши подошла к окнам и скользнула за штору. Девушка рассчитывала ещё на пару часов тишины и отдыха, прежде чем Адриан проснётся, так что не решилась впускать утренний свет в комнату.

Отгородившись от поместья тёмным занавесом, Тен-Тен некоторое время просто смотрела в окно. Панорама выходила в сад, полюбившийся куноичи. Жаль, что Габриэль вряд ли теперь пустит Хлою в него — слишком уж Агрест-старший был зависим от статуи своей мёртвой жены.

Но, вообще, какая любовь. Габриэль был готов буквально на что угодно, чтобы вернуть супругу. В смысле, реально на что угодно: от убийства до уничтожения мира. Тен-Тен

восхищалась такой решимостью, одновременно сожалея: ей придётся уничтожить эту любовь, потому что она была слишком разрушительной. Это в фильмах и историях такое поведение выглядит романтично. А когда ты оказываешься внутри страшной сказки и понимаешь, что разрушающийся мир — это твой мир, где живёшь ты и те, кто тебе дороги... тут даже не приходится выбирать.

Сад из комнаты Адриана выглядел совсем по-другому. Рядом с окном парня росло несколько раскидистых деревьев, уже готовящихся скидывать листву. Чуть дальше были кустарники с красно-жёлтыми шапками: по опыту Тен-Тен знала, что такие быстро меняют цвет, но до последнего держатся за каждый из листочков.

Отсюда не было видно ни фонтана, ни статуи. Тен-Тен едва могла разглядеть начало лабиринта-кустарника: тот находился с правой стороны.

Это почему-то смутило.

Тен-Тен прищурилась и прислонилась щекой к стеклу окна, чтобы хоть немного увеличить обзор. Навскидку, если продолжить прямую линию до окна Адриана, то это выйдет примерно десять-одиннадцать метров. Но если идти по коридору, то до двери, ведущей в сад, будет около... двадцати шести? Вход в лабиринт находится напротив выхода из дома, и внутри преграды из кустарника нет прохода в другую часть — ту, которая будет левее.

Такахаши была в этом уверена. На всякий случай она сравнила план, сохранившийся в её голове, с тем, что видела. План не сходился. По её прикидкам, лабиринт от входа напротив дома тянулся влево на тринадцать метров. Ещё одиннадцать метров от конца лабиринта изнутри до окна Адриана. Итого двадцать четыре метра.

Против двадцати шести в коридоре, которые она насчитала, исходя из ширины своего шага. Где ещё два метра лабиринта?

Снаружи она точно их видела, изнутри — нет. Все расчёты Тен-Тен проводила, учитывая метраж самой живой изгороди. И всё равно не сходилось.

— Что... попался? Да ну, слишком легко.

Она осторожно распустила пучок, но Плагга в её волосах уже не было — кот спал на подушке рядом с Адрианом. Помассировав голову, Тен-Тен ещё раз подсчитала метры, которые она видела. Это был базовый навык шиноби, на самом деле: даже полнейшие неудачники и отстающие умели считать расстояние. Ты не можешь кидать кунаи и планировать нападение, если неспособен определять, сколько метров отделяет тебя от противника. Базовый математический навык настолько прочно въедался в сознание шиноби, что в итоге становился второй натурой и обычно не требовал мысленной энергии для использования. Естественный, как дыхание.

Поэтому Тен-Тен могла доверять своим расчётам. Два метра, потерянные за изгородью, думала она, могли стать крахом Габриэля как Бражника. Насколько она поняла, ему нужно пространство, если он разводит тех бабочек, которые потом становятся акумами. Она поморщилась: не успела спросить у Нурру, являются ли те бабочки продолжением его сил или же они настоящие. Но на видео они выглядели как обычные насекомые.

Итак, можно принять за рабочую теорию, что Габриэль разводит бабочек. Для этого нужно место. Плюс у любого злодея должно быть место для деятельности — это непреодолимое правило, на самом деле. Значит и у Бражника оно есть.

Габриэль разозлился, когда Хлоя пришла в сад. И не собирался её туда больше пускать. Можно было бы проверить, попытавшись пробраться к фонтану, но после ночной прогулки

Тен-Тен не хотела лишней раз рисковать. Нет уж, спасибо, это не настолько важная теория для её доказательства.

Вход в убежище Бражника расположен в саду? Вероятно, тайный лаз где-то рядом со статуей жены, если она такая чистая. И, скорее всего, у Габриэля там расположены маячки, которые не дадут другому человеку проникнуть внутрь.

Должен был быть ещё один вход, Тен-Тен была уверена. Во-первых, это было просто логично: ни один умный человек не станет загонять себя в консервную банку только с одним входом; а Габриэль всё-таки был очень умным, этого не отнять. Во-вторых, бабочки не должны были вылетать оттуда же, откуда Бражник попадает внутрь — это слишком дискредитирует.

Значит, можно предположить, что бабочки вылетают через сад. Что может быть естественнее, чем мотылёк, порхающий рядом с цветами? А зимой, когда насекомых нет? Может, сад на зиму вообще закрывается от любого посетителя?

Тогда точно есть второй вход, и он должен быть в доме. В месте, где Габриэль бывает чаще всего, и куда никто не допускается без его позволения — в спальне, в личной гардеробной, в кабинете. И, учитывая заикленность мужчины на своей жене, её портрет или статуя должны быть способом войти.

Та ещё задачка, если подумать. Горе и скорбь Габриэля были столь всеобъемлющи, что портреты матери Адриана висели тут и там. Печальное зрелище, но столь гармоничное, что на обилие светловолосых женщин ты не сразу обращаешь внимание. Весь дом стал мемориалом почившей.

Тен-Тен вышла из-под защиты тёмных штор и практически на ощупь направилась в ванную. В комнате было темно, хоть глаз выколи — волшебные плотные шторы не пропускали ни единого лучика света. Кое-как добравшись до ванной комнаты, Тен-Тен с облегчением включила свет и принялась за утренние процедуры.

Адриан выделил ей не только полотенце с халатом, но и щётку. Чистя зубы, Тен-Тен продолжала думать. У Габриэля не было стопоров. Даже Адриан не становился для него достаточно веским поводом, чтобы прекратить терроризм. Почему так?

Учитывая загаданное желание, — тот самый повисший в пространстве парадокс, о котором говорил Нурру, — и отмотку времени, мог ли Габриэль жить не здесь и не сейчас? Может, его сознание где-то далеко, и он не совсем осознаёт реальность? Поэтому Адриан для него не любимый сын, а какой-то мальчик, не слишком интересный и важный. Но тогда не сходитесь сожаление и стыд Габриэля перед Хлоей, которую он решил убить.

Вообще, как работает исполнение желания? Тен-Тен замерла, уставившись в зеркало. Голубые глаза Хлои смотрели на неё в ответ. Губы были в пузырящейся пене, словно у девушки начался приступ бешенства или эпилепсии.

Быстро сплюнув и прополоскав рот, Тен-Тен вытерла лицо полотенцем и опёрлась руками о раковину.

Как работает исполнение желания, если кто-то хочет воскрешение человека? Время отматывается назад, когда этот человек ещё жив? Создается тело, если жертва была кремирована или разложилась? А если труп свежий, то что? Он просто поднимается? Насколько свежим в этом случае должен быть труп? Ядовитые вещества начинали выделяться уже спустя десять-пятнадцать минут после смерти, когда тело пожирало само себя. Сакура как-то рассказывала, что воскрешение потому и невозможно в мире без сильнейшей магии или вливания чакры: мало заставить сердце биться, а мозг работать,

нужно ещё устранить разрывы на клеточном уровне. То, что труп оставался неизменным, было верно лишь на первый взгляд.

— Первая стадия — пожирание, — говорила Сакура, лёгким касанием пальцев вскрывая грудину светло-серого человека перед собой. — Мозг и сердце не работают, кровь не циркулирует, процессы останавливаются. Но клетки этого не понимают, для них жизнь продолжается. Они работают, накапливают токсины, окисляются — и в итоге лопаются. Это если всё очень сильно упрощать, конечно, не смей такое рассказывать своим ученикам.

Тен-Тен сидела рядом, на тумбе, и смотрела на чёткие выверенные движения главного медика деревни. Сакура с её руками, объётыми зелёной чакрой, спокойно копошилась внутри мертвеца — искала пригодные к трансплантации органы.

— Этот, к примеру, умер уже слишком давно. Около пяти часов назад. Так что взять с него практически нечего.

В контейнер рядом с Харуно отправились органы: лёгкие, почки и желудок.

— Печень и мозг разрушаются первыми, — продолжала Сакура, вынимая глаза мертвеца и опуская яблоки в банку с раствором. — Их практически невозможно использовать для чакропользователей — сразу начинается отторжение, если не использовать некоторые техники. Для обычных людей шансы примерно семьдесят на тридцать, несмотря на вмешательство медицинской чакры. Поэтому я настояла, чтобы всех приговорённых к смерти не просто убивали, а приводили в больницу — хоть какая-то от них польза. Естественно, большинство шиноби, да и гражданских тоже, об этом не знают.

Тен-Тен молча сидела и ничего не комментировала. Она была загипнотизирована точными движениями перемазанных в крови рук. Сакура наслаждалась тем, что делала: чувствовала свою правоту на разбирание человеческого тела, словно оно было конструктором. Неудивительно, что Харуно хорошо дружила с Ино. Ведь мастер по допросам так же относилась к человеческому сознанию.

Тен-Тен не понимала ни первую, ни вторую, однако признавала их заслуги на выбранном поприще. Смертность ниндзя в Конохе достигла рекордно-низких отметок: в больнице всегда были на трансплантацию органы, кровь, кожа и прочие биоматериалы. В Конохе не осталось шпионов: отряды Тайной полиции работали настолько хорошо, что про их существование знали только доверенные лица.

Коноха процветала. Тен-Тен исполнялось тридцать, и до войны с Суной было ещё чуть больше десятилетия.

Это было хорошее время. Как же быстро оно прошло...

Учитывая разложение тела, вряд ли волшебство Талисманов просто восстановит его. Значит, отмотка времени? Это объясняло апатию и равнодушие Габриэля к людям: для него все были не более чем декорация. Картинка, которая станет не нужна после возвращения в прошлое.

Адриан не его сын, потому что его сын где-то раньше, где жива Эмили. Так что этого непонятого мальчика вполне можно использовать для исполнения желания... которое уже было исполнено.

Фирменный бред.

Или другой вариант: к примеру, Габриэль не похоронил жену, а просто её законсервировал — Тен-Тен знала, что подобное возможно даже в отсутствии чакры. Подробности девушка не помнила, но они были и не важны.

Как поступит волшебство в этом случае? Будет ли отмотка времени, или же Эмили

восстанет, вернув целостность клеток? Вот будет весело месье Агресту, если вернувшаяся из мира мёртвых жена предоставит муженьку счёт за испорченное детство их обожаемого ребёнка.

Тен-Тен поправила волосы, последний раз взглянула на чужое отражение и вышла из ванной. Кажется, куноичи начинала потихоньку привыкать к своему новому лицу.

В комнате благодаря плотным шторам сохранялось таинство ночи. Сквозь крошечную щёлку между двумя полотнами ткани Тен-Тен видела пробивающийся день: в концентрированном солнечном луче был заметен чудесный танец пылинок. Засмотревшись на них, Тен-Тен трижды хлопнула в ладоши и кратко прикрыла глаза в молитве. Девушка так богохульствовала при мыслях о волшебстве и парадоксе, что стоило бы хоть немного очиститься.

Настенные часы показывали девять утра. Циферблат подсвечивался мягким зелёным цветом изнутри, и чёрные цифры на этом фоне выглядели словно небольшие провалы в пустоту. Вместо привычных трёх стрелок у них оказалось только две, для минут и для часов.

Вот ещё одно отличие этого мира от её родного: здесь не наслаждались каждым мгновением жизни. Секунда считалась чем-то незначительным, проходящим, не стоящим внимания. Для шиноби же за один миг, за долю той самой секунды могли произойти такие изменения, что голова кругом.

Не раз и не два секунда решала исход сражения. Начал раньше, не смог увернуться, не отошёл, не вовремя моргнул... из этих незаметных мгновений вырастал рисунок боя, его удачи и неудачи.

А теперь секунды были настолько не важны, что даже не заслуживали собственных стрелок.

Тен-Тен растолкала Адриана и отправила парня в ванную. Такахаши предположила, что из-за тотемного родства с котом Агрест-младший мог спать столько же, сколько и ушастые. Мило, но не практично: интервью с Надьей Шамак было назначено на двенадцать часов, и лишним временем Тен-Тен не располагала. Она и так дала Адриану дополнительный час на сон, чтобы восстановиться после ночных эмоциональных качелей.

Плагг давил подушку всё время, пока «людишки», — так он их назвал спросонья, угрожая расправой за раннее пробуждение, — собирались. Адриан перелопатил весь свой гардероб, чтобы выбрать что-то интересное и необычное. Но обилие одежды было столь значительным, что парень просто растерялся.

— Надень что-то удобное, — посоветовала Тен-Тен, сидя в ворохе одеял и болтая ногами — Всё равно не на свидание идёшь.

С кровати открывалась шикарная панорама: одно из огромных окон было расположено как раз напротив. То, как Такахаши отодвигала шторы, чтобы пустить хоть немного света в комнату — песнь совершенно отдельная. Адриан и Плагг смеялись до слёз над её попытками и напряжением; в итоге оказалось, что шторы фиксируются механизмом сверху. Сил Хлои банально не хватало для того, чтобы как-то их сдвинуть, когда механизм был заблокирован.

— Почему удобное, а не красивое?

— Потому что красивым ты успеешь побыть во время своих модельных съёмок. И не забудь что-нибудь на голову, типа кепки, чтобы тебя не узнали твои чокнутые фанаты... только не говори мне, что ты собираешься надеть свою школьную одежду? Я тебя в ней из дома не выпущу!

Адриан действительно тянулся к привычным вещам. Услышав предостережение от Тен-Тен, парень замер, так и не опустив руку.

— Почему нет?..

— Потому что твоя футболка с полосками — это почти личный бренд. Только слепой не узнает тебя в ней. Не быть тебе ниндзя.

Агрест насупился, но руку от футболки убрал.

— Я в детстве хотел стать пиратом, а не ниндзя.

Это Тен-Тен комментировать не стала. Странные мечты для ребёнка из спокойного мира, ну да ладно. Она вот в детстве мечтала стать листиком на красивом светящемся дереве.

Иногда хорошо, что не все желания в мире сбываются.

Адриан откопал-таки в своём шкафу более или менее приличные вещи: чёрные джинсы без вышивки и заклёпок, — но всё равно слишком узкие, если кто спросит Тен-Тен, — свободную серую толстовку с шикарным глубоким капюшоном и футболку с каким-то абстрактным принтом. Из всего этого выбивалась кепка в расцветке костюма Ледибаг: Агрест-младший оказался настоящим фанатом. У него даже была пижама в тон героине — правда, не распакованная, потому что Адриан берёт свою покупку как зеницу ока.

Позавтракать Тен-Тен планировала в городе. Естественно, за счёт Адриана, о чём она сразу предупредила парня.

— У тебя деньги-то есть? — спросила Тен-Тен, обуваясь на пороге комнаты.

Адриан промычал что-то положительное, пытаясь понять, куда ему приткнуть Плагга. Засовывать кота под мышку Тен-Тен категорически запретила.

— Есть. Там на карте около тысячи плюсов рабочая безлимитка. Нормально.

У самой Тен — Тен денег как не было, так и не появилось. Та пачка, — довольно тощая, кстати, — что была вытащена из кошелька Андрэ, спокойно лежала в одной из ножек кровати. Те оказались полыми и легко отвинчивались от каркаса, чем Тен-Тен не могла не воспользоваться. Это же было просто идеальное место для хранения чего-то маленького!

Она бы даже сказала, что место было клишированным до невозможности. Но в этом мире никто особенно не переживал насчёт тайников и нычек, так что Тен-Тен со спокойной душой убрала купюры в деревянное хранилище. Даже если кто-то увидит её действия через камеру — ну так что? Должны же быть у девушки маленькие секретки.

Мысленно отметив, что стоило бы так начать носить с собой хотя бы банковскую карточку, Тен-Тен вышла из комнаты. Да и вообще надо было озаботиться вопросом финансов. Адриан убежал чуть раньше, чтобы предупредить Гориллу о пункте назначения: интервью проводилось в каком-то популярном среди молодёжи парке.

Погода не радовала: небо из лисьего рассвета стало серым и хмурым, очевидно раздумывая над дождём. Тен-Тен надеялась, что осадков не будет, но всё равно не рассчитывала на удачу: вместо ожиданий она предпочитала готовиться заранее. Проще говоря, она воспользовалась ожидаемой наглостью Хлои и вытребовала у Габриэля пальто.

— С чего ты решила, что у меня есть вещи твоего размера? — подняв брови, спросил мужчина.

Тен-Тен закатила глаза, — о, она обожала это в новой жизни, — и громко цокнула языком.

— Ну дядя Гейб, ну давай без этого, — протянула девушка. — Ты же модельер!

Это его не впечатлило.

— И поэтому у меня должны быть вещи любого размера?

Разумный аргумент, между прочим. Но Тен-Тен таким было не пронять: Агрест-старший работал с девушками «модельных» параметров, и Хлоя под них вполне подходила. Неполной недели явно не хватило Такахаша чтобы наесть бока или накачать мышцы.

Так что теперь на ней было очень миленькое бежевое пальто до середины икры. Оно оказалось достаточно тёплым, чтобы Тен-Тен оставила свой кардиган в доме Адриана — не просто так, конечно же, а с целью вернуться в особняк позже. Может быть даже в момент отсутствия Габриэля... если такое вообще было возможно.

Но вышел же Агрест-старший из дома на встречу Андрэ? Значит, не такой уж Габриэль рак-отшельник. Хоть изредка, да показывается в обществе.

Машина Адриана по крутости уступала лимузину Хлои, но мини-бар обнаружился и здесь. Тен-Тен смотрела в окно и пила газировку с заметным лимонным привкусом, пока Агрест едва не подпрыгивал на месте: мальчишка был счастлив, что всё его расписание отправилось к демонам на рога. Адриана не смущало даже то, что они с Хлоей, по факту, едут заниматься её делами.

Горилла, выполнявший роль водителя и телохранителя, тактично поднял перегородку между собой и задними сидениями. Тен-Тен попыталась скомкать в кулаке пустую жестяную банку, но добилась лишь невразумительной вмятины на боках.

— Что, Адрикинс, ты так соскучился по свободным минуткам?

Он даже не услышал насмешки в словах Тен-Тен.

— Ты не представляешь, насколько. Сегодня должен был прийти репетитор по китайскому, а я вчера не сделал домашку.

— Разве к тебе он не вчера приходил?

— Я занимаюсь четыре дня в неделю. Отец считает, что это необходимый минимум для освоения языка.

Тен-Тен так не думала. По опыту она знала, что для освоения чужого наречия нужно всего лишь две вещи: время и погружение в языковую среду. Всё остальное, хоть и могло принести результаты, было не таким эффективным.

Поездка затянулась из-за пробок. Тен-Тен смотрела в окно, пока Адриан никак не мог успокоиться: он то переписывался с кем-то, то бурчал на проигрыши в игре на мобильном, то разговаривал с Нино. Видя настроение девушки, Адриан не лез к ней с общением. Тен-Тен была ему благодарна за это.

Она бы с удовольствием поговорила бы с Плаггом: кота Адриан засунул в карман толстовки после клятвенного обещания квами, что он оттуда не выпадет. Но помимо них троих в машине ещё был Горилла, — интересно, кстати, как его на самом деле зовут, — и, возможно, прослушка. И пусть это паранойя Тен-Тен, она никогда не сбрасывала со счетов возможность того, что где-то рядом спрятан жучок или микрофон.

Парк, в который они приехали, едва ли отличался от того, в котором Тен-Тен бегала по утрам. Пыталась бегать, учитывая, что на пути её привычки раз за разом вырастали преграды. Те же деревья, клумбы, бордюры и скамейки были расставлены похожим образом. Кустарники оказались подстрижены примерно на том же уровне, что и в её парке. Вот только подростков здесь действительно оказалось больше.

Учитывая, что пробка на дорогах сожрала до обидного много времени, Адриан и Тен-Тен вынуждены были остаться без завтрака. Такахаша предложила парню сходить перекусить без неё, но Агрест запрямылся, считая, что это будет нечестно. Это было так

мило, что Тен-Тен не стала переубеждать его.

Пока они шли к месту съёмок, Тен-Тен смотрела по сторонам. Группки отдыхающей молодёжи не слишком её интересовали, а вот шатающийся по парку дилер — очень даже. Мужик, косящий под молодого, медленно ходил по дорожкам, мешаясь роллерам и велосипедистам. На нём были рваные джинсы, кожаная куртка и белая майка. Совсем не по моде.

Тен-Тен была равнодушна к наркотикам. Среди шиноби было достаточно тех, кто пользовался различными веществами — не столько в качестве оружия, сколько для разгона собственных способностей. Это, естественно, никогда не кончалось хорошо, но кто будет слушать учителя или медика? Зачем тренироваться, если можно принять таблетку — и ты на том же уровне, что и тот фанат тренировок, которого все по ошибке называют упорным гением?

Такие «наркоманы» долго не жили. Кто-то не успевал принять пилюлю или порошок во время боя, другие загаживали свой организм сильнодействующими веществами или палёнкой, третьи становились слишком самоуверенными и погибали по глупости. Тен-Тен знала одного или двух взрослых шиноби, аккуратно работающих с наркотиками, но на этом всё.

Это было личное дело каждого, конечно, принимать или нет. Пилюли можно было получить в госпитале — с этим никогда не возникало проблем. В аптечке любого чуунина(1) или джонина(2) легко можно было обнаружить одну или две волшебных таблетки, обычно лежавших там чуть ли не годами. Всё же они были ниндзя, что значит готовность использовать любой подвернувшийся под руку шанс.

Вопрос был в отношении и зависимости. Тен-Тен и сама пару раз принимала наркотические пилюли, чтобы её стиль боя стал нечитаемым, но это было жизненно необходимо. Куноичи помнила состояние эйфории и счастья, но никогда не стремилась к нему без должной причины. Другие ниндзя, к сожалению, чаще всего оказывались менее устойчивыми.

А ещё были уроды, что продавали таблетки, рассчитанные на ниндзя, обычным гражданским. И, поскольку настоящие боевые наркотики все подлежали отчёту, эти умники начинали варить что-то сами. Продажей, естественно, обычно занимались совершенно левые парни, никак с производителем не связанные.

Вот таких дилеров, как тот, что ходил по парку, Тен-Тен читала с первого взгляда. Руки в карманах, очки на лице, залихватская улыбка. Мало того что мужчина продавал, так наверняка ещё и сам употреблял. И, судя по рваным движениям, скоро будет время для новой порции.

Тен-Тен прошла мимо мужчины, не выдавая своей осведомлённости. Адриан повёл носом и нахмурился, учуяв улучшенным обонянием странный запах, но останавливаться не стал. Только обернулся, чтобы посмотреть на того, кто странно пах.

— Не верти головой, — посоветовала Тен-Тен, заметившая вдалеке съёмочную группу. — Отвалится.

— Да просто...

— Смотри-ка, это впереди не Дуринетт случайно?

— Что? Где?

Адриан нашёл взглядом Маринетт и, сияя щенячьим восторгом, посеменил к девице. Тен-Тен только покачала головой на это. Вот серьёзно, как так получается, что Агрест не

осознаёт своих чувств к девушке, убеждая всех вокруг, будто она «просто друг»?

Ага, Тен-Тен с Лукой тоже «просто друзья». С дополнениями.

Зазвонил телефон. Тен-Тен мельком посмотрела на высветившийся контакт, прежде чем скинуть звонок. Андрэ, конечно. Кто ещё? Наверняка желает лично убедиться, что дочь сделает всё, как ему надо.

Браслет, который стоило «невзначай» показать на камеру, Тен-Тен нацепила на руку. Украшение было тяжёлым и постоянно напоминало о себе. Словно девушка надела кандал, привязывающий её к другому человеку.

В целом, примерно так и было.

Съёмочная группа состояла из четырёх человек, исключая телеведущую. Надья Шамак в реальности оказалась ещё более красноволоса и обаятельна, чем по ту сторону экрана. Быстро поздоровавшись с Тен-Тен, она вручила девушке небольшую папку с распечатанными вопросами и ответами. Довольной Шамак не выглядела: вероятно, женщина предпочитала живые интервью, а не работу по прописанному заранее сценарию.

Тен-Тен улыбалась, смотрела, как Маринетт носится по съёмочной площадке из-за указаний Шамак, ничего не комментировала и отслеживала перемещение дилера. Поведение мужчины её напрягало; если он употребляет сам, то боги его знают, какие он может словить галлюцинации. Как бы не пришлось спасать Чудесных героев вне их костюмов от свихнувшегося наркобарыги.

Мужчина ходил от одной компании к другой. Где-то его почти вышвыривали агрессивно настроенные парни, в других он не находил внимания из-за презрения крутых девочек. Не то место он выбрал для рекламы наркоты, если кому-то интересно мнение Тен-Тен. Этот парк сейчас считался модным местом и привлекал обеспеченных деток, которым с пелёнок вдалбливали о вреде наркотиков.

Хотя, возможно, именно обеспеченность посетителей парка и их юный возраст привлекли этого мужчину сюда. Вот только почему он не уходил, получая отказ за отказом? Тен-Тен видела, что он начинал злиться или, — что более вероятно, — нервничать. Ему срочно нужно было что-то продать? Или так на его поведение влияла ломка?

Такахаша отвлеклась на Шамак: женщина вытянула из её рук бумаги, которые Тен-Тен так и не просмотрела. Надья мягко подтолкнула куноичи поближе к камере, отдала распечатки Маринетт и обворожительно улыбнулась. Явно заметила, что Тен-Тен не успела ознакомиться с написанным.

Настроение у Шамак от этого повысилось настолько явно, что это было практически осязаемо. Словно вокруг неё появилась светлая и тёплая аура добродушия.

Скомандовали начало съёмок. Маринетт и Адриан стояли неподалёку, тихонько переговариваясь и смотря на Тен-Тен, которой даже не нанесли макияж. Такахаша поленилась с утра рисовать стрелки, ограничившись только краской на ресницы — единственным, что она нашла в ванной Адриана. Удачно, что они оба теперь были блондинами.

Тен-Тен вела взглядом по парку. Надья разговаривала с невидимыми зрителями, и Такахаша с некоторой нервозностью поняла, что идёт прямой эфир. Значит, ей нужно быть аккуратнее... и стоило всё-таки прочитать ту распечатку. Всеблагие боги, за что это всё? Она успела как-то испортить карму в этом перерождении, что дела идут столь неудачно?

Для сохранения определённого инкогнито ей стоило бы выучить распечатку интервью и отвечать на вопросы, не отходя от написанного ни на одну букву. Это сохранило бы образ,

который Хлоя долгое время создавала: истеричная богатенькая девочка, популярная, неприятная, но слишком крутая, чтобы кто-то сказал ей об этом. Браслет, парк, Шамак, да и само интервью — всё это могло бы поддержать клишированную маску стервочки, у которой всё хорошо благодаря богатому и классному папочке.

Заметка: не папику. Папочке. Место папика вакантно. Это ещё один посыл, который ты хотел передать, Андрэ?

Но Тен-Тен не прочитала сценарий, и ей придётся выкручиваться самостоятельно.

Она примерно представляла, как и что следует отвечать для сохранения образа. Несмотря ни на что, Андрэ всё ещё был нужен ей, хотя бы для обеспечения. У Тен-Тен пока не было никакого дохода в этом мире, ни легального, ни теневого.

Так что образ. Шамак смотрела с ожиданием и расчётом в золотистых глазах и протягивала микрофон в её сторону.

Такахаши вздохнула и поздоровалась со зрителями.

***

(1) **Чуунин** — Военный ранг в Конохе. Чуунин, в отличие от геннина, может брать на себя командование отрядом или планирование операций.

(2) **Джонин** — Высший официальный ранг в Конохе за исключением главы деревни — Каге. Имеет собственный боевой стиль, опыт и высокую квалификацию.

Глава 20. Акума

Погода совершенно не собиралась улучшаться; напротив, небо всё больше хмурилось, и вместо светло-серых облаков по нему мрачно колесили почти грозовые тучи.

Операторы на это хмурились и едва слышно ругались. Пока Надья разговаривала на камеру, один из помощников успел притащить огромный прожектор и добавить в съёмки свет. Тен-Тен внимательно слушала, что говорит Шамак, и неприятно удивлялась её манере вести интервью: за пять минут Надья не задала ни одного вопроса.

Это только кажется, что пять минут — это мало. На самом деле, пять минут под прицелом камеры, когда интервьюер рядом только и делает, что болтает, это сущий ад. Тен-Тен дала Шамак шесть минут форы, прежде чем решила вмешаться в бесконечный монолог.

— Может, мне домой пойти? — спросила Такахаши, скрещивая руки на груди. — А то, кажется, вам и без меня нормально разговаривается.

Надья сохранила лицо, но в глазах у неё плеснулось раздражение. Маринетт за линией съёмки хихикнула в ладошку, сразу же испугавшись собственной реакции.

Итак, Надья Шамак была настроена против Хлои Буржуа. Эта ситуация была настолько ожидаема, что практически превратилась в клише. Ну серьёзно, кому в этом городе Хлоя не успела насолить? Младенцам? Наверняка и для них Хлоя что-то устраивала. Конфетки, к примеру, отбирала.

Шамак коротко извинилась за большое вступление, и интервью наконец началось. Представив приглашённого гостя, Надья дала короткую сводку о Хлое: где учится, кем приходится мэру, сколько лет. Тен-Тен удивилась, что не прозвучали параметры её тела. Только их не хватало для полноценного досье.

— И, раз уж зашла речь о вашем отце, — Надья очаровательно улыбнулась, но глаза у неё оставались спокойными, — как поживает наш любимый мэр?

Тен-Тен подняла брови и опять скривилась. Какой-то грубый переход, а вроде бы Шамак считалась одной из лучших телеведущих. Что, никакой подводки, сразу вопросы?

Такахаши поправила волосы, попутно засветив браслет. Ну, надо отработать своё проживание в отеле. Ей несложно, Андрэ приятно.

— Нормально он поживает, что ему будет-то? Работает целыми сутками, мы только за завтраком и видимся. Вот недавно у нас был день профориентации в школе...

— И он на него не пришёл?

— Чего? Нет. Пришёл. Только как пришёл — так и ушёл, потому что там была акума, которая за ним охотилась, — Тен-Тен добавила возмущения. — Бражник совсем обалдел! Нападает на моего папочку, на обычных людей, и главное — на меня! Ну как можно нападать на меня, скажите пожалуйста?! Он мой хейтер, я вам точно говорю, совершенно скатившийся с катушек человек!

Надья кивала в такт её словам, но по лицу было видно, что в них она не верит. Тен-Тен ещё немного повозмущалась, прежде чем Шамак перевела интервью на другую тему. И опять не было никакой грации, Надья просто сказала «поговорим о другом», прежде чем задать следующий вопрос.

Вот за что ей деньги платят?

Дальше шли какие-то общие вопросы про сохранение красоты, круг общения и расписание дня. Тен-Тен отвечала, при этом отслеживая перемещение наркодилера.

Мужчина, очевидно, не продал ни грамма. Он сел на отдалённую лавочку, откинулся на спинку и закурил, запрокинув голову. Из-под распахнутой кожаной куртки была видна застиранная белая майка; Тен-Тен почему-то обратила внимание на пятна, которые, видимо, уже никак не выводились.

Мужчина нервно тряс ногой и делал большие затяжки. Тен-Тен надеялась, что курит он обычный табак, а не что-нибудь из продаваемого. Некоторые вещества влияли даже через дым.

Напрягал её этот кадр. Как бы чего не учудил.

— Вы пришли на интервью с Адрианом Агрестом, — сказала Шамак, привлекая внимание Тен-Тен. — Как я понимаю, вы дружите?

Оператор повернул камеру, показывая названного парня. Адриан, смутившийся в первую секунду, быстро взял себя в руки, приветливо улыбнулся и помахал рукой.

Тен-Тен чуть не сплюнула. Шамак смотрела с нескрываемым превосходством: ясно же, что специально спалила Агреста и его новый внешний вид. Чёрта с два они с Тен-Тен теперь спокойно погуляют. Да ещё и Маринетт придётся тащить с собой, потому что иначе фанаты Адриана её могут порвать на кусочки, ведь Дюпэн-Чэн тоже попала в кадр.

В общем, первое положительное впечатление от Надьи Шамак можно было смывать в унитаз. Так что Тен-Тен многообещающе ухмыльнулась и прямо посмотрела в глаза женщине. Играть хочешь, да? Ну-ну. Может, будь Тен-Тен лет на сорок поменьше, она бы подхватила это настроение, но сейчас это казалось швырянием песка на детской площадке.

Тупо и неконструктивно.

— Мы с Адрикинсом как брат с сестрой. Всё детство провели вместе. Естественно мы гуляем, что за тупой вопрос?

— Но раньше вас не замечали вместе?

Естественно, потому что Хлоя и Адриан долгое время нормально не общались. Не объяснять это? Увольте.

— Плохо старались, — фыркнула Тен-Тен, поправляя волосы. — И за что вам только деньги платят?

Поднимался ветер, так что волосы Хлои пушились, выбиваясь из тугого пучка. Глаз камеры снова уставился на Тен-Тен, и странный допрос продолжился.

Какие планы на отель? Будет ли Хлоя его наследовать, или же этот бизнес-проект отойдёт другому ребёнку её матери — кто это, кстати, девочка или мальчик? Тен-Тен улыбалась и говорила, что, естественно, отель будет её и только её. И что единственный ребёнок, которому он отойдёт — её ребёнок с Адрикинсом.

— Хотя если мы как брат с сестрой, то это будет почти инцест... Адрикинс, нам не быть вместе! Я тебя бросаю!

Адриан закашлялся. Маринетт, стоящая рядом, сочувственно похлопала его по спине.

Мужик на скамейке курил одну за другой, раскачивался из стороны в сторону и дёргался, словно его иногда били током. Подростки, гулявшие рядом, смотрели на него с интересом и страхом; кто-то умный предложил сваливать от психа нахрен, и остальные, к счастью, послушались.

Тен-Тен хмурилась, наблюдая за мужчиной. Её мрачность заметила Маринетт: девушка тоже посмотрела на «психа» и поджала губы. Затем она достала телефон и набрала короткий номер — полиция или скорая помощь, видимо. Дюпэн-Чэн всегда была гиперответственной, даже когда этого не требовалось.

— Кстати, как вы относитесь к последнему указу вашего отца? — сладко улыбнулась Шамак.

— К какому именно? Он много чего указывает: не разбрасывай вещи, Хлоя, будь милой, Хлоя, учись хорошо, Хлоя, не делай...

— К установке статуи героям, — прервала список Шамак. — Мы стоим как раз на том месте, где она будет располагаться. Церемония открытия уже завтра, между прочим!

— А. Статуя.

Тен-Тен покачала головой, словно услышала что-то очень глупое. В принципе, так и было: она не считала идею установки статуи хорошей.

— Мне это всё не нравится.

— Что? Но почему? Разве вы не согласны с тем, что Чудесные герои так много сделали для нашего города? Насколько я помню, вы часто были жертвой нападения акумы — так кто же спасал вас столько раз?

Такахаши кисло посмотрела на разглагольствующую женщину. Вот уж кто был настоящим фанатом. В принципе, не удивительно: Шамак, если можно так сказать, специализировалась на супергероях, став чуть ли не их личным репортёром.

Адриан сравнивал эту женщину с Эйприл О'Нил. Тен-Тен понятия не имела, кто это так что не спорила — Агресту наверняка лучше знать. Как Кот Нуар и супермодель, он частенько сталкивался с Надьей в обоих своих обличиях.

— Слишком много внимания героям, — сказала Тен-Тен, когда красноречие Шамак пошло на спад. — Даже не «героям», а «герою». Ледибаг. Многовато ей восхищаются, пренебрегая Котом и коммунальными службами.

— Простите?

Тен-Тен закатила глаза. Ну это же было очевидно!

— Коммунальные службы, алё. Полиция, пожарные, медики. Почему им не ставят памятники? Нет, давайте героям. Я вам скажу почему: в руках врача магии меньше, чем в фотке маски Ледибаг. А люди любят магию. Так что я против этой статуи, лучше бы на эти деньги купили что-нибудь для городских больниц.

Шамак растерянно моргнула пару раз, а затем объявила рекламный перерыв. Адриан и Маринетт стояли пришибленные. Словно Тен-Тен сказала про памятник им в укор, в самом деле. Ох уж этот подростковый максимализм и стремление принимать любые высказывания на свой счёт.

Пока Надья приходила в себя после неожиданного ответа, Тен-Тен подошла к подросткам. Адриана она хлопнула по плечу, вытаскивая парня из пучины самобичевания. С Маринетт же даже не поздоровалась — это не подходило роли.

— Дюпэн-Чэн, я надеюсь, ты вызвала полицию.

— А?.. я скорою вызвала, там же явно человеку плохо.

Тен-Тен поморщилась и посмотрела на девочку. Маринетт была расстроена словами Такахаши, но ещё куноичи заметила... напряжение. И страх. Не очень сильный, но правильный, потому что направлен он был на мужчину, качающемся на лавочке.

— Ты дурная? Он наркоман, а не больной, — сказала Тен-Тен, смотря Маринетт прямо в глаза.

— Он всё равно человек!

— Он может быть опасен. Не только для тебя, но и для медиков, — Такахаши щёлкнула пальцами, привлекая к себе внимание. — Адриан, полицию.

Агрест с извинением посмотрел на Маринетт и вызвал полицию, как и говорила Тен-Тен. Такахаша позвали обратно под дуло камеры.

Надя вернула себе самообладание за пару минут перерыва. Тен-Тен, напротив, утратила спокойствие окончательно: хотя мужик вёл себя тихо, он всё равно дико напрягал. Члены съёмочной группы бросали на наркомана взгляды, но никто ничего не делал. Все ждали, когда же кто-нибудь другой возьмёт ответственность в свои руки.

— Мы вернулись! — радостно провозгласила Шамак, подмигивая камере. — И у нас ещё много-много вопросов к очаровательной Хлое Буржуа! Продолжим?

— Продолжим, — согласилась Тен-Тен без особой радости в голосе.

Шамак её неудовольствие, конечно, заметила. Но плевать она на него хотела. Поились вопросы: в основном про отца и отель, но также были и про учёбу, хобби самой Хлои, про друзей, про её стиль и... про её мать.

Вот здесь Тен-Тен совсем не знала, что стоит говорить. Мать Хлои всё ещё была для неё загадкой. Одри Буржуа явно не питала особо тёплых чувств к дочери; вполне возможно, что женщина ненавидела своего ребёнка. Причин могло быть множество, от испорченной фигуры и послеродовой депрессии до какого-нибудь идиотизма. Ненависть могла вырасти из любой мелочи. Да хоть из-за того, что у Хлои волосы длиннее — Тен-Тен достаточно насмотрелась на психов, чтобы ничему уже в своей жизни не удивляться.

К тому же, у Одри был ещё один ребёнок. Его, конечно, скрывали от папарацци — иначе Шамак была бы более информирована. Но это было не так важно, как наличие у Хлои сестры или брата. Интересно, женщина изменила Андрэ в Америке, или же последний был единокровным для Хлои?

Тен-Тен замаялась, не зная, что ей говорить. Шамак улыбалась красным ртом, блестела белоснежными зубами и злыми глазами. Наслаждалась, пока Такахаша строила из себя уязвлённую стервочку, которой залезли пальцем в глубокий и болезненный гнойник.

Помимо размышлений над ответом, Тен-Тен чувствовала слабые отклики паники: в небе, на тёмно-сером фоне, она увидела фиолетовую искру порченной бабочки. Такахаша молилась всем известным богам, чтобы это было обманом зрения, потому что...

Ну, учитывая, что Габриэль извинился перед ней ночью, Тен-Тен была уверена в его намерении избавиться от Хлои. А рядом с ними в этом парке из выведенных на эмоции был только наркоман на лавочке. Возможности человека, готового на что угодно, потенциально ужасали.

Но вот что делать ей в этой ситуации — тот ещё вопрос.

— Моя мать — прекрасный человек, и я очень её люблю, — сказала наконец Тен-Тен, пока её голова прокручивала варианты.

Убить бабочку? Она не знает как. Обратит ли общее внимание на акуму? Бесплезно, потому что проблему это не решит. К тому же Чудесные заметили приближение бабочки каким-то внутренним чувством и уже успели разбежаться в разные стороны по надуманным предложениям. Вопрос только в том, когда они вернуться. И успеют ли.

И справятся ли. Роджеркоп вызвал у них огромные трудности; вряд ли герои, говоря откровенно, справились бы без вмешательства Тен-Тен. А здесь человек, для которого нет ничего... почему-то Тен-Тен была уверена, что наркоман на лавочке уже достиг того дна, когда люди вокруг превращались в ходячие куски мяса, и кроме дозы ничего не интересовало.

Думай, Тен-Тен, думай.

Что такое акума? Неизвестно. Их насылает Бражник, но Тен-Тен даже не была уверена, что это обычная бабочка, испорченная его силами. Может, она полностью из них состояла... это сейчас было неважно.

Что рождает акуму? Эмоция. Злость, раздражение, негодование — весь негатив, на который только способен человек. Но этого недостаточно для акуманизации: каждый день в Париже злятся, негодуют и раздражаются миллионы людей, и только единицы становятся акумами. Значит, есть ещё критерии. Один из них — вероятная приближённость к Габриэлю; это могло быть ограничение в расстоянии, потому что дом Агрестов находился неподалёку, или что-то другое. Может, эмоциональная вовлечённость самого Бражника.

Это есть. Но что ещё? Что ещё? Тен-Тен слышала историю про акуманизацию мадам Бюстье: та защищала от акумы расстроенную Маринетт, махала папкой и в итоге бабочка сменила цель. Хм. Сменить цель — это именно то, что сейчас было нужно.

Жаль, что Маринетт не расспросишь подробнее.

Бабочка приближалась под тихое мурлыканье далёкого грома. Шамак давила на гнойник Хлои Буржуа, задавая вопрос за вопросом. Тен-Тен мялась на камеру, заикалась, хмурилась — и думала, думала, думала. Счёт шёл на секунды, которые так не уважали в этом мире.

Нужна эмоция — с этим проблем не будет, Тен-Тен могла разогнать своё сознание в любом направлении. Немного самогипноза, и она будет в холодной ярости даже без причины. Нужна цель, судя по всему. И предмет, куда может влететь бабочка. Это должен быть обычный предмет? Наверное, нет. Все проклятые вещи были так или иначе связаны с целью.

Но что выбрать ей, чтобы не дать акуманизироваться сумасшедшему? И стоит ли вообще вмешиваться?

Да, стоит — иначе её просто убьют, Такахаша была уверена. К тому же Тен-Тен была уверена в собственной ментальной устойчивости, так что миру не светила одержимая куноичи. Одни плюсы, куда ни посмотри.

Осталось найти предлог.

— А как вы прокомментируете слухи о том, что ваша мать состояла в близости с Габриэлем Агрестом?

Тен-Тен уставилась на Шамак, широко раскрыв глаза. Вот оно.

Вот цель акуманизации. И предмет тоже есть — пальто, которое Тен-Тен отобрала у Габриэля.

— Он... нет-нет, они... они не могли...

Шамак улыбнулась — победно, довольно, кроваво. В следующий миг, когда она заметила севшую на плечо Тен-Тен бабочку, женщина побледнела до стерильной белизны.

— Близость? Я узнаю это, — пообещала Тен-Тен, прикрывая глаза и настраиваясь на ментальный бой.

Её голову словно проглотило желе, и сознание выключилось, как перегоревшая старая лампочка.

Акуманизация была похожа... нет, она не была похожа на гендзюцу или на гипноз. На программирование тоже. Это в общем было совершенно новое чувство, которое Тен-Тен никогда раньше не испытывала: раболепие, желание подчиниться, встать на колени, посмотреть на своего БОГА со слезами на глазах.

Вот только БОГ молчал. Тен-Тен схватилась за ткань на груди — не пальто, которое

отдал ей Габриэль, а её любимая белая туника. Такахаши носила её целых пять лет, с пятнадцати до двадцати, пока вещицу в лохмотья не разорвали во время боя.

Она очень любила свои вещи и терпеть не могла их менять.

Тен-Тен опустилась на одно колено. Нижним зрением она видела бордовые штаны и свои любимые босоножки. О. Какая неожиданность.

Она подняла голову, смотря вперёд. Шамак и её банда продолжали снимать; камеру Тен-Тен уничтожила одним броском куная. Железо не прошло навывлет, как она и хотела, а застряло в технике. Просто баловство, чтобы напугать оператора.

Шокированный мужчина даже не пошевелился. Тен-Тен не была уверена, что он вообще заметил бросок. Рядом истуканами замерли Чудесные. Милые ребятки, надевшие свои костюмчики и готовые к битве.

«Забери их Талисманы! Забери Талисманы Кота Нуара и Ледибаг!»

«Зачем они мне?»

БОГ промолчал... потому что никакого БОГА не было. Это понимание пронзило голову Тен-Тен болью, короткой, как разряд молнии.

БОГА не было, был Габриэль Агрест, чёртов Бражник со своими бабочками.

«Забери Талисманы, и я расскажу тебе, что было у Габриэля Агреста и твоей матери», — попробовал другую тактику мужчина.

Тен-Тен дёрнула уголок губ и медленно поднялась на ноги. Чудесные, напротив, пригнулись, готовые реагировать на любое её движение. Отлично, бой с Роджеркопом хоть чему-то научил их...

«Ты думаешь, что они учатся, Куноичи? Отвечай!»

«Забавно ты запнулся перед моим именем».

Не было никакого БОГА. Он не мог больше влиять на её сознание. Габриэль слышал её мысли, но очень убого: словно каждое третье слово. Или, возможно, просто улавливал направление размышления. А может, он не успевал за полётом её сознания?

Неудобно, но не смертельно. Тен-Тен сталкивалась с шиноби, которые могли буквально читать мысли и намерения, куда там Шарингану(1). Она освободила своё сознание, наполнила его свежим морским воздухом и грозовой ясностью.

«Подчиняйся», — приказал Габриэль. — «Подчиняйся!»

Её голову уколело, словно кто-то вставил в висок булавку. Тен-Тен, пожалуй, даже не обратила бы на это внимание, если бы не прислушивалась к своим ощущениям. О, нет, это совсем не впечатляло. Боль от выстрела Роджеркопа была в миллионы раз сильнее.

— Хлоя, — подал голос Адриан... Кот Нуар. — Хлоя, ты меня слышишь? Ты можешь с ним сражаться. Ты ведь не подчинишься ему?.. Ты же никому не подчиняешься, верно?

«Подчинись!» — вторил его голосу Бражник.

Смешно, что отец и сын говорили совершенно разные вещи. Тен-Тен прикрыла глаза, наслаждаясь родным течением чакры в теле.

Влияние Бражника на сознание было сродни иллюзиям её мира. И сбрасывалось оно так же: коротким выплеском внутренней энергии или полной её остановкой. Тен-Тен не могла предугадать последствия от замораживания чакры внутри, учитывая её искусственную природу, так что ограничилась выплеском.

Ударная волна разошлась от неё во все стороны. Чудесные схватили людей, находящихся поблизости, и рванули подальше от эпицентра. Тен-Тен поморщилась: у неё никогда не было сил для такого разрушения, и времени на перестройку стиля боя тоже не

было. Значит, придётся не считаться с сопутствующим уроном и по чуть-чуть снижать силу выплеска. Дозировать.

Чакра Тен-Тен понадобится: она не могла не воспользоваться возвращением прошлых способностей. Тем более причина акуманизации — Габриэль. Идеальный повод, чтобы изучить обиталище врага!

Наркоман на скамейке ошалело хлопал глазами, смотря на приближающуюся Тен-Тен с раскрытым ртом. Волосы мужчины встали дыбом, очки снесло порывом силы. Остановившиеся глаза следили за подходящей «одержимой» с обречённостью смертника. Однако Тен-Тен не собиралась его убивать.

Были способы и поинтереснее.

Она сложила несколько печатей, восхищаясь былой гибкостью суставов. Руки мигнули нестабильным зелёным, и Тен-Тен приложила загоревшиеся ладони к голове мужчины. Почти сразу же тот дёрнулся в сторону, перевешиваясь через спинку лавочки.

Его тошнило так, словно вся дрянь, что была в его организме, выходила наружу. В каком-то смысле так и было. Тен-Тен не была способна к медицине, но у Сакуры кое-как вышло научить её технике, выводящей яды и потенциально опасные вещества. Полезное умение, жаль, Харуно разработала технику после войны с Суной. Песчаники обожали использовать в бою яды.

— Стой, акума! — крикнула Маринетт.

Тен-Тен схватила йо-йо, летящее в неё, за леску и слегка дёрнула на себя. Несильно, но Ледибаг хватило: слишком она вложилась в швыряние своей игрушки.

Маринетт рухнула на асфальт и выпустила леску из рук. Если бы не волшебный костюм, Дюпэн-Чэн точно разодрала бы локти и колени в мясо.

— Совсем не следишь за равновесием, — покачала головой Тен-Тен, рассматривая йо-йо вблизи. — Прости, но это я заберу.

«Не йо-йо, Куноичи! Серьги!»

Более слабый всплеск силы отбросил Ледибаг назад; голос в голове пропал. Кота, кинувшегося на выручку своей напарнице, тоже отшвырнуло. Тен-Тен дёрнула леску на себя, и та смоталась, словно слышала мысли Такахашаи.

План, рождённый в её голове, был прост: Ледибаг применяла всю свою магию при помощи йо-йо. Значит, если лишить её игрушки до применения Супер-Шанса, то никакой помощи от удачи девочка не получит. Плюсом шла невозможность Исцеления, что могло стать для Тен-Тен очень полезным.

Она убрала йо-йо в карман штанов и слегка улыбнулась. Кот, уже успевший прийти в себя, снова кинулся на неё, замахиваясь шестом. Слабая позиция, но много силы, вложенной в оружие, которое не могло сломаться. Это было опасно.

Она сделала шаг в сторону, мимолётно растрепав волосы Нуара, когда парень врезал шест в асфальт. Кот выпучил глаза, словно она его ударила под дых, и в шоке отскочил в сторону, держась руками за голову. Будто она хотела с него снять скальп, честное слово.

Шест Нуар оставил у ног Тен-Тен. Оружие вошло глубоко в асфальт, но Такахашаи без проблем вытащила железку. И бросила её обратно Нуару.

— А? — окончательно растерялся Кот.

— Защищай свою благоверную, — посоветовала Тен-Тен, складывая мудру концентрации(2). — Я не уверена, что она сможет снять синхронизацию, если не вернёт йо-йо.

— Что? Стой!

Звук слабенького взрыва — и всё вокруг заволокло плотным дымом. Тен-Тен сложила пару печатей, используя технику замены — базовое умение любого шиноби, позволяющее менять себя с любым предметом поблизости. Обычно менялись с другими людьми, поскольку выбранный предмет должен был обладать примерно той же массой, что и ты.

Тен-Тен поменялась с манекеном из магазина, расположенного недалеко от парка. Материала болванки и одежды хватило для замены, а рассеивающийся дым скрыл следы побега. Начался мелкий дождик, гром зарычал совсем близко. Погода оказалась максимально подходящей для скорого побега.

Тен-Тен бежала по крышам, ловя лицом капли и порывы ветра. Париж не был Конохой и не проектировался для шиноби, привыкших передвигаться верхними путями: то и дело Тен-Тен приходилось прыгать, карабкаться, пригибаться и уворачиваться. В её родной деревне ходить по крышам было едва ли не удобнее, чем внизу; жаль, что про город Хлои она не могла сказать того же.

Постепенно дома из низеньких, более или менее пригодных для бега, превратились в гигантов. Тен-Тен пришлось использовать отобранное йо-йо, чтобы с удобством перемещаться по городу. Игрушка слушалась, словно Такахаша была её хозяйкой. Это, признаться, удивляло: неужели магия, — квами, — не сопротивлялась захватчице?

Или Тикки, что было бы вполне ожидаемо, оказалась на стороне Тен-Тен?

Очередную попытку Бражника сказать что-либо Тен-Тен прервала на полуслове, полыхнув чакрой. Произошло это в перелёте с одной крыши на другую, так что потенциал сил просто развеялся. Только окна слегка задребезжали, словно от порыва урагана.

Тен-Тен на это тихонько рассмеялась. Стальной Ветер, да.

Её путь лежал в двух направлениях: в первую очередь к отелю Буржуа, потом к поместью Агрестов. Изначально Тен-Тен хотела ограничиться посещением обитателя Бражника, но после отъёма йо-йо в голове Куноичи мелькнула шальная мысль: если не будут использованы Супер-Шанс и Исцеление, значит, всё, что Тен-Тен принесёт в этот мир, останется с ней. Не так ли?

Дело оставалось за малым: выгрузить привычный арсенал где-нибудь в безопасном месте, — в гардеробной или в обувной, к примеру, — и провести разрыв синхронизации с бабочкой самостоятельно. Оставалась проблема с уничтожением насекомого... но Тен-Тен искренне надеялась, что с этим ей помогут. В идеале, конечно, Лука, но что-то Такахаша больше верилось в помощь от Адриана.

Помня о множестве камер и о прослушке в апартаментах Хлои, Тен-Тен использовала несколько техник сокрытия, чтобы проникнуть в свои комнаты незамеченной. Чакра слушалась, как изголодавшийся по вниманию пёс; в прошлой жизни Тен-Тен ни разу не ощущала подобной покладистости. Было странно думать о собственной энергии как о чём-то самостоятельном.

Куноичи проникла в комнаты, полностью уверенная в собственной незаметности. Легко добравшись до гардеробной, Тен-Тен усмехнулась: бинго! В комнатах как раз недавно закончилась уборка, и дверь гардеробной оставили открытой, чтобы вещи не пропитались запахом бытовой химии.

Удачно. Было ли это стечение обстоятельств или влияние удачи от йо-йо?

Тен-Тен проскользнула в гардеробную, оттуда — в обувную. Здесь было темно, поскольку комната не имела окон. Куноичи это было только на руку, потому что она

столкнулась с небольшой трудностью.

Она наизусть помнила, какое оружие где находится в её доспехе; в конце концов, знание собственного арсенала было гарантом её выживания. Однако сейчас на Тен-Тен была одежда, которую она не носила более семидесяти лет. Такахаши понятия не имела, что у неё в свитках. Ей пришлось распечатывать их и просматривать оружие вручную.

Это заняло время и два выплеска чакры против Бражника — слабых, но потенциально заметных. С холодной головой Тен-Тен отметила, что уровень внутренней энергии просел примерно на треть. В общем она сделала шесть выплесков, блокирующих Бражника в её голове, плюс некоторое количество чакры съел бег по крышам и техника для наркомана.

Судя по ощущениям, чакра тратилась, но не прибывала. Это было логично: внешность Тен-Тен вернулась благодаря магическим силам Нуру и Габриэля; в теле Хлои не было очагов чакры, вырабатывающих этот тип энергии. Значит, Тен-Тен сейчас была подобна батарейке с ограниченным зарядом, и тратить его стоило очень аккуратно.

С сожалением Тен-Тен убрала большую часть оружия обратно в свитки: учитывая стиль жизни Хлои и особенности мира вокруг, Такахаши просто не могла пользоваться катаной, булавами или хотя бы нунчаками. Жаль. Она оставила себе набор метательных игл, складной арбалет на предплечье, несколько кунаев и сюрикенов. Канзаши с острыми концами. Привычный набор ядов и ингредиенты для их восполнения — всё обёрнуто плёнкой и может храниться целых полгода. Достаточный срок, чтобы найти им замену, если понадобится.

Она надеялась, что успеет разобраться с происходящим вокруг намного быстрее. Учитывая плотность нападений акум за последнюю неделю, Тен-Тен или сама умрёт от нервного истощения, или всё-таки прийдёт Бражника на радость квами.

Также Тен-Тен оставила аптечку. Обычная аптечка шиноби, стандартная даже по меркам других военных поселений. Но в этом мире, пока Тен-Тен не разобралась в лекарствах, привычные пилюли были на вес золота.

Все мелкие детали и метательное оружие Тен-Тен сложила в подсумок. Незаменимая вещь, если подумать. Только в мире ниндзя Тен-Тен совсем его не использовала, больше полагаясь на техники и волшебство запечатывающих свитков. В одном таком рулоне можно было, без преувеличений, перенести дом.

Только вот загвоздка: чтобы открыть свиток или запечатать в него что-либо, была нужна чакра. А у Тен-Тен теперь чакры не было.

Последнее, что Тен-Тен оставила себе — набор лент для пучков. Пожалуй, если вещи после ухода акуманизации исчезнут, именно по этим ленточкам Тен-Тен будет скучать больше всего.

Спрятав выложенные вещи среди коробок и нищ, Тен-Тен вышла из гардеробной и направилась к окну. Техники маскировки всё ещё действовали. Такахаши чувствовала, как скользят по её скрытой чакрой фигуре равнодушные взгляды: так ощущались камеры и роботизированные противники. Если не тренировать особую чувствительность к такому вниманию, то можно и не обратить внимания.

Тен-Тен выскочила на улицу, зацепилась ладонью за стекло и быстро полезла наверх. Руки требовали меньшего расхода чакры, чем ноги. Дело было в чакроканалах, которые в ладонях с рождения имели большую тренированность. Так, чтобы зацепиться за вертикальную поверхность, из ладони тратилось пять условных единиц чакры на единицу времени; стопа, даже учитывая проводящий чакру материал обуви, требовала от двадцати единиц чакры.

Это мало кто знал. В основном об экономии чакры задумывались ниндзя-марафонцы, изматывающие своего противника во время длительного боя, и те, кому от рождения не повезло с маленьким энергетическим резервом. Тен-Тен узнала про различную пропускную способность каналов сначала от Неджи, потом от Сакуры.

Сейчас эта информация пригодилась, как никогда.

Она бежала по крышам, используя чакру только для прыжков или для цепляния за стены. Резерв не радовал. Оставалось около трети, и всё. Чакра тратилась не только на открытие свитков, но и на поддержание тела.

Особняк Агрестов был недружелюбен: смотрел тёмными глазницами окон, шуршал по осеннему озлобленным садом. На страже дома стояли Чудесные, в кои-то веке использовавшие голову и сразу понявшие, куда должна пойти акума.

Вот почему они такие умные именно тогда, когда не надо?

Тен-Тен сложила печати и вызвала клона. Не теневого, — на него тратилось преступно много чакры, — а обычного иллюзорного. Простейшая техника, практически не затрагивает резерв. Учитывая, что Чудесные понятия не имели о способах боя шиноби, иллюзии должно было хватить для отвлечения внимания.

В дом было не пробраться: Тен-Тен позвоночником чувствовала электрическую сеть, пронизывающую стены. Не шокер, нет. Датчики, что в её случае почти так же неприятно.

Но кто сказал, что Такахаши нужен был дом?

Клон отправился в особняк, мелькнув перед глазами Чудесных. Герои, как послушные котята, побежали внутрь здания, тогда как Тен-Тен направилась в сад.

Те самые пропавшие два метра живой изгороди требовали проверки.

***

(1) **Шаринган** — Особый вид глаз в клане Учиха, позволяющий предугадывать действия и копировать техники противника. Из-за этой способности многие думали, что обладатели Шарингана способны «читать мысли».

(2) В мире «Наруто» шиноби используют ручные печати, — они же мудры, — для регулирования потоков чакры и использования техник. Ручные печати — это особые положения пальцев и ладоней.

Глава 21. Эмили

Удивительно, но сад успел измениться с момента прошлого посещения Тен-Тен. Несколько зелёных кустарников переделались в золото и охру, пожухла трава, замело листьями выцветшие от света скамейки.

Куноичи шла, согнув колени и склонив корпус. Живая изгородь была высокой, около двух метров, но заброшенной: в некоторых местах появлялись проплешины от недостатка ухода. Цельная зелёная стена при ближайшем рассмотрении оказалась всего лишь дырявым старым полотном.

Тен-Тен пригибалась, чтобы не светить белой туникой в эти проплешины, и перебегала открытые участки лабиринта. Сначала она хотела перемахнуть через колючую стену сразу в участок, скрытый за стенами, но после отказалась от столь опрометчивой затеи: Такахаша была уверена, что Габриэль направил в сторону сада по меньшей мере десятков камер. Маскировка же была несовершенна, и при резких движениях воздух на месте Тен-Тен рябил, привлекая внимание. Шанс быть обнаруженной казался крошечным, но он всё же был.

Тен-Тен никогда не любила зазря рисковать. Кто знает Габриэля? Она совсем не хотела испытывать его терпение лишней раз; достаточно было того, что месье Агрест потерял акуму в её лице.

Поэтому куноичи кралась по саду, всматриваясь в зелёное ограждение и просчитывая, где должен быть нужный поворот. Что могло скрыть его? Это обязательно нечто мобильное, потому что вход в тайное помещение не должен вызывать затруднений. Или относительно мобильное, вроде... да, каменное изваяние подойдёт.

Тен-Тен добралась до знакомой площадки с фонтаном и статуей. Эмили Агрест, — Такахаша проверила имя в интернете, — смотрела на мир с равнодушной мраморной улыбкой. В который раз Тен-Тен неприятно поразилась, насколько женщина казалась ей неприятной. Дело было не во внешности, а в... каменности? Эмили казалась некрасивой, хотя все вокруг только и говорили, что про её очарование.

Ну, может быть, вживую она выглядела более привлекательно, чем высеченная из камня.

Тен-Тен присела рядом со статуей и провела рукой по постаменту. Тот оказался повреждён: на нижней части кончиками пальцев можно было прощупать дугообразные царапины. Старые, кстати, потому что в них забились пыль и грязь. Потому они и не были заметны с первого взгляда.

Вот и вход. Даже не удивительно. Во-первых, Габриэль любил свою жену до безумия, — ха-ха, — во-вторых, статуя располагалась на диво хорошо. Вокруг неё было нечто вроде зелёного навеса из того же кустарника, что и изгороди. Но почему этот ход не использовался?.. Он ведь не использовался же, правда?

Скрупулёзно проверить наличие сигналок или охраны не было возможности. Тен-Тен осмотрела статую и пространство вокруг, провела руками по камню, даже применила простенькую сканирующую технику — всё глухо. Такахаша надеялась, что Габриэль не устанавливал камеру на фонтан. Сама куноичи поступила бы именно так.

— Было бы хорошо, если бы я оказалась большим параноиком, чем он, — пробормотала Тен-Тен, аккуратно потянув статую в сторону.

Постамент с тихим шуршанием сдвинулся, и Эмили повернулась влево. Тен-Тен не

стала сильно отодвигать статую, остановив ту в момент, когда проход стал достаточным. Вдруг на полное открытие установлена сигнализация?

Опять же, Тен-Тен обязательно поставила бы не только сигналку, но и пару ловушек за статуей. Однако Габриэль оказался мягче, менее военизирован и травмирован вечными боями. За статуей не было ничего, кроме разросшейся живой изгороди и практически незаметного прохода.

Оставался вопрос, как крупный мужчина вроде Габриэля протискивался в это небольшое отверстие. Тен-Тен едва не потеряла свитки и пучки, пока пыталась максимально осторожно пробраться в закрытую часть сада. Затем куноичи вернула статую в изначальное положение; сил пришлось приложить больше, потому что обратное движение было менее удобным. Тен-Тен пыхтела, но всё-таки более или менее скрыла следы своего присутствия.

Она не использовала чакру, потому что той оставалось слишком мало. Треть резерва, и неизвестно, как на изменённом теле отразится полный расход всех запасов.

Тен-Тен наслаждалась тем, что чувствовала. Ток чакры, послушные мягкие суставы, готовые к любой нагрузке мышцы... молодость. Она давно не ощущала весь этот спектр одновременно: перед смертью и слова не было о молодости, после перерождения — обо всём остальном. Хлоя по состоянию тела сильно уступала старушке-Такахашаи.

За проходом тянулась небольшая галечная тропинка, заросшая сорняками и травой. Судя по остаткам прошлогодней листвы, Габриэль здесь не ходил несколько сезонов. Невостребованный ход в тайное помещение был грязен и уныл, чего Тен-Тен никогда бы себе не позволила.

Народная мудрость гласит: если есть путь, то будет тот, кто по нему пойдёт. Хорошо, что Габриэль этого высказывания не знал и игнорировал чёрный вход в своё убежище.

Тен-Тен прикинула расстояние от статуи до изгороди — выходило как раз те самые потерянные два метра. Больше здесь и не влезло бы: короткая тропинка заканчивалась железными дверьми прямо в грунте. Вероятно, лестница.

Двери были закрыты на крошечный замок. Тен-Тен даже умилилась, пока вскрывала это небольшое препятствие. Почему-то многие в мире шиноби думали, что маленький замок вскрыть сложнее, чем большой. Ошибались, конечно. Настоящему профи нет дела до размера замка. Если не говорить о крайностях вроде микроскопических замочков или громадин размером с дом — были на опыте Тен-Тен и такие монстры.

Она открыла двери и сразу нырнула в темноту, отрезая от себя свет. Не стоило множить шансы быть обнаруженной.

Из кармана Тен-Тен достала гибкий браслет. Волшебная штучка цеплялась на доспех или на руку и работала после удара, совершенно не тратя при этом чакру. Про себя Такахашаи вознесла хвалебную молитву: куноичи хотела оставить светильник вместе с остальным скарбом в отеле, но послушалась интуицию и не стала выкладывать браслет. Жалко, что он был одноразовым.

Закрепив браслет на груди при помощи завязок туники, Тен-Тен сжала его гладкую поверхность. Помещение вокруг озарилось мягким золотистым светом — слишком слабым, чтобы демаскировать, но достаточным для тренированных глаз шиноби.

Ступени спрятанной лестницы оказались грязными, словно здесь никогда не убирались. Вероятно, часть жидкой грязи во время непогоды стекала вниз через щели в дверцах. Поверхности ступенек наполовину скрылись за влажной глиной. Спускаться обычному человеку было бы крайне сложно.

Пахло плесенью и землёй. Отвратительный запах, Тен-Тен ненавидела его с тех пор, как противники похоронили её заживо в каменной технике. Такахаши не помнила, как её вытащили, но была благодарна поисковой команде, которая её обнаружила, до глубины души. Нашли девушку благодаря парню из Хьюга. Тот сидел на месте погребения и исчез, едва поисковая команда приблизилась.

Естественно, Тен-Тен про это не имела ни малейшего понятия.

У подножия лестницы была дверь — тоже из железа, но более старая. Её поверхность покрывали вензеля, растительный узор и сгнившая до гнили листва.

Тен-Тен ошупала дверь. Никаких замков, петли проржавели почти до основания. Толкнув преграду, девушка ничего не добилась: створки, залитые грязью, даже не пошевелились.

Выбить бы всё это дело к чертям и не париться. Однако взрыв привлечёт ненужное внимание, так что от идеи пришлось отказаться. Хотя, видят боги, Тен-Тен любила подрывную деятельность. Когда клубы дыма вздымались в воздух, как потревоженные на пастбище жеребцы, когда пахло гарью, — но не палёным мясом, она терпеть не могла этот запах, — и в чёрной пыли мелькали яркие всплески огня, Тен-Тен чувствовала себя по-настоящему счастливой.

А ещё взрыв с вероятностью в девяносто процентов решал все твои проблемы. Какие вообще могут быть проблемы, если поместье предавшего заказчика в воздухе, а вместо дома в земле огромный кратер? Вот то-то же.

Тен-Тен ещё немного надавила на дверь, слегка усилив мышцы чакрой. Бесполезно: многолетняя грязь намертво залепила швы, превратив железо в непреодолимую преграду. Для человека.

Куноичи потёрла грязь на двери, слегка растапливая массу. Прилепила поверх неё кусок звукопоглощающей ткани — для изоляции и амортизации. Отошла назад, даже поднялась на несколько ступеней, чтобы дать себе манёвр. Из свитка за спиной Тен-Тен распечатала нож — целиком из металла, размером с предплечье, обоюдоострый.

Размахнувшись, Тен-Тен швырнула нож в дверь, метя прямо в звукоизолирующую ткань. Лезвие с трудом вошло: всё же Такахаши не использовала чакру для усиления броска. Говоря откровенно, она могла бы голыми руками снять эту дверь или погнуть железо, но как бы она тогда вернула всё в прежний вид? Даже если Бражник не ходит здесь, уж погнутую-то дверь он заметит. Куноичи хотела сделать всё чисто и уйти незамеченной.

Тен-Тен вытянула нож из двери и убрала оружие обратно в свиток. Ткань отправилась в карман — просто чтобы не оставлять следов. В двери осталась дыра. Не очень большая, длиной с половину мизинца, а шириной едва ли толще чайного листа. Её хватило, чтобы увидеть обстановку внутри, пусть и очень ограничено.

У техники замены, которую многие шиноби использовали для перемещения, была одна особенность: чтобы перепрыгнуть с места на место, тебе необходимо видеть пункт назначения. Или же знать досконально, что там находится, вплоть до миллиметра.

Тен-Тен не особенно представляла, как перемещение работает, хотя активно им пользовалась. Почему она могла перепрыгнуть любую преграду и попасть в закрытую комнату, если видела клочок пространства внутри? Как тело, — вполне материальное, между прочим, — перетекает через эту крошечную щель? Как объект, который шиноби выбирает себе на замену, притягивается к ниндзя?

Вопросов много, ответа нет. В какой-то момент, устав от непоняток, Тен-Тен решила

просто не задумываться над этими загадками и пользоваться тем, что дают. Не так важно знать процесс, если он приносит тебе пользу.

Прикинув глазом к щели, Тен-Тен пыталась увидеть, на что она могла провести замену. Помещение впереди было громадным, как зал во дворце правителя, но совершенно пустым. Архитектура Тен-Тен радовала, как шиноби: много колонн и балок наверху, ещё больше поддерживающих опор. Если бы ей пришлось здесь сражаться, девушка бы прыгала по всем этим поверхностям, как сумасшедшая лягушка.

Но вот с объектом для замены была проблема. Ничего даже отдалённо подходящего Тен-Тен не видела. Увеличивать угол обзора вместе с дырой ей не хотелось.

Габриэля тоже не было видно. Только огромная, освещённая искажённым из-за витражей светом, пустота вокруг.

Тен-Тен пожевала губу и сложила печать. Перемещаться вслепую было рискованно, потому что с той стороны выдёргивался наиболее подходящий объект. Им могло стать что угодно, от мебели до живого человека. Вот в последнем случае был бы казус. Но, если что, у Такахаши была отговорка: она, вообще-то, акума, и пришла попытать Габриэля насчёт его интрижки с Одри Буржуа.

Техника замены сработала как всегда безупречно. Тен-Тен услышала, как за дверью что-то мягко упало, но не стала акцентировать на этом внимание. Она запрыгнула на одну из балок под потолком, осматривая помещение с высоты.

Даже удивительно, что под домом Адриана располагался чуть ли не бункер. Подвал был поистине исполинских размеров; судя по внутреннему подъёму, помещение занимало несколько этажей. Потолок шёл по диагонали вверх начиная от входа, которым воспользовалась Тен-Тен, и до огромного витража.

Такахаши нахмурилась. Как это она не заметила такую интересную архитектурную задумку, когда осматривала дом? Только если витраж снаружи выглядел как-то иначе; никаких заслонов, судя по чистоте света, не было. Как же Тен-Тен тогда пропустила витраж? Может, он был не из цветного стекла, а имитировал обычное окно? Или зеркальную поверхность... нет, всё равно что-то не сходилось.

Территориально этот витраж был примерно над кабинетом Габриэля. Тен-Тен не исследовала дом досконально, но... но... откуда квадратные метры? Опять волшебство? Что за...

Она не любила подобные искажения пространства. В мире шиноби ты всегда мог доверять своим расчётам, в отличие от ощущений или глаз — мало ли противников-иллюзионистов бегают. Поэтому Тен-Тен напрягало странное помещение, располагающееся непонятно где.

Ну не было в доме Агрестов никаких башен, чтобы спрятать за собой этот витраж!

Принудительно угомнив сознание, Тен-Тен глубоко вдохнула и осмотрелась. Пустое помещение. Цветы, которые Такахаши поначалу не заметила из-за увлечённости метражом. Белые бабочки — ну здесь не удивительно. Саркофаг.

Саркофаг?

Тен-Тен оглянулась. Ни единой живой души, ни Габриэля, ни супергероев. Девушка перебралась по балкам поближе к удивившему её саркофагу и увидела, что тот пуст. Камера была выполнена из стекла, основа — из железа, выплёвывавшего разнообразные трубки и шнуры в стороны. Внутри лежало покрывало и подушка, изрядно примятые из-за долгого использования.

Внимание, вопрос: где труп?

Тен-Тен ощутила холодок, спина покрылась неприятными липкими мурашками. Медленно Такахаша повернула голову в сторону двери, невидимой с этого места.

Техника замены ведь... она ведь вытаскивает максимально подходящий объект. По весу, форме... по телосложению.

Тен-Тен сглотнула и в один прыжок переместилась к двери. С этой стороны она была практически неразличима, но Такахаша видела оставленную ранее рану. Из-за того, что за дверью не было никакого источника света, щёлка казалась чёрной и крошечной.

Световой браслет, поднесённый к ней, ничего не дал. Ну естественно. Если там бессознательный человек, — или труп, не надо отрицать очевидное, — то он будет лежать за пределами поля зрения.

Тен-Тен потёрла лицо и с силой оттянула кожу вниз. Нервный жест. Глазам стало сухо и холодно, так что девушка отняла ладони от лица и покачала головой: теперь дверь нужно было вскрывать в любом случае. Такахаша не могла оставить потенциального бессознательного человека в темноте, холоде и грязи тайного хода.

Труп она не могла там оставить тем более. Тен-Тен была воспитана в традициях страны Огня, и к усопшим у неё сформировалось уважение. Да, она была шиноби и частенько пополняла ряды мертвецов, но это совсем не мешало ей отдавать дань ушедшим из этого мира.

Дверь, оказывается, не только залепило грязью; с этой стороны створки были залиты веществом, отдалённо похожим на воск. Стало понятно, почему у Тен-Тен не вышло продавить преграду: жвачка между дверьми едва заметно пружинила, но не растягивалась.

К счастью, она легко резалась. Ну и оружие у Тен-Тен было очень острым, куда без этого.

Она почти закончила разрезать жвачку, как услышала механический скрежет, а затем торопливые шаги. Бросив дело на полпути, Тен-Тен запрыгнула наверх, на одну из самых высоко расположенных балок. В это помещение мог прийти только один человек, и встречаться с ним Тен-Тен не собиралась.

Как она и думала, вошёл Габриэль. Мужчина спустился, очевидно, через какой-то лифт, о котором Тен-Тен понятия не имела. Хорошо ещё, что у куноичи был крайне обострённый слух.

— Ты всё ещё не можешь провести синхронизацию?

Точно Габриэль, его голос Тен-Тен хорошо запомнила. Говорил мужчина тихо, но в пустом помещении его баритон расходился по каждому углу, как морская пена по песчаному берегу. Несмотря на большое расстояние между собой и месье Агрестом, Тен-Тен замечательно его слышала.

Как она слышала и Нурру: этот писк она бы никогда ни с чем не спутала.

— Да, Хозяин. Последний всплеск силы акумы... у меня всё ещё болит голова.

Габриэль хмыкнул, но ничего не ответил. Тен-Тен крадучись перелезла через несколько балок, чтобы увеличить радиус обзора.

Ради приличия стоило отметить, что последний «выплеск» чакры Тен-Тен сделала минимальным. Ей было нужно экономить энергию, которой осталось слишком мало. Она не могла себе позволить бездумных растрат.

Габриэль направился напрямиком к саркофагу, и противные мурашки сразу же вернулись на спину куноичи. Нет-нет-нет, ну пожалуйста, не иди туда. Посмотри на цветы, поотрывай

бабочкам крылья, покорми Нурру, да хоть разбей каждую стекляшку в витражике. Но только не иди к саркофагу!

Он пошёл именно к нему. Тен-Тен коротко зажмурилась, переживая острый приступ сожаления: ну что же происходит с её удачей?! Раньше не было таких казусов, Тен-Тен никогда не считала себя неудачницей. Этот титул принадлежал другим, не ей. А вот попала в этот мир — и понеслось, одно за другим, третье за вторым. Что ни день, то приключения, что ни действие — то с последствиями.

Нурру, очевидно, почувал что-то: поднял голову и уставился на Тен-Тен огромными от удивления глазами. Такахаши жестом велела мотыльку молчать, и квами, отставший от своего хозяина, ошалело кивнул.

Затем Габриэль закричал.

Это был вопль, исходящий, казалось, из самой его души; так кричали на похоронах возлюбленные, что шли потом за своей половиной в иные миры. Тен-Тен пробрало до костей. Чужой крик отдавался в её ушах и вибрировал в теле даже после того, как Габриэль захрипел.

— Где она... где она?!

Мужчина практически лёг на саркофаг, смотря сквозь стеклянную преграду. Словно если Габриэль ещё немного выпучит глаза, то увидит пропавшую оттуда... Эмили, выходит. Эмили Агрест, которую отец Адриана хранил в холодильнике, словно какой-то окорок.

Но это если Эмили была мертва. А если нет, и за дверью теперь лежит бессознательный человек? Ни в чём не виновный, на минуточку. Тен-Тен не хотелось об этом думать.

— Нурру! — взревел Габриэль, поднимаясь. — Подними тёмные крылья!

Атмосфера изменилась за долю секунды: только что мужчина был и царапал стекло, а теперь вокруг клубились сгустки темноты и ненависти. Нурру засосало куда-то в район шеи мужчины, прежде чем фигура Габриэля изменилась

Он стал выше и шире в плечах. Мощнее. Вместо дизайнерской одежды теперь на нём был тёмно-фиолетовый костюм, в руках Габриэль держал трость. Предчувствуя худшее, Тен-Тен предположила, что внутри могло быть оружие. Дай боги, чтобы не огнестрельное.

Она прикрыла глаза и вцепилась пальцами в балку под собой. Что-то ей подсказывало: это не будет лишним.

И действительно.

— Слушай меня, акума! — зашипел Габриэль.

Она слушала.

«Слушай меня, акума!» — повторил его голос, многократно умноженный силой и магией Бражника, у неё в голове.

— Ты подчинишься!

Она хотела.

«Ты подчинишься!»

Но она не собиралась делать этого.

— И тогда твоя смерть будет лёгкой!

Это было больно.

«И тогда твоя смерть будет лёгкой!»

Больно, блин!

Тен-Тен крепко зажмурилась, на лбу у неё выступил пот, тело тряслось, словно в лихорадке. Пальцы глубоко вошли в деревянную балку и, кажется, куноичи сорвала себе пару

ногтей.

Вместо Габриэля и Бражника снова был БОГ. ОН ошарашивал своей силой и мощью бил по мозгам всесильным голосом, отдавал приказы, которым хотелось подчиниться. Тен-Тен чувствовала себя так, словно её придавило многотонной каменной плитой: ни вдохнуть, ни сказать что-либо. Ноги и руки были слабыми, как макароны.

— Подчинись! — приказал Габриэль, стукнув тростью по полу.

«Подчинись!» — заревел приказ в голове Тен-Тен, взрываясь болью в висках и слабостью в теле.

Пальцы разжались, и Такахаша медленно соскользнула с балки. Падение на пол выбило из неё весь дух, перед глазами заплясали звёзды. То приближаясь, то отдаляясь, они превращались в крошечные искорки или раздувались до размера Солнца.

БОГ молчал. Тен-Тен переводила дух, слепо моргая. Глаза слезились, дрожь в теле не прекращалась. Кое-как собравшись, Такахаша перевернулась на живот и медленно встала на четвереньки.

Она снова вспомнила, что не было никакого БОГА. Только Габриэль и Бражник. Но ей потребовалось почти пять секунд молчания мужчины, чтобы вернуть себе это знание.

Непорядок.

Кунай скользнул в ладонь из рукава, глаз привычно отмерил расстояние. Секунда на бросок и полёт оружия, прежде чем оно вонзится в глотку мужчине. Бражнику, Габриэлю, БОГУ — неважно, любой из них захлебнётся в крови, когда из горла у них будет торчать одна только стальная рукоятка.

Она уже начала движение, как в её голове раздалось сразу два голоса.

«Подчинись!» — немного неуверенно приказал БОГ.

«Не убивай!» — истерично взвизгнул Нурру.

В последнее мгновение Тен-Тен сместила руку, и кунай полетел на пару сантиметров левее, чем должен был. Железо срезало выступающую часть костюма Бражника, оставив при этом самого мужчину в целости. Не давая Габриэлю времени прийти в себя, Тен-Тен бросилась вперёд, преодолевая сопротивление тела.

О, больше всего в этот момент она желала подчиниться приказу Бражника, чтобы её боль, наконец, закончилась. Неповиновение ощущалось ломотой в каждой косточке, растяжением души, подавлением. Но воля Тен-Тен была намного сильнее, чем приказы обычного человека. Пусть они и были усилены магией.

От удара под дых Габриэль задохнулся. Кулак другой руки вошёл в мягкое место под челюстью; клацнули зубы. Агрест от силы удара подлетел практически до потолка и рухнул с этой высоты вниз, чтобы больше не шевелиться.

Тен-Тен опустила на пол, переводя дыхание. Во рту было сухо и горько, словно её опять отравили песчаники. Голова кружилась, и мир вокруг казался деформированным, ненастоящим. Сложив пару печатей, куноичи применила к себе лечебную технику — слабенькую, почти не помогающую.

Девушка подползла к Габриэлю и нащупала пульс. Агрест был жив. Вот же магия: обычный человек после удара Стального Ветра не то что не поднялся, но и прекратил бы дышать. А здесь ничего. Лежит, будто так и надо, и даже все зубы на месте.

Тен-Тен скрестила ноги и глубоко вдохнула сырой воздух. Бабочки, летающие вокруг, добавляли ситуации сюрреализма: только что произошёл один из самых коротких боёв за жизнь Тен-Тен, — при этом он не прошёл без последствий, — а они тут порхают, словно

ничего не произошло.

Чтобы прийти в себя, ей понадобилось около десяти минут. И даже по прошествии этого времени Тен-Тен чувствовала тошноту, словно кто-то только что хорошенько приложил Такахаша по голове. Куноичи едва встала из-за этой дурноты.

Пнув бессознательного Бражника, Тен-Тен нахмурилась. И почему она не спросила, какой у Нурру Талисман? Сейчас бы отобрать эту побрякушку, и всё.

Хотя если есть тот таинственный парадокс, то неизвестно, к чему приведёт это решение. Так что Тен-Тен даже не стала обыскивать Габриэля. Она точно нашла бы Камень Чудес рано или поздно, — тот явно был в районе горла, — но вот сталкиваться со взбешённой магией ей совершенно не хотелось.

Тен-Тен едва дошла до двери, за которой было тело Эмили. Тяжело привалившись к железу, Такахаша прижала руку к животу и поморщилась: под диафрагмой болело. Как и под челюстью. Те удары, что получил Габриэль, отразились и на ней самой. Лечебная техника совсем не помогла.

Коротко ругнувшись, Тен-Тен ударила по двери. Этого хватило, чтобы створки слегка приоткрылись, осыпаясь грязью и ошмётками резиноподобной склейки. Удивительно: оказалось достаточно разрезать этот сургуч, чтобы непреодолимая преграда исчезла.

За дверью действительно лежало тело. Эмили Агрест. В белом платье, словно женщина гуляла по летнему саду и вдруг решила уснуть. Выражение её лица было безмятежно-расслабленным. Удивительно, что светлая ткань не испачкалась в грязи: упала Эмили на единственный более или менее чистый участок пола.

Поднимая женщину на руки, Тен-Тен поняла лишь одно: Эмили Агрест была мертва. Пусть лицо её не искажала посмертная гримаса, а конечности свободно гнулись, в этом не оставалось сомнений. Тен-Тен достаточно возилась с трупами, чтобы определять, жив ли человек рядом с ней.

Она отнесла тело к саркофагу. Стекланный купол оказался сдвинут набок — в момент припадка Габриэль не верил своим глазам и открыл крышку, чтобы убедиться в пропаже, так сказать, вручную. Тен-Тен уложила женщину в саркофаг и аккуратно расправила подол платья.

Мёртвые заслуживали уважения. Живые тоже, конечно, но...

Тен-Тен нахмурилась и слегка наклонилась. На подоле платья, — оно было лёгким, чуть ниже колена, и очень красивым, — она увидела едва различимые пятна. Коснувшись одного из них кончиками пальцев, Тен-Тен сморщилась в отвращении: сперма.

Пазл в голове сложился с тихим щелчком. Нурру просил не судить своего человека строго; дескать, это всё не он, а парадокс, который расшатывает мозги. Тен-Тен было плевать: Габриэль Агрест в её глазах не просто упал, а провалился в пропасть. Самыми отвратительными человеческими проявлениями Такахаша всегда считала мародёрство и некрофилию.

Установив крышку гроба обратно, Тен-Тен подошла к Габриэлю и ещё раз пнула мужчину под рёбра. У неё самой тотчас вспыхнул огонёк боли в том же месте, куда она нанесла удар. Вероятно, это был механизм предохранения, чтобы акума не нападала на своего создателя.

Тен-Тен плевать на это хотела.

Она села рядом с Габриэлем на корточки и задумалась. Как долго он насилует труп? Вряд ли он начал промышлять этим давно, окружающие бы заметили. Отравление трупным

ядом обычно совпадало по признакам с обычным: тошнота, рвота, диарея, слабость, головокружение, обезвоживание. Потом — ухудшение иммунитета и всяческие болячки.

На сознание трупные яды, несмотря на все байки вокруг них, не влияли. В самых крайних случаях отравления могли возникать галлюцинации, но в этом случае человек уже не выживал. Это было больше похоже на горячечный бред умирающего.

Тен-Тен сама провела несколько дней наедине с трупом в очень тесном помещении, но заработала только переутомление и общее отравление. Сакура рассказывала, что в трупе всего четыре яда, название которых Тен-Тен, конечно же, не помнила. Самые опасные — в кишках, в вагине и в мозге, остальные не так влияют на живых. Поэтому, оказавшись взаперти с трупом, Тен-Тен просто к нему не приближалась. Ну, насколько это было возможно.

Труп опасен прежде всего из-за бактерий, которые развиваются у него внутри. Когда человек умирает, эти маленькие дряни празднуют в честь своего кормильца и размножаются со страшной скоростью. Не подходи, не трогай, не контактируй — и всё будет хорошо.

Сожги труп, и всё вообще будет замечательно.

Габриэль насильовал труп вместо того, чтобы его сжечь. Контакт... был максимально близким, хотя Тен-Тен заметила, что тело Эмили пытались сохранить в первозданном виде. Мужчина был отравлен и болел неизвестно чем.

А ведь он был рядом с Адрианом. Всеблагие боги, дайте Тен-Тен сил.

Прибить бы его — и дело с концом. Тен-Тен встала, отошла от Габриэля и пошла в направлении своего прошлого броска. Кунай вонзился в стену, и чтобы достать его, Такахаша пришлось перелезть через клумбу с тёмно-зелёными колючими растениями.

Она прошла к двери, ведущей к тайному ходу, и захлопнула створки. Резиновая прокладка отлично лепилась, лишь стоило её нагреть. С этим помогла зажигалка, которую Тен-Тен когда-то подарил Шикамару. Отличная штука, только Такахаша потеряла её на войне, когда поджигала фитиль в стане противника.

Повертев в руках кунай, Тен-Тен вернулась к поверженному Бражнику, но пинать его ещё раз не стала — перегорела, наверное. Нурру просил не убивать. Ну ладно, просьбой это не было, скорее панический вопль на грани разумного.

Это было проявлением привязанности к Габриэлю или же разумный приказ из-за наличия парадокса? Тен-Тен не знала, но на всякий случай убрала кунай в свиток. Зажигалку положила рядом с мужчиной — проверить, останется ли вещь после пропажи одержимости.

Затем куноичи сложила десяток ручных печатей и хлопнула ладонями по груди Габриэля. Тен-Тен вложила все остатки своей чакры в технику, которой Ино, — да и Сакура, — пользовалась по двадцать раз на дню: Техника Запечатывания Сознания.

Такахаша не была искусна в делах допросов и в разведке, но эту технику куноичи знала в совершенстве. Техника Запечатывание Сознания, несмотря на своё название, взаимодействовала с памятью, блокируя нежелательные воспоминания. Сил у Тен-Тен было немного, но она надеялась, что их хватит для перекрытия короткого боя.

А уж про обморок пусть Нурру думает. И объясняет тоже он.

С ушедшей чакрой пропали и силы. Тен-Тен закрыла глаза, мысленно прощаясь с собственным телом: она вновь вернула облик Хлои Буржуа, даже не заметив момента перехода. Что обидно, рёбра от этого болеть не перестали.

В кармане джинсов было йо-йо Ледибаг. Тен-Тен подняла зажигалку с пола, достала игрушку и пару раз швырнула её — на пробу. Йо-йо слушалось, как вторая рука. Хорошие

новости.

Она зацепилась за одну из балок и дёрнула леску на себя. Йо-йо спружинило, тело Тен-Тен легко поднялось чуть выше нужной высоты, игнорируя законы физики. Как раз, чтобы было удобно забираться на выбранную балку.

— Спасибо, — сказала куноичи, поцеловав игрушку.

Поскольку чёрный выход был запечатан, а лифтом Тен-Тен пользоваться не собиралась, оставался лишь один способ выйти из убежища Бражника — через витражи. Бить их Такахаша не собиралась, да и незачем: прямо по центру отсутствовал кусок стекла. Достаточно большой, чтобы пролезть сквозь него.

Ну или пролететь, как хотела сделать это Тен-Тен.

Она обвила леской руки, чтобы не травмировать запястья, зацепила йо-йо за балку выше и принялась раскачиваться, как на качелях. Почему-то была уверенность, что игрушка Ледибаг не подведёт и отцепится именно тогда, когда это потребуется. Так и произошло: во время одного из раскачиваний Тен-Тен почувствовала, что больше не держится за балку, а свободно летит вперёд, ровно в отсутствующее стёклышко.

Она вылетела из витража, не задев ни одной стекляшки. В воздухе её перехватили знакомые руки, не давая упасть.

— Привет, принцесса, — хмыкнул Лука, не смотря на неё.

Парень был в своей змеиной форме — то есть чертовски горяч и привлекателен. Но Тен-Тен так вымоталась из-за самоакуманизации и последующих нервов, что была просто неспособна оценить открывающийся экстерьер.

Она скатала леску на йо-йо и позволила себе наконец расслабиться. О том, почему Лука не пришёл раньше, она тоже не стала спрашивать — мало ли дел у супергероя со стажем.

— Подработаешь сегодня курьером?

Надо было найти Адриана и успокоить его насчёт Тен-Тен. Саму Такахаша стоило бы отнести домой. То есть, в отель.

И, конечно, нужно было вернуть йо-йо Ледибаг.

Лука улыбнулся, обнажив клыки.

— Из-за этого я и здесь, змейка.

Глава 22. Одри?

Лука отнёс Тен-Тен в комнаты Хлои, а сам убежал возвращать оружие местной супергероине. Такахаши, очутившись в спальне, просто прошла к кровати и рухнула в неё лицом, даже не разуваясь.

Рёбра ныли, челюсть тянуло. Тен-Тен лежала, уткнувшись носом в пахнущие лимоном простыни, и хотела спать. Но не позволяла себе этого. Ещё столько предстояло сделать...

К примеру, нужно было позвонить Адриану и сказать, что с Тен-Тен всё в порядке. С Агрестом-старшим, правда, не очень, но это её уже не касалось. Ещё стоило сходить в обувную и проверить, не нашёл ли всевидящий Жан вещи, которые Тен-Тен себе оставила.

В том, что они не исчезли, Такахаши была уверена: зажигалка Шикамару всё ещё была у неё в переднем кармане джинсов и пребольно впивалась в бедро. Это зудящее ощущение не давало Тен-Тен уснуть, но и двигаться девушке было слишком лень. Вот и лежала, таращась открытыми глазами в бежевые простыни.

Пошевелиться ей всё-таки пришлось: в пальто от Бражника оказалось слишком жарко. По-змеиному извиваясь, Тен-Тен кое-как расстегнула дизайнерские пуговицы и сбросила вещичку с плеч. Сразу стало легче и появилось желание жить.

Не теряя этого ощущения, Тен-Тен перевернулась на спину. Чуть подумав, девушка села. Стоило взять себя в руки и на самом деле проверить, нашёл ли Жан оставленное оружие. Только нянь Хлои был настолько глазастым, что мог увидеть спрятанное в тёмной комнате.

Тен-Тен стянула обувь и взяла её в руки. Миленькие ботиночки, но совсем не её босоножки. Интересно, куда Адриан дел обувь Хлои. И откуда эти ботинки? Неужели тоже ограбил отца? Или, может, Хлоя оставляла у парня свою обувь раньше? Да нет, вряд ли: они оба были подростками, и нога Хлои всё ещё продолжала расти. А эти ботинки были как раз впору.

Тен-Тен встала с кровати, подарив ей на прощание последний, полный сожаления взгляд. Ничего, со всей этой акумной историей прошло достаточно времени и скоро Такахаши вернётся к подушке: часы показывали половину восьмого вечера. За неполные восемь часов Тен-Тен успела завалить интервью, завалить городского злодея и чуть не свалиться от переутомления. Продуктивный день, иначе и не скажешь.

Она отнесла ботинки в обувную. Все вещи лежали на своих местах; Жан, даже если обнаружил прибавление среди каблуков и босоножек, ничего не трогал. Сам мужчина появился в комнатах лишь через десять минут после того, как Тен-Тен приняла душ и переделалась в домашнюю одежду.

Выглядел Жан так себе: нервный, слегка бледный, помятый. Хотя было видно, что он попытался привести себя в порядок перед тем, как предстать перед глазами мэрской дочери.

— Мадмуазель... хорошо себя чувствует? — спросил нянь дрогнувшим голосом.

Волновался. Вот ведь печаль: нянь переживал за Хлою больше, чем её собственный отец. Тот вообще при истории с Роджеркопом практически отказался от дочери... и не помнил этого. Славься, Чудесное Исцеление.

Тен-Тен посмотрела на мужчину и неопределённо пожала плечами. Ну, с Хлоей всё было крайне печально хотя бы потому, что Такахаши сидела на диване вместо неё. Себя же Тен-Тен назвать мадмуазелью пока не могла — ей как-то привычнее были другие обращения.

— Ваше интервью, — предпринял ещё одну попытку Жан, — прошло немного... не так, как планировалось.

— О, да скажи, что я его конкретно завалила, и оставим уже это, ладно? Провал полнейший, ещё и бабочку словила на камеру. Это же был долбаный прямой эфир!

— В вашу защиту могу сказать, что выбранная мадам Шамак тема была излишней.

— Сука эта Шамак, вот и всё.

Что показательно, на это высказывание Жан предпочёл промолчать.

Тен-Тен приняла от мужчины папку с новым расписанием. Было приятно, что Жан запомнил желание Такахаша получать информацию в таком виде, а не через разговор. Возможно, это не было присуще Хлое, однако Тен-Тен пока слишком сильно зависела от Андрэ и его указаний, чтобы по неосторожности забыть что-либо из составленного для Хлои расписания.

На воскресенье, насколько Такахаша помнила, планировалось открытие статуи Чудесных супергероев. Надья Шамак, так не понравившаяся Тен-Тен из-за своего скотского характера, должна была стать ведущей события для телезрителей. Такахаша не была уверена, что теперь, после провального интервью с последующей акуманизацией Хлои на глазах парижан, Надья получит это место.

И поделом.

Папка удивила. На воскресенье было запланировано «Большое Торжество». Именно так, с использованием больших букв. Информация об открытии статуи казалась рядом с этими словами незначительной припиской. Понедельник обещал «Великое Посещение» дома Адриана. Вторник — «Невероятное Интервью», среда — «Потрясающий Отдых», четверг — «Прощальные Слезы». И всё. Никакой конкретики, не было даже указания места или времени для этих странных названий. Пятница была подписана как «серые будни», даже без заглавных букв.

Тен-Тен подняла глаза на Жана и скривила губы. Нянь стоял с каменным непроницаемым лицом, и отчего-то Такахаша показалось, что чувствует себя мужчина мучеником на допросе.

— Это что, шутка какая-то?

— Никак нет. Ваша матушка прибывает. Уже завтра.

Словно это всё должно было объяснить. Тен-Тен швырнула папку на столик перед диваном, откинулась на спинку и скрестила руки под грудью.

— И что, цирк приезжает вместе с ней?

— Цирк? — не понял Жан.

— Ну, судя по названиям в папке, представление будет знатным.

Мужчина улыбнулся самым уголком губ, коротко кивнул, — то ли соглашаясь со словами Тен-Тен, то ли прощаясь, — и вышел из комнаты.

Такахаша задумалась.

Что она знала об Одри Буржуа? Да ничего, в общем-то, одиозная политическая фигура отца беспокоила Тен-Тен больше. Просто из-за того, что Андрэ был ближе и мог влиять на её жизнь. Мать Хлои же находилась за тысячи километров от нового тела Тен-Тен и никаких опасений не вызывала.

До этих пор.

Девушка взяла мобильник и отправила СМС Адриану: всё в порядке, я дома, не беспокойся. Залезла в интернет. Мимходом отметила: стоило бы сменить пароль, потому

что её перестал быть актуальным. И углубилась в чтение.

Через десять минут картина была ясной, и оттого ещё более печальной. О, Одри! Одри Буржуа... как много было в звучании её имени блеска, роскоши, упрямства и злобы! Пьедестал своего почёта эта женщина возвела на критике, скептическом отношении и жестоких словах. Одри была знаменита, но слава эта отдавала гнильцой.

У неё было несколько романов на стороне, и эти новости активно обсуждались на американских сайтах; несмотря на действующий брак с Андрэ, нашёлся ещё один «гражданский муж», имени которого не упоминалось — явно азиат, если судить по размытым фото в зарубежных журналах. Тен-Тен поблагодарила богов за необычайное открывшееся умение: для неё не существовало разделения языков, на здешнем английском она читала так же хорошо, как и на французском. Уникальная и очень нужная способность для человека, которому нужно влиться в новый мир.

Одри была дивой. Её слова цитировались, наряды обсуждались, пойманный на фото взгляд из-под очков стоил баснословные деньги. Женщина была красивой и абсолютно сделанной: вставная грудь, накачанная чем-то задница, удалённые рёбра и искусственно уменьшенная талия. От девочки-студентки с общего фото университетского потока к нынешнему моменту остался только цвет волос.

И Одри почему-то ненавидела свою дочь. Тен-Тен поняла это намного раньше из переписки Хлои и её матери. Знание укрепилось, когда Такахаши прочитала несколько интервью с мадам.

«Хлоя? Кто это? Ах, Клои...»

«А? Что? Французская дочь? Какая дочь? А-а, дочь!»

«Ну, мне всё равно, что там происходит во Франции. Как вам мой маникюр а-ля франсель, кстати? Божественный!»

И всё в таком роде. Одри Буржуа в этом мире интересовала только Одри Буржуа. И, может быть, эпатаж.

Как относиться к прибытию этой дамочки в Париж, Тен-Тен не знала. Ей стоило паниковать или беспокоиться? Или можно было расслабиться, потому что Одри, как обычно, будет занята исключительно собой?

Нет, судя по расписанию, не в этот раз. Одри явно отреагировала на неудавшееся интервью: всё же акуманизация была разыграна из-за «связи» женщины с Габриэлем. Интересно только, почему же эта новость стала для Буржуа пинком под накачанные ботоксом ягодицы. Неужели её репутация не потянет ещё одну интрижку помимо второго мужа?

Перелистывая новостную ленту, Тен-Тен искала хоть что-то, способное объяснить поведение Одри. Французские СМИ мусолили тему грустненькой Хлои: бедный ребёнок которого не любит мамочка, как же тебя довели, несчастненькая. Тен-Тен равнодушно скользила взглядом по обилию хвалебных строчек в адрес подростка, чувствуя лишь слабую невнятную тоску. Где вы все были, когда маленькой девочке это было нужно? Хлоя всё время пыталась подтвердить собственную значимость, и такая пиар-акция была бы для неё бальзамом на сморщенную душу.

Тен-Тен же подобное только раздражало. Чтобы не мотать себе нервы, девушка переключилась на новости Америки — и почти сразу нашла то, что искала. Статья бросалась на читателя с обвинением сразу же из заголовка: «Мы Вверяем Нашу Моду Снежной Королеве!»

Симпатичненько, ничего не скажешь.

В обтекаемых выражениях автор статьи писал про мораль и её разложение. Не было названо никаких имён, но, если судить по дате выхода этого опуса и количеству опечаток, писака смотрел прямой эфир с акуманизацией и отреагировал незамедлительно. Даже вычитать текст толком не успел.

Автор призывал народ Америки, — не так: Народ Америки! — к перестановке приоритетов. Дескать, настоящий законодатель моды должен быть, прежде всего, настоящим семьянином — в соответствии с ценностями Великого Американского Народа. Статья изобиловала лозунгами, призывами и цитатами, причём неточными; при этом автор умудрился написать всё настолько обтекаемо, что в суд на него не подашь и при всём желании. Настоящий талант.

Тен-Тен постучала пальцем по губам, потом прикусила ноготь. Вот она, причина реакции Одри. Чтобы сохранить своё место модной дивы в Америке, женщине требовалась поддержка семьи — официальной, она имеет в виду. Пусть на самом деле никакой семьи у женщины не было, дочь свою она ненавидела, мужа презирала, а Францию считала отстойной страной с ужасной кухней. Видимо, не хотела есть ни лягушек, ни рыб, ни улиток. Может, боялась употребить дальнюю родственницу?

Отложив телефон, Тен-Тен подтянула ноги на диван и уселась в позу лотоса. Нужно было подумать, что делать. Ясно как день, что Одри прицепится к ней клещом: Андрэ вне зоны доступа из-за работы, второй таинственный ребёнок наверняка останется в Америке, дабы не смущать общественность, а Хлоя... ну что Хлоя, что Тен-Тен могла сделать, чтобы избежать нежелательного общения?

Хотя стоило ли ей его избегать? Тен-Тен нахмурилась и переплела пальцы в замок. Что-то в её голове не сходилось: было много разрозненной информации, которую подсознание пыталось соединить в одну картинку. Не получалось, потому что внутренняя работа не выходила на поверхность. Так всегда было: лишь по окончании незаметных размышлений Тен-Тен понимала всю подоплёку ситуации. Значит, оставалось только ждать, пока её голова родит какую-нибудь гениальную мысль.

Время подходило к отбою. Жан лично принёс ужин и чай в гостиную, где Тен-Тен медитировала и успокаивала разум. День выдался насыщенный, — как и прочие дни в этом мире, будь они неладны, — и Такахаша требовался хотя бы час покоя. Поэтому все мысли про Одри, Андрэ, Бражника и прочие неприятности ушли на задний план. И про Сабрину, конечно, тоже. Тен-Тен совсем не хотела думать о том, почему рыжая травит её и чего стоит ожидать в будущем. Совершенно не хотела. Абсолютно.

Но думала. Почему?

Она открыла глаза и нахмурилась. Еда на столе выглядела обычно: салат, рис, чайник над свечкой для подогрева. Никаких изысков, как Тен-Тен и просила ранее.

Почему она думала о Сабрине, если сегодня они практически не контактировали? Рыжая даже не обрадовала свою «подругу» СМС или хоть каким-то напоминанием о себе. Она вообще никак не давала о себе знать, что было... странным? Да, наверное, именно так.

Получается, Тен-Тен сегодня пропустила день приёма яда? Она нормально себя чувствовала — возможно помогла самоаккумуляция или что-то другое. Никакого недомогания, да и слабости было меньше чем обычно. Интересно.

Может, влияние отобранного на время у Ледибаг йо-йо? Было бы хорошо.

Ладно, неважно. Сабрина. Которая не звонила и не писала, хотя точно смотрела

интервью с Шамак — рыжая обожала красную, как бы смешно ни звучало, и все записи с телеведущей были сохранены у Ренкомпри на компьютере. Не могла Сабрина пропустить очередное блистательное интервью с её любимой Надьей.

Значит, игнорирование Хлои вполне осознанное. И оно как-то связано с Одри, Тен-Тен чувствовала это внутри. Шикамару называл такое ощущение «у меня свербит копчик».

Очень точное описание, если кто спросит.

Значит, Сабрина, отравление и Одри. Как это всё связано? Насколько Тен-Тен знала, — она не была уверена в правдивости своих предположений, — Сабрина никак не контактировала с Одри Буржуа в обход Хлои. Вполне логично: Одри не интересовала собственная дочь, так почему она вдруг должна вспылать любопытством к её подруге? При этом мать Сабрины очевидно боялась чего-то, связанного и с Хлоей, и с Андрэ. Но не их самих.

Могла ли рыжая медсестра бояться Одри? И если да, то из-за чего родилось такое отношение?

Слишком мало информации.

Тен-Тен быстро съела ужин и перетащила чайник в спальню. Устроившись в постели, Такахаша медленно цедила напиток и даже не знала, о чём думать.

В итоге пришла к обычному для себя выводу: не можешь больше думать о работе — размышляй о прекрасном. Так в последние дни Тен-Тен могла назвать только Луку... которого опять не было рядом. Отвратительно. Парень, несмотря на собственные супергеройские способности, совершенно не пользовался ими, чтобы пробираться к Тен-Тен в комнаты по ночам.

Написав Луке недовольную СМС, Тен-Тен установила будильник на раннее утро, чтобы не пропустить очередную пробежку. На завтра по расписанию было запланировано «Большое Торжество» имени Одри Буржуа, и Тен-Тен не собиралась из-за чужих желаний в который раз поступаться собственными. Она ведь не Хлоя, в конце концов.

Вот ведь Одри ждёт завтра сюрприз.

Ночь прошла спокойно кроме одного момента: Тен-Тен проснулась, когда Лука кинул в неё крошечный камушек. Змей стоял напротив окна, и чешуя сверкала, отражая городские огни. Золотые яркие глаза сияли, словно подсвечиваясь изнутри.

— Ты чего кидаешься? — возмутилась Тен-Тен, отправляя камушек обратно.

Он пригнулся, но с запозданием. Чуть не словил снаряд лбом.

— Во всех остальных случаях ты меня убиваешь.

Такахаша закатила глаза и приглашающе откинула одеяло. Лука улыбнулся и, скинув змеиную шкурку, — отвратительное зрелище, примерно так же Орочимару снимал кожу, только у Куффена его «чешуя» быстро истаяла в воздухе, — разделся и залез под одеяло.

— Ты его совсем не нагрела, — пробормотал он, прижимаясь к Тен-Тен горячим телом.

Такахаша фыркнула, прогибаясь в пояснице.

— А ты жаркий как печка. И кто из нас хладнокровное?

— Могу передать часть жара тебе, змейка.

Тен-Тен предвкушающе закусил губу... чтобы почти сразу поморщиться от сожаления. Ей действительно нужен был отдых, да и прибытие утром Одри должно потребовать большого психического напряжения.

— Боюсь, не сегодня, — сказала она совершенно убитым голосом.

Лука на это, казалось, совершенно не расстроился. Он отодвинул ворот мягкой

растянутой домашней футболки и поцеловал Тен-Тен в плечо. След от поцелуя вспыхнул в сознании Такахаша, словно её клеймили. От плеча волной разошлось тепло, вмиг согревшее её до кончиков пальцев на ногах.

— Знал, что ты так скажешь.

— Зачем тогда спрашивал, если знал?

— Ну, моё дело высказать своё намерение. Твоё — найти для его исполнения силы и время.

Тен-Тен фыркнула и повернулась к Луке лицом. Глаза у Куффена всё ещё светились — не так интенсивно и бирюзой, а не золотом. Прекрасное зрелище.

Девушка подняла руку и погладила Луку по щеке. Пальцами обвела контур его улыбки, уколола подушечку о клык. Лука был мягкий и домашний, тёплый, как огромный кот, и очень родной. Почему так? Она понятия не имела.

— Я бы провела с тобой жизнь, — сказала Тен-Тен, пытаясь выразить в словах то, что цвело внутри неё.

— Я наконец тебя нашёл, — отозвался на это Лука, поднеся её руку к губам и поцеловав костяшки. — Но завтра у тебя важный день, так что спи.

Она кивнула и прикрыла глаза. Сны в этот раз были мягкими и уютными, как его морские объятия.

Проснувшись Тен-Тен в одиночестве и в холодной постели: во сколько бы Лука ни ушёл, было это не меньше часа назад. Будильник ещё не прозвенел, часы показывали половину пятого. Тен-Тен выпалась так, словно провела в постели по меньшей мере неделю: тело бурлило знакомой энергией. Жаль, не чакрой, а всего лишь её физическим воплощением.

Тен-Тен выбралась из кровати без сожаления. На пробежку девушку в этот день сопровождал не Лука, а один из прошлых охранников: огромный молчаливый мужчина в чёрной одежде. Никто не пытался завязать разговор, и утренняя пробежка прошла практически в полном молчании.

Тен-Тен чувствовала в себе силу и энергию, несвойственные для Хлои. Во время разминки и растяжки Такахаша поняла, что с её телом действительно произошли поистине волшебные изменения: суставы больше не были скованными и опухшими, вернулась часть мягкой пластичности, гибкость оказалась значительно выше. Выносливость оставалась на прежнем уровне, правда, но это было не так важно. У Тен-Тен сложилось впечатление, что после вчерашнего забега тело Хлои лишилось... яда? Того, что отравляло её организм и не давало нормально функционировать.

В отеле Тен-Тен внимательно рассмотрела своё отражение и поняла, что с выводом она не ошиблась. Кожа Хлои смягчилась, выровнялся тон, пропала нездоровая желтизна. Белки глаз посветлели, цвет радужки стал чище, хотя не добавил в насыщенности. Жаль, Тен-Тен не считала, что оттенок её новых глаз приятный. Неплохой цвет, но у того же Наруто голубая радужка напоминала о небе, тогда как у неё — замёрзшая до основания старость ледника.

Неужели ей наконец повезло?

Поначалу Тен-Тен думала, что её лечебная техника не помогла. Грешила на сбой с чакрой и собственное неумение применять слабенький Шосен(1): даже после него в убежище Бражника Тен-Тен мучилась болью под рёбрами. Оказалось же всё намного тривиальнее, техника вылечила не наносной облик Такахаша, а её нынешнее тело.

Приятные новости, хоть и не лишённые минусов. Теперь Тен-Тен придётся быть ещё аккуратнее с едой, напитками и прочим: медицинская техника вывела из тела яд, и он снова

стал опасен. В долгосрочной перспективе это, естественно, было хорошо. Но вот в краткосрочной...

Нужно было решать проблему Сабрины и убирать её желание отравить одну весьма известную блондинку.

Тен-Тен съела скудный завтрак, едва обращая внимание на еду. Естественно, она проверила принесённую пищу на наличие яда, — ей в этом помог раствор из аптечки шиноби: одной капли достаточно, чтобы выявить отраву в литре супа, — но после совсем не отслеживала, как жевала и какой у неё во рту был вкус.

К концу завтрака к Такахаша присоединился Кот Нуар. Адриан не прерывал трансформации, поскольку опасался чужого внимания и случайного раскрытия, а потому отказался от еды: в волшебном костюме он не чувствовал ни жажды, ни голода. Тен-Тен кратко позавидовала этому несомненно полезному для боя умению. Ровно до тех пор, пока Адриан не сказал, что долгая синхронизация с Плаггом истощает его тело.

— Плагг предупреждал, что если я слишком много пробуду в костюме, то он меня просто поглотит. Не самая плохая смерть, кстати.

Тен-Тен осуждающе посмотрела на Нуара. Тот лежал на шкафу, как настоящий кот, и вяло болтал в воздухе свисающей ногой.

— В твоём возрасте рано думать о смерти, ты не находишь?

— В моменты депрессии ни о чём другом думать не получается.

— Тогда не входи в свою депрессию. Делов-то.

Адриан усмехнулся и закинул руки за голову. Тен-Тен сидела на диване, на столе перед ней лежала раскрытая папка с недельным расписанием: «Большое Торжество», «Великое Посещение», «Невероятное Интервью» и прочее. Отсутствие дополнительной информации нервировало. Тен-Тен чувствовала себя так, словно стоит на пороге волшебной двери: за ней мог быть рой пчёл, обрыв, гора подарков или сама Смерть. Не узнаешь, пока не повернёшь ручку.

— Вообще-то я зашёл, чтобы узнать, как ты себя чувствуешь, — перевёл тему Адриан. — После вчерашнего.

— Свежа, бодра и весела, — огрызнулась Тен-Тен, закрывая папку. — Как я вообще могу себя чувствовать, по-твоему?

— Понятия не имею, я ни разу не акуманизировался. Что ты чувствовала?

Он перевернулся на живот и устроил подбородок на руках. Зелёные любопытные глаза смотрели поверх Тен-Тен, на одну из настенных картин.

Тен-Тен потёрла переносицу.

— Два из десяти, не рекомендую, — наконец сказала девушка. — Бражник в голове команды раздаёт налево и направо, ты воспринимаешь его как бога, желания странные появляются. А ещё, если пнуть Бражника, то синяки останутся на тебе.

Адриан сфокусировал взгляд на Тен-Тен. Выглядел парень удивлённым, и Такахаша подумала, что лягнула что-то не то.

— Ты не забыла о том, что ты делала во время акуманизации?

— Нет, с чего бы.

— Все забывают. Все!

Тен-Тен поморщилась.

— Я не «все», котикинс. Считай, что я совершенно особенная.

Адриан на это ничего не ответил. Зато Тен-Тен услышала мягкое согласие из-за спины

— голос, несомненно, принадлежал Луке в его змеином виде:

— Абсолютно особенная, — сказал Куффен с лёгким шипением. — Я бы даже сказал, что уникальная.

Кот спрыгнул со шкафа в мгновение ока. Тен-Тен не успела опомниться, как ушастый схватил её с дивана и оттащил в сторону, подальше от Луки.

Куффен на это не обиделся. Напротив, змей рассмеялся, — слишком много шипения было в этом звуке, — и запрыгнул на диван. Сидел змей как король, не выказывая ни капельки беспокойства.

— Ну же, Кот Нуар, — мягко произнёс Лука, наклоняясь вперёд. — Мы же уже виделись. Помнишь меня? Я вывел тебя с кузеном из зала во время Благотворительной Встречи Андрэ Буржуа.

— А потом там умер старик, — огрызнулся в ответ Адриан. — Не самая лучшая твоя характеристика, не находишь? Акума!

Тен-Тен хлопнула себя по лбу. Акума? Почему Адриан вообще решил, что Лука одержимый? Нет, Куффен, конечно, выглядел достаточно импозантно, однако он мало был похож на разодетых в клоунские костюмы акум. Тен-Тен пока не видела ни одного одержимого, не вызывавшего у неё желание посмеяться. Страшила был похож на огромный кусок мармелада, Нино — на цветной пузырь. Месье Голубь напоминал сбежавшего из заключения агрессивного гомосексуалиста в обтяжке, Роджеркоп наводил ассоциации с консервными банками. Да, силы у всех этих акум были ужасающими, но вот внешний вид...

Немного выбивался из общего строя Натаниэль: его облик, хоть и был в странной цветовой гамме, не настолько сильно подходил под описание «клоунада». Горе-художник всё же внушал капельку опасности.

Или, может быть, Тен-Тен так считала из-за травмирующих воспоминаний об огромном фене.

Она похлопала Адриана по плечу и вывернулась из его когтистых рук. Подошла к Луке, показывая Агресту своё доверие, и поцеловала змея в щёку. Кожа у Куффена была прохладной и очень гладкой.

— Кот, это мой парень Лука. Лука, это мой друг Кот. Познакомились — молодцы. Будь добр, — обратилась она к Луке, — сходи в ванную и смени шкуру.

Лука прищурил золото глаз, явно насмехаясь над такой просьбой.

— А что же не здесь?

— Пожалей ребёнка, он и так много пережил.

— М-хм.

Проходя мимо Адриана, Лука улыбнулся. Нужного эффекта это не дало: вместо расслабления и ответной улыбки Агрест нахохлился, как большой воробей, и издал тихое угрожающее шипение.

Тен-Тен вздохнула и жестом подманила Адриана к себе. Кот встряхнулся, проводил Луку недоброжелательным взглядом и рысцой подбежал к девушке. Такахаши взяла Адриана за руку и насильно усадила на диван.

— Чего ты куksiшься? — спросила она, облачиваясь о плечо напряжённого Нуара. — Ну что он тебе сделал?

Адриан проворчал что-то неразборчивое, но отпихивать Тен-Тен не стал.

— Что ты говоришь?

— Не нравится он мне, — более отчётливо проговорил Нуар. — Странный. И выглядит

как акума.

— Ну, с этим бы я поспорила.

Лука вошёл обратно в гостиную как ни в чём не бывало. Змеиной шкуры на нём уже не было — только обычная человеческая одежда. Тен-Тен мимолётно оценила и обтягивающие тёмно-серые джинсы, и свободную футболку, открывающую вид на выделяющиеся ключицы. Эх, до чего же парень был хорош!..

Потом она вернула фокус внимания к Адриану. Тот тоже следил за Лукой, однако не из-за любования, а отслеживая потенциальную опасность. Тен-Тен сжала руку Агреста.

— Он мой жених, чтобы ты знала.

Лука дёрнулся, посмотрел на Тен-Тен с непонятной ей опаской и криво улыбнулся. Такахаша ответила выпученными глазами: даже если Куффен был ортодоксально против браков, такое определение происходящего между ними могло бы успокоить Адриана. Для него, как поняла Такахаша, не было ничего ближе семьи.

И действительно: Агрест, услышав про выдуманную помолвку, немного расслабился. Он всё ещё с подозрением смотрел на Луку, но при этом Тен-Тен не боялась, что Адриан кинется в атаку из-за неосторожного движения змея. Ключик оказался подобран верно.

Какое-то время сидели в молчании. Заглянувший Жан тотчас ушёл и вернулся с нехитрыми закусками: кусочками фруктов, бутербродами, стаканами с соком. Мужчина никак не прокомментировал странную компанию Тен-Тен, за что Такахаша в который раз была ему благодарна. Чудо, а не человек!

Едой заинтересовался только Лука. Тен-Тен уже ела ранее, Адриан просто не чувствовал голода. Куффен уселся прямо на пол за низкий столик, перетащил тарелку с фруктами поближе к себе и принялся грызть яблоки со скоростью голодающего кролика. Тен-Тен чувствовала, как под методичное чавканье расслабляется Адриан и уходит его напряжение.

— Ты ко мне просто поесть или с какой-то целью? — спросила Такахаша, когда Лука расправился с фруктами и потянулся к бутербродам.

— Конечно, с целью. Во-первых, посылка доставлена, и без проблем.

— Это он про йо-йо Ледибаг, — сказала Тен-Тен нахмурившемуся Адриану. — Хорошие новости.

Лука кивнул, откусывая сразу половину бутерброда.

— Ага, отличные. Во-вторых, плохие новости тоже есть: мадам Буржуа прибыла в Париж. Судя по разговорам среди охраны, она не будет останавливаться в Гранд-Отеле.

Ну, новости не были такими уж плохими. Одри заранее не нравилась Тен-Тен, так что чем меньше женщины будет рядом — тем лучше. Интересно, конечно, где мать Хлои решила остановиться, если не в отеле мужа, но не так важно. Наверняка основное время всё равно будет проводить здесь, у дочери под боком.

Ей ведь нужно было показать всему миру, — и Америке в частности, — что семейные отношения для Одри Буржуа превыше всего, кроме, может быть, моды. Поэтому женщина наверняка будет ловить на камеры моменты рядом с дочерью, так некстати акуманизовавшейся из-за её возможной интрижки.

Адриан, завидев время, тихонько мявкнул — и почти в тот же момент сбежал. Парню хватило совести, чтобы попроситься и сказать, что его могут потерять дома, и Тен-Тен не успела начать переживать из-за столь стремительного исчезновения.

Лука перебрался к девушке на диван, едва место освободилось. Обнял Тен-Тен за плечи

и уткнулся носом в волосы.

Романтику портил недоеденный бутерброд, зажатый в его руке.

— Если ты крошишь мне в причёску, то я позабочусь о том, чтобы ты больше никогда не увидел свет, — пообещала парню Тен-Тен.

Лука рассмеялся.

— Я буду аккуратен.

— Так всё же, зачем пришёл?

Куффен поцеловал её в висок и вернулся к бутерброду.

— Мать Хлои не будет заезжать в отель Буржуа, потому что направится сразу в парк, где пройдёт церемония открытия статуи Ледибаг и Кота Нуара. Мне выпала честь «защищать тебя во время торжества» — это цитата.

Тен-Тен скривилась.

Что же, время «Большого Торжества» настало.

***

(1) **Шосен** — Исцеляющая Техника Мистической Руки, преобразование обычной чакры (голубой) в нейтральную, лечебную (зелёная).

Глава 23. Одри!

Утро в Париже начиналось совсем не в пять и не в шесть часов, а намного позже. Время почти подползло к полудню, а некоторые парижане только открывали глаза и, зевая, выходили на улицу за газетой или круассаном на завтрак.

Тен-Тен шла по узким улочкам и рассматривала жизнь вокруг. Как же всё-таки этот мир отличался от всего, к чему привыкла Такахаши! Даже мирные граждане в её вселенной не были столь расслабленными и спокойными, как здешние горожане. В мире шиноби всегда присутствовала какая-то напряжённость, внутреннее принятие возможного боя и опасности.

Здесь же о войне не думали вовсе. Во дворах дети перебегали дорогу, едва мотая головой, чтобы увидеть, нет ли рядом машины. Старики играли в шахматы и лениво курили ароматный табак. Современные бизнес-леди на прощание целовали дочерей и сыновей, прежде чем убежать на работу, стуча высоченными каблуками.

Лука повёл Тен-Тен длинным маршрутом до молодёжного парка. От предложенного Жаном лимузина Куффен отказался, сославшись на то, что Хлое стоит пройтись и прийти в себя после вчерашнего инцидента.

Жан, что удивительно, принял его доводы и даже довольно кивнул. Тен-Тен сначала не поверила глазам: как это её нянь так безоговорочно доверился парню с улицы, лишь пару дней назад начавшему работать в охране Буржуа?

— Всё просто, — рассмеялся Лука на этот вопрос, — я начал работать здесь много-много лет назад.

Тен-Тен нахмурилась. Она точно помнила, как Лука пришёл и сказал, что он только устроился в охрану. Было это не больше недели назад.

Лука на это пожал плечами.

— Ты забываешь, что я перемещаюсь по времени, змейка. Для тебя я действительно устроился пару дней назад, но для Жана работаю уже больше пяти лет, начиная с простого грузчика. Потом я помог Хлое, — тогда ещё Хлое, — отбиться от каких-то отмороzków. Затем отдал Андрэ потерянный кошелёк и папку с документами... я копил эти очки доверия, и в нужный мне момент, когда тебе понадобилась охрана, кандидатуры лучше просто не нашлось.

Тен-Тен прищурилась, пытаясь уложить в голове эту схему. Значит, Лука стал с ней хорошо общаться. Потом устроился к ней в охрану... нет, потом он понял, что ему нужно устроиться к ней в охрану, и шагнул назад, к Хлое, чтобы зарекомендовать себя хорошим парнем. Дождался, пока в мире появится Тен-Тен... но разве его тогда не будет два в одной линии?

— Не будет, — хмыкнул Лука. — При перемещении назад я, можно сказать, стираю будущее.

— Значит, те пять лет, что ты работал, а я была в своём мире, ты работал на Буржуа с мыслью, что потом будешь моим охранником?

— Значит, так.

— Ты такой милый.

Он улыбнулся и взял Тен-Тен за руку.

Париж был объят брусчаткой, асфальтом и культивируемым газоном. Малое количество деревьев компенсировалось их аккуратностью: муниципальные службы следили за кронами,

состоянием коры и общим внешним видом. Домики вокруг были низкими и серыми, но почему-то казались сказочными.

Тен-Тен думала, больше не рассматривая пейзаж. Лука, меняющий время по своему усмотрению, не давал ей покоя.

— Ты, значит, можешь вернуться в любую точку своего прошлого, и изменить будущее, как тебе захочется?

Он кивнул, но как-то рассеянно.

— Не совсем так. Я возвращаюсь максимум до момента, когда получаю Талисман Сасса. Мне тогда было пятнадцать. Раньше, сама понимаешь, не выходит, иначе возникает временная неопределённость: силы есть, Камня Чудес нет.

— Существуют хоть какие-то ограничения для твоей силы. Это неожиданно успокаивает.

Лука рассмеялся, поднёс её руку к губам и осторожно поцеловал кончики пальцев.

— Ограничений много, Тен-Тен, — у неё спина покрылась мурашками от того, как он произнёс её настоящее имя, — и они постоянно добавляются, когда события идут как нужно.

— В смысле?

— Раньше я пролистывал так много вероятностей развития будущего, но ни одного раза я не сталкивался с тобой. Может, ты не попадала в этот мир, потому что квами тебя не призывали. Или же тебя убивал Ван Фу, ведь он был к этому очень близок. Не знаю. Но теперь, когда я наконец с тобой встретился, время приняло твоё появление как нечто постоянное. Сколько бы я ни отматывал назад, ты появляешься, вне зависимости от внешних событий. Мир сам наводит реальность, чтобы квами призвали именно тебя.

— Сложновато.

— Время никогда не было простым.

Ехать до парка оказалось намного дольше, чем идти по дворам. Лука знал город лучше собственной ладони, так что он без проблем привёл Тен-Тен лишь немногим позже начала церемонии. По крайней мере, статуя Ледибаг и Кота Нуара была ещё накрыта плотной тканью.

— Вон Одри, — кивком указал Лука.

Тен-Тен и сама бы догадалась, что эта ослепляющая блондинка — Одри Буржуа. Она была из тех людей, которых невозможно проигнорировать или не заметить: слишком яркая, как конфетти на снегу. Куноичи отметила, что мадам Буржуа совершенно не шло фотографироваться: вживую она выглядела намного натуральнее.

Её не портили ни увеличенные хирургией губы, ни явно искусственная грудь. При взгляде на Одри Буржуа Тен-Тен ощутила ностальгию: примерно так же себя показывали и вели придворные дамы во дворце правителя страны Огня. Не приближённые к его жене, а именно придворные — жёны чиновников, генералов, казначеев и торговцев. Излишняя роскошь и громкость.

— А вот и моя дочь! — изящная рука в чёрной перчатке указала в сторону Тен-Тен. — Прощу любить и жаловать: Клони Буржуа!

Тен-Тен едва удержала лицо. Клони? Серьёзно? Если бы Такахаша подверглась такой остракизму, как Одри, она бы выучила не только имя собственного ребёнка, но и всю его биографию с младых ногтей. Хотя нет. Тен-Тен просто не оказалась бы в такой ситуации, она для этого была слишком умна.

Папарацци обратили внимание на Хлою. Да уж, интерес СМИ не успел погаснуть з

одну ночь; наоборот, он разгорелся, как лесной пожар сухим летом. Тен-Тен обступили со всех сторон, оттеснив от неё Луку каким-то совершенно невыносимым способом. Ну или Куффен сам не хотел лишней раз попадать под дуло объектива. Такахаши не знала, что у Луки с семьёй, а телевизор в Париже смотрел каждый второй.

Вопросы текли один за другим, микрофоны утыкались Тен-Тен в плечи, как пики. Такахаши мотала головой, пытаясь разобрать в выкриках хоть что-то членораздельное — и вдруг увидела рядом с Одри девочку, до этого остававшуюся в тени женщины.

Её фигура словно всплыла поверх гвалта и шума вокруг. Тен-Тен смотрела на девочку, ровесницу Хлои, чья ненависть внезапно оказалась разлита в глазах, отравила губы, пропитала каждую клеточку. Девчонка была красивой, от Одри, — о, это точно была сестра Хлои, фамильное сходство налицо и на лице, — она взяла только самое лучшее: светлые волосы, разрез глаз, пухлые губы и милый вздёрнутый нос. Одна прядка у лица была выкрашена в ярко-розовый — словно знак несогласия с собственной нежной внешностью.

И ненависть совершенно не портила точёное личико. Этот яд словно придавал картинке завершенность, напитывал её цветом, делал резкий контур. Без огня в глазах и злобы в улыбке вторая дочь Одри Буржуа казалась бы слишком блёклой, не спасла бы и розовая краска на волосах.

У Хлои и этой девочки были разные отцы, это было понятно с первого взгляда. От своего папаши тело Тен-Тен переняло светлую кожу, аристократизм, ледяные глаза и тонкие губы. Девочка, стоящая рядом с Одри, взяла от отца более восточные черты: тонкую переносицу, миндалевидные глаза, узкий подбородок.

Лука растолкал папарацци и провёл Тен-Тен к матери Хлои. Такахаши едва не задыхнулась: Одри использовала слишком много удушающе-сладких духов. Она пахла, как сосредоточие всего яда на планете.

Одри расцеловала Тен-Тен в обе щёки, не оставляя при этом на коже помады — видимо, губы у женщины были татуированы. Девочка не-Буржуа смотрела на это с тихой злостью, не делая даже попытки поприветствовать сводную сестру. На кивок от Тен-Тен она не отреагировала.

Папарацци жадно следили, снимая каждую секунду единения. Одри болтала про то, как она была удивлена, когда Хлою показали в новостях. Про акуманизацию и бред насчёт связи женщины с Габриэлем — «они бы никогда, они только друзья, и не более!». Говорила она убедительно, и, если бы Тен-Тен было до этого дело, она бы даже могла поверить.

Но ей было плевать. Весь фокус её внимания сместился на сводную сестру Хлои, так и остававшуюся неназванной. Девочка горела в своей ненависти, закалялась ею, питалась. Это было знакомое и очень опасное состояние: так же горел Саске Учиха в своём стремлении уничтожить всё на пути к цели. И цель эта, между прочим, была убийством собственного брата. Ничего не напоминает?

Камеры были нацелены на Одри, и Тен-Тен смогла отойти в сторону, к накрытой покрывалом статуе. Она встала рядом с хмурой мужчиной, смотрящим на открытку с Ледибаг — очевидно, фанат. Учитывая, что джинсы мужчины снизу были испачканы в каменной пыли, а руки украшали специфические шрамы, он был скульптором.

— Долго делали эту статую? — спросила Тен-Тен, больше действуя наугад.

Мужчина поднял на неё взгляд и слабо улыбнулся.

— Пять месяцев. Внутри камень, снаружи бронза.

— Символично.

Вторая улыбка была намного искренней. Мужчина убрал открытку во внутренний карман пиджака и перекатил во рту палочку от леденца. Тен-Тен поначалу даже не обратила на конфету внимание: так обычно в её деревне носили сенбоны, длинные иглы. Привыкнув к такой носке оружия, ты добавляешь себе шансов в бою: мало кто успевает среагировать, если ты плюёшься железом прямо в противника.

Она ощутила короткий укол ностальгии, когда снова посмотрела на полосатую палочку. Конфета. Всего лишь конфета. Очень вредно для зубов.

— Я думал, что Хлоя Буржуа ничего не понимает в искусстве.

Тен-Тен пренебрежительно фыркнула.

— В искусстве? Я полный ноль. Но вот символизм мне близок. Камень — это сила, стойкость, нерушимость.

— Бронза — вера в силу, доверие, — подхватил мужчина. — К тому же её использовали как оккультный материал... Я, кстати, Тео. Тео Барбо, скульптор.

Он протянул руку, которую Тен-Тен с некоторой неуверенностью пожала. Это был первый раз, когда она взаимодействовала с кем-то... так.

Пожалуй, поклонь ей нравились больше.

— И большой фанат Ледибаг, — заметила девушка.

Тео даже не смутился.

— Да. Она такая... невероятная, правда? Вся эта магия... её сила, ловкость, сообразительность — всё это недоступно обычным людям вроде нас...

Тен-Тен подняла брови, но промолчала. Маринетт Дюпэн-Чэн была совершенно обычной девочкой, в меру глупой и неуклюжей. Пусть и с магическими силами. И вообще, ей всё ещё было четырнадцать. Учитывая здешние законы и возраст Тео Барбо, всё это дело пахло тюремным заключением.

Но к мужчине стоило присмотреться. Он выглядел нормальным, но при восхвалении Ледибаг в его глазах разгорался фанатичный огонёк. Обычно такое пламя ни к чему хорошему никогда не приводило. Вот оступится как-нибудь Маринетт, — а она точно оступится, и не раз, и не два, просто в силу своего возраста, — и что тогда? Самые яростные недоброжелатели рождаются из самых преданных фанатов. Фанатиков.

Это могло быть опасным, особенно учитывая наличие Бражника. Зря она, в самом деле, не завалила Габриэля, когда была возможность.

Кот Нуар появился тихо, словно выросшая из ночной темноты тень. Бросив недружелюбный взгляд на расслабленного Луку, он кивком поприветствовал Тен-Тен и принялся рассматривать статую. Даже под скрывающим полотном Такахаша могла различать выступающие части; ей не нравилось то, что она видела. Видимо, Тео Барбо воплотил свою любовь в этой статуе, и Ледибаг в очередной раз возвышалась над своим напарником — на этот раз в прямом смысле. Судя по выступам, девчонка должна была располагаться на спине Кота, сидящего на четвереньках или вроде того.

Никакого равноправия в этой стране.

Нуар зашёл за статую, приподнял покрывало и начал разглядывать постамент. Тен-Тен на это усмехнулась: нетерпеливый котёнок. Настоящий ребёнок.

Одри, то ли устав от камер, то ли высказав всё, что планировала, перенаправила внимание журналистов на скульптуру и её создателя. Однако, едва Тео успел ответить на пару вопросов от заинтересованных интервьюеров, как из-за статуи показался Нуар. Очевидно, Адриану надоело разглядывать один лишь постамент, как воришке, и он решил

дождаться нормального открытия статуи.

Выражение лица у Кота было задумчивым, что очень порадовало Тен-Тен. На вопросы от журналистов он отвечал сдержанно, насчёт статуи и вовсе высказался скорее негативно. Котёнок был не безнадёжен: он запомнил, что Такахаша говорила про установку постамента во время своего заваленного интервью Шамак, и практически повторил сказанное ранее.

— Я не совсем понимаю, зачем это. Мы делаем свою работу. Как и другие.

Вообще, если сравнивать бахвалистого и развязного Котёнка Нуара, которого Тен-Тен видела на ранних записях интервью, и нынешнего Кота, то второй явно выигрывал. В который раз Такахаша удивилась, насколько же быстро растут дети. В таком нежном возрасте достаточно пары фраз или одного события, чтобы переменить поведение или даже мировоззрение.

Жаль, что у шиноби в подростковом возрасте было косное сознание с чёткими жизненными ориентирами. Только самые сильные чувства могли их пошатнуть. Собственная идентичность была хороша, но что, если исходный продукт оказывался пропащим?

Только у Наруто и учителя Гая, пожалуй, выходило менять сознание людей в любом возрасте. Тен-Тен не знала, было ли это из-за силы их оптимизма, или же причина крылась в другом. Она в любом случае была благодарна: если бы не Узумаки, то её любимый Неджи до самой смерти варился бы в собственном отчаянии и жалком существовании.

Тео Барбо, лишившийся внимания, отошёл к статуе. Он снова вытащил открытку с Ледибаг и рассматривал её. Выражение его лица совсем не понравилось Тен-Тен: было в нём нечто тёмное, ядовитое. Почти такое же глубокое, как у дочери Одри по отношению к Хлое.

Тен-Тен потёрла лоб и тяжело вздохнула.

— Когда же это закончится, ками-сама?

Ну, ответ был на самом деле не столь очевиден, как можно было бы подумать. Тен-Тен считала, что ей недостаточно просто взять и убить Бражника: проблема Сабрины на этом не решалась, а проблема опекуна над Адрианом только ухудшалась. Хотелось бы куноичи, чтобы все её беды решались по одному щелчку пальцев.

Адриан продолжал давать интервью, Тео продолжал погружаться в свою злобу. Тен-Тен не успела подойти к мужчине: её весьма беспардонно дёрнул за локоть один из журналистов. За это он получил весьма чувствительный тычок в бок от Луки, но момент был упущен.

Тео Барбо ушёл. Исчез. Испарился. Учитывая его психологическое состояние, Тен-Тен была уверена, что пропал мужчина благодаря прилетевшей тёмной бабочке.

— Ну что за невезение...

Лука ободряюще погладил её по руке.

— Некоторые вещи должны произойти, помнишь?

— Желательно не в мою смену.

Одри инициировала открытие статуи: женщина окликом обратила на себя внимание и просто сдёрнула покрывало с фигур. Поднялся восхищённый гул. Тен-Тен не понимала, чем именно все восхищаются: то ли поступком мадам Буржуа, то ли красотой статуи.

Ну, она была... ну, она была. Как Тен-Тен и думала, Ледибаг находилась выше Кота Нуара: девчонка опиралась на напарника, застыв в стремительном прыжке вверх. Кот крепко стоял на постаменте на корточках, отведя одну руку назад. Выглядело...неплохо. Тео Барбо оказался действительно хорошим скульптором: у мужчины даже вышло придать леске от

искусственного йо-йо ощущение лёгкости и парения.

Сколько же он наблюдал за своей зазнобой? И где теперь этого влюблённого отлавливать?

Какие проблемы он принесёт городу и Тен-Тен лично?

От интервью у куноичи самоустраниться не вышло: Одри перешла на новый уровень саморекламы, и утянула французскую дочку в кадр вместе с собой. Говорила мадам Буржуа громко и быстро, так, что Тен-Тен не смогла бы вставить и слова, даже если бы хотела.

Но она не хотела. Вместо этого Тен-Тен наблюдала за вторым ребёнком этой неуёмной женщины. Блондиночка хорошо держала лицо перед камерами. Помогал и макияж: бледные от злобы губы прятались за нежно-розовым блеском, румянец на щеках цвёл абсолютно здоровый, глаза оказались выгодно очерчены чёрными пушистыми ресницами. Красавица. Сама Тен-Тен обленилась и использовала минимум макияжа: голубой на глаза, чтобы выделить их ледяной тон, и розовый на губы, слишком бледные от природы. Помаду Тен-Тен выбирала такую, чтобы можно было не подкрашивать в течение дня. Лишняя морока, она никогда не любила всю эту возню с краской на лице.

Лука, паршивец, стоял неподалёку и просто наслаждался зрелищем. Одри таскала Тен-Тен, как большую плюшевую игрушку, которую родители пообещали выкинуть. Вот ребёнок и вцепился в давнего друга: смотрите, я о нём помню, его нельзя выкидывать, я хороший!

За всем этим эпатажем никто и не заметил, что статую открыли без её создателя и даже без Ледибаг. Журналисты, накормленные мадам Буржуа болтовнёй и красивыми кадрами, отваливались, словно пережравшие медицинские пиявки. Сакура как-то показывала этих жирных тварей: ну один в один бульварные писаки, жаждущие сенсаций.

Когда последний из журналистов ушёл, Одри словно выключили: очаровательная улыбка скрылась за поджатыми губами, нахмуренные брови скрывали огромные очки. Одри отошла от Хлои ко второй дочери и, пригнувшись, что-то сказала той. Блондиночка улыбнулась и с превосходством посмотрела в сторону Тен-Тен: вот видишь, никчёмная француженка, ты нужна матери только для красивого кадра.

Бедный ребёнок, сказала бы на это Такахаша. Потому что если ты не нужен человеку вроде Одри ради эффектного кадра, то тогда зачем ты вообще нужен в её красивой жизни?

Кот Нуар пропал ещё до того, как ушёл первый из журналистов. Тен-Тен знала, что Адриан едва вырвался из-под надзора отца этим утром, и не удивлялась краткому визиту одного из героев. Её интересовал другой вопрос: если даже суперзанятой Адриан нашёл время на открытие, несмотря на своё расписание и роту няnek, то почему же не пришла Маринетт? Ведь это была её статуя.

В конце концов, Одри, удерживая американскую дочурку за плечо, увела ту в сторону поджидающего лимузина. Мадам Буржуа даже не посмотрела в сторону французской дочери: то ли забыла о её существовании вне съёмок, то ли специально показывала своё отсутствующее отношение.

Тен-Тен предполагала, что у дамочки просто беда с головой. Потому что ни один актёр не смог бы столь правдоподобно сыграть забывчивость. На некоторых видео, где разговор заходил про ребёнка во Франции, Одри на самом деле по минуте не могла понять, о чём идёт речь. Мадам хмурилась, тёрла висок, кривила губы, и лишь спустя долгие секунды соображала, что от неё хотят. Будь здесь мир чакры, Тен-Тен бы грешила на ментальный блок; мир был обычным за исключением акум, и Такахаша думала, что всему виной автомобильная авария из юности Одри. Может, это событие как-то покорёжило мозги

американской дивы?

Хотя какая разница.

Тен-Тен запахнула пальто, развернулась, и пошла вперёд. Парк был хорош, а медленно умирающие листья и того лучше. Такахаши нравилось наблюдать за течением жизни, впитывать в себя каждое драгоценное мгновение спокойствия и свободы. Что в прошлом, что в этом мире таких минут было крайне мало.

Лука шёл следом. Тен-Тен мельком оглянулась на своего провожатого и досадливо скривилась: на лице парня было отчётливо написано желание завести разговор. Лука сопротивлялся этому как мог... но настроение всё равно оказалось безвозвратно испорчено. Хорошие мысли унёс ветер, стынущий для скорой зимы.

— Ну давай, морской мальчик, — подбодрила парня Тен-Тен. — Что тебя волнует?

— Я не хочу...

— Ты уже убил во мне всю романтику, так что говори, не стесняйся.

— В каком-то смысле, я про романтику и хотел поговорить.

Тен-Тен слегка замедлилась, чтобы поравняться с Лукой, и взяла парня под локоть. Куффен подставил его, словно они с девушкой гуляли подобным образом каждый день последние десять лет. Естественно и не задумываясь.

— Дело в том, что ты сказала Адриану.

Тен-Тен кивнула. Вот оно в чём дело, в её словах про помолвку. Реакция Луки в тот момент была не вполне ожидаемой, учитывая его гипотетический возраст, однако очень хорошо читалась. Морской мальчик страстно хотел отношений, но при этом совершенно не собирался их заводить.

Это было... понятно. По крайней мере для Тен-Тен. Она и сама бы относилась к всевозможным связям с большой долей скепсиса, если бы могла в любой момент отмотать время назад по собственному усмотрению. Сложно даже представить, как себя чувствовал Лука: вот только что он обнимался с любовью всей своей жизни, а в следующий момент дорога времени развернулась, и дама сердца о тебе даже не подозревает.

Жутковато.

С другой стороны, Лука как никто другой должен был наслаждаться каждым доступным моментом. Ведь неизвестно, как долго продлится твоё счастье, и встретишься ли ты с этой радостью снова. Однако Куффен был из той же породы, что и Неджи, первая любовь Такахаши: в вопросах чувств тот предпочитал выжидать, пока это возможно, и действовать лишь в последний момент.

Только вот иногда этот момент так и не наступал. Как это вышло у Неджи. Он просто слишком рано и слишком неожиданно умер.

Поэтому Тен-Тен просто погладила Луку по руке и успокаивающе улыбнулась.

— Давай поговорим про это потом, — предложила она, видя облегчение в глазах напротив. — Как минимум, когда закончим с Бражником. А сейчас мне нужно предупредить котёнка про акуму. Рассказывай всё, что знаешь, морской мальчик.

***

Маринетт совершенно точно не собиралась делать того, что она сделала. Но сделала, и теперь ужасно об этом жалела. Телефон Адриана в её руках жёг ладони, как маленький раскалённый уголёк. Укор Альи, сидящей напротив, так же жёг душу и совесть.

Дюпэн-Чэн вздохнула и потёрла лоб, разглаживая нервные морщинки. Ну да, она ошиблась — серьёзно ошиблась. Брать чужие вещи, к тому же ещё и используя силу Тикки...

это было как минимум нехорошо. Как максимум — превышение своих полномочий, если говорить языком телевизионщиков.

Ну не могла же она оставить своё признание в любви на телефоне Адриана? Он бы тогда узнал про её чувства, да ещё она же там такое наговорила... Не могла же?!

Так что пришлось отвлекать Алью и тайком пробираться в коллеж, где у Агреста были занятия, совершив перед этим синхронизацию с Тикки. В глаза квами Маринетт при этом старалась не смотреть: стыдно было до ужаса. Ещё и уши горели.

И вот теперь она сидела у себя в комнате, с Альей напротив, и смотрела на чужой телефон у себя в руках. Адриан любил свой мобильник, она это знала, как никто другой: для Агреста крошечный приборчик был одним из символов свободы. Как он отреагирует на пропажу мобильника, она и думать не хотела. Наверняка расстроится.

— Я верну его завтра, — неуверенно сказала Маринетт, удаляя запись своего случайного признания.

— А я считаю, что лучше бы ты его оставила, — хмыкнула Алья, блестя недовольством из-под очков. — Потому что всё это пахнет статьёй, знаешь ли.

Маринетт поджала губы, чтобы не расплакаться. Алья была права, её действия не просто «превышали полномочия» Ледибаг, но и тянули на преступление закона. Она забрала чужую вещь. Украла!

Маринетт была хорошей девочкой, с правильным воспитанием и любящими родителями. Она никогда ничего не крала до того, как у неё появились серёжки — никогда! Но потом соблазн сделать так, как ей нужно, возникал слишком часто. А мягкое тепло от серёжек Тикки в ушах давало убеждённость в своей правоте. И словно разрешало делать то, о чём раньше Маринетт и не подумала бы.

Ну ты же Ледибаг, тебе можно! Можно же? Можно?!

Телефон завибрировал. Маринетт включила экран и скривилась: сообщение от Хлои Буржуа. Вот уж кто точно не стал бы мучиться совестью из-за кражи. Дюпэн-Чэн казалось, что в блондинке с самого рождения отсутствовала такая вещь, как стыд. И в последнее время это только подтверждалось раз за разом.

Да, Хлоя стала спокойнее. Увереннее в себе. А как она могла на тебя посмотреть — просто ух, аж не по себе становилось. Макс, как-то заработавший такой взгляд из-за какого-то своего высказывания, ещё три урока вообще ничего не говорил. Вот она, сила ледяных глаз.

Да и другие ребята тоже прочувствовали на себе тяжесть нового характера Хлои. Натаниэль после акумуляции ходил задумчивый и постоянно тайно смотрел на Хлою внимательным взглядом. Ким шурился, поворачивая голову в её сторону, и чему-то мечтательно улыбался. Роуз и Джулека старались к ней лишней раз не подходить: Хлоя успела раскритиковать и первую, и вторую за поведение и стиль, сказав, что девочкам срочно нужен мозгоправ. Кто вообще в двадцать первом веке говорит «мозгоправ»?!

А ведь был ещё Адриан...

Адриан искал компанию Хлои так, словно они были близнецами, разлучёнными в детстве. Маринетт знала, что вроде бы Буржуа дружила с её крашем ранее, но как-то это не проявлялось до этой осени. Ну, они немного общались. Но не настолько же близко! Теперь же Агрест напоминал девушке утёнка, следовавшего за матерью в мутной воде. Он старался подойти на каждой перемене, звал Хлою обедать во время больших перерывов, косо посматривал на тех, кто претендует на её внимание, и практически не обращал внимания ни

на кого, кроме Буржуа и Нино. Словно двух этих людей ему было достаточно, чтобы ощущать себя полностью счастливым.

С Маринетт, как ей казалось, он тоже сократил общение до минимума. Привет-пока-что задали-хороший день. А она и рада: было время, чтобы наблюдать за Адрианом издалека, прячась за углами и колоннами.

И ведь от самой себя было противно. Да она долбаный сталкер!

Хлоя её раздражала. Она проросла не только в обычную жизнь Маринетт, но и цвела в геройской. Кот Нуар часто говорил про неё: вспоминал прошлых акум, комментировал высказывания на интервью и, конечно же, говорил про поведение Буржуа и про новых одержимых. И если раньше контекст таких разговоров был бы понятен, — подсказка: Хлоя виновата в появлении акум, — то теперь разговоры постоянно уходили куда-то не туда.

Кот... восхищался. Говорил про решимость Хлои, про её действия, про то, что она говорит. Как она себя ведёт. Какая она смелая. Какая она восхитительная, в конце концов! Слишком много положительных оценок для мэрской дочери, разве нет?

И, хотя она была согласна с большинством его оценок, — если не вспоминать, что Кот говорил именно про Хлою, — это не доставляло ей радости. Вот уж Маринетт ещё Буржуа не хвалила, ни за что! И вообще, почему это Хлоя начала вдруг себя вести, как... как... как слишком много знающая и умеющая выскочка?! Откуда она вообще получила боевые умения, — даже Тикки оценила, как Хлоя вмазала Злоюстратору ногами по груди при побеге из класса, — умение лечить, спокойствие и знание, как действовать при нападении акум?

Что-то царапнулось в её голове. Маринетт нахмурилась и включила телефон Адриана. Алья закатила на это глаза, но в кой-то веке Дюпэн-Чэн было на это плевать. Она смотрела на присланное сообщение и чувствовала, будто её голову взяли в тиски огромные великаны руки.

«Акума. Я к ней не пойду. Копирует способности и внешность КН, будь осторожен.»

Маринетт коснулась пальцами виска, чувствуя, как пульсирует под подушечками венка. Вывод напрашивался только один, и он совершенно не нравился Ледибаг.

Откуда у Хлои Камень Чудес?!

Глава 24. Большое Торжество

Больше всего от приезда в Париж Одри Буржуа страдали не Тен-Тен, не Жан и даже не Андрэ.

Больше всего досталось несчастному Гранд-Отелю.

Прежде всего, бедное здание облепили журналисты. Их вездесущие фургончики мелькали то тут, то там, прятались в подворотнях, гордо блестели огромными боками на обочинах дорог. Всё, лишь бы не платить за парковку в приотельной зоне. Проезжая мимо всех этих хромированных машин, Тен-Тен сравнивала тех с ниндзя, засевшими в засаде. Отчего-то такие мысли поднимали ей настроение.

Из парка в отель возвращались уже не пешком: каким-то магическим способом, — Тен-Тен не спрашивала, потому что не интересовалась подробностями, — Лука нашёл машину, принадлежащую охране Гранд-Отеля. Возможно, Куффен снова поигрался со временем или же попросил кого-нибудь из персонала пригнать приятную чёрную машинку к месту торжества.

Лука хорошо водил. Когда Тен-Тен сидела на его байке, прижимаясь к парню грудью, она чувствовала себя в полной безопасности, несмотря на большую скорость и резкие разгоны. Сейчас же, находясь в машине и пристегнувшись ремнём безопасности, Тен-Тен чувствовала себя словно в бронезилете.

Змей вёл осторожно и быстро, выбирал пустые дороги и не придерживался обычных маршрутов. Неудивительно: наверняка он объездил весь парижский асфальт. Тен-Тен умудрилась погрузиться в медитацию — вовремя словила себя на мысли, что начинает засыпать от мягкого ощущения собственной безопасности, и перенаправила это состояние в другое русло.

Сквозь осаду Гранд-Отеля им, к счастью, прорываться не пришлось: Лука просто провёл машину через служебный проезд.

— Ну ты жук, — хмыкнула на это Тен-Тен.

Лука улыбнулся.

— Всё ради твоего удобства, змейка.

Внутри отеля бегали раздражённые, напуганные, доведённые до ручки работники. Лука помог Такахаша снять пальто, а затем натянул на Тен-Тен тёмную толстовку, — взял он её с заднего сидения машины, что подтверждало идею о временном перемещении, — и накинул на голову девушки капюшон. Хорошая идея, учитывая, что внешне Хлоя всё-таки напоминала свою мать. Тен-Тен не хотелось бы привлекать к себе лишнее внимание раздракоченных работников.

Они с Лукой прошли к служебным лифтам окольными путями; Тен-Тен благодарил всех богов за это знание и запоминала, куда нужно свернуть и откуда выйти, чтобы остаться незамеченной. Её «охранник» уверенно вёл куноичи через коридоры отеля так же, как до этого вёл машину по запутанной веренице улиц.

Несчастные, обозлённые работники отеля попадались им и на этой тихой дороге. Тен-Тен видела, как более опытные служащие успокаивают новичков, — не только девушек, но и парней, — находящихся на грани нервного срыва. Кто-то плакал, другие, как заведённые, повторяли одну и ту же фразу: «Не тот цвет, не тот цвет!» или «Это не подходит к моим глазам... к её глазам... да она же в очках! Не подходит к глазам...» Одну девушку,

ругающуюся на другом языке, пытались успокоить сразу три охранника; безуспешно, кстати.

Во всей этой вакханалии очень выгодно выделялась Марлен Сезер, которую Тен-Тен удалось увидеть мельком, когда они проходили кухню ресторана. Мать Альи спокойно отдавала приказы трясущимся от гнева или обиды поварам, словно генерал во время затяжной битвы. Её громкий голос раздавался, кажется, в каждом уголке вверенной ей территории.

— Да ей всё равно не понравится, что бы мы ни приготовили! — сорвался на шеф-повара один из её подопечных.

Марлен на это даже бровь не подняла.

— Твоё дело готовить. Её — есть или выбрасывать. За работу!

Прекрасная психологическая устойчивость. Сразу стало ясно, почему Марлен, несмотря на цвет своей кожи и нелюбовь серого человека к другим национальностям, продолжала работать в отеле. Жаль только что Алья, очевидно, не переняла от матери этой волшебной черты.

В целом, атмосферу в отеле можно было бы описать двумя словами: хаос и боль.

Проведя Тен-Тен по внутренним помещениям, Лука вывел девушку к лифтам. Фойе оказалось украшено золотыми шарами и розовым конфетти — совершенно безвкусным, если бы кто-то спросил мнение Тен-Тен. Однако раз такой декор оставили, значит он полностью устраивал мать Хлои.

Такахаша кивнула своему парню в благодарность: выходит, эта экскурсия была нужна просто для дополнения психологического портрета Одри Буржуа. Полезное дополнение. По прочитанным в сети материалам Тен-Тен примерно понимала уровень скандальности матери Хлои, но одно дело осознавать, а другое — видеть в реальности.

Большие проблемы у этой женщины с головой, здесь и добавить больше нечего.

Поднявшись на этаж Хлои, Тен-Тен с Лукой разошлись: Куффену нужно было отчитаться перед начальством. Хотя Такахаша хотела бы крепко поцеловать парня на прощание, она ограничилась нейтральным кивком и махнула рукой. Во-первых, камеры. Во-вторых, Лука всё ещё слегка нервничал из-за несостоявшегося разговора про отношения и замужество.

Только выйдя из лифта, Тен-Тен сразу поняла, что в комнатах она не одна. Прекрасный светлый ковёр, который Такахаша очень нравился, был изуродован глубокими рытвинами размером чуть меньше монеты. Не нужно быть следопытом, чтобы понять: такие отметины может оставить только зверь на шпильках. Разувшись и проследовав по чёткому следу, Тен-Тен дошла до распахнутой двери гардеробной.

Естественно, в комнате был включен свет — иначе как бы Одри смогла рассматривать вещи дочери? Рядом с дверью валялась целая куча топиков, юбок и брюк, через которую Тен-Тен просто перешагнула. Демоны с одеждой, как бы Одри не успела поковыряться в обувной, где Такахаша так и не успела разобрать оружие. Даже не так: откуда куноичи пока не собиралась это оружие выносить. Ну серьёзно, у неё не было никакого тайного убежища кроме квартиры Луки, чтобы хранить что-то противозаконное.

Хотя мысль про квартиру была вполне благодатной. Потом стоит действительно перенести условно-запрещённый скарб именно туда.

— Ну Лизочка, ну что ты носишь, детка? Это же совершенно выходит из моды! — бормотала Одри, рассматривая очередной топ.

Юмор ситуации: Хлоя подбирала вещи, основываясь на гардеробе собственной матери.

И теперь Одри этот самый выбор критикует, словно на модном показе.

Тен-Тен села на пуф у выхода и, пользуясь собственной незаметностью, решила немного понаблюдать за женщиной. Сценический образ, статьи и даже реакции других людей — это одно. Но вот то, как человек ведёт себя в одиночестве — это совершенно другое.

Первое: у Одри был нервный тик. Она регулярно дёргала головой влево, совсем немного и практически незаметно. Возможно, какое-то мышечное сокращение или защемление нерва.

Второе: голос у мадам Буржуа был совсем не таким противным, каким она его делала на камеру.

Третье: она действительно не могла запомнить имя Хлои, но при этом совершенно точно знала, что у неё есть ещё один ребёнок. Отлично, хоть что-то прояснилось. Только вот вопросов, по старой традиции, от этого стало только больше.

Одри брала первую попавшуюся вещь с вешалки и придирчиво разглядывала тряпку у себя в руках. Затем была развилка: если вещь нравилась, то она отправлялась в кучу внутри гардероба; если чем-то вызывала монаршее недовольство, то Одри вышвыривала её вон. В немилость попадали те модели, что копировали её собственный жёлто-белый стиль, даже косвенно. А вот другие элементы гардероба воспринимались вполне благосклонно.

Учитывая, что стиль Хлои был построен на подражании некоей мадам, ходить бы потом Тен-Тен в двух футболках и одном платье до скончания веков.

Решив, что она увидела достаточно, Тен-Тен встала с пуфа и отряхнула джинсы. Затем сняла толстовку Луки и аккуратно пристроила её на вешалку. Вещичка оказалась на диво тёплой, мягкой и удобной.

— Тебе не кажется, что ты перепутала комнаты? — спросила Тен-Тен, проходя мимо Одри к обувной.

Во-первых, она хотела достать оттуда тапочки — просто для вида, потому что Такахаша не носила дома обувь. Во-вторых, ей просто необходимо было преградить Одри путь на запретную территорию.

Одри, казалось, совершенно не удивилась появлению дочери. Хотя — да, конечно, это же всё-таки был этаж Хлои! Мадам Буржуа поправила солнечные очки, что она так и не сняла в помещении, и скривила накрашенные красным губы.

— Ну, знаешь ли, — протянула она снова высоким и противным голосом, — если бы я была уверена в твоём стиле... не хочу, чтобы ты испортила мне торжество.

Тен-Тен цыкнула и показательно скрестила руки на груди. Вроде как жест защиты и недоверия.

— Большое Торжество, ты хотела сказать. Знаешь, что у меня вызывает это название? Неминуемое желание опустошить желудок.

— Что?..

— Полнейшая безвкусица, — добавила Тен-Тен, отслеживая реакцию. — Уволь того, кто придумал такое название.

Одри в дичайшем шоке подняла очки. Глаза у неё оказались светло-голубыми, но не такими льдистыми, как у Хлои. Нижнее веко было воспалено и отливало фикусией, по белкам разрослась лоза красных капилляров. Но это были не глаза алкоголика или наркомана, совсем нет. Взгляд Одри оставался чистым и чётким.

Это также не было похоже на следы от слёз. Аллергия, боязнь света? Или...

Тен-Тен прищурилась. На Одри оказалось слишком много косметики, чтобы делать какие-либо выводы. Казалось, что весь этот слой штукатурки можно снять с мадам Буржуа — и получится настоящая маска вроде посмертной. Да уж, это не те лёгкие тени, которыми теперь пользовалась Тен-Тен.

Но проверить одну идею можно было очень легко. Плюс это убрало бы Одри из комнат Хлои.

Поэтому Такахаши скривилась и указала себе на скулу.

— У тебя шпинат. Вот здесь. Отвратительно.

Она мазнула пальцами по собственной коже, словно вытирая что-то. Одри, мгновенно запаниковавшая из-за собственной внешности, повторила этот жест. Подражание — один из вшитых в человека инстинктов, чем частенько пользовались ниндзя во время боя.

На пальцах Одри осталось достаточно тонального крема, чтобы Тен-Тен увидела то, что её интересовало. Жёлтый оттенок. Такая же желтизна, от которой кожа Хлои избавилась только после полного выведения яда.

— У тебя тоналка смазалась, — фыркнула Тен-Тен, закатывая глаза. — Ты потеряла скулу на лице, мама. Слишком увлекаешься контурингом?

Одри выбежала из гардеробной, как на то и рассчитывала Тен-Тен. Такахаши тихонько выдохнула и опустила плечи. И сразу же пошла в обувную, чтобы собрать всё своё оружие в одну коробку.

Она вытащила мобильник и позвонила Луке. Куффен снял трубку мгновенно:

— Я заберу, оставь у себя под кроватью, — сказал он, даже не выслушав вопроса.

— Знаешь, а мне начинает нравиться встречаться с парнем, который знает будущее.

— Не пей ничего внизу. Встретимся вечером.

— Удачи.

Она вынула из приглянувшейся коробки высокие сапоги и быстро сложила всё, что ей не было нужно прямо сейчас. Для себя Тен-Тен оставила только набор с ядами, аптечку и заколки для волос — то, что не вызвало бы больших вопросов ни у Жана, ни у горничных. Ни у Андрэ.

Коробку Тен-Тен отнесла в спальню и засунула под кровать, как и просил Лука. Затем Такахаши вернулась в гардеробную, чтобы переодеться ради «Большого Торжества». Нужно было что-то подходящее под канзаши, и при том с широкими рукавами: Тен-Тен соскучилась по кимоно, которые в Париже оказалось просто не достать. Приходилось сублимировать.

Пока она переодевалась, Лука успел заскочить в комнаты и забрать коробку. На глаза Тен-Тен он не показался, ограничился громким «Это я!» и прощанием. Такахаши в этот момент воевала с пуговицами на штанах, решая, так ли она хочет надеть это пыточное орудие, или же можно ограничиться простыми джинсами.

Но штаны были такими красивыми! Белые, с высокой талией, выглядят узкими, но на самом деле достаточно широкие, чтобы не вызывать дискомфорт. И тянутся, совершенно не стесняя движений! Решив в итоге, что она всё-таки девушка и имеет право на красоту, Тен-Тен на одном выдохе застегнула два ряда микро-пуговиц и удовлетворённо зажмурилась.

Сверху она надела невесомую блузку. Рукава были воздушными, как она хотела, правда только на предплечьях. Но Тен-Тен подкупил принт на светло-бежевой ткани: россыпь бордовых, розовых и охровых крупных цветов смотрелась просто великолепно. Когда-то куноичи не смогла купить кимоно с тканью в примерно таком же стиле.

Перед выходом рука Тен-Тен сама потянулась к комоду. Такахаши взяла платок, — тот

самый, с вензелями А. А. и которым так дорожила Хлоя, — и положила его в карман. Неизвестно зачем, но пусть будет. Куноичи доверяла своим предчувствиям.

Вещи, выкинутые Одри «за борт», Тен-Тен лениво отодвинула ногой. Ну да, она бы тоже избавилась от всех этих копирочек, если бы могла. Только вот теперь её гардеробная выглядела как ошипанная курица. Может, если развесить одобренные кофты, то всё не будет так печально?

В любом случае, она совершенно точно не собиралась заниматься этим прямо сейчас.

Тен-Тен прошла на кухню, чтобы заварить себе чай. Если Лука сказал, что внизу лучше ничего не пить, то стоит послушаться: змей всё-таки ходил по дороге времени словно у себя дома. А значит, Такахаша стоило выпить что-нибудь прямо сейчас.

К сожалению, сделать это не вышло. Едва Тен-Тен села за барную стойку, чтобы насладиться ароматом и вкусом чудеснейшего зелёного чая, как услышала тихий звон: лифт отеля остановился на этаже.

Андрэ к дочери не заходил, Лука был только недавно. Одри, спугнутая благодаря испорченному макияжу, вряд ли вернулась бы так скоро. Охрана ни разу не поднималась к Хлое на этаж. Оставался только один вариант: Жан.

И, учитывая, что внизу готовится Большое Торжество, вряд ли мужчина пришёл просто справиться о самочувствии подопечной. Хотя... это же Жан, бессменный нянь Хлои. Единственный, кто реально беспокоился о девочке.

— Мадмуазель, все ожидают вас внизу.

Жан осмотрел Тен-Тен с ног до головы, внимательно выискивая любые признаки нервов или стресса. В руках у мужчины была небольшая таблетница, которую он положил на стол. Ну точно волновался, раз принёс успокоительные.

— Я вижу, вам не нужны эти таблетки... я рад. Мадам сегодня была в хорошем настроении?

Тен-Тен взяла таблетницу, открыла. Понюхала крошечные капсулы. В нос ударил резкий запах валерианы — словно кто-то положил рядом с Такахаша старые мокрые тряпки.

— Как думаешь, Жан, — сказала Тен-Тен, игнорируя вопрос, — что произойдёт с моим дорогим другом Котом Нуаром, когда мы встретимся, если я прямо сейчас выпью это?

Она подняла глаза и улыбнулась. Закрыла таблетницу, положила её на стол и легонько оттолкнула от себя кончиками пальцев.

Судя по тому, как Жан побледнел, воображение у него было хорошо развито. Нянь без слов забрал таблетницу и спрятал её в карман.

— К тому же, — продолжала Тен-Тен, подперев голову рукой, — я читала, что злоупотребление таблетками может испортить кожу лица. Так что теперь буду справляться с нервами по-другому.

— ...и как же, мадмуазель?

Она посмотрела на мужчину, словно тот спросил нечто очень глупое.

— Азиатские способы, Жан-Клод, как же ещё?! Медитация, чай и растяжка! Как думаешь, может, мне стоит завести блог в инстаграм? И надо бы купить новые штаны для растяжки, чтобы мои ягодицы смотрелись привлекательнее. Они должны быть розовыми. Не ягодицы, конечно, а штаны, потому что розовый...

— Вас ждут внизу.

— Душнила.

Тен-Тен прыгнула с барного стула и с сожалением посмотрела на чайник. Чай всё ещё

был слишком горячим, чтобы пить. Пришлось ограничиться стаканом простой воды.

Вместе с Жаном Тен-Тен спустилась в фойе, докручивая пучок прямо в лифте. Несчастный Гранд-Отель, казалось, доживал свои последние дни под обилием украшений, конфетти и золотых шаров. Однако персонал, немного пришедший в себя, уже не был так напряжён, как раньше.

Хотя, возможно, в бою просто остались самые стойкие.

Одри нашла рядом с роялем: мадам Буржуа отчитывала индифферентного старичка, сидящего за инструментом. Мужчине, казалось, было абсолютно всё равно на любые восклицания блондинки; он пытался не заснуть, убаюканный её визгливым голосом. Тен-Тен даже усмехнулась от того, насколько забавно выглядела эта сцена. Интересно, этот старик женат на ком-то, кто так же визжит?

— А вот и моя сладкая девочка! — переключилась на Тен-Тен Одри.

Едва женщина отвернулась от старика, как тот приоткрыл один глаз. Убедившись, что мадам полностью увлечена следующей жертвой, мужчина вернулся к роялю. Началась тихая приятная музыка, совсем неподходящая для Большого Торжества.

Одри цепанула Тен-Тен за руку и потянула за собой. Из фойе они перешли в бизнес-зал, так же утопающий в розовом и золотом. Здесь уже стояли столы с закусками, накрытые огромными стеклянными блюдами. Музыка только не было.

Одри тоже обратила внимание на тишину и скривилась.

— Этот старикашка отказался перетащить свой нелепый рояль в этот зал. Жан-Поль! — завопила она. — Немедленно реши проблему с музыкой!

Жан, до того сопровождающий Тен-Тен немой тенью, с беспокойством посмотрел на куноичи. Та в ответ неразличимо кивнула, и нянь вздохнул. Он явно не хотел оставлять Хлою наедине с матерью.

— Жан-Моль?! — требовательно повторила Одри.

Ему не оставалось ничего кроме подчинения. Капризы мадам должны были исполняться сразу и без нареканий. Если что, так сказал Андрэ. Потом он, правда, добавил, что всё это ради его собственного спокойствия.

— Нелепо, совершенно нелепо. Если он будет тормозить и дальше, то я просто его уволю! О, Зои, солнышко, ты прекрасно выглядишь!

Сначала Тен-Тен подумала, что Одри опять забыла имя дочери и обращается к ней; потом поняла: мадам Буржуа "не помнит" только про одного ребёнка.

— Тебе так идёт жёлтый! — заворковала Одри, умилительно прижимая руки к вставной груди. — Просто что-то невероятное, милая, почти как мне!

На взгляд Тен-Тен, жёлтое платье Зои совершенно не шло: девочка из-за цвета ткани и сама словно бы пожелтела. Выглядела она из-за этого немного болезненно и бледно, а не «мило».

Однако одежда и аксессуары Зои совсем не заинтересовали Тен-Тен. Гораздо больше вопросов вызвала Сабрина, пришедшая вместе со второй дочерью Одри. Во-первых, что Ренкомпри забыла в её компании. Во-вторых, почему это рыжая неверная собачка Хлои выглядела так, словно её только что запугали до полусмерти?

На вопросительный взгляд Тен-Тен Сабрина ещё больше съёжилась и совсем отвернулась. Куноичи на это не отреагировала, а вот Зои постаралась незаметно пихнуть рыжую в бок, когда к Такахаши подошёл официант с предложением выпить что-нибудь.

Помня предупреждение Луки Тен-Тен, естественно, отказалась.

— Так, девочки! — Одри хлопнула в ладоши и поправила очки. — Совсем скоро придут важные гости, и ваша мамочка должна блистать сильнее обнажённого платья Рианны. Абсолютно нелепая вещица, чтобы вы знали: ни одного настоящего бриллианта. Сваровски, только Сваровски! Ну что за безвкусица?

Тен-Тен кивнула, хотя понятия не имела, о чём это Одри говорит. Вероятно, про какую-то местную знаменитость, с которой Такахаша ещё не успела познакомиться. Но, ради всего святого, она в этом мире дай бог неделю. Просто дайте ей уже хоть немного времени!

Зои, напротив, поняла посыл матери и даже усмехнулась в ответ. Сабрина ушла в себя и не реагировала ни на что вокруг. При этом рыжая продолжала отслеживать передвижения Зои беспокойными оленьими глазами: так жертва всегда держит в поле зрения хищника, оказавшегося слишком близко. Интересная реакция.

Жан оказался исполнительным, так что скоро в зале зазвучала музыка. Буквально через пять минут после этого стали появляться первые «важные люди» — все как один с камерами. Тен-Тен хотела было сесть где-нибудь у стены, но потом поняла, что в помещении нет ни одного пуфика или скамейки. Интересно только, специально ли Одри всё так запланировала, или же дело в небрежности.

Такахаша попыталась отойти от мадам Буржуа, но потерпела в этом неудачу: Одри, не отвлекаясь от нахваливания себя на камеру, снова по-змеиному быстро схватила Тен-Тен за руку и притянула к себе в неловком объятии. Женщина не смотрела на дочь, полностью сосредоточившись на журналисте, и в итоге чуть не передавила Тен-Тен шею.

У куноичи всё-таки получилось вырваться, расцарапав при этом руку — кольца у Одри оказались острыми то ли из-за камней и их огранки, то ли из-за ужасного дизайна. Вот не зря Тен-Тен не любила всякие украшения, от них одни проблемы и бесконечная морока.

Она всё-таки отвоевала свою свободу, потому что Одри не могла отойти от журналистов. Сбежав от матери Хлои на достаточное расстояние, Тен-Тен вздохнула с облегчением: мадам использовала крайне неприятные духи. Плюс Такахаша никогда не любила излишнее внимание. Возможно, из-за вьёвшихся с профессией привычек.

Смешно: в этом мире нельзя было указать в резюме, что ты отлично убиваешь людей и подрываешь здания. По крайней мере, при устройстве на нормальную работу.

Тен-Тен отошла к стене и привалилась к ней спиной. Одна нога поднялась, сделав упор в бежевый барельеф. Сквозь босоножку чувствовалась одна из острых граней, приятно массирующая стопу. Любимая позиция: защищённая спина, есть возможность оттолкнуться, происходящее в помещении видно как нельзя лучше.

Куноичи сцепила руки и скривилась: ладонь здоровой прошлась по царапине, всё ещё кровоточащей. Тен-Тен достала носовой платок Хлои и быстро вытерла красные капли. Потом зажала ранку на руке и невидящим взглядом уставилась вперёд. Сознание продолжало автоматически отмечать всё вокруг.

Вообще, она не задумывалась насчёт своего будущего, однако недавний недо-разговор с Лукой натолкнул Тен-Тен на неприятное осознание: после победы над Бражником и разборок с отравителем будет что-то ещё. Что-то очень обыденное, вроде каждодневного бега по утрам и чашки чая вечером. Но как Тен-Тен могла бы заполнить время между этими своими гранями жизни?

Лука? Она не была уверена, что они останутся вместе; хотя они словно были созданы друг для друга, Тен-Тен прекрасно осознавала, что Куффен не готов для близких отношений. Было ли в этом виновато его хождение по времени или же какие-то другие, более глубокие

психологические причины — не так важно на самом деле. Главное — результат, неутешительный и для Тен-Тен, и для Луки.

Так чем бы она могла заниматься в этой отвратительной мирной реальности? Да, здесь существовали войны, — они будут греметь столько же, сколько ходит по земле человек, — но они были громкими, полными одиночных выстрелов и автоматных очередей. Тен-Тен ненавидела что первое, что второе; переданное учителем Гаем мастерство ближнего боя просто умирало без оттачивания стиля. Но разве подерёшься с человеком, привыкшим к огнестрелу?

Жажда царапнула горло, но Тен-Тен от неё просто отмахнулась. Подожди, организм, не до тебя сейчас. Тем более что Лука сказал не пить.

Опять этот Лука. Прочь из её головы, трусливый змей, куноичи думает о своём будущем. В здешней войне Тен-Тен не хватало изящества. Взмаха катаны, броска сюрикена, техник и печатей. Она, конечно же, могла бы перестроиться для боёв в этом мире. Только вот зачем?

Да и навоевалась она на своём веку. Пора бы уже пожить и для себя, а не по контракту. Тен-Тен наконец была свободна от всех обещаний и обязательств, что тяготили её в своём мире. Оставалась только одна клятва, данная бедной мёртвой Хлое Буржуа: раз уж Такахаши заняла чужое место и живёт новой жизнью, то она просто обязана стать счастливой и найти свою любовь. Хотя бы ради той, кто был в этом теле до неё.

Ладно, хорошо, допустим. Нашла. И даже уверена в том, что с этим человеком она будет счастлива, да и скучать он не даст. Но как теперь ей этого змея удержать? Какие вообще силки могут поймать существо, знающее всегда и обо всём и повелевающее самим временем?

Вспомнилась Сакура: её полная яда улыбка, холодные глаза и расчёт стать Учиха-доно, рождённый ещё в детстве.

В какие силки попадётся сильнейшее из существ?
Только в те, в которые оно войдёт само.

Тен-Тен усмехнулась и потёрла горло. Проверила платок, уже изрядно намокший — кровь из царапин никак не останавливалась и даже не сворачивалась, оставаясь красной. Жажда накатывала приливом, усиливаясь каждую минуту.

Итак, её отравили. Непонятно, правда, чем, потому что в этом мире было сложно достать что-то настолько убойное. Царапину не щипало, но кожа вокруг неё покраснела и опухла.

Яд на кольцах Одри, прекрасно. Тен-Тен теперь была уверена, что мадам Буржуа не имела никакого отношения к травле собственной дочери, которую она никак не могла запомнить: свои побрякушки Одри любила больше, чем любой скряга — деньги.

— Хлоя, я принесла тебе попить... о, Господи! Что у тебя с рукой?!

Несколько красных капель упали на согнутую ногу. Белые штаны впитали кровь, как изголодавшийся ёкай.

Тен-Тен посмотрела на Сабрину, замершую рядом с ней соляным столбом. В руках девочка держала два стакана с водой — обычной, без газа, но с кусочками лимона. Рыжая, словно замороженная, смотрела на ярко-красный платок в руках Тен-Тен.

— Ты же хотела вернуть его Адриану, — пробормотала Сабрина, не отрываясь от гипнотического красного, — кровь плохо отстирывается...

— Обойдётся Адрикинс без своего платка. Кто тебя надоумил мне воду принести,

предательница?

Сабрина вскинулась, словно Тен-Тен её смертельно оскорбила. Возможно, так и было: у девочки было привито извращённое, но всё же весьма чёткое чувство справедливости. Вроде как «злодеи получают наказание, добряков любит жизнь», или типа того. И предавать в этой системе могли только плохие парни.

Поэтому она и травила Хлою: по мироощущению рыжей та была настоящей «злодейкой», которую следовало наказать. Видимо, прегрешений Буржуа оказалось достаточно для однозначного вердикта. Потом на месте Хлои появилась Тен-Тен, своим поведением не поддерживающая прежний статус мэрской дочурки.

Отсюда и терзания рыжей. И попытки отстраниться от Хлои. Вот только последнее явно не понравилось инициатору «наказания», раз Сабрина снова рядом со своей подружкой и протягивает ей стакан с водой.

Естественно, Тен-Тен даже не пошевелилась, чтобы взять его в руки.

— Кто сказал тебе принести мне воду, Сабрина? — повторила свой вопрос Такахаша.

Рыжая поджала губы и воровато оглянулась. Голова её опустилась, плечи ушли вверх — словно девочка пыталась собраться внутрь, чтобы не отвечать на заданный вопрос.

Дабы усилить давление, Тен-Тен отлипла от стены и сделал шаг вперёд. Сабрина отступила, ещё больше съёживаясь.

— Ну же, Сабринчик, — невесело усмехнулась куноичи, — что, так сложно ответить?

— Ты зачем её пугаешь?!

Тен-Тен повернулась в сторону грозного восклицания, про себя ожидая увидеть Маринетт, в любом из её обличий. Тот же мягкий акцент, что и у Дюпэн-Чэн, ввёл Такахаша в заблуждение: вместо давней подружки Хлои перед куноичи стояла сводная сестра.

Зои Ли. Ли, вроде бы, считалась китайской фамилией, так что становилось понятно сходство акцентов и причина небольшой путаницы на слух. Тен-Тен даже пожурела себя: ну откуда бы здесь, на Большом Торжестве Одри Буржуа, взяться такой крошечной и никому не интересной девочке, как Маринетт?

— А что, тебя это волнует, что ли? Иди к мамочке под юбку, малышка, здесь взрослые тётки говорят о важных вещах.

Щёки Зои вспыхнули малиновым румянцем. Как и Тен-Тен, дочурка Одри не утруждала себя макияжем. Некрасивый розовый растёкся по скулам и опустился на челюсть, медленно перетекая к шее.

В сочетании с жёлтым платьем картина была — залюбуешься.

— Это тебе стоило бы подойти к матери, — прошипела Зои, оттаскивая от Тен-Тен Сабрину, — она, в конце концов, ради тебя сюда прилетела!

Тен-Тен отняла платок от руки и небрежно трянула кистью. Красные капли разлетелись по дуге, и часть их них осела на прекрасном жёлтом платье.

Зои даже не взглянула на испорченную ткань. Вместо этого она продолжала пялиться прямо на Тен-Тен, словно Такахаша была единственной её проблемой в жизни. В голубых глазах Ли снова жглась та ненависть, с которой куноичи чаще всего сталкивалась именно на поле боя. Это была злоба фанатика, которого натаскивали на определённые реакции. Глупая и ничем не объяснённая.

Возможно, кого другого такой взгляд пробрал бы до мурашек. Тен-Тен же на своём веку, — вот уж действительно, прожила практически целый век! — видала эмоции и сильнее.

— Ты на самом деле такая глупая или прикальваешься, сестричка? — неприятно улыбнулась Тен-Тен, вновь прикладывая к царапинам платок. — Одри интересуется только Одри, ты не знала? Но она, по крайней мере, запомнила твоё имя.

Мимо. Не зацепило. Зои никак не отреагировала на то, что Тен-Тен поставила её выше Хлои, кое-как намекнув на материнское внимание и любовь. Значит, на Одри девочке было плевать.

Она также не испугалась ни вида крови, ни её близости. Даже Сабрина, у которой мать была медсестрой, продолжала нервно посматривать на красный платок, тогда как Зои воспринимала его как само собой разумеющееся. Ли точно знала, что кровь не будет останавливаться; она же наверняка и нанесла яд на кольца Одри — ту ведь не жалко, даже если она и сама поранится.

— А, так тебя не интересуется мамочка, — сладко пропела Тен-Тен, смотря на сводную сестру. — Что, не любишь маму, да? Папа нравится больше?

— По крайней мере, мой отец меня любит! — огрызнулась Зои, отворачиваясь от куноичи.

Ли схватила Сабрину под локоть, — совсем недавно так же Одри хватала саму куноичи, между прочим, — и увела Ренкомпри от бывшей подруги.

У Тен-Тен больше не было никаких сомнений в личности отравителя.

Только что же вы, мистер Ли, действуете чужими руками?

Глава 25. Великое Посещение

Кровь остановилась только после обработки раны одним из военных растворов. Яд был убийным: если бы у Такахаша под рукой не оказалось ничего столь же волшебного, как её лекарства, даже от такой крошечной ранки можно было бы умереть.

И здесь возникало два вопроса. Первый: понимала ли Зои, что она окажется под подозрением в убийстве? Пусть не сразу, и может даже не в середине расследования. Тен-Тен сомневалась, что вторая дочь Одри была осторожна и совсем не оставила абсолютно никаких намёков на своё участие.

Второй вопрос: понимал ли это мистер Ли? Наверняка понимал, а потому и действовал чужими руками. Но ведь, если бы Зои поймали, вряд ли она стала бы держать язык за зубами. Напела бы всё как птичка... или нет. В этом мире, вроде, не применяли пытки при допросах.

Короткий поиск информации в интернете подсказал что да, здесь не пытаются даже отпетых преступников. И очень зря, считала Тен-Тен. Но вот психологические приёмы манипулирования и влияния здесь оказались развиты на весьма неплохом уровне. Так что девочка могла бы и рассказать всё про своего волшебного, излишне умного отца-убийцу.

С другой стороны, Тен-Тен понимала, что из любви к своему родителю Зои будет держаться до последнего. Вряд ли в этих чувствах проскальзывал инцест, скорее простая детская глупость и вера в непогрешимость выбранного взрослого. Но тем Зои и была опасна: слова и мнения её отца были для девочки истиной в последней инстанции.

Сказал убить — значит надо убить. Без комментариев и лишних размышлений.

Большое Торжество закончилось на неопределённой ноте: после того как все журналисты разошлись, Одри принялась названивать Габриэлю, своему давнему другу. Тот не брал трубку, подтверждая свой статус отшельника. Естественно, на такое игнорирование мадам рассвирепела и, громко стуча шпильками, молниеносно удалилась из украшенного зала.

Тен-Тен ушла спустя минут десять. Уровень кровопотери на тот момент был приемлемым, так что Такахаша игнорировала жажду и присматривалась к Зои, что-то выговаривающей Сабрине.

Интересовала её не малолетняя отравительница, а рыжая. Видимо, был у Зои какой-то рычаг влияния на Сабрину, раз та безропотно делала всё. Даже если это «всё» не согласовывалось с её внутренним компасом справедливости. Выходит, что Ли дёргала за что-то более важное для Ренкомпри.

Ну здесь даже думать не надо было. Больше всего на свете Сабрина обожала своих родителей, особенно мамочку. Отсюда новая непонятка: как обычная медсестра связана с Зои? Или, если думать логически, как мать Сабрины, способная достать разные интересные вещества, могла бы быть связана с мистером Ли?

Вообще-то, Тен-Тен не любила воевать непонятно против кого. Всё это пахло маразмом: каждому известно, что ты тем ближе к победе, чем больше знаешь о своём противнике.

Так что в своих комнатах куноичи, мысленно вознеся хвалу интернету, начала своё путешествие в поисках отца Зои.

Дело это было не самым простым из-за травмированной руки, непривычного браузера и

в общем низкого навыка пользования всемирной сетью. Однако Тен-Тен могла бы гордиться своим умением находить информацию и составлять полную картину даже из обрывочных сведений, что плюс-минус перекрывало прошлые недостатки.

Начать поиски она решила с фотографий Одри и статей про женщину, которые Тен-Тен уже успела прочитать. Плюс возраст Зои давал хорошую подсказку: она не могла быть старше Хлои, потому что Одри никуда не уезжала из Парижа. И была минимум на год младше, а может и на все два.

Первая серьёзная размолвка между Андрэ и Одри произошла, если верить старым статьям и сканам газет, примерно на третьем году жизни Хлои. До этого мадам Буржуа уезжала в Китай «лечиться», сроком на год. У женщины обнаружили опухоль в мозгу, которую Одри наотрез отказалась вырезать. Аргумент — нежелание брить голову.

Да уж. Свою красоту эта мадам явно ставила выше собственного здоровья. Но хотя бы стало понятно, почему большинство смотрят сквозь пальцы на проблемы женщины.

Андрэ остался с ребёнком один, Одри успешно излечилась в Китае. Очевидно, что в то же время она подхватила другую болезнь — паразита, которого потом назвали Зои. Одри возвращается к мужу в середине третьего года жизни Хлои, — примерно, — и окончательно уезжает в Америку только к девятому дню рождения дочери.

Между этими периодами — тишина. Одри даже не вела личный блог и нигде не мелькала на таблоидах.

В принципе, эти потерянные годы не были важны для поисков Тен-Тен. Ей удалось найти сайт больницы, где лечилась Одри: китайские иероглифы важно оповещали всех, что именно в этом здании и у этих врачей исцелила свой недуг знаменитая блондинка.

— Попался, — удовлетворённо усмехнулась Тен-Тен, прикрывая глаза.

Вей Ли был довольно симпатичным мужчиной с совершенно отвратительными тоненькими усиками. Его глаза с тяжёлыми азиатскими веками и волосы были тёмными, но на фотографии угадывались многие черты лица, которые Вей передал дочери. Взять хотя бы этот ужасный тонкий подбородок и круглую голову.

Однако Зои вышла удачным проектом. Гены, проявленные в её внешности, явно оказались выигрышными. Повезло же ей.

Дальше Тен-Тен изучала историю одного врача из Гонконга.

Вей Ли был обычным парнем, в общем-то. Единственная серая страница его биографии — это пожар в фармацевтической лаборатории, где мистер Ли работал вместе с матерью Сабрины и целой командой других медиков. Погибли четыре человека, пятеро получили сильные ожоги и не смогли вернуться к профессиональной деятельности. Очевидно, что это был тот самый крючок, за который Вей Ли, — и его дочь; особенно его дочь, — дёргали несчастную мадам Ренкомпри.

Та ведь, если задуматься, была той ещё неудачницей: после пожара, вызванного скорее небрежностью, чем расчётом, она даже не пыталась больше никуда устроиться. Сбежала из Китая в родной Париж, нашла себе потенциального защитника, родила ребёнка. Наверняка она продолжает мучиться из-за кошмаров, где погибшие в огне говорят, что это она во всём виновата. Стандартная реакция слабого разума.

Ладно, куча неясностей внезапно оказались перекрыты всего-то парочкой биографий. Но остаётся главный вопрос: зачем Вей Ли пытается убить Хлою? В чём причина?

В чём заключается причина убийств, если мы не говорим про наёмные контракты? Власть, любовь, месть, деньги. Вряд ли Хлоя успела как-то досадить китайскому врачу, так

что месть можно вычеркнуть. Любовь? Ха! Не очень-то похоже, что Вей Ли был до одури влюблён в чужую женщину. Ведь у неё оставался вполне действующий брак!

— О чём думаешь, змейка?

Тен-Тен улыбнулась, когда Лука лёг рядом с ней на кровать. Куффен вернул себе самообладание и больше не терзался никакими сомнениями, тенью набегавшими на его лицо.

— Сколько ты отматывал?

— Порядочно. Так о чём ты думаешь?

Такахаша пересказала ему результаты собственных изысканий. Лука слушал внимательно, уложив голову на её колени и наблюдая за выражением лица из-под ресниц. Казалось, Куффен спит; по ритму и глубине дыхания Тен-Тен понимала, что он просто глубоко сосредоточен.

— Если Вей Ли не любит Одри, то, может, дело в деньгах? — предположил он, садясь на кровати.

Лука подобрался поближе к Тен-Тен и осторожно взял её за травмированную руку. Хотя охрово-жёлтая мазь остановила кровотечение, она совсем не помогала плоти заживать. Такахаша заранее смирилась с тем, что на красивых ручках Хлои появится первый шрам, ещё и такой уродливый.

Лука поднёс её руку к своим губам и осторожно подул на рану. В слабом потоке выдыхаемого воздуха Тен-Тен увидела серебристую пыльцу, напоминающую обычную книжную пыль, сверкающую в солнечных лучах. Рана после этой краткой прекрасной магии затянулась буквально на глазах.

— Так вот как выглядит время, — протянула Тен-Тен. — Интересно. А теперь разворачивай мысль про деньги.

— Наследство, — не видя понимания в глазах Такахаша, Лука вздохнул. — Одри, пока действует её брачный договор, является единственной наследницей половины состояния Андрэ.

— Вторая наследница, я так понимаю, это Хлоя.

— Точно.

Тен-Тен медленно кивнула. Лука принялся стирать мазь с полностью зажившей руки.

Значит, деньги. Если убить сначала Хлою, то Одри остаётся единственной наследницей. Если затем избавиться от Андрэ, а после и от мадам Буржуа, то после несложного генетического теста на всё имущество сможет претендовать одна Зои. А там уж и Вей Ли подсуетится, как единственный опекун девочки.

— Это всё так...

— Просто? — предположил Лука. — Или, может быть, ты хотела сказать «элементарно»?

— Я хотела сказать «убого». Неужели в Китае так мало платят врачам-онкологам, что Вей Ли решился на такую мерзкую подлость, как убийство подростка?

На это Лука только пожал плечами.

— Платят много. Но некоторым никаких сумм не будет достаточно.

— Это называется жадность.

— Да плевать как это называется. Зато из-за чужой убогости я встретил тебя.

Тен-Тен прищурилась. Лука не смотрел на неё, продолжая аккуратно вытирать её руку влажными салфетками. Пахло спиртом и мандаринами.

— Кот Нуар, кстати, справился с акумой, — сказал Лука, подняв на Тен-Тен взгляд. Лицо у парня было спокойным, но вот губы выдавали.

— Главное, что ты справился со своим стопором, — ровно сказала она.

Куффен издал невесёлый смешок.

— Если честно, это было сложнее, чем я думал. Я отмотал время назад, к моменту, когда мы убили Ван Фу. И потом просто смотрел на то, как ты умираешь.

Тен-Тен этого не помнила. Для неё время оставалось линейным и невидимым, а события, о которых говорил Лука, просто не происходили.

— Надеюсь, зрелище тебе не понравилось.

— Пересматривал семь раз.

— Всё-таки понравилось?

Он сокрушённо покачал головой и мягко потянул Тен-Тен на себя. Она не сопротивлялась, позволяя перетащить себя на колени и обнять.

— Совсем не понравилось, — сказал Лука ей на ухо. — У меня сердце разрывалось каждый раз, когда Ван Фу убивал тебя.

— Мы знакомы не так давно. Просто напоминаю.

Снова смешок.

— Говори за себя. Со всеми моими отмотками я успел понять, что без тебя моё время — ничто.

После этих слов Тен-Тен обняла Луку в ответ. Повозившись, она уместилась в кольце его рук и обвила ногами торс. Так, сидя лицом к лицу, они некоторое время просто разглядывали друг друга, оставаясь в тишине.

Тен-Тен думала, что её «долго и счастливо», похоже, всё-таки запланировано этим мирозданием. Осознавать это было так же приятно, как надеть шубу в лютый мороз.

— До какого момента ты проживал со мной максимально? — спросила она, пальцами проведя по носу Луки.

— Около года, начиная с нашего знакомства.

— Почему не дальше?

— Не было смысла: Парадокс начинал жрать реальность.

— Почему мы не разбирались с ним раньше?

Тут Лука улыбнулся совершенно определённым образом — и сразу же получил от Тен-Тен затрепину в плечо.

— Пропустили шанс на победу, — пропел Куффен своим прекрасным низким голосом.

— Я бы сказала, что не пропустили, а...

— Мадмуазель лучше не выражаться, иначе мне придётся запихнуть в её рот кусок мыла.

Тен-Тен хрюкнула, пытаясь сдержать смех. Сделала только хуже, говорила улыбка Луки.

— Вот только мыло тебе в мой рот и засовывать, змей. По крайней мере пока мы не закроем всю эту тему с парадоксами.

Эта новость заставила парня побледнеть. Он с нескрываемым ужасом посмотрел на Тен-Тен. Даже улыбка Луки как-то увяла.

— Ты же несерьёзно сейчас, да?

— Абсолютно серьёзно.

— Это же тысячи вечностей без секса.

— Ничего не знаю, для меня пройдёт не больше года.

— Жестокая, жестокая женщина!

Ночь они провели вместе. Как Тен-Тен и обещала, никакой интимности: даже когда Лука принялся раздеваться, словно вытанцовывать, она всего лишь насмешливо подняла бровь. Куффен не сдавался, и свою змеиную пластику начал сопровождать поистине волшебным голосом.

Когда дело дошло до снятия белья, Тен-Тен предупредила:

— Не остановишься — и я нанесу тебе непоправимую сексуальную травму.

— Ты меня что, ударишь?

— Слова порой хуже кулаков и железа, змейка.

Судьбу Лука решил не испытывать. И, судя по так и не погасшему похотливому огоньку в глазах, на этот раз время он не отматывал.

Утро началось громко и печально. Луки уже не было, кровать без него остыла, а в комнаты Хлои, портя ковры шпильками, вновь ворвалась Одри.

Хотя Тен-Тен успела не только сходить на пробежку, но и позавтракать, она всё равно была не рада подобному визиту. Да, в расписании у неё на понедельник было запланировано «Великое Посещение». Но, говоря откровенно, Тен-Тен рассчитывала, что посещать кого-то Одри будет в одиночестве или в компании второй дочери. Иначе зачем она её рожала?

К сожалению, в рамках пиар-акции «Я хорошая мать», Одри помнила про своего первого ребёнка. И для Великого Посещения ей непременно была нужна именно Хлоя.

Она так и сказала:

— Ты мне непременно нужна, Зоя!

Тен-Тен, пьющая в этот момент чай и одну за другой удаляющая фотографии Ледибаг с телефона, на этот пламенный призыв даже не отреагировала. За спиной Одри, переминаясь с ноги на ногу, стояла Зои, — не Зоя, — и разглядывала убранство кухни. Судя по завистливому огоньку в глазах, американо-китайская девочка не могла похвастаться такими же жилищными условиями.

Не увидев никакого энтузиазма от Хлои, Одри подрастеряла весь свой апломб. Вместо него пришла злость. Как у ребёнка, которому отказывают в конфетах.

— Зоя!

— Зои стоит у тебя за спиной, — сказала Тен-Тен, удаляя очередную чёрно-красную фотографию. — И, по-моему, она совсем не против составить тебе компанию.

От такой наглости Одри буквально лишилась дара речи. Она несколько раз открывала рот, чтобы ответить что-то несомненно подходящее, и тут же его закрывала. Потом Одри щёлкнула пальцами, и Зои полезла в свою сумку за коробкой мятных леденцов.

Вот они заинтересовали Тен-Тен намного больше.

Ментол ведь отлично скрывал многие вещества. Хочешь отравить какого-нибудь вельможу по-тихому? Нет ничего проще: завари чай со жгучей мятой. Нужно спрятать вкус горького лекарства для ребёнка? Добавь мятное масло. Сильный запах обманывал не только обоняние, но и вкус. А уж если соединить этот аромат с сахаром... Можно будет съесть практически что угодно.

Одри разгрызла драже крепкими белыми зубами. Наверняка тоже искусственные, ведь у Хлои, как и у Зои был дефект ротовой полости: небольшой сдвиг левого верхнего клыка вперёд. Незаметно при улыбке, но вполне ощутимо при поцелуях. Лука, к примеру, несколько раз напарывался на неожиданную остроту, прежде чем приноровился целоваться с куноичи.

— Ты поедешь с нами — и точка! Я не собираюсь посещать дом Агрестов в неполном составе! Габриэль должен знать, что у меня самая лучшая семья, самая крепкая! Ты поедешь, иначе... иначе... иначе ты мне не дочь, вот!

Тен-Тен выключила телефон и, ничего не говоря, направилась в гардеробную. Не стоило перегибать с показыванием характера, это могло вызвать ненужные вопросы и раньше времени напрячь Зою. Что-то она расслабилась после ночи с Лукой... нехорошо. Сначала стоило разобраться с проблемами, а уже потом скалить зубки.

Она так и не решила, что же ей делать с Зою, Вей Ли и открывшейся мотивацией для убийства. Было ясно, что Хлою не оставят в покое, так или иначе пытаясь добраться через Одри до денег Андрэ. Очередная толика юмора: судя по всему, у мэра дела шли настолько плохо, что ни о каком «состоянии» речи уже идти не могло. Попытки Буржуа показать себя возможным инвесторам с выгодной стороны в этом плане были красноречивее любого объявления о банкротстве.

Так что зря, в общем-то, Вей Ли старался. И надеялся он тоже зря.

Рассматривая одежду в гардеробной, Тен-Тен размышляла о том, как бы немного испортить жизнь окружающим. Настроение у куноичи было довольно мрачным, вероятно из-за ограничений, установленных ею же. Вот казалось бы, только нашла идеального мужчину, и даже не можешь насладиться своей находкой в полной мере.

Да и давление на тему семьи Тен-Тен не оценила; это было по крайней мере низко по отношению к погибшей Хлою. То, что Одри в итоге использовала такой грубый шантаж — это даже не удивительно. Женщина понятия не имела, как добиться желаемого; Тен-Тен даже не была уверена, что сама Одри знает о том, в чём же она сама нуждается. А когда психологически нестабильный человек не может что-то получить, он начинает требовать это «что-то» от других. Любыми способами.

Просто ради своего удовольствия Тен-Тен надела жёлтый пиджак, светлые штаны и полосатую кофту — обычный гардероб Хлои. Сверху на это безобразие легло пальто, неизвестным образом вернувшееся к хозяйке. Вероятно, его принёс вечером Лука.

Пошерстив в карманах и обнаружив там небольшую открытку в форме сердечка, Тен-Тен только хмыкнула. Вот вроде бы она давно выросла из таких дурацких подарков, а всё равно приятно.

На выбранный Тен-Тен стиль Одри и Зою отреагировали одинаковым непониманием и небольшой брезгливостью. Немного не та реакция, на которую рассчитывала Такахаша, но тоже неплохо.

— Вас что, ещё и поторапливать нужно? — окликнула пришелиц Тен-Тен, уже стоя около лифта.

Пальцы в это время набирали сообщение Луке с просьбой проверить потом кухню, да и весь этаж. Тен-Тен теперь не могла рисковать собственным здоровьем; не после того, как она по удаче вывела всё лишнее из организма.

Так и не успев отправить длинное сообщение, Тен-Тен получила положительный ответ. Стерев всё набранное, она скинула Луке просто несколько эмодзи змеек с высунутыми языками.

До дома Габриэля предполагалось ехать с фанфарами: на огромном золотом лимузине с белой отделкой внутри. Тен-Тен не поленилась прокомментировать «подобную нелепость» трижды: как только увидела машину, пока залезла в неё и уже устроившись на светлых сидениях. Стоило видеть, как перекашивалось от таких замечаний лицо Одри. А ведь она-то

считала, что золотой лимузин — это просто вершина вкуса.

Забавно, что первый комментарий, который Одри получила от Габриэля, был о полнейшей безвкусице в выборе внешнего вида транспорта.

— Я уволю того, кто подбирал мне машину, — величественно кивнула на это замечание Одри.

Впервые Тен-Тен ощутила некоторое духовное единение с отцом Адриана. Несмотря на сдержанное выражение лица, по Габриэлю было прекрасно видно, что он точно знал, кто подбирал Одри этот лимузин.

А вот Зои удивила: всю поездку просидела тихо, как мышка, и обильно покраснела после неприветливой фразы от Габриэля. Значит, мать свою она не могла любить не только из-за длительных отлучек и отсутствия систематического воспитания, но и из-за банального стыда. Знала бы Одри, что на самом деле чувствовала к ней младшая дочь!

И знала бы эта женщина, что по вине её любовника и ублюдка умер единственный человек в мире, реально её любивший.

Пока Одри занимала Габриэля и Натали бесконечными восклицаниями, Тен-Тен прошмыгнула внутрь особняка. Она рассчитывала увидеть Адриана и расспросить парня про прошедшую битву с акумой; одним из самых сложных противников в жизни Тен-Тен была иллюзия, полностью копирующая её собственный стиль боя и манеру поведения. Помимо сложностей чисто технических, всплывал ещё и моральный момент. Мало кто может спокойно убить самого себя.

Адриан же вчера оказался примерно в такой же ситуации. Конечно, Тен-Тен знала, что разрешилось всё благополучно, но если она могла бы оказать парню психологическую поддержку, то почему бы этого не сделать?

К сожалению, Адриана не оказалось у него в комнате. В принципе, это было не удивительно, если вспомнить, насколько у него загружен график. А ведь Габриэль мог ещё и добавить в него те занятия, что Агрест-младший пропустил по вине Такахаша. Ей оставалось только надеяться, что всё не настолько плохо.

Тен-Тен вытащила телефон и сделала селфи на фоне кровати Адриана. Естественно, фотография сразу же отправилась адресату. Даже если он увидит сообщение через пару часов, маленькая шалость всё равно свершится.

Но шутки в сторону: если Габриэль занят Одри, то стоит ли Тен-Тен пробираться в его тайное логово? В принципе, особого смысла в этом не было. Но ей хотелось бы знать судьбу тела Эмили. Это было какое-то внутреннее желание, похожее на то, какое возникает в голове у ребёнка при виде отвратительной личинки. Хотелось знать всё, в мельчайших подробностях: отразился ли бой Бражника и Тен-Тен на теле Эмили, что Габриэль делал с ним после этого боя, перенёс ли он гробницу своей жены, если он не помнит о прошедшем сражении.

Желание было сильным, словно навязанным, а оттого ещё более нерациональным. Но ему можно было сопротивляться.

— Ты чувствуешь?

Тен-Тен почти не удивилась, увидев Нурру возле себя. Это было логично: будь она на месте мотылька, тоже попыталась бы связаться с человеком, способным помочь в непростой ситуации, при первой же возможности.

— Тягу? Да.

— Мастер сделал магическую ловушку. Он понял, что произошло нечто, чего он не

помнит. Ведь остались записи с акуманизацией. Поэтому он притягивает Вас к себе, считая, что в Вас осталась бабочка.

— А она осталась?

Нурру облетел её кругом, прежде чем вынести вердикт:

— Определённо нет, Вам не о чем беспокоиться. Однако Вас будет тянуть к ловушке, поскольку вы всё же связаны с Мастером Парадоксом.

Желание выйти в окно и рысцой добежать до сада было навязчивым, но вполне преодолимым. Напоминало попытки не чесать только начавшую заживать ранку. При должной дисциплине ума вполне можно игнорировать.

— Почему ты не дал мне убить его?

— Дело в Парадоксе, — сразу ответил Нурру, словно давно ждал этого вопроса. — В нём задействованы три человека: Вы, Мастер и Эмили. Вы должны разрешить эту проблему втроём, чтобы соблюсти баланс. Понимаете?

— Не особенно.

Как они могли «втроём» решать этот Парадокс, если Эмили мертва, Габриэль сошёл с ума, а Тен-Тен ещё не прожила ни одного относительно спокойного дня в этом мире? Задача не для первоклассников Академии, знаете ли.

— А что насчёт нынешних владельцев сильнейших Талисманов?

— Их привлечение крайне нежелательно. Понимаете...

Тен-Тен услышала скрип и повернулась. В дверном проёме стояла Натали: женщина, которую Тен-Тен лишь мельком видела ранее, но про которую знала очень много из собранных по переписке с Адрианом данных.

Натали ассоциировалась у Тен-Тен с собакой: в ней жила та же глупая, глубинная преданность без какой-либо надежды на ответ. Санкёр любила Габриэля, это было видно в каждом её взгляде, жесте и слове. Натали старалась всегда быть рядом и как можно больше облегчить ношу месье Агреста; возможно, поэтому он её и не ценил. Ещё один парадокс: чем больше Натали на себя брала, тем меньше Габриэль осознавал вклад этой невероятной женщины в свою жизнь.

Тен-Тен не смогла бы так. Она всё же обладала здоровой долей эгоизма, и, хоть её любовь была невзаимной, не старалась завязать объект своей привязанности на себя. Неджи бы такого не оценил: несмотря на всю свою спесь и гордыню, он хотел, чтобы его спутницей жизни стала сильная женщина, а не готовая на всё рабыня чувств.

Натали положила себя на алтарь своих привязанностей, вот что было самым важным. Поэтому не было ничего удивительного в том, что она сразу же развернулась и ушла, едва увидев Тен-Тен и замершего перед ней Нурру.

— Боюсь, теперь счёт идёт на дни, — вздохнул Нурру, смотря на Такахаша большими блестящими глазами. — Прощу простить.

— Да ты-то тут при чём. Хотя мне теперь стоит быть осторожнее, я думаю. Как часто ты можешь выдавать ему акум?

Не праздный вопрос, между прочим: зная периодичность появления возможных охотников за её головой, Тен-Тен могла бы хотя бы спланировать время своего отдыха. Не было в этом мире ничего более логичного и простого, чем обычное выматывание противника, которого ты не можешь достать с одного удара.

— Минимальный разрыв — восемь часов, — сказал Нурру, медленно моргая. — Но, учитывая степень истощения тела Мастера, я бы увеличил этот порог до двенадцати часов.

— Значит, восемь часов для тебя и двенадцать для него. Буду рассчитывать на восемь.

Он кивнул, и почти сразу же после этого пропал. Растворился в воздухе, словно и не разговаривал только что с Тен-Тен. Такахаши предположила, что Габриэль как-то призвал своего квами или же просто отключил Талисман. Если у него была такая функция.

Тен-Тен в кои-то веке поблагодарила судьбу за то, что она была обута по уличному. Не особенно раздумывая, она открыла окно в комнате Адриана и выпрыгнула на улицу. Такахаши не знала точно, где и как нападёт акума, но не хотела быть совсем уж безоружной.

Звонку Луки она совершенно не удивилась.

— Не садись в машину, — предупредил Куффен. — И не рассчитывай на меня.

— Какие-то советы, пожелания?

Она перемахнула через высокий забор, едва не оставив на нём часть пальто: не застёгнутый подол зацепился за один из прутьев. В итоге вещь спаслась. Вот оно — качество.

— Если ты будешь в людных местах, то город утонет в крови, — сказал Лука после небольшой паузы. — То же самое, если начнёшь прятаться. Только в этом случае Ледибаг умрёт.

Вот это уже было плохо. Тен-Тен ни в коем случае не желала зла Маринетт, каким бы раздражающим ребёнком она ни была. К тому же, её красное ампула полюбилось Адриану, которого Такахаши не хотела травмировать лишний раз.

— Что мне сделать, чтобы этого не было?

Опять молчание длительностью в целую минуту. Тен-Тен продолжала шагать вперёд, перейдя на асфальт. Рядом лениво тащились машины, соблюдающие городское ограничение скорости в двадцать километров.

— Разворачивайся и иди до третьей улицы слева. Там поверни и иди прямо до зоопарка. И, Тен-Тен.

Она повернула, как было сказано, и быстро перебежала улицу. Птицы на небе тревожно перекликались, словно при лесном пожаре.

— Да, милый?

— Используй знаки.

От неожиданности она даже остановилась.

— Что? Я-то думала, что ты посоветуешь мне выжить или типа того. Мог бы хотя бы в любви признаться!

Он рассмеялся в трубку, отчего у Тен-Тен спина покрылась мурашками.

— Ты выживешь, змейка. А если нет — я отмотаю время назад и просто скажу тебе что-нибудь более полезное.

Глава 26. Зверочеловек

Добираться до зоопарка было даже забавно, учитывая, что люди оттуда бежали сломя голову. Ещё издали Тен-Тен слышала топот, трубные стоны слонов и разъярённое кошачье рычание. Если бы она была хоть немного меньше уверена в Луке, то чёрта с два пошла бы дальше.

Перспективы тем не менее показывались не радужные: Тен-Тен не была уверена, что после смерти Ледибаг разрушения от акумы восстановятся, если серьги попадут кому-нибудь другому в руки. Поэтому приходилось сжимать зубы и пробираться вперёд, расталкивая бегущих от опасности людей.

Видел бы её учитель Гай... Тен-Тен даже не знала, как он отреагировал бы: восхитился её потрясающей смелостью или сказал что-нибудь о «глупости юности»? Хотя, это же её учитель. Наверняка он бы выдал вдохновлённую тираду насчёт того, что Тен-Тен наконец начала слушать своё сердце, а не думать головой, как она обычно делала.

Нельзя сказать, что Такахаша восприняла бы это как комплимент.

Высокие ворота зоопарка показались на горизонте. Тен-Тен на пару мгновений замерла, рассматривая чёрные штыки ограждения. Вот она, её тюрьма на ближайшие... сколько-то там, пока проблема не будет решена. А ведь Лука сразу сказал, чтобы она на него не рассчитывала. Подлый, хитрый змей.

Какофония продолжалась. Помимо звериной возни Тен-Тен слышала рычание и ворчание самых разных зверей. Надрывали глотки экзотические птицы, летающие над зоопарком, словно трупоеды над свежей дичью.

Тен-Тен хлопнула себя по щекам и пошла. Не было никакого смысла задерживаться. Акума направлен по её душу, из-за её небрежности. Ей же с одержимым и разбираться. Сама накосячила — сама за собой убираешь, ничего нового.

Естественно, она не стала пользоваться главным входом. Чтобы проникнуть на территорию зоопарка, Тен-Тен заметила одну достаточно широкую пробоину в заборе. С другой стороны ограждения росли высокие кусты, в которые можно было без проблем залезть.

Ну, «без проблем» — это в теории. На практике, нырнув в спасительную зелень, Тен-Тен запнулась обо что-то и упала на человека, сидящего среди веток.

— Уй! — икнул Нино Ляиф, таращась на Такахашу во все глаза. — Ты почему не убежала?!

— У меня для тебя тот же вопрос, — проворчала на это Тен-Тен.

Ляиф был напуган до трясущихся ног, но почему-то продолжал скрываться рядом с разломом, ведущим на свободу. Если парень не уходил, значит, у него в зоопарке остались дела. Или кто-то, с кем Нино решил провести этот день.

— И кого нам ещё надо спасать? — сощурила глаза Тен-Тен. — Маринетт, Алья, Адриан?

Нино потёр щеку, размазывая по смуглой коже грязь и землю.

— Всех троих, на самом деле.

— Просто блеск.

Несмотря на героизм Маринетт и Адриана, в наибольшей безопасности, по мнению Тен-Тен, была именно Алья Сезер. У девушки хорошо работала голова, была скорая на

решения и рассудительная воспитательница, а ещё обострённый инстинкт самосохранения. Поначалу, когда Такахаша просматривала Ледиблог с эксклюзивными видеорепортажами от Альи, она думала: ну вот, ещё одна суицидница. Однако потом, уделив роликам больше времени для анализа, Тен-Тен поняла, что Сезер всегда оказывалась в самой безопасной точке. Акума захватила Алью в плен лишь единожды, и то больше по плану Ледибаг, чем из-за небрежности Сезер.

— Вы созванивались?

Нино поджал губы.

— Не взяли телефоны, только гарнитуру. Но я её посеял... Адриан должен был мне подсказывать, что говорить Маринетт. Я ведь её на свидание позвал. Да уж, так себе свидание... как думаешь, у меня ещё есть шанс?

— Это всё, что тебя волнует?

Мимо галопом промчалась газель. Тен-Тен подалась вперёд, рассматривая удаляющийся бежевый круп. Надо бы узнать, какие способности у нового одержимого.

— Ну, на самом деле нет. Я ещё думаю о том, как мне найти моих друзей, какой вышел бы шикарный из-за всей этой ситуации фильм, про Адриана, которому долбаный Бражник испортил выходной и про музыку. У меня, знаешь ли, есть парочка недописанных треков. Так что мне категорически нельзя умирать.

Газель стрелой пролетела обратно. Может, это уже было другое животное. За ней, подгоняемые больше азартом, чем голодом, пробежали какие-то собакоподобные звери. В мире Тен-Тен таких не было. Они издавали нечто среднее между гавканьем, визгом и смехом.

Одна из этих недо-псин остановилась, отбившись от стаи. Потянув воздух влажным носом, собака замотала головой в поисках источника запаха. Тен-Тен осторожно протянула руки вперёд и растёрла один из листьев между пальцами. Неудача: кустарник оказался самым обычным, без ярко выраженного аромата.

В мире Тен-Тен множество растений начинали очень сильно пахнуть, стоило только немного потереть или нагреть листья. И этот запах помогал путать развитое обоняние что призывных животных, что развивающих физическую сенсорику шиноби. Жаль, что здесь было не так.

Взгляд Тен-Тен упал на рюкзак, лежащий рядом с Нино. Ляиф проявлял чудеса стойкости: хоть и видел медленно приближающуюся к ним собаку, но молчал, сжав зубы и не издавая ни единого звука. Хороший мальчик.

Но вот рюкзак... Такахаша подтянула сумку к себе вжикнула молнией и чуть было не взвизгнула от восторга: Ляиф, как и любой нервничающий мальчишка, взял с собой на свидание одеколон. И не только его, но и дезодорант, что было даже лучше! Так что подошедшая опасно близко собака получила в нос концентрированным пахучим газом.

Тен-Тен, не дожидаясь, пока собака придёт в себя, схватила Нино за руку и вытащила парня из кустов. Куноичи понятия не имела, в какую сторону бежать и куда можно было бы запихнуть одноклассника, чтобы того не убили дикие звери, но вот оставлять подростка рядом с псиной-переростком, обозлённой и шокированной из-за дезодоранта, она не собиралась. Какая неудача, что зверь стоял рядом с разломом в заборе, и просто пихнуть Нино за него не вышло бы!

Они пробежали мимо кучи покорёженных вольеров и почти достигли огромного озера, на котором жили фламинго. Нино уже начал задыхаться, поэтому Тен-Тен завернула к

одному разворошённому ларьку с сувенирами. Маленькие фигурки животных валялись тут и там. Но они хотя бы не пищали, когда Такахаша на них наступала.

Она усадила Нино на землю и выглянула из-под прилавка, оценивая ситуацию. На газоне вполне мирно паслись полосатые кони, в воде мелькали морды морских тварей — гиппопотамов. Тен-Тен приходилось сталкиваться с этими животными, разозлёнными донельзя, но тогда она была готовой к бою шиноби, тогда как сейчас...

— Значит, к воде не пойдём, — решила Такахаша.

— Слушай, насчёт того поцелуя...

— А?

Она повернулась к Нино. Парень вернул себе нормальный цвет лица и почти восстановил дыхание. Ляиф смотрел прямо на Тен-Тен, но при этом избегал взгляда глаза в глаза. Смешно, что из-за этого он фактически пялился на девичью грудь, хотя сам об этом наверняка даже не думал.

— Ну, тот раз, когда я-акума тебя поцеловал. Я этого не помню, но кто-то снял момент с балкона, и...

— Ты правда, — она выделила это слово интонацией, — хочешь об этом поговорить? Сейчас?!

Нет, положительно, она никогда не поймёт, как работает голова у подростков. Тен-Тен перемахнула этот возраст, даже не заметив его: сложно предаваться обычной молодецкой придури, если рядом с тобой отморозенный гений и два сгустка энергии. Куноичи просто не хватало сил ещё и на собственные подростковые приключения.

Поэтому у неё уже не первый раз возникала проблема: иногда она не понимала, как работает голова у обычных подростков. Особенно у гражданских. Ведь у них не было необходимости постоянно размышлять о собственном выживании и от этого высвобождалось до обидного много времени. И тратили его молодые люди обычно именно на рефлексию.

— А вдруг я сейчас умру, но при этом так и не извинюсь перед тобой?

Тен-Тен села напротив Нино и вздохнула.

— Даже если ты сейчас умрёшь, чего я постараюсь не допустить, кстати, Ледибаг всё восстановит. И всё снова будет нормально.

Ляиф криво улыбнулся.

— Не восстановит.

Он сказал это с уверенностью, которая совершенно не понравилась Тен-Тен.

— Короче, — продолжил Нино, — извини за тот поцелуй. Я ничего не помню, но тебе наверняка было неприятно и страшно. Это не чувства, которые я бы хотел вызывать у девушки... у кого угодно.

— Почему ты считаешь, что Ледибаг ничего не восстановит?

— Потому что она сбежала из зоопарка после того, как кабан надел Нуара на клыки.

На крышу ларька села дивной красоты птица. Голос у неё был противный, совсем не подходящий блестящему оперению. Однако крик этой пташки к ситуации подошёл как нельзя лучше.

Она потёрла висок. Ладно. Ладно. Это боевая операция, чуунин Такахаша, все эмоции на потом.

— Кот жив?

— Не знаю точно. Он ушёл сам, если ты про это, но у него в животе были две огромных

дырки. Крови натекло...

— Чудесное Исцеление всё исправит, — видя недоверие в глазах Нино, Тен-Тен поджала губы. — Я лично притащу Ледибаг и заставлю её кидать своё йо-йо до посинения, понял? А сейчас расскажи мне про акуму. Ты её видел?

— Его. На этот раз мужчина.

Нино запомнил довольно много, на самом деле. Парень несколько раз бегал с Альей, помогая той снимать потрясающие репортажи с мест боевых действий, а потому точно знал, на что надо обращать внимание.

— Он может общаться с животными и принимать любой их облик. При этом он разговаривает в любом виде, вроде чревовещания. Предпочитает вид чёрной пантеры, не знаю почему. И он вроде бы может как-то управлять зверьми, но не на постоянной основе: на Кота кабан напал после прямого приказа, после чего убежал.

Тен-Тен кивала, покусывая нижнюю губу. Зооморф. Прекрасно, просто прекрасно. Просто отлично! И как прикажете с ним сражаться?

Ещё и Лука с его «используй знаки». Какие знаки, где они? Ни боги, ни демоны не собирались хоть как-то намекать Тен-Тен на то, что она должна сделать.

Такахаша ещё раз высунулась из-под прилавка. Полосатых коней больше не было: вместо них на лужайке сидела огромная чёрная кошка.

Нино, который попытался выглянуть следом за Тен-Тен, она надавила на голову, заставляя спрятаться обратно. Затем Тен-Тен и сама медленно сползла вниз. Взяв в руки рюкзак Ляифа, она вытащила одеколон и отвернула крышку. Потом сдёрнула с Нино очки.

Вся оставшаяся половина пузырька отправилась подростку прямоком на голову. Нино зажмурился и попытался как-то остановить Тен-Тен, но Такахаша успела отодвинуться на безопасное расстояние. Одеколон, приятный в малых дозах, в подобной концентрации оказался просто чудовищем. Ни один зверь не подойдёт, как Такахаша и рассчитывала.

— Слушай сюда, — сказала она тем голосом, против которого никогда не шёл даже Рок Ли, — сейчас ты бежишь обратно, к пролomu в заборе. Потом выходишь из зоопарка и прячешься в каком-нибудь здании, лучше всего на третьем этаже. Ни к каким животным не приближаешься, больших и копытных обходишь десятой дорогой.

— А если я хищника увижу?

— Бежишь прямо на него, а лучше мимо. Может, пронесёт, и зверь не поймёт, почему ты такой агрессивный. Иногда это работает, иногда нет.

Нино вытер лицо и отобрал свои очки. Он смотрел на Тен-Тен с чисто подростковой злобой и возмущением.

— Никаких геройств, — припечатала Такахаша, подаваясь вперёд, чтобы немного придавить Ляифа несуществующим авторитетом. — Ты никого не ищешь, а думаешь про свою жизнь, ясно? Аля точно спряталась, у неё голова на плечах. Маринетт и Адриан вообще две трусихи, они сразу исчезают, едва появляется акума. Причём так, что их никто никогда не находит. А вот Нино Ляиф в этой четвёрке — самое уязвимое звено.

Может, он и хотел бы что-то сказать, но Тен-Тен резко переменяла тон:

— Послушай. Акума охотится за мной. Не за тобой, так что просто уйди из опасного места. Можешь позвать полицию, если совсем на месте не сидится.

— За тобой? Почему?

Он словно не слышал последнего предложения. Зато он увидел, как на прилавок запрыгнула огромная пантера. Тень от неё почти полностью скрыла под собой всю

мальчишескую фигуру.

Тен-Тен не поворачивалась, отслеживая движения хищника по этой тени. Рука Такахаша опустилась, девушка сжала в кулаке одну из фигурок. Это оказался лев, держащий в лапах жёлтый указатель-стрелку длиной с палец. Достаточно острый указатель, кстати.

Вот тебе и «знаки».

— Потому что я узнала личность Бражника, — сказала Тен-Тен перед тем, как вскинуть руку вверх и резко подняться.

Острый край указателя впился большой кошке прямо под подбородок, в мягкое место. Тен-Тен бросилась вперёд, схватила Нино за грудки и вышвырнула из ларька. Сама девушка кинулась к пантере, опрокидывая животное с другой стороны.

К сожалению, указатель был слишком маленьким, чтобы причинить какой-то реальный вред. Пантера отпрыгнула назад, её форма изменилась, и теперь перед Такахаша была уже огромная чёрная обезьяна. Не став смотреть, как примат пытается вытащить из мяса игрушку, Тен-Тен развернулась и бросилась бежать.

Сразу стал виден результат её нерегулярных утренних пробежек и излечения тела: дыхание, несмотря на спринтерскую скорость, совсем не сбивалось, а ноги уверенно несли Такахаша вперёд. Она бежала к главному входу в зоопарк, чтобы увести акуму от Нино, который должен был вернуться через пробойну сзади. По-хорошему, Тен-Тен могла бы попытаться и через забор перелезть, однако там, где она находилась, этот самый забор был монолитным серым камнем и примыкал к вольерам.

Животные вокруг совсем не обращали внимание на её бег, что Тен-Тен только радовало. Когда вдалеке показались ворота выхода, она услышала короткий вскрик боли от одержимого, — видимо, наконец вытащил из себя игрушку, — а потом и полный злобы вопль.

Счёт пошёл на секунды.

Она позволила обернуться себе дважды: услышав этот крик в первый раз и заметив красный отблеск справа. Да, это была Ледибаг. Не сбежавшая, как думал Нино. А может и сбежавшая, но потом вернувшаяся — не так важно, главное, что она была в зоопарке и относительно в боевом настроении.

Здесь был бы идеальный момент, чтобы позлорадствовать на тему «что, кончились простенькие акумы?», но смысла в этом не было. Тен-Тен добежала до указательного знака и остановилась, опершись о железную трубу рукой. Почти сразу вес пришлось полностью перенести на ноги, потому что знак зашатался, едва удерживаемый землёй и бетоном.

Сзади шло сражение, в котором Ледибаг совсем не выигрывала. Да, ей удавалось нанести какие-то удары пантере, но зверь был банально быстрее и ловчее, чем она. А ещё Маринетт почему-то жалела акумулятивированного: Тен-Тен видела это в не доведённых до конца атаках и слишком быстром отступлении.

Тут бы ударить раз и навверняка... но Дюпэн-Чэн то ли не хватало решимости, то ли моральных сил. Всё одно: из-за своей мягкости Ледибаг быстро вымоталась, так и не успев воспользоваться своей магией. Пантера отшвырнула от себя героиню огромной лапой, прежде чем расхохотаться, словно злодей в клишированном фильме.

— Я займусь тобой позже, букашка! — прорычал зверь. — Сейчас у меня другая жертва...

Странно, что говорил он довольно далеко, но при этом Тен-Тен слышала каждое слово. Действительно чревовещание. Кошак сорвался с места, сразу набирая скорость. На то, чтобы

преодолеть весь путь до Тен-Тен, у пантеры должно было уйти не больше десяти секунд.

«Пользуйся знаками», говорил Лука. Ну так она и воспользуется.

Тен-Тен отошла на пару шагов назад, встав немного позади указателя. Пантера, оказавшись совсем рядом с Такахаши, сделала то, чего куноичи и ожидала: она прыгнула.

Толкнув тяжёлый указатель вперёд, Тен-Тен использовала его как копьё. Острая верхушка мягко вошла в живот хищника и пробила тело насквозь. Обломки тёмно-синих указателей с белыми буквами больно били куноичи по голове и рукам. По железному столбу хлынула кровь — тёмно-красная, вязкая почти как желе. Тен-Тен обхватила столб руками, не давая ему окончательно завалиться на землю под весом одержимого, и изо всех сил тянула на себя.

Пантера дёрнулась ещё пару раз, прежде чем её лапы безвольно повисли. Тен-Тен продолжала держать столб, пока с одержимого сходила шерсть и отваливались куски плоти, обнажая под собой вполне человеческое тело. Внешне мужчина, пронзённый знаком, оказался ужасно похож на Алью.

Отец или дядя, значит. Точно член семьи.

— Что ты наделала?!

Тен-Тен отпустила знак, едва чувствуя свои руки. От перенапряжения дрожали не только пальцы, но и спина, и грудь. К тому же прекрасное светлое пальто от Габриэля оказалось вымазано в крови.

Стало ясно, почему Маринетт не могла нормально сражаться с женщиной. Ведь Дюпэн-Чэн и Сезер были подружками на века и наверняка не раз оставались друг у друга дома. Алья тоже вряд ли смогла бы нормально сражаться против родителей нынешней Ледибаг.

Героиня подбежала к мёртвому мужчине и упала рядом с ним на колени. Проверила пульс. И подняла на Тен-Тен полный слёз и страха взгляд.

— Ты убила его!

Если бы Тен-Тен могла, она бы закурила. Но у неё, во-первых, совсем не было сигарет. А во-вторых, у неё слишком сильно дрожали руки.

— Убила!

Нет, ну для сигарет у неё руки болели, но вот вмазать впадающему в истерику человеку по лицу — это всегда пожалуйста.

От силы пощёчины Ледибаг завалилась набок и теперь почти лежала на мертвце. Заметив, что её перчатки вымазались в крови, Маринетт взвизгнула и вскочила на ноги.

Тен-Тен схватила Маринетт за плечо и ещё раз дала той пощёчину. Вторая вышла сильнее: голова Дюпэн-Чэн запрокинулась, губа лопнула. Было бы у Ледибаг йо-йо, она бы обязательно попыталась связать Такахаши леской, однако игрушка потерялась во время короткого сражения с пантерой.

— Ч-что ты...

В красивейших голубых глазах Ледибаг стояли слёзы. Ресницы, слипшиеся в острые колышки, выглядели просто очаровательно. Перед Тен-Тен был перепуганный, шокированный ребёнок, и только это спасло Маринетт от третьей пощёчины.

— Пришла в себя? — сухо поинтересовалась Такахаши.

Ледибаг кивнула.

— Тогда используй своё Исцеление и вычисти мне пальто от крови.

Зрачки Маринетт сузились до двух булавочных уколов.

— Тебя что, волнует только пальто? Ты убила человека! Ты убийца! Надела его на

балку, словно корн-дог!

— А то, что этот человек убил моего лучшего друга, тебя не волнует?! — заорала в ответ Тен-Тен.

Она вцепилась в плечи Ледибаг и встряхнула девчонку. Внутри у Такахаши разливалось спокойствие, совсем не проявляемое снаружи.

— Верни мне Адриана, идиотка! Верни мне моего чёртового Агреста, иначе я убью тебя так же, как убила этого уroda!

Как Тен-Тен и думала, на упоминании имени Адриана Маринетт замерла, позволяя делать с собой всё, что вздумается. Такахаши, ещё пару раз встряхнув девчонку за плечи, оттолкнула ту от себя.

Ноги Ледибаг её не удержали.

— У-у меня н-нет йо-йо, — пролепетала она.

Тен-Тен на это криво улыбнулась.

— А без своей игрушки ты, значит, уже ни на что не способна, да?

***

Маринетт сидела у себя в комнате, пристально разглядывая собственные ладони. Она была одна, хотя Алья, видя состояние подруги, предложила остаться у неё на ночь.

Маринетт отказалась.

Она никогда не думала, что сможет провести Чудесное Исцеление без йо-йо или призванного Талисмана Удачи. Однако Хлоя почему-то даже не сомневалась, что у неё это выйдет. Стоит только захотеть.

И ведь Буржуа оказалась права. Ощущения от Чудесного Исцеления без йо-йо нельзя было назвать комфортными: мириады жучков вылетали прямо из ладоней Ледибаг. Но это вполне можно было перетерпеть.

Последствия такого исцеления были такими же, как от обычного: восстановленный город и уничтоженная тёмная бабочка. Её божьи коровки самостоятельно достали из заражённой вещи, сломав ту крошечными жвалами. Бабочка в этот раз была не очищена, а довольно жестоко сожрана роем красно-чёрных насекомых.

Хлоя дождалась, пока к ним прыгнет Кот Нуар, держащийся за живот, и молча ушла. Ледибаг кинулась обнимать напарника: она ни за что не смогла бы простить себе, если бы с ним что-то случилось. А ведь случилось. Он умер, — или почти умер, — а она даже не смогла провести нормальное Исцеление из-за того, что потеряла йо-йо.

— Тикки, я плохая Ледибаг?

Квами ела печенье на столике для шитья и совершенно не выглядела недовольной. Она вообще никак не комментировала произошедшее, словно ей было нечего сказать на крупнейший в жизни Маринетт провал.

Сколько бы людей погибло, если бы она сняла трансформацию, так и не догадавшись попробовать провести Исцеление без йо-йо?

— Ты молодая, — дипломатично ответила Тикки. — А молодости свойственна наивность и поспешность. С возрастом это проходит.

— Может, я просто не подхожу для того, чтобы быть Ледибаг?

— А кто тогда подходит?

Ответ вертелся на языке, но протолкнуть его сквозь зубы было выше всех сил для Маринетт.

Хлоя. Хлоя Буржуа подходила для того, чтобы быть Ледибаг, спасти город,

сталкиваться с отравленными бабочками Бражника, драться и даже убивать. Но сказать это вслух? Слишком сложно.

У неё даже не было Талисмана, только собственная голова на плечах и смелость, которая Маринетт и не снилась. Дюпэн-Чэн признавала свою ошибку: не стоило думать, что у Хлои есть Талисман. Но Маринетт просто не хотела верить в то, что давний враг оказался лучше, чем она сама.

Но Буржуа была лучше. Правда, была! Ведь в этот раз именно Хлоя победила акуму. И со Злолюстратором она тоже очень помогла: если бы не она, — что бы Хлоя с ним ни делала, — то акуманизированный Натаниэль не был бы таким заторможенным. Словно его по голове стукнули.

Тем не менее, Хлоя не могла быть хранительницей серёжек. Её же акуманизировали. Один раз, да, но... но...

— Ты ведь говорила, что Ледибаг не имеет права дать себя акуманизировать. Верно?

Тикки некоторое время молчала, грызя своё лакомство. Затем она посмотрела на Маринетт — с любовью и большой заботой, как обычно смотрела на неё мама.

— Ситуации разные бывают, Маринетт. Кто-то акуманизируется по своему желанию, другие сами снимают с себя это влияние... по-всякому происходит.

Намёк был более чем ясен. Маринетт ведь тогда не справилась с Хлоей; они с Котом её даже не нашли, если уж говорить совсем откровенно. Пробежали всю ночь у особняка Агрестов, без толку. А на следующий день Хлоя совершенно спокойно пришла на церемонию открытия статуи Чудесным, про которую Маринетт совершенно забыла.

Ну, её тогда не только статуя волновала. Больше Дюпэн-Чэн всё-таки думала про нечаянно оставленное Адриану голосовое сообщение. И про то, что сегодня это уже не имело бы никакого смысла. Ведь Адриан мог не воскреснуть, если бы...

— Это всё не игры, да?

Тикки продолжала жевать печенье.

— Это никогда не было игрой, Маринетт. На тебе много ответственности, как и на других Ледибаг.

Девушка почти с отчаянием посмотрела на квами. Обычно Тикки старалась её поддерживать, но сегодня малышка не сказала ничего. Да лучше бы она отругала Маринетт за глупое поведение, нервный срыв и неумение сражаться! Молчание было худшим из наказаний!

— Я не хочу как-то тебя наказывать, — сказала Тикки, словно прочитав мысли подопечной. — Но я не могу также сказать, что ты хорошо поступила сегодня.

— Я больше не потеряю йо-йо! Честное слово!

Квами покачала большой головой.

— Потеряешь, и не один раз. Я говорю про твоё общение с Хлоей, а не о бое, Маринетт. Дюпэн-Чэн прикоснулась к губам. Чудесное Исцеление вернуло всё, воскресило всех, но вот маленькая ранка на губе у Маринетт осталась. Словно напоминание. Может, она и была напоминанием.

— Мне надо извиниться, да?

— Было бы неплохо.

Трансформация далась легко, как и всегда. Посмотрев в зеркало, Маринетт улыбнулась своему отражению: ранки на губе как не бывало.

Ледибаг выбралась на балкон и с него перепрыгнула на соседнюю крышу. Оглянулась

по сторонам, — нет ли где Кота? — она направилась в сторону Гранд-Отеля, придумывая, что она могла бы сказать.

Будь она в виде Маринетт, то даже не стала бы извиняться. Ещё чего, и перед кем — перед Хлоей? Это же... ну, это же Хлоя! Да, она целую неделю почти никого не доставала, но пара дней более или менее примерного поведения совсем не гарантировали такого же продолжения в будущем. Веры в исправление мадмуазель Буржуа у Маринетт не было ни капли.

Однако сейчас шла извиняться не Маринетт, а Ледибаг. Надевая красный костюм, девушка чувствовала, что становится лучше — во всех смыслах. И то, на что не хватало смелости у обычной лицеистки Дюпэн-Чэн, неплохо выходило у супергероини. Если дело не касалось Адриана, конечно. Тогда всё продолжало идти, как идёт: с заиканиями, пунцовыми щеками и глупой блаженной улыбкой на всё лицо.

До Гранд-Отеля Ледибаг добралась так быстро, что даже не успела придумать хотя бы примерный план извинений. Ради разнообразия героиня решила не вламываться в окно, чем они с Котом частенько грешили, а просто попросить о встрече через ресепшн.

Стоило видеть глаза работницы, когда супергероиня сказала, что хотела просто поговорить с Хлоей.

На этаж Буржуа Ледибаг провожал мужчина, которого Маринетт много раз видела с Хлоей. Возможно, он был её гувернёром, как в старых романах? В любом случае, именно этот человек, если что, раньше мог утихомирить буйный нрав своей подопечной, направив его в более мирное русло.

Ехать надо было в лифте. После стоило надеть тапочки.

— Мадмуазель не любит уличную обувь в личных комнатах, — пояснил разуваяющийся мужчина. — Поскольку ботинок на Вас нет, то стоит поступить несколько иначе.

Маринетт пришла извиняться, поэтому не стала ничего возражать. Около лифта она увидела ещё две пары обуви. И если разноцветные кеды ей были неизвестны, то вот высокие чёрные сапоги Кота Нуара Ледибаг узнала бы и из тысячи.

Это немного снизило градус её решимости. Вспомнился последний бой: пронзённый клыками Кот, умерший Адриан, ощущение полной беспомощности и страха. Она ведь действительно хотела сбежать тогда из зоопарка, когда Нуару едва не выпустили кишки. И даже сбежала. Потом, правда, вернулась, но разве это умаляет её первое решение?

Хлоя вместе с незнакомцем и Котом Нуаром была в гостиной. Разговор, звучавший до прихода Ледибаг, смолк. Буржуа осмотрела Маринетт с ног до головы, понятливо хмыкнула и встала с дивана. Поправочка: встала с колен парня, сидящего на диване.

У неё что, есть отношения? У Хлои Буржуа есть отношения?!

— Пошли, — приказала Хлоя, и Маринетт безропотно послушалась.

Выходя из гостиной, она видела, как парень Хлои останавливает Кота. Мысленно Ледибаг поблагодарила незнакомца: Маринетт точно не смогла бы произнести ни одного слова, если бы Нуар стоял рядом.

Хлоя завела их в гардеробную, оттуда — в обувную. Включила свет и закрыла дверь, отрезая заставленное коробками помещение от остального мира.

Маринетт открыла было рот, собираясь извиниться за своё прошлое поведение, но не смогла произнести ни слова.

Вместо этого она разрыдалась.

Глава 27. ПАРАДОКС

У неё особо не было времени на рефлексию и глубокий анализ произошедшего, если уж так подумать. Конец истории произошёл стремительно, как и всё повествование: не успела Тен-Тен придумать для уничтожения Парадокса какой-либо план, как мир сам предложил его.

Несколько часов назад Маринетт пришла извиняться, это было ясно, как день. Но не справилась ни с собственной психикой, ни с ответственностью, которую ощущала из-за обладания Талисманом. Размазывая слёзы по лицу, Ледибаг сквозь рыдания говорила о том, как это сложно — пытаться совместить обычную жизнь вместе со всей происходящей вокруг паранормальщиной. Момент был слишком хорошим, чтобы им не воспользоваться и не забрать у ребёнка Талисман.

Тикки тяжело переносила расставание с носительницей, хотя и была полна мрачного оптимизма: квами искренне считала, что Маринетт вернётся за ней, так и не смирившись с потерей волшебства и дружбы с магическим существом. Они были близки почти как сёстры, вот что считала Тикки.

Маринетт была не готова к силам Созидания, вот что считала Тен-Тен.

Дюпэн-Чэн была хорошей девочкой, на самом деле. Просто так сложилось, что Ван Фу слишком рано отдал ей силу, к которой Маринетт оказалась совершенно не готова.

Она рыдала, говоря об ответственности и силе. О том, что она не хотела всего этого. Не хотела опасности и боёв.

Решение проблемы мелькнуло в голове Тен-Тен, как брошенное йо-йо.

— Отдай Талисман мне, — сказала она, даже не копируя манеру разговора Хлои.

Дюпэн-Чэн продолжила всхлипывать, но головой покачала отрицательно.

— Слушай, раз тебе это всё так невозможно, то просто отдай Талисман, — повторила Тен-Тен. — Не навсегда, естественно, только на время. Неделя... нет, много. Три дня. Отдай мне Талисман на три дня.

— И к-как я п-получу Ти-Тикки обратно?

— Ну, учитывая, что я давно знаю твою личность, то ты можешь просто подойти в коллеже и при всех сказать, что я решила украсть у тебя серёжки.

Глаза Маринетт снова наполнились слезами.

— Я настолько плохо скрываюсь?

— Ты просто молодая.

Новый виток рыданий продлился пару минут. Тен-Тен притянула Ледибаг к себе и мягко гладила девочку по спине, давая немного сбросить напряжение.

— Или мы можем сказать Коту, что ты отдаёшь мне Талисман на время. Хотя давай сделаем даже лучше. Вам нужно раскрыться.

— Нельзя...

Не слушая вялых возражений, куноичи взяла Маринетт за руку и открыла дверь. Дюпэн-Чэн следовала за Тен-Тен, доверчивая, как слепой котёнок.

Такахаша привела девушку в гостиную и усадила на диван рядом с Лукой. Сама садиться не стала, нависая над подростками.

— Раз уж вы не можете справиться с Бражником, это сделаем мы. Как вам такой расклад?

— Что? — удивилась Маринетт.

— Что? — округлил глаза Кот Нуар.

— Ты рехнулась? — подавился соком Лука.

На последнего Тен-Тен уставилась, выпучив глаза. Куффен стирал с шеи капли сока и возмущённо тарасился в ответ.

Ну, удивить ходящего по времени парня было как минимум приятно.

— Я и Лука — отличные кандидаты, — сказала она, чеканя каждое слово. — Я, конечно, возьму серёжки, он — кольцо. Вместе мы победим Бражника и вернём вам потом Талисманы в целости и сохранности.

— Почему это у вас получится победить Бражника?! — вскинулся задетый за живое Адриан. — Мы столько времени с ним сражаемся, и даже ничего о нём не узнали!

Тен-Тен с жалостью посмотрела на Агреста. Она понятия не имела, что будет по итогу Парадокса и как максимально облегчить парню жизнь. На самый крайний случай у неё был Лука, способный вытащить Адриана хоть из страны по одной просьбе. Но доводить до такого не хотелось. Ему просто был нужен любящий родитель, неужели это слишком много для побитого жизнью котёнка?

— Потому что за неделю мы узнали личность Бражника, — подал голос Лука.

Очень вовремя, кстати. Внимание подростков переключилось на него, и Тен-Тен одними губами поблагодарила Куффена. Сама Такахаша спешно продумывала линию диалога. Как заставить подростков отдать Талисманы, при этом раскрыв их личности друг перед другом? Это займёт Чудесных как раз на те самые три дня. Порефлексируют, побьются в истерике, поплачут, всё как у обычных детей. Без квами и магии.

— Ты знаешь, что я могу без Талисмана, — сказала Тен-Тен, смотря на Маринетт. — Вы оба знаете. И вы оба должны понимать, что не справитесь со взрослым, одержимым идеей Бражником.

— Кто это, кстати? — вклеился в стройную речь Адриан.

Тен-Тен его проигнорировала, словно и не слышала.

— Решение очень простое: вы отдаёте нам Талисманы, мы устраняем Бражника. Потом, если вы захотите, то заберёте Камни Чудес обратно.

— А если не захотим?..

Вопрос Маринетт был слабым, Тен-Тен его едва слышала. Дюпэн-Чэн опустила голову и зажмурилась, лишь бы не видеть распахнутых в неверии глаз Кота и возможного осуждения от Луки или Хлои. Последнего, естественно, не было: и Тен-Тен, и её парень посмотрели на девушку с сожалением.

— Значит, Талисман останется у нас.

Адриан вскочил с дивана, гневно раздувая ноздри, словно породистый жеребец. Кулаки Агрест сжал до скрипа чёрных перчаток.

— Мне не нужна другая Ледибаг! Ни за что, Миледи!

— Другой Ледибаг и не будет, — быстро вставила Тен-Тен, уловив, что разговор сворачивает не туда, куда нужно. — Всё, у нас нет времени раздумывать. Можете разойтись по комнатам и поговорить с вашими квами, если сомневаетесь. Пусть решающее слово останется за ними.

Маринетт кивнула и встала с дивана. На Кота она не смотрела, словно боялась увидеть в его глазах разочарование. Дюпэн-Чэн вышла из комнаты, так ни разу и не оглянувшись.

Адриан смотрел ей вслед с выражением настоящего отчаяния на лице. Зелёные глаза

блестели, словно от лихорадки. Да это лихорадка и была, только любовная. Самая желанная из всех болезней.

— Знаешь, что тебе сейчас нужно сделать? — тихо спросил Лука.

Словно змей прошипел. Тот самый, из здешних легенд про падение Рая.

— Что?

— Снять своё кольцо, пока её здесь нет. Тогда она вернётся и увидит здесь тебя. Настоящего тебя, без маски.

Адриан кивнул. Не сводя взгляда с дверного проёма, он снял синхронизацию и стянул с пальца кольцо. Талисман Тен-Тен забрала себе и сразу же надела, чтобы Плагг не пропадал — квами было сложно реализовывать себя в мире, если их не подпитывал носитель.

— Я настоящий, — сказал Адриан, осторожно беря котёнка в руки. — Именно с маской я настоящий.

Тен-Тен ободряюще сжала его плечо.

— Тогда стоит показать это ей.

Тягостное ожидание длилось не дольше двух минут. Потом в комнату вернулась Ледибаг... Маринетт. Маски, как и костюма, на ней уже не было — только квами, сидящая на плече. Выглядела Дюпэн-Чэн так, словно шла на эшафот.

И она совсем замерла, увидев в комнате Адриана.

— Ты...

Агрест улыбнулся.

— Я. Привет, Миледи.

Тен-Тен махнула Луке в сторону двери. Парень кивнул. Проходя мимо Маринетт, Такахаши забрала у девушки серёжки и сжала их в кулаке. Вдевать их в уши не хотелось категорически. К тому же, у Хлои не были проколоты мочки, дочка мэра носила исключительно клипсы. Мудрое решение, считала Тен-Тен. Слишком уж много нервных окончаний и акупунктурных точек в ушах.

Она зашла в спальню и села на кровать, покрутив серьги в руках, Тен-Тен тяжело вздохнула и сняла кофту.

Куноичи приложила серёжку к естественной впадине между ключицей и трапециевидной мышцей. Лёгкое нажатие, небольшой укол боли — и штырёк вошёл в плоть. Вторую серёжку Тен-Тен вставила аналогично с другой стороны.

— Что за варварские веяния, — пробормотал Лука, закатывая глаза.

Парень стоял в дверях, опершись плечом о косяк и сложив руки на груди.

— А с кольцом ты что сделаешь?

— Тут мне ничего в голову не приходит, если честно. Так что поношу на пальце или на цепочке.

— Цепочка не даст Плаггу нормально летать, так что лучше уж на пальце.

Тен-Тен улыбнулась. Лука покачал головой и подошёл к куноичи, садясь рядом. Его объятия были твёрдыми и горячими, как и всегда.

— Решила воспользоваться ситуацией, да?

— Шиноби всегда оборачивает течение вариантов себе на пользу.

— Игра на грани фола. С чего ты решила, что у тебя получится забрать у них Талисманы?

Такахаши уткнулась носом в футболку Луки. Скула коснулась мокрого и липкого — тот самый сок, что Куффен так неаккуратно выплюнул.

— У Маринетт был нервный срыв, за ним обычно следует стадия опустошения. Думать в такое время совсем не хочется. Единственное желание — это чтобы кто-то взял всю ответственность на себя. И, учитывая, кто только что утешал рыдающую Ледибаг... простая психология. Она увидела во мне силу, она хочет, чтобы её проблемы решил кто-то другой. И она ребёнок, в конце концов.

Лука усилил объятие и положил подбородок Тен-Тен на макушку.

— Я не уверен, что смогу изменить что-то, если ты погибнешь во время исполнения желания. Сила Парадокса искривляет время.

— Не беспокойся об этом. Я просто не умру.

— Мне бы твою уверенность.

Тен-Тен отстранилась и шутливо боднула Луку в плечо.

— Эй, — мягко сказала она, успокаивающе улыбаясь. — Это всего лишь ещё одна миссия по спасению мира. У меня их было штук пять, а у моего друга Наруто — и того больше. Ничего сложного, честное слово.

Лука не выглядел убеждённым, но возражать не стал. Он поцеловал Тен-Тен в лоб, прежде чем вернуть себе хладнокровие и отстраниться.

— Хорошо. Сложи вещи у лифта, я заберу.

— Опять говоришь загадками.

Он ещё раз поцеловал Тен-Тен в макушку и ушёл. Такахаши слышала, как он что-то говорит Чудесным — тихо и очень проникновенно. Затем тренькнул лифт, и этаж погрузился в тишину.

Тен-Тен подтянула ноги на кровать и села в лотос. Квами тихонько вплыли в комнату и уселись на девичьих коленях, словно Такахаши была Мудрецом(1). Малыши молчали, и Такахаши плавно скользнула в медитацию — недолгую, но крайне необходимую.

Куноичи всегда так делала перед тяжёлым боем. Подготовка облегчала путь, как говорил учитель Гай.

Из плавного течения мыслей Тен-Тен выдернул звонок. Не открывая глаз, Такахаши взяла мобильник и поднесла телефон к уху.

— Где браслет? — без предисловий спросил Андрэ. — Мне нужно вернуть его как можно скорее.

Тен-Тен открыла глаза. Сознание было мягким и податливым, как влажная глина.

— Не знаю, — равнодушно сказала она. — Я его куда-то положила. В комнате, наверное.

— Найди его немедленно! Мне конец, если я его не верну вовремя! Я буду через сорок минут!

На этом Андрэ бросил трубку. Тен-Тен медленно опустила руку, продолжая смотреть вперёд. Видеть серого человека не хотелось категорически. Ни через сорок минут, ни через неделю, ни через год. Никогда.

— Нервный какой-то, — сказала Тикки.

— И грубый, — хохотнул в ответ Плагг. — Ужас, как так можно!

— Уж кто бы говорил. Кстати, Хлоя, он случайно не про этот браслет говорил?

Квами взлетели с её коленей, и Тен-Тен смогла встать. Браслет валялся около прикроватной тумбы, очень удобно закатившись между её деревянным боком и собственно кроватью.

План в голове созрел ментально.

Тен-Тен сходилa в гардеробную за самой большой сумкой, что там только была. По пути зацепила пару вещей, которые так или иначе Такахаши нравились: зелёное платье, спортивный костюмчик, цветочная кофта с воздушными рукавами, её аптечка. Надела полосатую кофту и жёлтый пиджак; почему-то это показалось правильным. Дальше в сумку отправились кроссовки, нижнее бельё и маленькое сокровище — документ об эмансипации.

В спальне Тен-Тен забрала свою записку, спрятанную внутри кровати, и аккуратно вытащила из щели браслет. Секунду поколебавшись, она всё-таки взяла плюшевого медведя, принадлежащего Хлое. Оставлять его одного казалось настоящим кощунством по отношению к умершей девочке.

«Оставь вещи у лифта». Так она и поступила. Мишку, правда, она из рук не выпустила — он был нужен для другого. Так и ходила с игрушкой по комнатам, проверяя, не приглянется ли ей ещё что-нибудь.

Итогом ревизии стал красивый чайник, в котором Тен-Тен заваривала свой ежедневный чай, упаковка этих прекрасных листьев и пара симпатичных чашечек, напоминавших Такахаши про Коноху. В азиатском стиле, как сказали бы здесь.

Оставалось последнее дело. Тен-Тен села на кухне, усадила на столе перед собой медведя и сцепила руки. Не прошло и десяти минут, как в комнаты поднялся Жан — как Тен-Тен и думала.

Он прошёл в кухню тихо и осторожно, словно большой напряжённый кот. Встал слева от Тен-Тен и не сдвинулся с места, когда она кивком указала ему на барный стул напротив.

— Мадмуазель куда-то собирается?

— Сядь.

— Стоя мне комфортнее, благодарю.

Она встала сама. Взяла медведя со стола и протянула игрушку мужчине. Молча.

Так же молча он взял плюш. Тен-Тен увидела, как у Жана повлажнели глаза и мелко задрожала верхняя губа. Усики от этого прыгали, будто два длинных насекомых.

— Мне жаль, — сказала Тен-Тен.

Жан был умным человеком, а Такахаши не слишком хорошо скрывала изменения. Он мог убеждать себя в чём угодно, но эта сцена ставила точку. Хлоя мертва, сказала своими действиями Тен-Тен.

Возможно, если бы обстоятельства сложились по-другому, она бы привязалась к няню Хлои — ради самой Буржуа. Но так уж вышло, что у них просто не было времени, чтобы установить более близкую связь.

Он всегда бы видел в ней то, чего нет. Сравнил бы с умершей Хлоей. Раз за разом, рая себя всё глубже.

— Как она... почему?

— Не знаю, — легко соврала Тен-Тен.

— То отравление... это оно?

Она не ответила. Жан стиснул медведя, но тотчас опомнился и с невообразимой нежностью погладил игрушку.

— Проживите хорошую жизнь, — сказал он. — Если она не смогла. И... вот.

Он залез во внутренний карман пиджака и вытащил визитку. Тен-Тен взяла её.

— «Чайный дом мадам»? — Такахаши мягко улыбнулась. — Это лучший подарок, Жан. Спасибо.

Он кивнул, так ничего и не ответив. Тен-Тен оставила мужчину одного, чувствуя себя

наконец свободной.

Куноичи прошла в гостиную и впервые поднялась по винтовой лестнице, ведущей на крышу. Здесь был небольшой садик и бассейн, которые совсем её не заинтересовали.

— Что мне нужно сделать?

Ветер был сильным и холодным. Квами парили рядом, и ледяные порывы их совсем не беспокоили.

— Сказать наши имена, — клыкасто ухмыльнулся котёнок. — Меня ты знаешь, но я напомним: Плагг.

— Потом сказать «синхронизация». Я Тикки, — божья коровка сложила лапки в молитвенном жесте. — Удачи.

— Она мне понадобится. Плагг, Тикки. Синхронизация.

Хотела бы она сказать, что мир взорвался вихрем магии, или что она ощутила в себе невообразимую силу. Ничего этого не было. Тен-Тен лишь поняла, что она теперь *другая*, а её тело стянуло чем-то вроде чёрно-фиолетовой жвачки. Неприятно, но терпимо. И очень больно, если не снять эту резину с себя как можно быстрее.

Она не прыгала по крышам, а летела, не касаясь ногами черепицы. Хватало одной мысли, чтобы сменить направление или призвать попутный ветер — теперь тёплый и дружелюбный. Мысли пытались путаться, ускользали, сознание плыло — и Тен-Тен насильно собирала себя обратно по кусочкам, помня об идентичности и не давая магии прорасти сквозь собственную душу.

Особняк Агрестов вновь был неприветлив. Тен-Тен, не смотря, увидела Парадокс: он раскинулся над домом, растягивая его в разные стороны, как злой ребёнок тянет игрушку, чтобы порвать. Когда она ступила на пожухлую траву в саду, от её ног волной разошлась сила, ломающая это искажение.

Тен-Тен шла тем же путём, каким она проникла в тайное убежище Бражника. С каждым её шагом мир вокруг трескался и срастался заново. Кусты лабиринта раздвигались перед ней, лестница вмиг очистилась от грязи, стальные двери растеклись большими лужами.

Зимний сад сопротивлялся силе, желающей навести порядок. Тёмные стены вокруг ломались и нарастали друг на друга, тесня Тен-Тен то в сторону, то назад. Они не могли как-то ей навредить, бессильно раз за разом бросаясь на существо, пришедшее раз и навсегда уничтожить давний Парадокс. Реальность трескалась бензинными витражами, чтобы кусочки затем встали как нужно. Примерно так же хороший медик ломает кость: без этого не соберёшь мозаику осколков в верном порядке.

Лишние кусочки реальности пенились и плавились в черноте. В Катаклизме — чуме, уничтожении, второй силе мира. Тен-Тен чувствовала, как эта мощь рождается рядом с сердцем и выходит наружу. Зимний сад сужался, искажённое пространство складывалось, возвращаясь к нормальному размеру. Нет Парадокса — нет этого ненормального расширения, сотни неправильных метров под домом.

Мир дал Тен-Тен всё, чтобы она излечила его, наконец, от застарелой боли. Не было никакой преграды, чтобы она дошла до Эмили. Никакой... кроме Габриэля.

Он стоял спиной к гробу, без синхронизации и без какого-либо оружия. Нурру парил недалеко от его правого плеча.

— Не подходи, — сказал Габриэль, дрожа всем телом. — Не подходи!

Тен-Тен не могла ему ничего ответить: слишком много в её теле было силы. Любое слово — это приказ, любая мысль надлежит исполнению.

Она повела рукой, и Габриэля снесло в сторону. Мужчина упал, начал звать Нурру, приказывать квами провести синхронизацию.

Тен-Тен посмотрела на квами мотылька и подумала лишь одно. «Нет».

Естественно, он послушался.

— Не волнуйтесь, Мастер, — сказал Нурру, подлетая к рыдающему от бессилия Габриэлю. — Она исполнит Ваше желание.

Саркофаг разлетелся на тысячи кусочков, сверкающих, словно россыпь бриллиантов. Тело Эмили поднялось в воздух, подол белого платья развеялся, словно в воде.

— Желание? Эмили?.. она воскресит Эмили?

— Да, Мастер. Она здесь для этого.

Тен-Тен смотрела на парящую перед ней женщину. Чувствовала нежность и любовь Габриэля к ней. Его сумасшествие, рождённое Парадоксом. Желание. Страсть. Похоть.

Где-то наверху лежал Адриан, убаюканный силой мира. Адриан, которому был нужен родитель — любящий его, мягкий, заботливый.

Не Габриэль.

Всё, что оставалось — это пожелать.

***

(1) Отсылка ко вселенной Наруто и режиму сеннина с лягухами на плечах.

Неделя прошла, словно Тен-Тен просто моргнула.

Очень спокойная неделя, стоит отметить. Ни тебе акум, ни попыток отравления, ни даже критики одежды. Вот какие чудеса творит смена окружения и немного смертей.

«Смерть» — это про Габриэля. Тен-Тен хотела, чтобы Адриан жил в полной семье; месье Агрест слишком сросся с Парадоксом, чтобы спокойно существовать после его уничтожения. Тело Габриэля рассыпалось чёрным пеплом с той же скоростью, с которой жизнь возвращалась в Эмили. Что самое ужасное — до последнего своего мгновения Габриэль не сводил глаз с жены. В нём оставалось лишь безумие и счастье.

Тен-Тен плохо помнила, что было дальше. Она могла чётко отследить, как в её голове появилось желание избавиться от Парадокса. Потом — больные глаза Габриэля на фоне угольков кожи и ласковая, милостивая темнота для сознания Такахашаши.

Очнулась она в квартире Луки через каких-то пару часов. Тело болело так, словно по нему маршировала армия даймё, во рту было гадко и сухо, сердце стучало будто из последних сил. Тен-Тен не могла ни сказать что-либо, ни даже просто позвать на помощь.

Она просыпалась и снова падала в обморочную бездну раз пять. На последний рядом сидел Лука, внимательно отслеживающий её состояние.

Увидев, что Тен-Тен приоткрыла глаза, Лука ласково улыбнулся и склонился к ней.

— Ты справилась, — сказал он, смотря куноичи прямо в глаза. — Теперь отдыхай.

Это всё, что ей оставалось. Парадокс, из-за которого Тен-Тен была призвана в этот мир, больше не существовал; не должна была существовать в чужой реальности и сама Такахашаши. В конце концов, она была в мёртвом теле, хотя и не задумывалась об этом раньше. Все проявления её жизни были одним большим искажением, вызванным Парадоксом.

По-хорошему, она должна была умереть, но тут за дело взялись квами. Целая шкатулка квами, между прочим: девятнадцать маленьких волшебных существ, благодарных Тен-Тен за уничтожение Парадокса до мокрых глаз. И все они, как один, совсем не хотели, чтобы Такахашаши их покидала.

Три дня Тен-Тен пролежала в постели, молча страдая. Она не могла показать, что её тело будто раздирало клетку за клеткой, ведь её гримасы пугали квами с их детскими сознаниями. Лука, конечно, видел стеклянный взгляд своей девушки и отмечал заторможенную мимику, но ничего не комментировал. Всё было понятно и без слов.

На четвёртый день начались улучшения. Тен-Тен не знала, какую магию использовали квами, но её тело начало восстанавливаться. Или лучше сказать «оживать»? Постепенно вернулась чувствительность, пропали огромные чёрные синяки с ног, ушёл сладковатый душок. Впервые за эти дни Тен-Тен заснула спокойно, совсем не чувствуя боли. Утром в зеркале отражалась не яркая блондинка, а миловидная шатенка, явно метиска. Глаза так и остались льдисто-голубыми, потому что квами понравился этот цвет. Внешностью девушка в зеркале не напоминала ни Тен-Тен, ни Хлою — скорее что-то среднее между ними.

Это был подарок квами их спасительнице. Новая жизнь с телом, которое точно было только её. Никакого сравнения с Хлоей, никакой связи с прошлым.

Никакого Вей Ли, Андрэ, Одри. Их планы тоже канули в Лету, потому что усмехающийся Лука подарил Тен-Тен документы с её прежним именем и его фамилией.

— Не знаю, сколько у нас будет времени, но я хочу провести его с тобой, — сказал он,

пока Тен-Тен рассматривала чужую фамилию рядом со своим именем.

Тен-Тен Куффен. Смешно звучало, словно какая-то считалка.

Они много гуляли. В основном в парке героев, где была установлена статуя Чудесным и где, оказывается, Тен-Тен в первый раз пряталась от акумы-голубя. Париж был намного меньше, чем она думала.

На седьмой день после уничтожения Парадокса они с Лукой сидели в парке, выпрямив ноги и вяло разглядывая жизнь вокруг. В распущенных волосах Тен-Тен пугалось несколько квами, упросивших её взять их с собой. Умильные мордочки были такими трогательными, что Такахаши просто не смогла отказать. Чёлку куноичи пришлось заколоть невидимками, тонкими, как иголки.

— Ты думала, чем будешь заниматься дальше? — спросил Лука, доставая из кармана зажигалку и вертя её в руках.

Он не курил, но при этом очень дорожил этой вещью. Тен-Тен рассказала, кому раньше принадлежала зажигалка; Шикамару наверняка одобрил бы её выбор, в конце концов. Луке нравилось иметь вещь, когда-то принадлежащую настоящему гению.

— Не знаю, — протянула Тен-Тен, чувствуя, как квами возятся рядом с её шеей. — Раньше думала, что буду разбираться с отравлением Хлои, но теперь это кажется незначительным. У меня новые документы, новое имя. Нет никакого смысла трогать семейку Ли.

— А месть?

— Андрэ обанкротился, Гранд-Отель ушёл с молотка, чтобы оплатить долги, — она потрясла рукой с драгоценным браслетом на запястье. — Наверное, Вей Ли себе все ногти от расстройства съел. Разве может быть наказание хуже, чем крушение надежд?

— Значит, планов никаких?

— Значит, никаких.

Квами затихарились, как нашкодившие дети. Тен-Тен завела руку за голову, будто поправляя причёску, но на самом деле пощекотала спрятавшихся малышей. В ответ раздалось приглушённое хихиканье.

Вдалеке по крышам промчались герои — теперь трое, а не двое. Ледибаг и Кот Нуар, всё же вернувшие свои Талисманы вместе, обрели большую и чистую любовь вместе с поддержкой и наставником. Тен-Тен с лёгким сердцем отдала Эмили Агрест не только Талисман мотылька, но и Камень Чудес павлина. Она хорошо помнила, что это было верным решением, когда она была *другой*.

Адриан был счастлив, хотя и скорбел по отцу. Эмили и Тен-Тен ничего не говорили ему, так что Агрест-единственный носил траур и появлялся на улицах только в чёрном. Но это было больше данью уважения к мертвецу, нежели проявлением большой любви: всю свою нерастраченную сыновью привязанность Адриан изливал вернувшейся с того света матери.

Маринетт легко и непринуждённо вошла в их семью, словно так и надо было. Её родители так же приняли в свою семью Адриана. В общем, там была идиллия, полная радужного света и розового сияния.

— Змейка, у меня есть к тебе предложение.

— Я всё ещё жду от тебя слов про помолвку и свадьбу, чтобы ты знал. Одной сменой фамилии в документах ты не отделаешься.

Лука рассмеялся и встал с лавочки. Затем он опустился перед Тен-Тен на одно колено и

шутливо протянул к ней руки. Взгляд куноичи упал на железный браслет — тот самый, который превращал Луку не в героя, а в подобие на акуму. Сломанный Талисман.

Куффен рассказал о своей неприязни к Ван Фу очень коротко: старик был причиной того, что браслет заклинило. Каким-то образом, — он не давал подробностей, — старик отвлек внимание Луки во время превращения, а сам накинул на квами-змейку платок.

Зачем? Да кто теперь знает. Может, знал будущее и помогал. Может, хотел избавиться от Луки. Это было тысячу вечностей назад, уже и не спросишь.

Платка оказалось достаточно, чтобы Талисман заклинило. Квами ни в коем случае не должны были синхронизироваться, если на них что-то надето, иначе эта вещь встраивалась в энергоструктуру носителя. И, будто этого мало, сам квами не мог выйти из Талисмана.

Обычно всё кончалось смертью носителя лет через сто, но ведь Сасс был воплощённым временем. Его сила разлилась в теле Луки, замыкая того внутри потока и лишая смерти. Ещё и браслет не снимался, хотя Лука перепробовал всё: и кислоту, и молот, и даже руку свою пытался отрезать. Безрезультатно.

— Я хотел предложить тебе стать Хранителем Талисманов, — сказал Лука с большим чувством. — Как тебе вакансия?

— М? М-хм.

Тен-Тен взяла Луку за руку с браслетом и подтянула к себе. Вытащила из волос невидимку, развернула и засунула тонкий кончик в виднеющийся на браслете замок.

Лука говорил, что перепробовал всё: огонь, воду, пресс, лезвия. Обращался за помощью к мудрецам древности, шагал в далёкое будущее, просил у квами. Но он ни разу не упоминал, что пытался по-простецки вскрыть Талисман шпилькой.

Замок щёлкнул. Браслет раскрылся на две половинки, из стали становясь тёмно-зелёным. На асфальт рядом со скамейкой шлёпнулся квами-змей, ошалело хлопающий глазами.

Квами в волосах Тен-Тен замерли, как и Лука. Такахаши самодовольно ухмыльнулась и подняла малыша на руки.

— Меня зовут Тен-Тен. Приятно познакомиться, Сасс.

— Выходи за меня.

Тен-Тен посмотрела на Луку поверх растерянного квами и ухмыльнулась ещё шире.

— Естественно.

Она была ниндзя. Шиноби. Куноичи.

И собиралась наслаждаться каждым мгновением своей новой жизни.